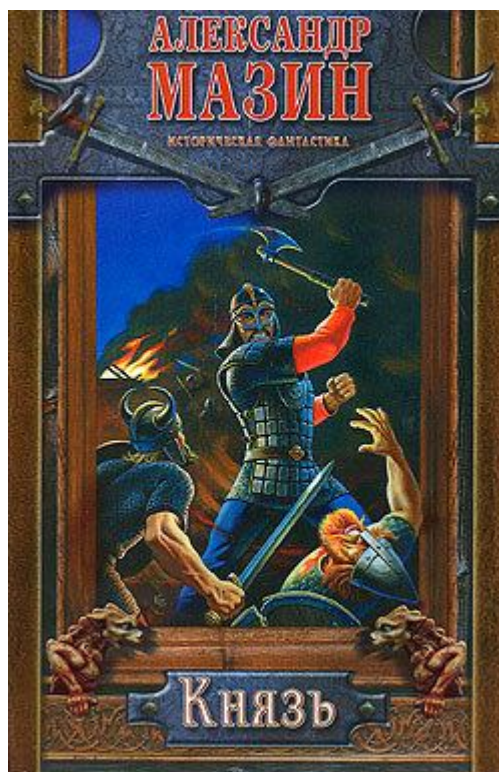

Александр Мазин

Князь

Варяг – 3

Сергей Духарев – воевода и наставник молодого князя Святослава, князя-воина, покорившего великую Хазарию и Булгарское царство, расширившего пределы Киевского княжества от Каспия до Черного моря. Равного ему полководца не рождалось со времен повелителя гуннов Атиллы...

«Князь» – третья книга древнерусского цикла Александра Мазина.

Часть первая

Рожденный побеждать

Глава первая

Великий князь киевский Святослав Игоревич

– Ничего нету, великий князь, – староста-улич, приземистый, рыжебородый, тяжелорукий, смотрел вниз, в растрескавшуюся серую землю. – Все как есть вымели.

– Кто вымел? Что ты болтаешь, мужик! – высокий юношеский голос сорвался, дав петуха. – Я, князь твой, приехал за данью! И ты дашь мне мое!

Серый в «яблоках» холеный красавец, боевой конь князя, почуяв настроение хозяина, пошел вперед, но был осажен железной рукой прирожденного всадника.

– Не дам, – глухо, по-прежнему не поднимая глаз, проговорил староста. – Нету ничего. Неподалеку протяжно замычала корова.

– Вот врет! – подал голос один из дружинных. – Скотина есть, и зерно, если поискать, найдется. Дозволь, княже?

– То забирать нельзя, – пробубнил староста.

– Не серди меня, мужик! – воскликнул князь. – На моей земле я решаю, что можно, что нельзя!

Загорелая, не по-юношески жилистая рука легла на рукоять длинной, слегка изогнутой сабли, еще полгода назад принадлежавшей печенежскому хану.

Староста в первый раз поднял голову, поглядел исподлобья.

– С одного бычка две шкуры не снимешь, великий князь, – сказал он. – И по Правде, и по обычаю. Можешь меня убить, но не будет тебе дани.

– Что ж... – пухлые губы князя тронула недобрая усмешка. – Сам напросился.

Серебристая молния вынырнула из ножен и...

... Сбитый с ног староста шлепнулся на землю, а сбивший его грудью гнедой конь, статью не уступающий княжескому, встал между князем и смердом.

– Не надо, княже! – Всадник гнедого, огромный, длинноусый, в высоком, сдвинутом на затылок шеломе спокойно встретил взгляд бешеных голубых глаз. – Не убивают свою корову, если чужой сдоил молоко. А вот вору десницу укоротить – это доброе дело! Так, княже?

Юный князь выдохнул. Сабля скользнула в ножны, словно змея в норку.

– Так, воевода, – нехотя вымолвил князь, смиряя гнев. И с еще большим усилием выдавил: – Благодарю, что удержал... То – по Правде...

Воевода киевский Сергей, которого когда-то звали Серегой Духаревым, видел, чего стоило юному князю обуздать свою ярость. Это чертовски трудное дело для юного воина – держать чувства в узде. Но именно это умение делает воина – князем. Этому учили Святослава наставники: Свенельд, Асмунд и он, Сергей Духарев, человек, рожденный в другой эпохе, но давно уже ставший своим – в этой. Великий князь киевский Святослав Игоревич оказался отменным учеником и обещал превзойти учителей... если переменчивая судьба не оборвет жизнь князя-воителя раньше...

Сбитый с ног староста лежал в пыли, закрыв глаза, – ждал смерти.

– Чиж! – обратился воевода к отроку, который обвинил старосту во лжи. – Подними его!

Дружинник прыгнул на землю, подскочил к старосте, занес ногу, намереваясь пнуть...

– Я сказал подними, а не ударь!

Рык воеводы мгновенно изменил намерения дружинника.

Чиж ухватил старосту за руку.

– Вставай, мужик! – сказал он почти ласково. – Вставай, не убьют тебя.

Сергей огляделся. Вообще-то так себе деревенька. Дюжины две дворов: крытые соломой избы, землянки... Сотни полторы поселян... Сейчас все попрятались: за тынами, в избах, в норах... А кое-кто вообще сбежал. Ясное дело: пришел князь за данью, а дани уж нет. Страшно. Но еще страшнее – если князь последнее отберет. Как тогда зиму пережить?

Отец Святослава так и поступил однажды. С древлянами. Решил содрать три шкуры с одного бычка... И потерял собственную.

«Кто же нас опередил?» – подумал Духарев.

– Кто? – спросил он старосту.

– Не-е ведам-м... – промычал тот. – Вои пришли, взяли...

Пенек деревенский. Для здешних, южных, все воины на одно лицо. И все – берут. С них, с отцов их, с дедов-прадедов. Стригут, как овец. Но овцы на то и овцы, чтобы их стричь.

– Одеты как?

– Ну-у... – староста глядел не в лицо воеводы: в полированное зеркало на груди. – Как вы, токо поплоче. На конях...

– Имена! Как они друг друга называли? Старшего как звали? Ну!

– Кажись... Погошем... – Староста поскреб затылок. – Или Тогошем...

– Тотошем? – раздался звонкий голос князя.

– Ага! – Староста обрадовался. – Точно, Тотошем его кликали!

– Угры!¹ – пухлые губы киевского князя изогнулись по-волчьи. – Угры, Серегей.

– Давно?

– Как месяц в рост пошел.

Духарев прикинул: от новолуния прошло дней семь. Многовато.

Святослав выжидающе глядел на своего воеводу: что скажет?

А что сказать? С ними – большая сотня² дружинных. Хватит, чтобы перехватить угров в поле, но слишком мало, чтобы биться на угорской земле. Успеют ли они перехватить? Семь дней все-таки... Или послать за подкреплением? В любом случае надо драться. Спускать такое нельзя.

– На конях, говоришь? – сказал Духарев старосте. – А что у вас взяли, тоже на коней выючили?

– Не-е! – староста мотнул кудлатой, серой от пыли головой. – Они повозки у нас взяли... Одну, две... – Староста зашевелил губами, считая... – Шесть повозок!

Сергей посмотрел на Святослава, князь тоже посмотрел на воеводу – и просиял. Повозки поселян – не кочевые кибитки. С повозками не разгонишься, колеса не те.

– Достанем? – беззвучно спросил князь.

– Достанем, – кивнул воевода.

Сколько приходило угров, никто не спросил. Как догонят, так и посчитают. Тем паче мертвых угров и считать проще.

Глава вторая Дикое Поле

Степь, степь, степь. Дикое Поле...

Мелькнула вдаль стайка кочевников. Удирают. Угры или печенеги, издали толком не разберешь. Углядели пыль над дорогой (пыль в степи далеко видать), сунулись, увидели сверкающие брони да русские стяги – сыпанули прочь. Не те. У тех возы с добычей, седельные сумы полнехоньки, а у этих только стрелы в саадаках.

– Э-эх! – с сожалением вздохнул юный князь, уже приподнявшийся на стременах и потянувшийся к луку. – Зайцы!

Он пронзительно засвистел, отзывая разъезд, погнавшийся было за степняками. Коней беречь надо.

Сергей улыбнулся, погладил толстые усы – отличительный признак воина-варяга. Молодец, князь, понимает дело.

Однако ж и киевлян в степи уважают. А прежде не так было. Когда Серегин конь первый раз вошел в ковыльное море, никто из степняков русов да варягов в грош не ставил. И вполне заслуженно. Обычная северная оборонная тактика: спешиться, встать стеной, щитами прикрыться, копьями ошестиниться в степи – верная гибель. Завертится «карусель», завизжат степняки, защелкают луки... И конец. Степная стрела дырочку всегда найдет.

Теперь – другое. Теперь и варяги научились бить с седла не хуже копченых печенегов: любой из русской дружины за полтора шагов на скаку из трех стрел две в цель положит, а чужую стрелу на свой щит примет.

Зря угры повозки взяли. Кабы верхами убегали, могли еще затеряться, а так, по шляху, ни за что не уйдут.

Дружина шла три дня. Шла вчетверо быстрее, чем нагруженные добычей угры. Молодшая дружина. Ближние гридни юного князя. Самый старший почти вдвое моложе Сергея.

¹ Угры – венгры.

² От ста двадцати до ста пятидесяти человек.

«Ты, Серегей, не за данью идешь, – говорил Духареву с глазу на глаз старший киевский воевода Свенельд. – Молодых в деле проверить. За князя – головой!»

Духарев только усмехался. Можно подумать, так предан Святославу князь-воевода. Можно подумать, не сам Свенельд определил, с какой части его, Свенельдовой, еще при отце Святослава Игоре мечом взятой, земли возьмет киевский князь положенную долю.

Свенельд тоже понимал, что Духарев – понимает. И это ему, понятное дело, не нравилось. Но говорил каждый раз одно и то же. Потому что должен был сказать. Игра у них такая: Свенельд делает вид, что интересы Святослава ему дороже своих, а Духарев делает вид, что верит.

А до Свенельда Сергея княгиня страдала. У княгини тоже свой интерес. Умная баба княгиня Ольга. Умная, жесткая, все земли, что под киевским князем, – в ее маленьком кулачке, в каждом городке – ее посадник. Но была б ее воля, сидел бы безвылазно юный князь у себя в тереме, а еще лучше – в тереме самой Ольги, в Вышгороде. Княгиню тоже понять можно. Был у нее старший сын, сразу после брака рожденный. Чуть подрос – ушел княжить в Тмутаракани. Хаканом стал... Ан не сиделось ему на месте, двинул в поход: уплыл по дальнему Гирканскому морю. Там и сгинул.

Святослав – младшенький, поздний, единственный... Век бы от себя не отпускала. Но вот загвоздка: править великим княжеством Киевским Ольга предпочитает сама. А чем дальше от стольного града Киева его князь, тем больше власти у княгини-матери. Святослав же лет эдак с двенадцати всем дает понять, кому принадлежит по Правде стол киевский.

Единственный, кто пекся о молодом князе, не имея корыстных мотивов, – это пестун его, старый Асмуд Стемидович. Стемидыч Духарева пугал-поучал по-варяжски: береги, мол, князя, не то самолично пополам разрублю. Этот может. Хоть и старый, а все равно лучший воин меж варягов. А варяги, как известно, лучшие вои из всей Руси³. Духарев, впрочем, тоже варяг. Но Асмуда ему не одолеть. Только не придется Стемидовичу рубить воеводу Серегея. Если не вернется Святослав из похода, то и Духарев не вернется. Рядом ляжет.

Но лучше вернуться. Домой. К жене любимой, (столько лет вместе, а все еще – любимой), детишкам, коим тоже без отца плохо. И так он, Сергей, больше времени в походах проводит, чем дома. Ну да это по здешним обычаям нормально. Младшие – с матерью, а при старшем, Артеме, которому уже десятый год, пестун – дед Рёрах.

Был Рёрах когда-то вождем варяжским, потом ведуном-отшельником, а теперь на киевском подворье у воеводы Серегея – на правах родича. Мог бы старый варяг Рёрах и на Белозеро вернуться, там у него настоящая родня, но предпочел Киев. «Тут у вас зима теплее, а моя мертвая нога холодов боится!» Мертвая – это та, вместо которой у Рёрах деревяшка. Мог бы Рёрах и у Асмуда жить: тот очень звал; мог бы – своим домом: золота у Рёрах – два сундука. Но предпочел подворье Духарева. Может, из-за Слады, которая почитает его, словно отца, а может, из-за парса Артака, кудесника-огнепоклонника, духаревского челядина, с которым Рёрах в большой дружбе.

– Скажи-ка мне, Серегей, отчего ты христианин? – это Святослав поравнялся с погрузившимся в думы воеводой. Поравнялся, но близко не подъехал: чтоб голову не задирать. Телосложение у князя отменное, богатырем будет, а вот ростом не очень-то высок. Может, еще подрастет...

– Был я в капище вашем, – продолжал Святослав. – Темно, душно, неживым пахнет. То ли – на Перуновом!

– Я Бога не по запаху выбирал, – проворчал Сергей.

Не первый раз уж князь до его веры докапывался.

– А по чему?

Сергей мог бы сказать: по родичам. Но родичам его еще предстояло родиться, а родичи

³ Напомню, что русь, а еще точнее «княжья русь» – это пока еще не народ, а воины и сторонники киевского князя. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании весьма немногочисленных источников.

Святославовы все как есть язычники.

– Сердцем.

– А-а-а... А говорят: тебя однажды на волоховых игрищах главным выбрали.

– Кто говорит? – осведомился Духарев.

– Асмуд. А ему твой челядник рассказал, Рёрах.

«Вот болтун старый...» – сердито подумал Духарев.

– Рёрах – не челядник мне, – заявил он вслух.

– А кто?

«Сэнсэй. Учитель». Так следовало ответить. Без Рёрах Духарев, скорее всего, в первый же год своего пребывания в этом суровом мире кормил бы опарышей.

– Учил он меня.

– Пестун, что ли?

– Вроде того, – не стал вдаваться в подробности Духарев.

Для юного князя Сергей всегда был воином, причем воином славным, отмеченным и уважением старших киевских людей, и в местном фольклоре. Рассказывать о неумехе, не знавшем, как натянуть тетиву, не стоило. Все равно не поверит князь. Решит: смеется над ним воевода Серегей.

А ведь именно тогда выбрали Духарева главным жрецом на волоховом празднике, предоставив почетное право лишить невинности юную кривичанку.

До сих пор вспоминать противно. Хотя тут у них понятия педофилии нет. Двенадцатилетних в жены берут. Вон княгиня первенца своего лет в четырнадцать родила. И неплохой муж получился: хакан тмутараканский. (Правда, потом удача от него отвернулась: погиб то ли на Кавказе, то ли под Дербентом). Нет, у славян да варягов с этим делом еще терпимо. У степняков – хузар да печенегов – куда хуже. Машег, вон, про ихнего хакана Йосыпа рассказывал: этот урод гарем себе завел из малолеток обоего пола. Машегу Сергей верил: тот был правильный хузарин, благородный воин. А хакан у них – полное говно. Окружил себя византийскими купчиками да исламскими наемниками, возомнил себя степным императором – и просрал державу. А какая страна была: от Каспия до Черного моря.

– Что-то угры в этот год расшалились... – сказал Сергей, желая сменить тему. – Обнаглели хуже печенегов.

– Свенельд говорит: это потому что хузары ослабли, а вместо хузар нынче – печенеги, – серьезно ответил Святослав. – А печенеги сами пограбить любят еще побольше угров.

– Так и есть, – согласился Духарев.

Хотя угры всегда были парнями лихими. Еще недавно Европа от них стонала, но несколько лет назад германский король Оттон Первый уграм крепко наkostenял. И угры переключились на восточных соседей: Болгарию, Киев и, само собой, богатенькую Византию. С болгарами, впрочем, угры то дрались, то мирились и вместе щипали ромеев. С русами дело обстояло сложнее. Еще при Игоре Свенельд перехватил у угров целую кучу данников. Собственно, всех, кого стоило прибрать к рукам. Теперь задачей Киева было сохранить добытое. На другие мадьярские территории Киев не посягал. Смысла нет. Дешевле выйдет прирасти за счет разваливающегося Хузарского царства.

– Свенельд сказал: скоро время вятичей под себя брать, – будто читая мысли Сергея, сказал князь. – Хочет в будущем году ратью на них идти.

– Тоже правильно, – Духарев посмотрел на Святослава. Интересно, понимает ли тот, что если Свенельд примучит вятичей, то и львиная доля их богатств тоже пойдет Свенельду?

Когда-то князь-воевода Свенельд поднял варяга Сергея из десятников в сотники, а потом и воеводой сделал. Но то – прошлое. Теперь Свенельду сильные люди подле князя не нужны. И сильный князь тоже не нужен. Они с Ольгой уже поделили киевскую державу, расписали, кому что, насажали своих посадников да тиунов. Смердам, конечно, от этого облегчение. Оброк – это не то, что полюдье, когда князь берет сколько сочтет нужным. Оброк – это порядок. Только при таком раскладе не воины нужны, а мытари да стражники.

То есть варяжскому сословию – прямой урон. А Духарев – варяг, вождь.

– А сам? – спросил он.

– Что – сам? – князь недоумённо посмотрел на него, даже коня чуть придержал, и их тут же начали догонять передовые дружинники. Сергей повернулся, махнул рукой сотнику: три корпуса назад. Этот разговор – не для чужих ушей. Подъехав к князу вплотную, едва не касаясь стремением стремени, наклонился, спросил:

– Сам на вятичей пойти не хочешь?

Святослав посмотрел на него снизу вверх, но не отъехал, сверкнул озорными глазами:

– Хочу!

– Так иди, – негромко произнес Духарев. – Ты – князь.

– Да, – васильковые глаза юноши сузились, он не мигая смотрел на своего воеводу. Их кони шли так слаженно-ровно, словно оба плыли в одной лодке. – Я – князь!

– Князь! Воевода! – крикнули сзади.

Оба за разговором не заметили, что левофланговый дозорный, въехавший на макушку ближнего кургана, стремглав полетел вниз.

Князь движением колен послал коня навстречу. Сергей приотстал, позволил передовым дружинникам обогнать себя. Конь под ним – заводной: боевого, собственноручно выученного и традиционно названного Пеплом (хоть и был он гнедым, а не мышастым) вел на поводу отрок. Но и заводного ни к чему изнурять. Все равно эти юниоры без него не начнут.

Глава третья Княжья охота в Диком Поле

Угры! Через десять веков их будут звать венграми и считать европейцами. Но в веке десятом с расстояния в четыреста шагов они мало чем отличались от печенегов. Та же легкая конница. Если бы не возы, ушли бы они от руси за милую душу. Но вождь угорский, Тоттош, добычу бросить не пожелал. Было с ним, на первый взгляд, копий полтораста. Немногим более, чем в Святославовой ближней дружине. Были бы на месте угров пацанаки-печенеги, распихали бы по сумкам самое ценное и дали деру. Угры решили драться.

Возы остановились посреди тракта. С кургана, на котором бок о бок стояли Духарев, Святослав и еще с полсотни конников, угры – как на ладони. И возы славянские низкие, с малыми колесами, не для степи – для дороги, набитые под завязку и накрытые сверху холстиной – от пыли, тоже отлично видны. За такими телегами не особо спрячешься, разве что под повозки залезть, как угровы полоняники, что время от времени выглядывали из-за колес.

На самой макушке кургана лежал обточенный ветрами каменный идол с разверстой пастью и выпуклыми слепыми глазами. Кое-кто из молодых поглядывал на него с опаской, но княжий конь неуважительно переступил через божка. Поверженное божество его не беспокоило. Разные народы, разные боги... Но те мертвые, что в земле, всегда под живыми лежат – хоть ставь каменных богов, хоть не ставь. Потому-то варяги своих мертвых огню предают. Чтoб душа не под ногами у живых томилась, а соколом – в Ирий. Так что сколько земли над мертвецом не клади, а коль сейчас на кургане конная дружина русов стоит, так, значит, правит здесь не какой-то облупившийся, триста лет не кормленный божок, а Перун молниерукий. Кто-то против?

Угры были против. Они рассыпались по краям тракта, не зная точной численности киевлян (курган закрывал), а потому не торопясь нападать. Вместо этого угры послали двух всадников – обойти курган и прояснить положение.

Святослав вытянул из чехла загодя снаряженный лук, наложил стрелку, прицелился... Нет, далеко. Шагов триста. Молодшие, глядя на князя, тоже опустили луки. Негоже поперед батьки лезть, хоть у «батьки» подбородок пока что гладкий, как у девки.

Святослав поглядел на Духарева. Сергей усмехнулся, потянул из налуча свой лук. Вот

поистине бесценная вещь. Второго такого в Киеве нет. Этакое чудо не купишь. Духарев тоже не покупал – Машег подарил. Машегов отец его с мертвого торкского хана снял, а где тот его добыл – и вовсе неведомо. Накладки на луке – из дивной узорчатой стали, «рога» – из кости неведомого зверя. Так упруг, что без тетивы так назад выгибается, что вызолоченные наворачия почти касаются друг друга. Богатырский лук, одним словом. Для некрупного хузарина тяжеловат. А его другу-варягу – в самый раз. Согнул его Духарев, набросил петлю тетивы, наложил стрелу, выждал секунду, уравнивая дыхание, сливаясь со степью: с легким ветром, пахучими травами, теплой твердой землей. Раньше он мысленно прикидывал поправку: на ветер, на расстояние, на скок лошади, теперь – нет. Теперь он не рассчитывал – чувствовал.

Каменное кольцо на большом пальце зацепило тетиву, грудь развернулась плавно и быстро, руки разошлись могучим усилием, но пальцы придерживали хвостовик стрелы нежно и бережно. Р-ра-аз! Единый вдох, крохотный миг затаенного дыхания... И звонкий щелчок тетивы о наруч. И пошла-пошла-пошла легкая дальнобойная стрелка, стремительно ввинчиваясь в воздух... Грудь медленно опустилась, выдохом провожая полет...

В двадцатом веке Сергей Духарев, наверное, побил бы все рекорды. Но в двадцатом веке и луков таких нет (тамошние спортивные в сравнении с этим – как фабричная скрипка в сравнении с инструментом Гварнери или Страдивари), да и стрелков таких тоже нет. Тут школа посуровой спортивной: проигравшие не домой отправляются, а сразу на тот свет.

Один из скачущих всадников споткнулся. Вернее, споткнулся и ткнулся грудью в землю конь, а всадник вылетел из седла, покатился по траве, но тут же вскочил и бегом припустил к своим.

Молодшие дружинники одобрительно загомонили, но Духарев огорченно прищелкнул языком. Нет, до Машега ему далеко. У Машега бы в траве бился не конь, а всадник.

Второй угр тут же развернулся, догнал пешего, придержал коня, чтобы тот мог взобраться в седло... И вторая Серегина стрела достала его в спину. На излете. Видел бы угр – отбил. Но на спине глаз нет.

Сергей повернулся и подмигнул князю. Святослав засмеялся. Кому взять в битве первую кровь – это серьезно. Это не люди – боги решают. Во всяком случае в степи в это верят все. Молодшая дружина: гридни, отроки (для многих это будет первая схватка) глядели на Духарева с обожанием. О воеводе Серегее пели былины. О нем говорили: ведун. Шептались: отец его – сам Олег Вещий. Впрочем, и о княгине Ольге говорили, будто она – Олегова дочь.

– Берем? – спросил Духарев, кивнув на всполошившихся угров.

– Берем! – Святослав улыбнулся счастливо, выдернул из ножен левый меч, подбросил, поймал... – Ру-усь! – закричал звонко и яростно. – Бе-ей!

И полетел вниз с кургана. И следом за ним, широко рассыпаясь по степи, по Дикому Полю – его лучшая полусотня. А из-за кургана, с обеих сторон, словно крылья – остальная дружина.

Запели-загудели стрелы. Всадники кидали их на скаку вверх, не целясь, по три разом, чтобы упали они за три сотни шагов частым дождем – на головы уграм.

Те тоже не потерялись – через пару секунд угорские стрелы посыпались на русов.

Духареву досталась одна. Он отмахнул ее небрежным движением клинка. Сергей не стрелял. Не потому, что не умел, как эти молодые гридни, метать с седла на скаку. Сергей спешил за Святославом.

Князь тоже не стрелял. Припав к светлой гриве коня, он мчался туда, где, прикрываясь щитами и выставив копыя, стерегли возы с добычей полсотни dospешных угров.

Слева ударила стрела. Скачущий на Духарева угр метнул с тридцати шагов, но стрела только чиркнула по щиту. Угр раззявил в вопле рот, налетел, замахиваясь... Духарев подставил щит, кольнул из-под края длинным клинком. Десятки битв, сотни мелких стычек – они научили Сергея быть экономным. Короткий, незаметный, совсем неэффективный удар в уязвимое место – и все.

На Святослава наскочили сразу трое: еще бы – он на полсотни шагов опередил свою дружину. Один метнул аркан: увидал небось, что перед ним совсем мальчишка, решил живьем взять. Святослав легко уклонился. Секунда – и кони сшиблись, захрапели. И одним угром стало меньше. Двое других насели на князя. Тот отбросил щит, выдернул из ножен второй меч...

Мимо промчался гридень. Даже не подумал вмешаться, уверенный, что его князь справится. Духарев тоже так думал, но битва – не поединок, потому, проносясь мимо, Сергей походя резнул по шее увлекшегося угра.

– Я сам! – закричал Святослав, но угр уже валился с седла.

Обогнавший Духарева гридень перехватил меч щитной рукой, освобождая правую для сулицы. Привстал на стременах, замахиваясь... И полетел назад, спиной вниз, в мягкую траву. Духарев, проносясь мимо, успел увидеть короткий черен стрелы, вошедшей чуть выше зеркала.

– Я, воевода, я! – раздался совсем близко вопль Святослава.

Князь догнал Духарева в самый последний момент, когда до соединенных щитов пеших угров осталась пара секунд бешеного галопа, а в правой руке Сергея уже был не меч, а сулица.

Банг! Выпущенный из пращи камень ударил Духарева по правому наплечнику. Угорский пращник, прятаясь за спиной бронных, пытался сбить бросок Сергея, но не вышло. Опережая коня на два прыжка, брошенная варяжской рукой сулица навывлет прошибла щит. Державшего щит пешего угра отбросило назад... вместе с соседом, чей щит тоже пробило навывлет сулицей Святослава.

Осаженный Пепел встал как вкопанный, а его хозяин (ноги – из стремян) оттолкнулся от седла, перемахнул через голову коня и приземлился прямо в образовавшуюся брешь. И в то же мгновение в двух шагах от воеводы ударили в землю ноги князя, почти на лету срубившего двух угров. А вот Духарев потерял целое мгновение, восстанавливая равновесие, и затормозил, только сбив с ног подвернувшегося пращника. Похоже, скоро Сергею придется отказаться от таких прыжков: возраст не тот.

Первого опомнившегося угра Духарев встретил косым ударом сбоку. Тот успел пригнуться, меч Сергея прошел по шлему вскользь, но зацепился за трубку, в которую был вставлен роскошный султан из белых перьев. Вот она, цена щегольства! Подбородочный ремень лопнул (могло и шею свернуть), и шлем снесло, а под ним обнаружилась совсем юная физиономия мальчишки лет пятнадцати. Духарев его пожалел, не добил. Шлепнул плашмя клинком по макушке – пацан и свалился. В следующую секунду Духареву стало не до гуманизма: на него насели сразу с трех сторон. С четвертой был Святослав, рубивший так быстро, что клинки казались прозрачными, словно стрекозиные крылья. У Духарева не было юношеской стремительности Святослава, зато у него был такой опыт, что позволял заранее предвидеть движения каждого противника и двигаться среди мелькания смертоносной стали, не размышляя, на автомате, как движется человек по дому, в котором прожил десяток лет, ничуть не беспокоясь о том, что может задеть стол или шкаф. Правда, биться в таком темпе он мог бы от силы минут двадцать, но большего не потребовалось. Подоспели остальные дружинники.

Пеших угров смяли в считанные минуты. Если в конном бою они могли вполне успешно противостоять руси, то на полсотни их пехотинцев хватило бы десятка варягов. Или восьми нурманов.

Сотня спешившихся дружинников управлялась играючи: бронную пехоту частью побили, частью повязали. Конные, те, кто уцелел, могли бы уйти, но почему-то не ушли.

Киевляне уже обдирали убитых и инспектировали содержимое вozов, а угры (их осталось меньше полусотни) все еще вертелись поодаль, вне досягаемости стрел.

– Чего это они? – спросил Святослав воеводу. – Неужто добычу отбить надеются?

Духарев покачал головой:

– Не понимаю.

Однако очень скоро все выяснилось.

Глава четвертая

В которой решается судьба юного угорского княжича, а молодой князь Святослав вынужден напомнить, кто в Киеве главный

Он был ровесником Святослава, а выглядел даже моложе. У киевского князя – сложение мужа: квадратное лицо, крепко сжатые челюсти и глаза воина. У этого – едва пробившиеся черные усики над пухловатой губой, а на челюсти – подживающий кровоподтек – след лопнувшего подбородочного ремешка. Неслабый был удар – рука у Духарева тяжелая. Юный угр старался глядеть надменно, но Духарев чувствовал его неуверенность, почти страх.

– Отец заплатит за меня любой выкуп! – сказано было по-печенежски.

Святослав и Духарев знали этот язык достаточно, чтобы понять. Ольга – нет. Для нее толмач перевел:

– Угорский княжич Тотош сказал: его отец заплатит, сколько ты скажешь... То есть, сколько велит наш князь! – быстренько поправился он, поймав яростный взгляд Святослава.

Н-да, попал угр как кур в ощиц.

– Сколько же мы попросим у Такшоня, сына Левенте, за его сына? – Ольга смотрела не на сына, а на своих вышгородских бояр.

– Что же... – пробасил один из них. – За княжича изрядный выкуп положен. Никак не менее трех сотен гривен, а то и поболее.

– Поболее, поболее! – зарокотали вышгородские, Ольгины «лучшие мужи». – Такшоню ромей дань платят...

– Уже не платят! – чуть резче, чем следовало, произнес Духарев.

Заслужил недовольный взгляд княгини и злобные взгляды ее «свиты». Плевать. Духарев терпеть не мог эту нарождающуюся породу заплывших салом полувельмож-получиновников, присосавшихся к оброкам и податям, выпрашивающих у Ольги земли смердов, чтобы превратить смердов в обельных холопов и насасываться еще больше. А защищать богатства этих паразитов должны мечи княжьей дружины. Поднявшиеся из самых жадных деревенских старост сначала в княжьи люди, потом – в тиуны, посадники, эти паразиты, по мнению Духарева, были хуже нурманов.

Святославу бормотание вышгородских бояр тоже не понравилось. Он симпатизировал угорскому княжичу. Можно сказать, они почти подружились, пока вместе ехали в Киев. Когда княжич дал клятву, что не попытается сбежать, ему развязали руки и позволили править конем самому. На стоянках Тотош ел из общего котла, и обиды ему никто не чинил, равно как и нескольким угорским воям, уцелевшим в стычке и решившим остаться со своим княжичем. Не без серьезной причины, конечно. Вернись они домой без Тотоша, его папаша мог их и укоротить. На длину головы. О князе-воеводе Такшоне говорили как о человеке суровом и даже жестоком. Но сын его был парнишка правильный. Духарев был уверен: окажись Тотош в молодой дружине Святослава и научись баить по-славянски, через год-два его от прочих гридней не отличить. Чернявых среди дружинников хватало, даже и посмуглее угра попадались.

Нет, не нравилось Святославу, что к парню, которого взяли в честном бою, тянутся мягкие, только на то и годные, что гривны считать, ладони вышгородских бояр.

– Уйми своих тиунов, мать! – звонко бросил Святослав. – Это мой терем! Здесь решаю я!

– Зря серчаешь, княже! – возразил один из вышгородских, молодой, но уже толстый, как бочка, боярин Шишка. Духарев знал, что Ольга его очень ценит. Настолько, что намерена посадить наместником в Любеч. – Ты молодой ишшо, может, не ведаешь, что такие дела следует миром решать!

– Ах миром...

Святослав наклонился вперед, посмотрел на боярина пристально. Духарев напрягся, готовясь, если что – перехватить. Святослав вполне мог сейчас махнуть через крытый алым княжий стол и превратить одного целого боярина в две боярские полутушки, а это был бы перебор.

До боярина, похоже, доперло, что он сморозил не то. Доперло, что не по его уровню – великого князя поучать: можно и языка лишиться. Вместе с головой. Только что он гордо выступил из рядов своих «коллег», а теперь, наоборот, попытился, попытался потеряться между другими, но группа бояр сама как-то так уплотнилась, что втиснуться обратно Шишка не сумел.

– Ах миром... Чиж! Люб!

– Княже! – встрепенулись оба названных гридня. Молодые, румяные, энергичные. Велит князь-батюшка порвать кого натрое – порвут и добавки попросят.

– Вижу я: перегрелся боярин Шишка в моей горнице, должно, жарко ему в соболях.

Очень точное замечание: все вышгородские мало что в сапогах верховых, с каблуками (хоть сами в основном не в седлах, а в возках с полстями передвигаются), так еще и в шапках высоченных да мехах дорогуших, словно не теплынь на дворе, а лютый мороз. Сплошные понты, одним словом. Рожи у всех распаренные, а у боярина Шишки щеки – красней кумача.

– Возьмите-ка его под локотки да выведите на свежий воздух, да полейте как следует водичкой колодезной!

Дружинники сорвались с места, ухватили боярина. Тот попытался рыпнуться, но куда там! Гридней спецом обучают, как с полоняниками управляться. Так что Шишка и вякнуть не успел, как его уже поволокли. За шкирку, как мешок, из горницы, вниз по ступенькам (ничё, в мехах не зашибется), наружу во двор...

– Прости, матушка, чуть не осерчал... – усмехнулся Святослав. Покосился на Духарева: видел ли воевода, как он гнев унял? – Должно, очень полезный холоп твой Шишка, коли ты ему по сей день язык не вырвала.

– Да, полезный, – сухо ответила княгиня. Духарев видел, как борются в ней гордость государыни и гордость матери.

– А выкуп с княжича угорского пусть мой воевода Сергеем возьмет, – просто сказал Святослав. – Это ведь он княжича в полон взял.

– У нас не земли франков, где рыцари своеволят, – недовольно проговорила Ольга. – Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой, князь!

– Верно говоришь, мать! – весело отозвался Святослав. – Вот я и решил: пусть моему пленнику выкуп мой воевода назначит. То мои дружинные дела. А бояре твои пускай со смердов выкупы берут. А будут плохо брать, так ты скажи, я с них сам спрошу!

Снаружи раздался истошный вопль Шишки. Отношение боярина к водным процедурам оказалось резко негативным.

На Горе тесно. Тут стоят дома бояр, мужей из старшей дружины, купцов именитых и всех, кому чин и достаток позволяют жить за внутренней стеной, обегаящей самый важный из холмов стольного града Киева. Строения теснятся, подворья налезает друг на друга, надстраиваются, выпирают на улицы. По иным улицам и двум всадникам в ряд не проехать. Тут уж не многочисленными родами живут, как издревле установлено, а хозяйствами: хозяин, родные его, челядь. Тесно на Горе. Даже у князя в Детинце – и то тесно. Год от года множатся сараи да клети, вылезают на мощный двор.

«Еще лет пять – и уж детских негде тренировать будет», – подумал Духарев, выходя на высокое крыльцо следом за напыщенными боярами княгини.

Вышел-то воевода следом, а коня княжьи отроки ему первому подвели. Подставили ладони, но Сергей взлетел в седло сам, не коснувшись высоко, по-степному, подтянутого стремени. И не медля послал коня к воротам. Те из младшей дружины, кому сегодня положено сопровождать воеводу, догонят, не замешкаются.

Так и вышло. Едва выехал Сергей за ворота, как двое верховых тут же обошли его и

порысили вниз, опережая на десяток шагов. Двое спереди, двое сзади. Не для охраны. Это, вон, Свенельду-князю от татей да кровников беречься приходится, а воеводу Серегея его слава охраняет. На него даже нурман-берсерк не рискнет напасть: всем ведомо, что берсерков да ульфхеднаров ⁴ гигант-воевода одним ударом кулака в Валхаллу катапультирует. А еще (то в Киеве тоже всем ведомо) на подворье у воеводы два страшных ведуна живут: варяг да парс. Варяг, говорят, каждое утро глаза живой кровью умывает, а парс еще страшнее – огнем. Так что отроки при воеводе – для почета. И чтоб всякие-якие у воеводина коня под ногами не путались. Чтоб встречные-поперечные загодя вжимались в тыны и заборы, снизу взирая на всадника в алом, отороченном лучшими соболями плаще, но с непокрытой, в отличие от многих важных бояр, светловолосой головой.

Убирались и вжимались, куда денешься. Но не злобились. В Киеве, что на Горе, что в Подоле, Духарева любили. Во-первых, известно было, что воевода Серегей никому зазря худого не сделает, нурманам всяким укорот даст; во-вторых, жена у него хоть и болгарка-христианка, зато лекарка. Пусть строга, а не жадна: многим в беде помогла. Но самое главное, воевода Серегей – герой. А героев в Киеве любили.

А у самого славного воеводы мысли были не очень приятные. После сегодняшнего инцидента княгиня на него явно обижена. А князь... Князь и впрямь еще слишком молод. Вот остались они сейчас с матерью вдвоем и до чего договорятся – неизвестно. Княгиня – та еще лиса. Мужем своим вертела, как хотела, хоть тот был намного старше и по жизни весьма искушен. А князь-воевода Свенельд хоть и самостоятелен без меры, а, считай, уже лет десять как ни одного важного решения не примет, с княгиней не посоветовавшись. А земли свои приращивает да обустривает по Ольгиному образцу. Если смотреть правде в глаза: Киевом и землями его обширными правила и правит княгиня. К ней сходятся все нити управления. К ней свозят оброки. На обустроенных ею поземельно погостах⁵ сидят ее тиуны да посадники. А для великого князя те же посадники, чтоб не скучал, ловища устраивают. Ведомо, что любит Святослав охотиться куда более, чем суд-расправу чинить, а уж тем более разбирать, кто сколько в княжью казну недодал и почему. Вот голову смахнуть неплательщику он может, это да. А что работник без головы – это уже не доход, а расход, князю понять трудно: молод он да горяч. Духарев и сам видел, что землеправитель из Святослава пока не очень. И склонности к этому делу у князя не было никакой. На уме одни битвы да ловитвы...

Духареву вспомнилось, как они прошлым летом поохотились в Тмутаракани. Славно поохотились, еще самую малость – и пришлось бы Киеву искать другого князя...

Глава пятая

Княжья охота на касожской границе

Туша дикой свиньи лежала поперек тропы. Едва всадники выехали на полянку, кто-то мелкий проворно сиганул в кусты.

– Вот она! – удовлетворенно сказал Понятко и спрыгнул на землю.

Святослав тоже спешил. И кое-кто из дружинников. Духарев остался в седле.

Свиная туша была относительно свежая, но все равно выглядела малоаппетитно. Внутренности из брюха выедены, в траве – ошметки кишок. Надо всем этим натюрмортом висела туча мух. В звериных следах Сергей так и не научился толком разбираться. В охотничьих забавах ему нравилась финальная часть: завалить зверя. В принципе, не важно какого, но чтобы побыстрее, без многочасового преследования по топам или буеракам.

А вот для киевского князя ловитвы – любимое хобби. Едва прослышит, что где-то

⁴ Берсерк – оборотень-медведь, ульфхеднар – оборотень-волк. Так, по крайней мере, можно предположить, исходя из литературных источников.

⁵ Здесь под погостом понимается не кладбище (как в наше время), а место, куда свозят дань.

появился особо крупный медведь или исключительно свирепый тур – стрелой летит. Быстрей, чем на врага. Об этом пристрастии князя знали. Так что куда бы ни приехал на полюдь великий князь киевский, ему непременно предлагали что-нибудь этакое. Вот и здесь, на границе Тмутаракани и касожских земель, – тоже.

«Рискованное мероприятие», – думал Духарев.

Не об охоте, разумеется. Он полагал, что пара гридней способна завалить любого зверя: хоть мишку, хоть тура, хоть вепря. А вот неполной дюжиной лезть на касожскую территорию – чистая авантюра. Думать-то думал, но протестовать не пытался. Святослав все равно поедет, и воевода, естественно, тоже.

Единственное, что он мог сделать, – предупредить сотников, чтобы, едва князь отъедет на десяток стрелищ, держали воев наготове, слушали рог. Охотничьи сигналы можно игнорировать, а вот если раздастся «К бою!» – спешить на зов, не жалея коней.

Вскоре после рассвета прискакал тмутараканский следопыт. Переговорил с Поняткой – тот кинулся к князю, и буквально тотчас поступила команда: «Выезжаем».

На ловитвы должны были отправиться князь и его ближние: Духарев, Понятко, Икмор и семь воинов по духаревскому выбору: пятеро гридней, известных своей самоотверженностью, и двое хузар – отменных стрелков. К этим семерым присоединились двое местных варягов, следопыт и псарь. Вполне приличная ватажка. Если касоги наскочат, есть шанс продержаться, пока подоспеет подмога. Но пока врагов, если не считать мириад назойливых мух, не наблюдалось.

Князь обнаружил что-то в траве.

– Сотник, поди сюда! – позвал он.

Они с Поняткой наклонились, изучая находку. К ним присоединился следопыт. Все трое необычайно оживились. Духарев подъехал ближе... Тьфу, пакость! Большая куча дерьма.

– Матерый! – уверенно заявил один из варягов. – Эк сколько высрал!

– Ясно, матерый, коли он вторую в зубах унес! – отмахнулся князь. – Кучу он недавно навалил, свежая! Эй ты, собак давай!

Подвели двух псов. Псы энтузиазма хозяев не разделили. Даже к дохлой свинье отнеслись без обычного восторга. Единственным желанием ушастых следопытов было как можно быстрее покинуть полянку, причем в направлении, противоположном тому, которое привело бы к матерому автору кучи.

– Ледящие! – презрительно бросил Святослав. – Мои лайки вдвоем мишку берут.

– Так то мишка! – вступился за собак псарь. – А то зверь лютый. Погоди, княже, я их подниму!

С собаками была проведена «разъяснительная работа», и они крайне неохотно, но все-таки взяли след.

Духарев на охотничьи забавы внимания не обращал. Его беспокоили касоги.

Когда-то касоги ходили под хузарами, но в последние лет двадцать совершенно отбились от рук. Так Машег говорил. У Тмутаракани с касогами тоже были проблемы. Нет, не проблемы, а так, проблемки. Мелкие пограничные стычки: то отару угонят, то хутор пожгут. Наезды были обоюдные, но до настоящей драки дело не доходило. Посадник тмутараканский, еще при Игоре поставленный на место погибшего в кавказском походе старшего сына, был политик изрядный, со всеми старался ладить.

Мысли о касогах плавно перетекли в размышления о ситуации в Тмутаракани и ее окрестностях.

Тмутаракань – место богатейшее, вдобавок стратегически важное. Контроль над Боспором, выход в Черное море, ценный военный плацдарм и постоянная угроза византийским владениям в Крыму. По договору с Игорем, правда, Киев обязался эти владения не трогать, но Царьград тоже много чего обещал...

Впрочем, ромеи были тихими соседями, в отличие от печенегов, давивших со стороны степи, и касогов, подпиравших со стороны гор. Нынешний визит Святослава в Тмутаракань

имел тайную цель: проверить, нельзя ли касогов взять под себя? Вчера Духарев и Святослав весь день обсуждали эту тему с наместником. Наместник связываться с касогами не рекомендовал: овчинка выделки не стоит. На горцах много не возьмешь, а вот их самих брать непросто. Правда, у Киева был отменный специалист по «выделке» – воевода Свенельд. Этот даже с лесной свиньи умел два слоя щетины остричь. А насчет «брать непросто», так на то и дружина. Однако хорошую дружину надо хорошо кормить...

Духарев встрепнулся: один из хузар щелкнул языком, показал плетью. Не вперед, на поросший редким лесом склон, а правее, на заросший кустарником овражек.

– Что? – спросил Духарев.

– Птицы.

Сергей прищурился. Точно, встревожились пернатые. Засада?

Святослав, Понятко, местные варяги и, разумеется, псарь со следопытом обогнали Духарева и гридней шагов на пятьдесят и двигались аккуратно к подозрительному овражку. Надо полагать, именно туда вел след зверя. Но вполне могло оказаться, что следом воспользовались касоги, чтобы устроить засаду. Духарев был уверен, что у них в городке имеются информаторы. Если и псарь – их человек... Нет, это уже паранойя.

– Брони надеть, – негромко скомандовал он, одновременно сам вытаскивая из седельной сумки панцирь.

Облачившись, Сергей пустил коня вскачь, догоняя. Догоняя, но не обгоняя. Если в кустах и впрямь засел хищник, задравший свинку, то у князя на зубастого приоритет. Отчасти поэтому Духарев и не любил охотиться с теми, кто повыше его за столом сидит. Самое интересное им и достанется. Между тем охотники остановились и спешились, не доехав до лошинки шагов триста. Изучали следы крови на траве и какие-то мелкие ошметки, густо облепленные насекомыми.

– Заморился, – сказал следопыт. – Отдыхал.

– На-конь! – коротко скомандовал Святослав, и охотники двинулись дальше.

Остановились у «входа» в овражек, густо заросший кустарником. Ветки его кое-где были заломаны.

– Собак держи! – скомандовал князь, спешиваясь.

«Все-таки зверь, – с облегчением подумал Духарев. – Будь здесь касожская засада – уже ударили бы».

Следопыт достал из сумки прихваченные именно на этот случай камни и принялся кидать их в овражек. Никакой реакции.

– Может, попить ушел? – предположил Понятко. – После жрачки он пить много любит.

– Не ушел, – напряженным голосом ответил следопыт. – Он не зря сюда свинью приволок: тут родник, я это место знаю. Может, собак пустить?

– Не пойдут! – сказал псарь. – Лучше стрельнуть разок-другой. Слышь, хузар, стрельни!

– Я стрельну, – согласился хузарин. – Но стрелу ты сам будешь искать. А не найдешь, я из твоей пустой головы чашку сделаю – собак твоих поить.

Псарь опасливо отодвинулся и больше никаких предложений не делал.

– Я пойду! – решительно заявил Святослав, вытаскивая меч.

– Бронь вздень, княже! – сказал Духарев.

Убедившись, что в кустах нет засады, Сергей наконец заинтересовался, что за зверя они преследуют. Можно было спросить, но не хотелось ронять авторитет. Итак, лютый зверь. Крупный хищник, способный унести в зубах свинью. Но не медведь.

Святослав мотнул было головой, но потом оглянулся, увидел, что его гридни – в доспехах, воевода – тоже бронный, и нехотя потянулся за панцирем. В шестнадцать лет очень не хочется показаться трусом, но наставники постоянно твердили юному князю: есть отвага, а есть неосторожность, бравада, которая для воина, особенно же для вождя – большой недостаток.

Один из спешившихся гридней помог князю закрепить доспех и вознамерился первым

войти в заросли.

– Я сам! – воскликнул князь и, оттолкнув гридня, бросился вперед...

Зверь атаковал молча и стремительно. Кони прынули назад, псы с визгом отскочили, оба хузарина разрядили луки, но из-за шарахнувшихся коней стрелы ушли впустую. Святослава отшвырнуло назад, на гридня (счастье, что он не напоролся на его меч), а в следующий миг и сам гридень покатился по траве, как поддетый ногой мешок с шерстью.

Духарев упустил первые мгновения, пытаясь сладить с конем, поэтому он увидел только результат: Двух сбитых с ног воинов и вопящего следопыта, на плече которого сомкнулись страшные клыки. Один из варягов прыгнул с седла на спину зверю, но тот, опустив следопыта, извернулся, взмахом лапы вышиб пику из рук варяга, а его самого поймал на лету, как кошка – птицу, опрокинул, подмял...

Воздух вибрировал и рвался от низкого рева, вызывавшего предательскую слабость...

Стрела чиркнула по грязно-желтому меху. Другая воткнулась в землю: громадный зверь увернулся не хуже опытного воина. Вернее, намного лучше. Быстрее. Прыжок – клыки вонзились в ногу хузарина, а когти – в круп обезумевшего коня. Лошадь и всадник опрокинулись на землю, и тут леопарду не повезло: подвернулся под удар копыта. Второй хузарин исхитрился: вогнал стрелу в сбитого с ног хищника. Леопард взревел так, что, казалось, вздрогнула сама земля. Его бросок был молниеносен, но конь хузарина уже сорвался и понесся прочь.

Прوماхнувшийся зверь крутнулся на месте и увидел целую кучу врагов: четверых гридней-варягов, спешившихся, со щитами, прикрывающих обеспамятевшего князя; Икмора, держащего рогатину с длинным широким железком; Духарева, тоже спешившегося, подхватившего чье-то копье...

– Ко мне, зверь! – закричал Икмор и метнул нож.

Леопарда нож не остановил. Икмор принял зверя на рогатину, но неудачно. Острие лишь скользнуло по пятнистой груди, ясеневое древко вывернулось из рук Икмора, сам он отпрыгнул, но споткнулся... Леопард не успел его подмять. Когда он, грязно-желтая размазанная тень, пронесся мимо Духарева, Сергей нанес удар. Целил он, правда, в шею, а попал в бок, ближе к крестцу, зато всадил качественно, от души: копье пробило броню мышц и ладони на две погрузилось в леопардово нутро. Человек после такой раны напрочь терял способность к нападению и обороне, а леопард вроде бы даже не понял, что ранен: тотчас кинулся на нового врага. Впрочем, сделанная в организме дыра малость поубавила зверю прыти, и этой малости хватило, чтобы Духарев успел выхватить меч и встретить зверя хлестом клинка... Двухногий от такого удара сразу стал бы одноногим, но хищнику меч даже кость не просек. Впрочем, пластины Серегиного панциря тоже выдержали удар когтей. Примерно как бронежилет выдерживает попадание пули: дырки нет, но ребра трещат, воздух из груди – долой, а в глазах темно. Сбитый с ног, он каким-то чудом ухитрился увернуться от клыков – только воню обдало...

... И тут охота закончилась. Выждавший момент Понятко вбил граненую (против панциря) стрелу точно в затылок зверя.

Духарев поднялся и посмотрел на «лютого зверя». Тело леопарда еще содрогалось, но он был уже мертв. Бронебойная стрела насквозь прошла его мозг.

Следующий взгляд – туда, где лежал Святослав. Нет, уже не лежал, вставал... Сам, без помощи гридней.

– Цел, княже?

– Цел! Эх, каков пардус! Лют!

– Был, – уточнил Духарев.

Пардусами называли живших в Киеве охотничьих гепардов: потомков котят, подаренных великим печенежским ханом великому князю Олегу после совместного похода на ромеев. Но это был пардус совсем другого сорта. Леопард. Здоровенный, размером со

снежного барса⁶, которых Духарев не единожды видел в зоопарке в той жизни. Сейчас, когда все закончилось, Сергей ощущал отвратительную слабость. Он очень ясно представлял, что мог бы умирать, истекая кровью, как тот варяг, что храбро прыгнул на зверя с седла. Как хузарин, которому леопард в клочья располосовал бедро. Или как несчастный следопыт... Впрочем, этот уже отмучился. Святославу повезло: пардус просто сшиб его с ног. Предусмотрительно надетый панцирь защитил его от когтей, так же как через несколько мгновений уберег Духарева. Сергей не раз брал медведя и знал, с какой быстротой может двигаться зверь. Но в сравнении с этим хищником мишка казался сущим увальнем.

– Оставьте, – сказал Понятко гридням, возившимся с извлеченным из-под коня хузарином. – Не жилец.

С подобными ранами здесь боролись одним способом: отсекая порванную конечность и прижигая культю. Но здесь пришлось бы рубить ногу под самый пах. Бессмысленно. Несчастный уже потерял слишком много крови, продолжавшей вытекать из порванной артерии. Не жилец. Еще несколько минут, и он уйдет в свой иудейский Ирий. Надо будет проследить, чтобы его похоронили по хузарскому обычаю: зарыли в землю, а не сожгли. Впрочем, уцелевший соплеменник об этом наверняка позаботится. Вот он, уже возвращается: сумел, как и следовало ожидать, управиться с понесшей лошадыю. И псарь вернулся с позорно трусившими собаками. Но кто знает: может, и новгородские лайки Духарева тоже поджали бы хвосты.

– Так это ж матка! – внезапно раздался Поняткин возглас, изучавшего свою добычу.

Свою, поскольку это его стрела убила пардуса, так что вряд ли кто-то станет оспаривать право Понятки на пятнистую шкуру и клыкастую голову. Во всяком случае не Духарев, которому выстрел гридня спас жизнь.

Святослав оживился:

– Матка? Ну-ка... О! Сосцы полные! Значит, и котята где-то тут! Эй, ты! – кликнул он псаря, мгновенно забыв и о погибших, и о том, что сам едва не отправился в Ирий. – Давай сюда своих пустолаек!

– Ить порвут собачек! – забеспокоился псарь.

– Молочные? – фыркнул Святослав. – Ну-ка...

И ухватив за ошейник ту псину, что оказалась поближе, поволок ее в заросли.

Духареву оставалось только надеяться, что там не окажется еще одной взрослой зверюги.

Кустарник прочесывали часа полтора. Нашли троих котят, размером чуть побольше

⁶ Не нужно считать этого зверя праздным вымыслом автора. Через полтора века после описываемых в романе событий черниговский князь Владимир Мономах напишет в своем «Поучении»: «... конь диких своима руками связаль семь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни езда ималь есмь своима руками те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль. Вепрь ми на бедре мечь отгяль, медведь ми у олена подьклада укусилъ, лютый зверь скочилъ ко мне на бедра и конь со мною поверже...» (... своими руками связал в пущах 10 и 20 живых коней, и в степи езда тоже руками ловил диких коней. Тур дважды валил вместе с конем, олень меня бодал, лоси – один меня топтал, а другой рогами бил, вепрь сорвал мне меч с бедра, медведь укусил меня за колено, лютый зверь вскочил мне на бедро и повалил вместе с конем...). Иные историки переводят лютного зверя как «рысь», но даже если отбросить тот факт, что рысь крайне редко нападает на человека, и ничуть не умаляя «боевых» достоинств этого хищника, нельзя отрицать тот очевидный, в прямом смысле этого слова, факт, что рысь – довольно-таки небольшой зверь. Завалить таким зверем наездника и коня, причем коня отлично обученного (иного у князя быть не могло) и наездника весьма искусного и опытного, теоретически возможно разве что запулив бедным животным в князя из катапульты. Учитывая, что сам Мономах пишет о том, что зверь прыгнул на него самостоятельно, рысь, даже сиганувшая с приличной высоты (хотя за этими животными суицидальных наклонностей пока не замечено), должна была весить под сотню килограммов, что попросту невозможно. Другое дело – леопард. Тем более что слово «пардус» упоминается в исторических документах неоднократно, правда, историкам так и не удалось установить толком, какой конкретно хищник подразумевается под этим словом: гепард, леопард, барс или даже лев. Впрочем, я не исключаю, что под лютым зверем Мономах мог подразумевать и тигра.

кошки. Всех троих посадили в кожаные седельные мешки к большому неудовольствию лошадей и пса, который считал, что котят следует прикончить немедленно.

– Вот подрастут, они вам головы и скусят, – сулил он вполголоса.

Но Святослав к доводам разума был глух. Ему уже представлялись громадные пятнистые кошки, полнющие туров, как гепарды – проворных тарпанов.

Духарев тем временем помогал выучить на лошадей тех, кто уже никогда не будет охотиться.

В этой ловитве они потеряли двоих опытных гридней, одного тмутараканского варяга и следопыта, которого, впрочем, можно было не считать. Работа у него такая. Поохотились, однако! Если на них сейчас наедут касоги, совсем худо будет. А Святослав – счастлив. Ему только что чуть голову не откусили, на шлеме вмятины от клыков, налатник погнут, щека в запекшейся крови, а физиономия сияет:

– Эх, воевода, так бы и в сече! Вот как я хочу воевать! Как этот пардус!

Духарев вздохнул: мечтатель! В реальной битве такого зверя мигом бы стрелами утыкали или на копьё вздели.

Но князь имел в виду совсем другое:

– Упасть на ворогов, как этот пардус! Чтобы ведали враги, что я рядом, а я все одно налетал вдруг, внезапно и сокрушительно!

Он был еще совсем мальчишка, великий князь Святослав Игоревич. Вместо варяжских усов – белесый пушок на верхней губе. Но уже чувствовался в нем не просто воин – полководец!

С той охоты миновал год. Котята выжили, подросли, и уже стало ясно: приручить их можно, но для княжьей охоты они не годятся.

– Машег рассказывал: у него такой котя в детстве был, – сообщил Духареву Понятко. – Тоже ничего путного не вышло. Как подрос – челядника порвал. Машегов батька его купцам арренским продал. Для падишахова зверинца.

Нынче Понятко с сотней по приказу Свенельда ушел замирать каких-то тиверичей. Духареву его не хватало. Разъехались друзья-побратимы: Устах – в Полоцке у князя Роговолта воеводствует, Машег в своей Хузарии феодалит, Мыш на восток уплыл... А Духарев все так же при князе: воевода-наставник. Правда, еще у него дом есть. И семья: детишки, Слада, дед Рёрах (тоже, считай, член семьи) и умница Артак, звездочет-парс... И еще слуги, челядники, закупы... Полон двор народа, управляться с которым – не легче, чем с княжьей дружиной (слава Богу, у него есть Слада, которая держит под контролем всю эту ораву); и еще чертова прорва каких-то деревенек, хуторов, городищ: купленных, дареных, полученных как воинская доля...

За эти годы Духарев оброс имуществом, как баран – шерстью. Но заботиться о собственности ему почти не приходилось. Недвижимостью управляла жена, деньги крутил Мыш-Мышата, давно превзошедший оборотистостью, предприимчивостью, капиталом своего наставника Горазда.

В целом расклад Духарева вполне устраивал. Главное, чтобы у него была возможность получать то, что ему требуется. Нужны новые доспехи? Нет проблем: иди на рынок и покупай, какие приглянулись. Нет на рынке – закажи своему холопу-кузнецу. А если приспичило обзавестись чем-то особенным, выдай заказ Мышу – и через пару-тройку месяцев получишь бронь хоть от самих синдских мастеров. Нужны кони? У воеводы Серегея одних только отборных, на зерне выкормленных – табун в тысячу голов. А захочется, к примеру, не на коне, а на верблюде проехаться, так будет и верблюды.

Стало Духареву тесно в своем подворье на Горе – взял два соседних. Тут, правда, одних денег мало оказалось, пришлось на соседей авторитетом воеводы слегка надавить. Зато теперь у Духарева хоромы лишь немногим Свенельдовым уступают. Другое дело, что власть имущим такое усиление воеводы очень не нравилось. А после сегодняшней истории с угорским княжичем Ольга небось на Духарева изрядно осерчала. И зачем ему этот княжич?

А в самом деле – зачем?

Так, за воспоминаниями-размышлениями Духарев и приехал к своим воротам.

Его уже встречали. Один холоп-привратник с поклонами отворял тяжелую, с бронзовыми нашлепками створку, другой тащил с дороги хозяина ручного мишку, которого Духарев завел вместо пса. Мишка хозяина, конечно, не тронул бы, но кони нервничали.

А с крыльца уже катился кубарем пятилетний Всеслав, Славик, младшенький.

– Батька-а! А кто к нам приеха-ал!

– А кто?

Духарев глянул – и дурные думы тотчас развеяла нечаянная радость. Машег!

Глава шестая

Старый друг

Машег – из «белых» хузар. Воин в ...надцатом поколении. Лет триста назад его семье принадлежали тысячи гектаров степи, бесчисленные табуны, заливные луга и пахотные земли в низовьях Волги, виноградники на берегах Терека... Но это было давно. Теперь почти все в Хузарии принадлежало торгашам: иудеям из Византии, мусульманам из арабской Испании...

А великий хакан хузарский Йосып предпочитал оборонять свои владения саблями исламских наемников и стрелами диких гузов. Вот и дооборонялся: от прежней славы Хузарии остался шиш, а потомок великого рода Машег вынужден служить варягу Свенельду.

Машегу повезло. Он добыл достаточно, чтобы выкупить у ростовщиков последние родовые земли на Волге-Итиле. На виноградники и на табуны с табунщиками тоже хватило.

И здесь, под Киевом, у Машега имелось кое-какое имущество. Свенельд подарил. Машег, впрочем, в долгу не остался. Не принято у него в роду в должниках ходить. Хоть у князя, хоть у хакана. Благородный хузарин приехал не один. Привел целую дружину из родичей: пятьдесят сабель. Но в город их не повел. Тем более – на Гору. Машег, хузарин-варяг, бывший дружинник Свенельда, многим воям киевским хорошо знаком. Его-то пропустили беспрепятственно, но полусотне хузар на Горе делать нечего. Так что воинство Машегово устроилось в пригороде: поставили юрты на днепровском берегу повыше Подола, а Машег двинул к Сергею на подворье, прихватив с собой четвертую свою жену, «походную» и самую любимую – Элду. Папаша Элды, Элвинд Белоголовый, вполне добропорядочный нурманский головорез, хирдман не из последних, вопреки всем правилам хорошего тона обучил дочку военному делу. За неимением сыновей.

Машегу воинственная Элда досталась после гибели ее мужа, воина-нурмана, с коим не очень-то ладила.

Но с хузарином Машегом она жила душа в душу. Научилась неделями не слезать с коня, бить из лука на две сотни шагов (совсем неплохо для женщины), а вот внешне, на взгляд Духарева, заметно подурнела: тело ее утратило приятную женскую округлость (хоть и родила она мужу двух сыновей), кожа потемнела и огрубела под ветрами и солнцем Дикого Поля.

Но Машег всего этого не замечал. Любил потому что.

Машег приехал к Духареву не просто погостить. Когда друзья утолили голод разнообразной снедью и осушили бурдючок привезенного хузарином замечательного вина, Духарев уже понял, что у друга случилось что-то нехорошее.

– Давай-ка, брат, выкладывай! – потребовал он.

– Да-а-а...

– Тайное что? Сладушка, гони всех из горницы...

– Не надо! – остановил Сладу Машег. – Ничего тайного. В дружину к себе возьмешь меня, воевода?

– Не понял?

– Что ж тут непонятного? – удивился хузарин. – Хочу к тебе в дружину. Не один, с родовичами моими. Вои знатные, за каждого поручиться могу. Возьмешь, воевода?

– Хочешь Святославу послужить? – обрадовался Духарев. – Добро! Это дело хорошее.

– Святославу присягать не буду! – отрезал Машег. – Только тебе!

– Мне? – изумился Духарев. – Как это мне? У меня своей дружины нет!

Теперь изумился Машег.

– Как это нет? Что за воевода без дружины?

– Я – княжий воевода, – пояснил Духарев. – И гридни у меня – княжьи. Зачем мне свои?

– Вот те раз! А как же ты порядок на своих землях поддерживаешь?

Сергей посмотрел на Сладу. Действительно, как? Сладислава улыбнулась.

– Мы по Правде живем, – сказала она. – Серегей, бывает, судит, но редко. Нашим смердам и холопам Правды и Обычая довольно.

– А ежели кто ослушается?

– Накажем, – спокойно ответила Слада. – Я велю – община своих сама накажет. А чужие у нас не балуют. Бывает, с Поля набегут, но это уж – княжье дело.

– Вот! – усмехнулся Духарев. – Нет у меня никакой дружины. И не надо. Я – княжий воевода!

– Свенельд – тоже княжий! – возразил хузарин. – А дружина у него своя.

– Свенельд – сам князь, – напомнил Духарев. – А я – боярин-воевода.

Машег поднял выгоревшую бровь, посеченную надвое полоской шрама. Раньше, насколько помнил Духарев, этого шрама не было.

– Скарпи Атлисон, которого ты зарубил восемь лет назад, тоже был боярин-воевода, однако ж дружину свою имел... Может, тебе денег жалко? – предположил Машег. – Так я тебе дам!

– Богатенький Буратино... – пробормотал Духарев.

Машег не понял.

– Есть у меня деньги, – сказал Сергей. – Сам знаешь...

И тут вспомнились сегодняшние слова княгини Ольги: «Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой...»

Может, и прав Машег. Есть у Духарева земли: и здесь, под Киевом, и в Полоцке, и уличей две деревеньки оброком ему кланяются. Могло и больше быть, да только ни к чему. Оборотистый Мыш-Мышата, шурин-побратим, на духаревском капитале за день больше наварит, чем уличи Сергею за год наберут.

Элда Элвиндовна поднялась со скамьи, обошла длинный стол. Была она в женском платье, надетом, скорее всего, из уважения к хозяйке. В этом наряде она чувствовала себя неловко, видно было: мужское ей привычнее. Духареву вдруг стало любопытно, как она смотрится в хузарском домашнем: ничего, кроме полупрозрачного шелка и украшений. Украшений на ней, впрочем, и сейчас было довольно.

– Возьми нас, Серегей!

Элда встала рядом, положила на Серегино плечо жесткую неженскую ладонь. На запястье – золотой браслетик с птичками. Знакомый браслетик... Духарев поднатужился, вспомнил: древлянский. Старейшины древлянские одарили им воеводу Свенельда за ласковые речи, коими он их к Ольге на подворье заманил. Где их и закопали. В землю. Живьем. Подарок богатый, но по местным меркам – порченный. Свенельд отдал браслетик Духареву: для Слады. Теперь вот Сладислава передарила его Элде. Духареву напоминание: не нравится его жене Элда-нурманка. Не забыла Сладушка, что муж покойный сию валькирию не Машегу завещал, а Сергею.

Духарев поймал взгляд жены... весьма неодобрительный. Конечно, гостье она и слова не скажет...

– Посмотрим, – уклончиво ответил Духарев, выразив интонацией некоторое неодобрение. – Как твои сыновья, Машег?

Валькирия-Элда поняла. Убрала руку, вернулась на место, демонстративно прижалась к мужу: мол, никаких интимных претензий к хозяину дома, чисто по-дружески.

Машег улыбнулся. Красив благородный хузарин: тонкие черты лица, глаза синие, волосы светло-русые падают на широкие плечи из-под маленькой круглой шапочки, длинные «варяжские» усы – потемнее, с рыжиной. Лицо загорелое, но подбородок и щеки – бледней. Видно, совсем недавно сбрил бороду. Росту Машег небольшого: вровень с Элдой, но не в росте дело. Может, и есть в Дикой Степи воин лучше него, да пока что они с Машегом не встретились. Так он сам говорит.

– Дети растут, – хузарин погладил жену по щеке. – Я их в Тмутаракани поселил.

– Где-где? – изумился Духарев.

– В Тмутаракани. Мне Свенельд землю подарил за Любечем, а я ее на тмутараканскую сменял.

– Все равно не понял. А твои приволжские поместья, родовые, чем плохи?

– Тем плохи, что с хаканом у меня размолвка вышла, – сообщил Машег. – Нет у меня более родовой земли. Только дареная осталась и купленная.

– Как это – размолвка?

– А так. Не полюбился я итильским торгашам. Настолько не полюбился, что приехал за мной от хакана хранитель закона, правоверный талдаш Шлом, сын Йогаана, с полусотней наемных воинов Магомета. Земли мои себе взять, а меня – в столицу. На расправу.

– И что? – спросил Духарев.

– Пропали земли мои, – вздохнул Машег. – Зато теперь у хакана – другой талдаш...

Глава седьмая

В которой повествуется о доброте и справедливости хузарского хакана

Были у Машега обширные поместья, были сады с прохладными водоемами под сенью цветущих деревьев. Было у него все, чем хвастают итильские богатеи и семендерские вельможи. Был и дом в столице, каменный дом с тенистым двором и прозрачной водой, бегущей между камешками.

Там Машег и жил, когда призвал его хакан. Должно быть, донесли Йосыпу, что разбогател Машег бар Маттах, и захотел повелитель Хузарии взглянуть, каким стал сын Маттаха. Понравится – возвысит. Поставит, к примеру, хузарской лучшей конницей командовать. А то, смешно сказать, начальником конницы у хакана – «византиец», который с пятидесяти шагов в дохлую собаку не попадет.

Но посмотрел на Машега хакан и не дал ему начальства над конницей.

– Уезжай, Машег, – посоветовал другу Рагух, тоже «белый» хузарин, но из менее знатного рода, чьих представителей не было в «черном списке» хакана. – Уезжай, пока худого не случилось.

Рагух служил сотником в итильской конной страже. Его новая жена была «византийкой», ее родня поддерживала зятя, и Рагуха ждала неплохая карьера. Хотя временами возникало у Рагуха сильное желание опробовать на новых родичах остроту сабли. Об этом Рагух тоже поведал другу. Машег его понимал. Но каждый сам выбирает судьбу.

А Машегу в столице делать нечего. Его род – от персидских иудеев, а в Итиле заправляют «византийцы». Великий хакан хочет жить, как византийский кесарь. А были времена, когда хакана выбирали такие, как Машег. И великий хакан об этом помнит. Потому и окружил себя воинами-магометанами. Машег тоже не забыл, как дед нынешнего хакана отнял у деда Машега земли за «Саманными воротами»⁷ и отдал своему любимчику,

⁷ Есть более или менее обоснованное предположение, что хазарский город Семендер был крепостью, сложенной из саманного кирпича, отсюда и название – Саманные ворота. Остатки такого городища найдены близ одной из стариц Терека. Правда, точных доказательств, что это именно Семендер, нет. На основании имеющихся документов достаточно сложно определить точное местоположение одного из важнейших хазарских городов. Можно с уверенностью утверждать только одно: такой город существовал.

византийскому торгашу. Родовая память – долгая.

В общем, испросил Машег у хакана разрешения покинуть столицу, и хакан позволил.

Уезжал из Итиля Машег с радостью. Душно ему было в пропахшем нечистотами городе, тесно на узеньких улочках, где между глиняными заборами не разъехаться двум повозкам.

В «царском городе», возведенном на острове и окруженном стенами повыше городских, нечистотами не воняло. Там журчали фонтаны и стояли настоящие дома, а не глиняные халупы. Не просто дома – дворцы. А краше и выше всех – дворец самого хакана. Хотя нет, не всех. Минареты мечети – выше.

Хорошо пахнет на острове: цветами и молодым вином. А все равно душно. И душнее всего во дворце, где за каждым словом – намек, а слава измеряется в деньгах и близости к уху святейшего хакана.

Машег тоже мог нашептать в это ухо, и денег у него было теперь не меньше, чем у «византийцев». Мог, но брезговал. И не хотел, чтобы его дети воспитывались среди полувнухов.

Уехал. И забыл о своем хакане. И надеялся, что хакан тоже забудет о нем. Зря надеялся.

Дурная весть застала Машега в степи. И принес ее Рагух. Сам. Такое никому не доверишь.

– Хакан послал за твоей головой! – сказал он, смочив пересохшее горло чаем, поднесенным ему Элдой.

В белом шатре Машега они сидели втроем.

– Ему сказали, что ты злоумышляешь против него.

Машег погладил рыжеватую бороду:

– И он поверил?

– Когда очень хочешь во что-то поверить, непременно поверишь, – сказал Рагух. – Я узнал поздно. Двух коней загнал, но теперь у тебя есть день, чтобы забрать своих и уйти.

– А моя земля? – лицо Машега потемнело. Элда смотрела на него с тревогой. Если муж сочтет, что задета его честь, он будет способен на самые опрометчивые действия.

– Твоя земля так и так достанется хакану, – сказал Рагух. – Без тебя или вместе с тобой. Не доставляй ему такого удовольствия, уходи! Уходи, Машег! Уходи к русам: они тебя примут!

Машег думал.

– А ты? – наконец спросил он. – Если узнают, что ты меня предупредил, тебе несдобровать.

– Я справлюсь, – ответил Рагух. – Машег, ты не раз спасал мою жизнь... («Ты тоже», – вставил Машег). Уходи! Забирай семью, табуны, все, что ценное... Магометане не догонят тебя в степи!

– Магометане? – встрепенулся Машег. – Хакан послал за мной не хузар, а магометан?

– Нам он не доверяет, – мрачно ответил Рагух. – Тем более в таком деле, как твое.

– И много магометан?

– Много. Три сотни.

– Ого! Триста арабов на одного хузарина!

– Я и говорю – много.

– Ты считаешь – это много? – настроение Машега явно поднялось. – Говоришь, у меня есть день.

– День – точно. Завтра после полудня они будут здесь.

– Значит, у меня есть не только день, но и ночь! А кто их ведет? Тоже магометанин?

– Нет. Это вторая плохая новость. Их ведет Шлом бар Йогаан.

Машег приподнял бровь:

– А не сын ли он того Йогаана, который высудил у моего отца итильские

виноградники?

– Сын, – подтвердил Рагух. – Старший.

– Как хорошо! – Машег широко улыбнулся. – Триста магометан, говоришь?

– Триста. Из личной стражи хакана. Каждый стоит троих воинов.

– Ты так считаешь?

– Я их видел в деле.

– А я нет, – усмехнулся Машег. – Было бы любопытно посмотреть.

– Ты что, собираешься с ними драться? – воскликнул Рагух.

– Собираюсь. Спасибо тебе! – Машег встал и обнял друга, но сразу отстранился. – А теперь уезжай! Я сам заарканю для тебя пару лучших коней. Поспеш!

Рагух поглядел на друга... и внезапно ударил его по плечу.

– Хочешь от меня избавиться? – засмеялся он. – Не выйдет! Я остаюсь.

– Ты что? – нахмурился Машег. – А твоя родня?

– Родня? Родители мои умерли давно. Мои братья мертвы, а первая жена умерла, пока мы с тобой служили русам. Один мой сын убит печенегами, второй воюет где-то в Сирии с византийским воеводой Цимисхием. А моя новая жена, благородная иудейка из почтенной семьи константинопольских шелкоторговцев... Она довольно приятна на ощупь. Такая пухленькая, белокожая... И очень хорошо воспитана: никогда не рыгает, не сморкается, не портит воздух... Зато непрерывно болтает. Наверное, чтобы не лопнуть от избытка газов. Нет, дружище, этого слишком мало удержать меня в Итиле. Ты – моя родня, Машег!

– Отлично! – Машег улыбнулся. – С тобой мы их точно побьем!

– Вы сошли с ума! – заявила Элда, с большим неодобрением слушавшая монолог Рагуха, особенно его высказывания касательно новой жены. – Вдвоем – против трех сотен! Зачем тебе вообще драться? Забирай все, и уходи!

– Молчи, женщина! – произнес Машег. – Ты не понимаешь, что такое честь!

– Зато я понимаю, что такое жизнь! Можешь сжечь усадьбу и сады с виноградником, если не хочешь оставлять их врагу!

– Вот! – Машег повернулся к Рагуху. – Сколько лет живет со мной, а так и осталась нурманкой. Не будем терять времени, друг. Триста магометан – это не так уж много, но все равно слишком много, чтобы мы управились с ними вдвоем!

Рагух немного ошибся. Посланцы хакана появились не после полудня, а ранним утром. Отбив непривычный к многодневной верховой езде зад о седло, «карающая рука хакана» Шлом бар Йогаан сменил седло на палубу. Выиграл полсуток и вдобавок рассчитывал нагрянуть внезапно. Но забыл, насколько густо заросли тростником берега в низовьях Дона.

Внезапно не получилось. Высаживались в утренних сумерках, а к Машегову поместью вышли, когда солнце оторвалось от горизонта.

«Поместью...» «Карающая рука хакана» скривил полные губы. Это слово вызывало в его памяти великолепные византийские виллы: фонтаны, ажурные решетки, окруженные парками мраморные статуи (жаль, что Закон запрещает изображения людей, иначе бар Йогаан непременно привез бы дюжину-другую). Поместье! Большой хлев, вокруг которого дюжина хлевов поменьше. А сам «помещик», по слухам, предпочитает жить в юрте, как грязный пастух.

«Карающая рука хакана» был в отвратительном настроении. Через заросли его пронесли на доске, причем он дважды едва не свалился в воду. От берега пришлось ехать в какой-то арбе, на соломе. Вдобавок арба жутко воняла рыбой. К этой вонии примешивалась вонь, источаемая потными стражниками. Утонченное обоняние Шлома неимоверно страдало. Даже созерцание Машеговых угодий: плодородных садов, виноградников, ярко-зеленых лугов – не утешало, хотя Шлом уже знал, что все это достанется ему. Хакан обещал...

«Надо будет еще раз предупредить Али-Бея (так звали командира сопровождавших бар Йогаана воинов), что все это имущество отступника принадлежит хакану, – подумал Шлом. – Пусть даже и не думают о грабеже. Но можно отдать им Машеговых

родственников. Не всех. Самых красивых я возьму себе. Каково будет этому наглецу умирать, зная, что его дети и жены станут моими соложниками! Будет обидно, если Машег все-таки успеет удрать. Но это вряд ли». По совету командира-мусульманина Шлом отправил две полусотни в обход усадьбы. Если Машег и его домочадцы попытаются улизнуть – попадут прямо к ним в руки. Эта мысль несколько утешила хаканова посланца, и когда он въехал во двор опального хузарина, настроение его улучшилось.

Усадьба выглядела опустевшей. Ее обитатели попрятались или разбежались. Воины-магометане разошлись между сараями и конюшнями, окружая дом. Первая сотня выстроилась перед главными дверьми. Шлому помогли слезть с арбы.

Двери в дом были закрыты. Неужели этот глупец надеется, что жалкие стены его хлева могут остановить воинов хакана?

Двери открылись. Шлом облегченно вздохнул: Машег не убежал. Этого и следовало ожидать. Слишком горд и самоуверен, чтобы спастись бегством.

Стражи хакана тут же окружили «карающую руку» плотным кольцом, защищая от возможного нападения. Правильно. С этого дурака станется: ещё бросится в бессмысленную атаку...

– Ты – Машег бар Маттах? – спросил командир магометан. Рожденный в Дамаске, он уже десять лет служил хакану.

– Я, – кратко ответил Машег. – Что вам нужно?

– Ты, – так же кратко ответил магометанин. – Величие и благословение земли, хакан Хузарии желает тебя видеть!

– Зачем?

– Ты спрашиваешь? – деланно удивился магометанин. – Желание твоего хакана – этого достаточно для тебя. Отдай свое оружие – оно тебе более не понадобится.

Командир стражников старался быть вежливым. Он очень хотел обойтись без драки. У Машега была слава храбреца и доблестного воина. Если придется брать его силой, могут пострадать воины Аллаха. Кроме того, хакан пообещал особую награду, если Машега привезут к нему живым, ведь Машег должен сознаться в совершенных преступлениях.

– Возьми! – Машег взмахнул руками, и обе его сабли покинули ножны.

Их острия глядели на магометан. Прикрытый облаченными в доспехи телами стражников Шлом сабель не видел.

– Что он с ним болтает... – недовольно пробормотал «рука хакана». – Три сотни против одного...

– Взять его! – закричал бар Йогаан. – Живо!

– Что за суслик там пищит? – осведомился Машег. – Кого ты привез ко мне, магометанин?

– Ну-ка пропустите!

Шлом протиснулся между стражниками. Это был день его торжества, и он хотел... Но перехотел, увидев оружие в руках Машега.

– Я – рука хакана! – закричал он через плечо Стражника. – Ты, Машег, – государственный преступник! Немедленно сдавайся!

«Что за дурак! – подумал командир магометан. – Теперь нам не взять преступника живьем!»

– В чем меня обвиняют? – холодно спросил Машег.

Он стоял один против сотни воинов, но, похоже, нисколько не боялся.

– Тебе незачем об этом знать! – Шлом бар Йогаан привстал на цыпочки: стражник был высокий – Шломова макушка едва возвышалась над его наплечником.

– По Закону ты обязан сообщить мне суть обвинения, – сказал Машег.

– Закон тебя больше не касается!

– Уверен? – Машег усмехнулся. – Это твои слова или слова хакана?

– Я – «рука хакана»! – воскликнул Шлом. – Мои слова – его слова! Брось оружие!

– Такой «рукой», как ты, я бы постыдился подтереться! – холодно произнес Машег. – В

чем меня обвиняют, магометанин? – спросил он у командира наемников.

– Меня зовут Али-бей! – Командиру нравился этот хузарин. Али-бей уважал храбрецов. – Тебя обвиняют в заговоре против твоего господина, величия и благословения земли, хакана Хузарии! И еще в нарушении законов вашей веры.

Машег засмеялся:

– Мне нравится, что о нарушении Закона говоришь мне ты, магометанин!

Командир стражников пожал плечами:

– Ты можешь оправдаться, представ перед своим господином. Насчет твоей веры это его слова, не мои.

– Ты уверен, что моему другу дадут такую возможность?

Из дома на ступени вышел еще один человек. Али-бей его знал: Рагух, командир «белой» хузарской сотни.

Этот что еще здесь делает?

На мгновение у Али-бея мелькнула мысль: что если всадники Рагуха тоже здесь? Не потому ли так самоуверенно ведет себя Машег?

Но подумав, Али-бей эту мысль отбросил. Невозможно тайно увести из столицы сотню воинов. Да и не будут воины хакана драться с его личной охраной.

– Даю тебе последнюю возможность, Машег бар Маттах! – сурово произнес Али-бей. – Сдайся! И, клянусь, я не трону ни тебя, ни твою семью!

Прятавшийся за спинами наемников Шлом собрался возмутиться, но вовремя вспомнил, что Али-бей – магометанин, а для магометанина клятва, данная человеку другой веры, не стоит и четвертушки дирхема. Именно поэтому клятву верности хакану магометане давали в присутствии своего священнослужителя. Кроме того, Али-бей говорил только о себе. Ни бар Йогаан, ни стражники ни в чем не клялись.

– Я тоже даю тебе последнюю возможность, – жестко сказал Машег. – Убирайся с моей земли, и никто не тронет ни тебя, ни твоих людей. Даже этого суслика, – кивок в сторону Шлома.

– Что ж, я тебя предупредил... – сказал Али-бей. Некоторое время он колебался: не достать ли саблю и не поучить ли неверного, как ею владеть. Но передумал.

– Пращники! – скомандовал он. – Бей!

Несколько тяжелых глиняных шаров с визгом пронесли по воздуху... Впустую. Машег и Рагух, слаженно отпрыгнув назад, скрылись в доме. Внутри что-то зазвенело...

И это было последнее, что услышал наемник хакана хузарии Али-бей.

Стрела из легкого тростника вонзилась ему в глаз. Хотя и легок тростник, но наконечник оказался достаточно тяжел, чтобы пронзить глазницу и войти в мозг Али-бея.

А Машег и Рагух снова появились в дверях. На этот раз – с луками, из которых они метали сразу по три стрелы. Они почти не целились: с десятка шагов боевая хузарская стрела прошивает любой доспех.

Окружавшие Шлома бар Йогаана стражники пали одними из первых. Хитрый Шлом, хотя его и не задела, упал вместе с ними и лежал тихонько, обмирая от страха, очень надеясь, что триста магометан все-таки справятся с преступниками.

Они бы и справились, будь Машег и Рагух вдвоем. Но на соломенных крышах сараев и конюшен прятались Машеговы люди, съехавшиеся этой ночью защищать своего господина. Их тоже было немного, чуть больше сотни. Но на их стороне была внезапность. Почти сотня магометан погибла в первые же мгновения боя. Особенно скверно пришлось тем, кого послали окружать дом. Уцелевшие – опытные воины – сумели кое-как организовать, но у них были только сабли и небольшие щиты. Они ведь не воевать собирались, а всего лишь арестовать преступника. В конном строю, с настоящим оружием, они вмиг разметали бы по полю сотню хузар...

Один из уцелевших десятников дал команду штурмовать дом. Атаки не получилось. Штурмующие завязли в куче мертвых и раненных стрелами Машега и Рагуха. Кое-как пробились к дому; одни принялись рубить саблями запертые двери, другие сунулись в

окна... Навстречу полетели стрелы. С крыш тоже продолжали стрелять...

Другой десятник велел поджигать строения и сам бросился с факелом к ближайшему сараю. Не добежал. Идея была хорошая, но запоздалая. Последний десятник скомандовал отступление, и лучшие воины хакана, забросив на спины щиты, бросились наутек. Но убежали недалеко: пастухи Машега прямо с крыш попрыгали в седла...

Глава восьмая

Милость князя киевского

– Ну и что дальше? – спросил Духарев.

– Дальше? – Машег засмеялся. – Воины Магомета отправились к своим иблисам. Мои люди еще три дня вылавливали тех, кто сумел удрать. Почтенный Шлом бар Йогаан попытался меня обмануть: прикинулся покойником. Я сделал вид, что поверил, знаешь, я такой доверчивый... И велел зарыть его вместе с магометанами. Так что теперь он ловчит с отродьями Шеола. Я бы охотно отправил вслед за ним и хакана с его «византийцами», продавшими Бога за ромейское золото, и наемниками-арабами, коим цена – две тростниковые стрелы за штуку. А пока хакан – в Итиле, а я – здесь. Как у вас говорят, изгой, верно?

– Мой дом всегда открыт для тебя, Машег! – тепло произнес Духарев.

И задумался. В последнее время он привык мыслить политически. И знал, что в Хузарском Хаканате дела идут из рук вон. Прижали его со всех сторон, отрезали от ромеев и от Востока. Славянские племена ушли от хакана под руку Киева. Все, кроме вятичей, которые спрятались в своих дремучих лесах и вообще никому платить не собираются. Волжские булгары, вековые хузарские данники, не то что дань не платят, а внаглую разбойничают на хузарских землях, как печенеги в Приднепровье. Только в Приднепровье на печенегов укорот есть – великий князь киевский, а в Хузарии хакан лучших своих воинов под корень норовит извести. Но если Хузария падет, Киеву это может обернуться нехорошим: усилением тех же печенегов, к примеру. Будь в Итиле у власти нормальные люди, такие, как Машег, Духарев уговорил бы Святослава поддержать гибнущий Хаканат. Но правит в Хузарии сущее дерьмо, ростовщики, извращенцы...

Гость прервал размышления Духарева о геополитике и вернул его к политике меньшего масштаба.

– Я благодарен тебе за гостеприимство, друг мой! – торжественно произнес Машег, сын Маттаха. – Но ты так и не ответил на мой вопрос: берешь ли ты меня в свою дружину?

– Бери! – раздался скрипучий голос.

В дверях стоял Рёрах. При желании он мог передвигаться совершенно бесшумно. Как он ухитрялся это делать на своей деревяшке, для Духарева до сих пор оставалось загадкой. Прошло десять лет с тех пор, как голос Рёреха впервые проскрипел за спиной Сергея: «Поворотись-ка, паря, да погляди на меня...»

– Бери его, парень! Хоть я хузарян и не люблю, а этот годится!

– Так он не к Святославу в дружину просится, а ко мне, – уточнил Духарев.

– Слышал. Я кривой, а не глухой, – проворчал Рёрах и прошкандыбал к столу.

Слада услужливо подвинула ему табурет, собственноручно наполнила его миску овощной тюрей (зубов у старика почти не осталось) и поднесла серебряную кружечку меда: уважила, так сказать, мужнина сэнсэя.

Рёрах смочил усы медом, одобрительно фыркнул.

– Сколь ваших с тобой? – спросил он Машега.

– Полсотни и три.

– Такие ж, как ты?

– Таких, как я, нет! – усмехнулся хузарин. Рёрах еще раз фыркнул. Скептически.

Элда, обидевшись за мужа, открыла было рот, но Рёрах ее перебил:

– Ты, девка, помолчи! Я твоего отца, покойника, постарше буду: знаю, что говорю.

Теперь фыркнула Элда, но Рёрах уже перестал обращать на нее внимание.

– А к нам чего опять прибежал? – спросил он Машега. – Деньги все stráтил или с хаканом своим козлоборо́дым полаялся?

– С хаканом.

– Дурак твой хакан! Вот помню, когда я с хирдом ходил на...

На кого именно ходил с дружиной Рёрах, так и осталось неизвестным.

Снаружи раздался шум, у ворот зашпорили. Видно, хотели зайти на подворье, да привратник не пускал. Потом захрапели испуганно лошади: надо полагать, привратник подтянул мишку. Духарев встал и вышел на балкончик. Глянул: гридни княжьи.

– Эй! – крикнул он сверху. – Случилось что?

Старший, десятник из молодой дружины, привстал на стремянах:

– От князя к тебе, воевода! Вели впустить!

– Впусти! – велел Духарев привратнику. – И медведя убери! Я сейчас спущусь!

– Кто? – спросила Слада, когда Сергей вернулся в светлицу.

– Посылы от князя.

– С чем?

– Сейчас узнаю.

Ему и самому было интересно: что вдруг срочно потребовалось от него Святославу. Что там ему мамаша наговорила...

Гридни въезжали в ворота. Много, не менее пятидесяти.

– Токо во дворе прибрал, – проворчал за спиной Духарева привезенный из Полоцка дворовой холоп. – Опять все «яблоками» засерут...

Духарев остановился на крыльце – вровень с всадником.

Десятник спешился, махнул своим. Гридни тут же разошлись, и Духарев увидел угорского княжича Тотоша, восседающего на мышастой кобылке.

– Забирай! – сказал десятник. – Батька сказал: коли пленник твой, так и кормить его тебе!

– Справедливо, – согласился Духарев. – Медку примешь?

– Токо если всем, – ответил десятник, но тут же смутился собственной наглости и добавил, словно извиняясь: – ... батька.

Духареву понравилось. В дружине командир не хозяин, а первый среди равных. А батька – князь. Тот, кому присягнули. Или кого уважают сильно. Духарева молодые уважали.

«Этого к себе переманю, – подумал Сергей. – Правильный боец».

Поднапрягся, вспоминая, как зовут молодого гридня. Какое-то имя смешное... Капш или Шапш... Гапш!

Духарев повернулся к ворчливому холопу:

– Бегом к хозяйке. Скажи: я велел выкатить во двор бочонок меда! Бегом, я сказал! А тебя, княжич, прошу в дом!

В этот момент Сергей принял решение: его собственной дружине – быть.

Глава девятая **Трувор, сын Ольбарда Красного**

Как издревле гласит народная мудрость: «Сказать – быстро, сделать – существенно дольше». Первым делом Духарев отправился к князю. Святослава он нашел, разумеется, в Детинце, князь оттачивал фехтовальное мастерство.

– А, Серегей! Давай, бери мечи, поборемся!

– Погоди, княже, разговор серьезный есть, – не чинясь, объявил Духарев.

– Тогда пошли в горницу.

Святослав отдал учебные мечи одному отроку, взял рубаху у другого.

В доме смазливая девка (новая, раньше Духарев ее не видел) поднесла им по чашке ягодного сбитню. Князь одним духом осушил свою, похвалил:

– Хорош! Холодненький!

– Со льда, княже!

Девка от похвалы вся расцвела. На князя глядела, как на солнышко.

«Наверняка влюбилась», – подумал Духарев.

Неудивительно: Святослав – парень хоть куда. Вдобавок – князь. А девка совсем молоденькая.

– Ступай, – велел ей Святослав, а когда вышла, сообщил: – Матушка прислала. Была у ее ключницы десницей, теперь вот у меня ключницей будет. Милкой зовут.

«Что-то она слишком молода для первой помощницы княжеской управляющей», – подумал Духарев.

Но девка красивая, спору нет. Можно побиться об заклад, что очень скоро она окажется в княжеской постели.

Что ж, это нормально. Святослав взрослеет, мужает, и Ольга ищет новые пути для управления сыном. Хотя это способ – как раз старый.

– Ну! Говори, что хотел! – нетерпеливо произнес Святослав.

– Хочу, князь, дружину свою набрать, – сказал Духарев. – Не возражаешь?

– Как это – свою? – князь даже в лице переменялся. – А я? Ты что же, уходишь от меня, Серегей? Я тебя чем-то обидел, воевода?

– Ну что ты, княже! – Духарев и так чувствовал себя неловко, а сейчас, видя, как опечалился Святослав, едва не отказался от своего намерения. – Ничем ты меня не обидел. И уходить от тебя я не хочу. Хочу только свою дружину набрать. Для своих надобностей. Кормить её сам буду, но если у тебя нужда возникнет, будет за тебя сражаться. Со мной. Я ведь твой воевода, верно?

– Верно! – Святослав сразу повеселел. – Коли так – поступай, как хочешь. А мне вот что скажи: что ты с угорским княжичем делать будешь?

– А что бы ты сделал?

Святослав погладил светлую прядь, свисающую с макушки.

– Свенельд говорит: надо его наказать примерно. Глаза выколоть или руки отрубить. Прочим уграм в урок: чтобы на наши земли более не зарились.

– Наказать... – Духарев усмехнулся. – Представь, князь: наехал ты, скажем, на угров – и в плен попал. А угры тебя так вот примерно наказали. Что дальше будет?

– На меч кинусь! – твердо ответил Святослав. – Увечным жить не стану.

– Во-первых, ты не прав, – сказал Духарев. – Даже без рук ты все равно – князь. Дружина – твои руки. А во-вторых, я не о том спрашивал. Как думаешь: будет Киеву урок, если тебя покалечат?

Святослав задумался, потом поглядел на Сергея очень внимательно:

– То у тебя надо спросить иль у Свенельда. Я, увечный, за себя отмстить не смогу.

– Как Свенельд поступит, не знаю, – сказал Духарев. – Но за себя могу точно сказать: я уграм такого не спущу. Хоть с печенегами войду в союз, хоть с болгарами, а такой урок им преподам, что мало не покажется. И мать твою, уверен, такой обиды не стерпит. Так почему ты думаешь, что угорский князь поступит иначе, если мы покалечим его сына?

– Это не я думаю, это Свенельд советует! – возразил Святослав. – Я Тотоша калечить не стану. Мы с ним из одного котла ели. И матушка говорит: руки ему рубить не надо, а надо выкуп взять. Да побыстрее. Может, и правда выкуп за него возьмем, как думаешь? Помнишь, той зимой, когда мы с тобой в Новгород ездили, послы германского правителя Оттона приезжали. Матушка говорила, хотели у нас воев конных нанять. Оттон с уграми воевал и сильно их побил. Значит, надобно у них выкуп взять, не мешкая, пока у них еще есть, чем платить. Так что пошли скорей к уграм надежного человека. Пусть договаривается.

– Оттон будет с другими уграми драться, – сказал Духарев.

Он в общих чертах представлял, что творится в Европе. Его названный братец Мышата активно сотрудничал с германским купечеством.

– А к уграм я никого посылать не буду, сам поеду. Вот наберу себе дружину малую – и

поеду.

– А угры тебе худого не сделают? – обеспокоился Святослав.

– Вряд ли. Княжич-то здесь останется.

– Добро. Делай, как знаешь, – Святослав встал. – А сейчас пойдем позвеним железом. А то, кроме тебя и Асмуда, никого не осталось, кто может меня побить.

Тут он Духареву польстил. Со Святославом Духарев бился практически на равных, да и то лишь благодаря опыту и значительному преимуществу в росте и физической силе.

Прошло три дня.

Духарев активно занимался созданием дружины. Набрал десятков пять. Просилось больше, но Духарев решил: сотни (это вместе с хузарами Машега) ему пока хватит. Старшим над своими поставил Понятку. Ему же поручил заняться экипировкой. Нанял плотников строить на выселках городок. Пока его строят, парни могут пожить и под открытым небом. Лето все-таки. Хузарам – тем в шатрах еще и лучше.

А через три дня в Киев приплыли варяги.

Тридцать шесть природных варягов, чьи усы были выкрашены в синий цвет. У тех, у кого уже выросли усы.

Командовал прибывшими внучатый племянник Рёреха, носивший нехитрое варяжское имя Трувор. Отец прислал его в Киев наниматься на службу. Выяснилось, что старый ведун отправил родичам письмо: мол, грядут большие дела, хватит рубиться с нурманами за власть над тюленьим народом. Пора выходить на мировую арену.

Лодья с тридцатью шестью молодцами встала у пристани на Подоле, ее экипаж сошел на берег и отправился прямо в Детинец.

Князя там не оказалось, зато оказался Асмуд, тоже природный варяг. При виде такой перспективной молодежи старый воевода оживился и попытался с ходу завербовать вновь прибывших в младшую дружину князя. Трувор отказался, вежливо, но твердо: мол, отец велел ему найти дядьку Рёреха и сделать, как тот скажет. Знает ли Асмуд, где его найти?

Асмуд крикнул, но спорить не стал: во-первых, одноногий ведун был когда-то его вождем; во-вторых, для сына белозерского князя Ольбарда Красного наказ отца был безусловно приоритетным.

Так что кликнул Асмуд пару отроков, велел оседлать лошадку и повел земляков к Рёреху-ведуну. То есть на подворье княжьего воеводы Серегея. Духарева в этот день там не было: отъехал вместе с Машегом отбирать из табуна коней для угорского похода. Но Рёрах был дома. Муштровал Серегиного старшенького, Артема.

Увидев, кого привел Асмуд, Рёрах муштру прекратил, наладил пацана к мамке с наказом, чтоб немедля накрывали столы для гостей. И накрывали не во флигеле, который варяг последний год делил с парсом, а тут, во дворе. Флигель для тридцати трех богатырей (трое остались сторожить лодью) тесноват будет.

Рёреха в Серегином доме почитали как отца, и на угощение не поскупились: одной только колбасы было четыре сорта.

Яства пошли впрок. Говорят, проголодавшийся нурман может в одиночку умять полупудовую хрюшку. Варяги, ясное дело, не так прожорливы, но тоже кушали хорошо, а пили еще лучше. Не удивительно – в такую жару. Пили, ели да поглядывали на дворовых девок с таким жадным интересом, что у девок от одних только этих взглядов слабели коленки.

Неспешно расспросив о делах на родине (дела обстояли неплохо), Рёрах поинтересовался дальнейшими планами молодежи. Планы у молодежи были простые: служить ратную службу.

– В княжьей дружине будут служить! – заявил Асмуд, которого, само собой, тоже усадили за стол. – Я их, молодцев, в лучшие гридни выведу!

Молодцы закивали согласно: перспектива их устраивала.

– Ты помолчи пока! – оборвал Асмуда Рёрах.

Это для прочих киевлян Асмуд Стемидович был княжим пестуном, славным воеводой и третьим человеком в Киеве. Рёрах же знал Асмуда с отрочества, учил его правильному бою и прочей воинской науке. И жил сейчас на свете Асмуд, славный воевода, потому, что подарил ему жизнь старый одноногий и одноглазый ведун Рёрах. Хотя случилось это в те времена, когда Рёрах не был еще ни старым, ни ведуном, ни калекой, а считался вождем лучшего варяжского хирда, но княжий пестун об этом отлично помнил, так что заткнулся и даже обидеться не посмел.

Духарев, когда ему после рассказывали об этом эпизоде, очень веселился.

– Ты помолчи пока! – велел Рёрах Асмуду. – А ты, – обратился он к Трувору, – говори, что те отец наказал.

– Наказал найти тебя, дядько, и делать, что ты велишь! – отчеканил сын Ольбарда Красного.

– Вот! – назидательно поднял палец старый ведун. – А ты, Асмуд, вперед батьки в сечу не лезь!

– Да куда ж им еще идти, как не в княжью дружину? – искренне удивился Асмуд.

– Воеводе Серегею послужат! – отрезал Рёрах. – К уграм с ним пойдут.

– Так Серегей же – княжий! – воскликнул Асмуд.

– То он – княжий, а эти будут – его! – отрезал Рёрах.

– Не может такого быть! – закричал Асмуд, вскакивая.

– Может! – тоже повысил голос Рёрах. – Воевода Свенельд тоже княжий, а дружина у него своя!

– Так то Свенельд!

– А то – по Правде! – рявкнул старый варяг. – По нашей Правде! Иль забыл?

Дубленое лицо Асмуда сморщилось, словно он какую-то дрянь надкусил.

В другой ситуации он сказал бы, что княжья Правда повыше варяжской. Но за столом сидели не бояре киевские, а природные варяги, для которых варяжская Правда сызмальства считалась высшим и единственным законом. Асмуд сам был таким, помнил. И помнил, что по варяжской Правде клятву приносил князю один лишь вождь – сразу за всю дружину. И дружина-хирд принадлежала вождю, а не князю. За каждого в отдельности воина князь спрашивал с вождя. Хотя присягать непосредственно князю Правда тоже не запрещала.

– Сядь, – сказал Рёрах. – Возьми вот, выпей. И угомонись. Я – ведун, я знаю, как лучше.

– Лучше – кому? – проворчал Асмуд, но чашу принял.

А Трувор, сын Ольбарда, лишний раз убедился в правоте отца. Асмуд – первый человек киевского князя, а дядька Рёрах, хоть и не в Детинце живет, а на чужом подворье, все равно выше.

Так и получилось, что вместо двух полусотен у Духарева под началом оказалось без малого полтораста человек. Не много. Он водил и тысячу. Но те были – княжьи, а эти – его собственные. Только четырнадцатью десятками дело не ограничилось. Пока готовился поход, к Духареву шли люди. Слава у воеводы Серегея была немалая, служить ему многим казалось лестно. И выгодно. С удачливым вождем добыть можно немало.

В общем, каждый день доверенные Сергея – Понятко, Машег, Рёрах – приводили к нему одного-двоих воев со словами: «Этого надобно взять непременно». Духарев брал, полагая, что несколько человек ничего не изменят. Однако, когда его дружина удвоилась, Духарев решил прекратить набор. Наилучшим для этого способом было поскорее убраться из Киева.

Дружину свою (численность которой уже перевалила за три сотни) Духарев разбил на три части: хузар и прочих степняков отдал Машегу, гридней посерьезнее – Понятке, а отроков – Трувору. Тот хоть и молодой, а в заварушках бывал не единожды: с тринадцати лет в походы хаживал. А что степи не знает, так это поправимо. Духарев дал ему в помощники двух классных специалистов: хузарина Рагуха и гридня Бодая, бывшего Свенельдова десятника.

Князь уличский и древлянский воевода Свенельд появился в Киеве за день до отправления посольства. И немедля вызвал Духарева к себе. Сергей отправился с тяжелым сердцем. Ничего хорошего он от этой встречи не ждал.

Глава десятая

Человек из-за кромки

Духарев был в курсе, что Свенельд в свое время предпринял настоящий розыск, пытаясь вызнать, откуда взялся боярин-воевода Серегей со своим саженым ростом, нетрадиционным мышлением, рожей исконного кривича и чужеземным христианским вероисповеданием.

Свенельда можно понять: слухи о Духареве ходили всякие. Был и такой, что он – внебрачный сын самого Олега Вещего. Коли так, то вполне мог и киевского престола пожелать, а такой вариант ни Свенельда, ни Ольгу не устраивал категорически. Так что Свенельдов розыск с политической точки зрения был вполне обоснован. Но результат его был – шиш с маслом.

Появление Сергея в Малом Торжке десять лет назад было зафиксировано, благо засветился он там по полной программе: и кулаками помахал, и самого княжьего наместника Скольда за язык поймал и вынудил от собственного решения отступить. Но то, что говорили свидетели о торжковском «Серегее», плохо согласовывалось с тем, что видел сам Свенельд. Бывший Скольдов гридень Мороз утверждал, что чужак, объявившийся в Малом Торжке, не то что мечом – дубиной орудовать толком не мог.

Либо, посчитал Свенельд, Серегей ловко прикидывался увальнем, либо то был совсем другой Серегей, потому что тот ни за что не смог бы год спустя зарубить на смоленском торгу нурманского сотника славного Хайнара, брата еще более славного нурмана Виглафа, берсерка. Но если убийство Виглафа произошло где-то в лесу, и ходили об этом лишь всякие неверные слухи, то Хайнара Серегей прикончил на глазах у целой толпы свидетелей. Впрочем, как сражается воевода Серегей, Свенельд и сам видел. Любому ясно: такое мастерство не за год обретается. Еще знал Свенельд, что учил воеводу сам Рёрах. Но когда? И зачем, если Серегей тогда даже варягом не был. В варяги его посвятил Устах – это Свенельд тоже знал доподлинно.

В общем, чем больше сведений о Духареве набирал уличский и древлянский князь-воевода, тем более терялся в догадках. Будь его воля, забыл бы он о многочисленных заслугах Духарева и выставил сомнительного воеводу из Киева. Но даже всевластному Свенельду такое было не по силам. Его не поняла бы даже собственная дружина, в которой почти все старшие гридни с воеводой Серегеем приятельствовали. А уж юный князь точно не позволил бы отстранить от себя человека, который был ему наставником вровень с официальным пестуном Асмудом. Эх, с каким бы удовольствием откопал Свенельд что-нибудь конкретное о Серегиином происхождении. Но – тщетно. Никто, даже природный варяг Устах, самый близкий друг Сергея, не знал, откуда взялся Духарев на Свенельдову голову. Впрочем, были два человека, которым воевода рассказал о себе почти все: ученый парс Артак и старый варяжский вождь Рёрах.

Эти двое были люди незаурядные. Один – ведун, второй – ясновидец-предсказатель, то есть с потусторонними силами тоже, считай, запанибрата. К тому же оба и так знали, что Сергей, мягко говоря, нетутошний. И, более того, до сих пор существующий частично вне этого мира. Правда, с «технической» стороны точки зрения этих двух специалистов по магии на Духарева как потустороннее существо не совпадали. Рёрах, ставший ведуном после того, как оставил за кромкой полноги, полагал, что Духарев пребывает большей частью в этом мире, но в том тоже оставил нечто конкретное, хоть и небольшое. Что именно, Рёрах не знал. Парс же, наоборот, утверждал, что лишь незначительная часть Сергея воплощена в этом мире. Артак с самого начала полагал Духарева могучей потусторонней сущностью, чуть ли не божеством, лишь ничтожная часть коего могла воплотиться в брентную человеческую

оболочку. Сергею было занятно наблюдать, как оба мудреца воспринимали его рассказы о будущем: не столько пытаясь осознать сказанное, сколько вгоняя описываемые Духаревым вещи вроде вертолетов, видео и искусственных спутников в привычную систему мировоззрения. Первое время Духарев пытался с этим бороться: рисовал картинки, в меру своего скудного образования прояснял технические подробности... Без толку. Духарев был почти уверен: повисни у них над головами настоящая «вертушка», Ми-27, к примеру, так один мудрец увидит в ней помесь Слейпнира со Змеем Горынычем, а второй – какую-нибудь Птицу Гаруду или как там она у парсов называется.

Это было нормально. Так же нормально, как и то, что всякую сюрреалистическую нежить своего мира и варяг, и парс воспринимали хоть и с позиций разного магического образования, но вполне адекватно и реалистично. Так, историю с уродом, десять лет назад напавшим на Духарева со Сладой в ночь летнего солнцеворота (Сергея до сих пор в дрожь бросало от воспоминания), Рёрах и Артак заслушали вполне серьезно, уroda классифицировали (каждый по-своему), действия, предпринятые Духаревым, проанализировали и признали малоэффективными, но правильными. Правда, и тут между мудрецами не оказалось полного согласия: Рёрах считал, что Сергей шуганул нежить силой, шедшей к нему из-за кромки, а парс полагал, что Духарев напугал тварь демонстрацией своей истинной, «демонической» сущности. Ладно, что в лоб, что по лбу, все равно одной и той же деревянной ложкой.

Как ни крути, а в одном эти специалисты по потусторонним делам были правы: десять прошедших лет не сделали Духарева стопроцентным человеком этого мира. И правильно чуял Свенельд: Духарев не такой, как все. Прошлое-будущее так и не отпустило Духарева от себя. Даже бодрствуя, Сергей время от времени воспринимал его контуры, проступавшие сквозь реальность этого мира. К такой мистике он уже привык, перестал бояться, что его засосет обратно в двадцать первый век. Он даже научился использовать это состояние, на опыте убедившись, что окружающая его реальность начинает дрожать и расплываться только тогда, когда ему предстоит сделать основополагающее решение или совершить нечто действительно значимое. Это было даже приятно: чувствовать себя вещим. И чем лучше помнился тот мир, тем полнее и острее воспринимался этот. Оставаясь человеком другого тысячелетия, Духарев умел понимать и ценить преимущества этого времени. Он любил родных и друзей, а родные и друзья любили его, даже не задумываясь о том, кто он и откуда. И Духарева ничуть не заботило, что его старший сын Артем никогда не сядет за руль и не сыграет в компьютерную игру, а его жена никогда не воспользуется французской парфюмерией... Последнее, впрочем, теоретически возможно. Франция в этом мире есть. И парфюмеры там тоже есть, надо полагать. Но вряд ли их продукция лучше тех сирийских притираний, которые привозит сестре Мыш. Итак, будучи продуктом общества высоких технологий и низких целей, Духарев нисколько не парился от того, что его дети никогда этого общества не увидят. Но сам он, к сожалению, продолжал видеть его постоянно. Во сне. Да, черт возьми, Сергею постоянно снились сны из той жизни. Причем иные сны были такими яркими, что пока Сергей спал, сном казалась вся его варяжская жизнь. В снах этих Духарев тоже был очень авторитетным человеком, но каким-то порченным: жадным, злым, циничным. У него было брюхо больше, чем у боярина Шишки, ладони мягкие, как у женщины, а пальцы толстые, как у ромейского евнуха. В этих снах Духарев говорил по-русски, но как будто на другом языке, на людей смотрел, как на челядь, а когда говорил с теми, кто выше (а таких было немало), то выдавливал из себя улыбку, словно моллюска из раковины. Еще в снах все время был страх. Обычно страх прятался где-то за спиной, но время от времени касался ледяной лапкой виска или шеи, и тогда Духареву сразу хотелось выпить водки. И чем больше он пил, тем чаще приходил страх. Варяг Серегей ничего не боялся: ни нурманского клинка, ни печенежской стрелы, ни княжьего гнева. Его жизнь была великой ценностью, пусть даже и принадлежала не многим: семье, князю, Киеву.

А тот Сергей Духарев, наоборот, жил исключительно для себя. И живя так, как ему хотелось, чувствовал, что очень многим он мешает жить так, как хочется им. Тот Духарев

жил не в маленьком средневековом городе, а в самой Москве (Питер Сергею теперь почти не снился), в просторной квартире с тремя ванными. У него были и другие дома и даже особняк на Рублевском шоссе, почти такой же большой, как здешний дом на Горе. Но когда тому Духареву нужно было выйти из дому, первыми выходили суровые мужчины с бесцветными глазами. Они проверяли всё: улицу, машины, подходы. Только тогда, в окружении других мужчин, еще более крупных, чем он сам, Духарев выбирался на открытый воздух. И сразу же нырял в пахнущий ароматизаторами салон авто, а потом ехал куда-то. Навстречу новым проблемам.

В той жизни у Духарева было много поездок, но все они были одинаковыми; было много красивых женщин, но они тоже были одинаковыми, яркими и бесцветными одновременно. И, главное, там не было Слады.

– Сладушка моя сладкая! – Сергей нежно провел пальцами по белой коже между набухших молоком грудей.

Сладислава не взяла кормилицу, выкармливала дочку сама. Двух сыновей и двух дочерей родила она Духареву, но по-прежнему оставалась такой же стройной и юной. Или ему так казалось? Во всяком случае любил он ее по-прежнему и желал так же страстно, как и десять лет назад. У него были и другие женщины там, в походах, но нужна ему была только она. И не было у Сергея других жен и наложниц не потому, что он – христианин, а потому что не хотелось ему других жен. Наверное, он и христианином оставался только ради жены. Она стала самым дорогим подарком его новой жизни. Сладушка...

– Мне так хорошо, Сережа... – маленькая женщина потянулась к нему, уткнула головку куда-то под мышку. – Так хорошо...

Это была их последняя ночь. Завтра Духарев уезжал к уграм. Послом от Святослава. Угорский княжич Тотош оставался здесь, в доме воеводы. За ним присмотрят. Впрочем, Сергей и не ждал от него сюрпризов. Княжич поклялся, что не сделает попытки бежать. Духарев ему верил и предоставил полную свободу в пределах города. Тотош даже ездил со Святославом на охоту. Они были ровесники, но в этой паре Святослав был безусловно старшим. Пусть подружатся. Когда-нибудь угр вырастет и тоже станет князем. А друзья-князья – это не просто друзья, это союзники...

Духарев, расслабившись, отдавался ласкам жены. Он наслаждался ее близостью, чувствуя, как уходит усталость, как уходит тяжесть из тела и мыслей.

Сегодня у него был трудный день. Тяжелейший разговор со Свенельдом. Князь уличский и древлянский не хотел этого посольства. Казалось бы, мир с уграми в его интересах: всё самое лакомое он уже прибрал к рукам. И уличи под ним, и тиверцы – его данники. Может, причина в том, что смерды куда больше ценят своего князя, когда тот не просто опустошает их кладовые, а защищает смердов от разбойников-угров... Которым эти смерды ранее кланялись данью. Очень может быть, ведь бьется с уграми дружина Святослава, а погосты, на которые свозят дань, – Свенельдовы. По договору часть «прокорма» должна была отходить великому князю, но практичный Свенельд предоставлял Святославу брать этот «прокорм» самому, причем предлагал для отдачи исключительно пограничные территории.

Святослав не возражал. Ему нравилось драться, а не считать мешки с зерном и овечьи шкуры. А его мать... У матери-княгини со Свенельдом – давняя дружба. Злые языки поговаривали, что...

Впрочем, не так уж это важно. Важно, что Свенельд в трудное время княгиню поддержал. Далеко не факт, что без Свенельда Ольга смогла бы удержать единство киевской державы...

Но если задуманное Духаревым удастся, то княгиня точно будет на его стороне.

– Береги себя, Сережа... – шептала Слада, прижимаясь к мужу так знакомо и нежно, что сердце его наполнялось щемящей нежностью. – Береги себя, а я буду все ночи за тебя молиться...

«Бедная, – подумал он. – Как часто ты меня провожаешь...»

Большую часть времени воевода проводил в походах. Из любого он мог не вернуться. И Слада это знала. Тяжко большую часть своей жизни ждать возвращения любимого... И знать, что он может и не вернуться. Много ли женщин там, где родился Сергей, могут так ждать? Да, здесь это – норма. Здесь все жены воинов и правителей живут так. Но все равно чертовски тяжело... И Духареву не хотелось думать о том, что наступит время, когда его сыновья подрастут и тоже станут воинами... Впрочем, у Сергея был выход: он мог брать их с собой. Хотя отец угорского княжича тоже, наверное, брал сына в походы... Какое-то время. И Ольбарт Красный. Так что это не поможет. Не будет сын вечно за отцово стремя цепляться. Только одно поможет им выжить: если станут настоящими воинами. Такими, как он. Нет, лучше такими, как князь киевский Святослав.

Глава одиннадцатая

В которой воевода киевский Сергеем беседует с великим воеводой мадьярским Такшоном, сыном Левенте

Угорского князя звали Такшонь, и был он внуком и сыном неких Арпада и Левенте. Предводителем союза венгерских племен Такшонь стал, унаследовав «должность» после смерти своего двоюродного брата Фаличи. Крепость Такшонь тоже унаследовал от брата, который, собственно, ее и построил.

Толмач назвал Такшоня хаканом. Ну да, хакан – это по-степному. Болгарского царя в степях тоже хаканом кличут. Сами угры-мадьяры во время официального приема называли вожда дьюлой, что, как уже знал Духарев, было поменьше, чем великий князь мадьяр. Но еще он знал, что именно к дьюле Такшоню подкатывались легаты германского императора Оттона, склоняя ввести на своих землях католицизм. Сулили, что император дарует Такшоню титул короля. Это Сергею Мыш сообщил. Такшонь королем стать хотел, но идти под власть императора, который недавно крепко накидал его соплеменникам, не рвался. Здесь, в горах, Такшонь чувствовал себя весьма уверенно. И крепость у него – будьте-нате. Немногим хуже хузарского Саркела. Хотя Саркел строили византийские зодчие, а этот мрачный замок, скорее всего, – европейцы.

А сами угры – типичные кочевники-воины. Хищники. С точки зрения Европы – дикари. С точки зрения Константинополя-Царьграда – варвары. Но Духарев гораздо охотнее имел бы дело с ними, а не с копчеными-печенегами.

Шли сюда от Киева легко. Двигались трактом, от колодца к колодцу, обгоняя редкие караваны и в локальные конфликты почти не ввязываясь. Посольство тоже не трогали. Накатить на три сотни дружинников могла только большая орда, но такой по дороге не попалось, а отдельные разбойничьи шайки при виде русов быстренько поворачивали коней.

Непривычные к степи молодые варяги изумлялись ее простору, называли степь «травяным морем». Духарев воспользовался случаем: преподал им пару уроков «степной охоты», в которой стал мастером не хуже Машега. По его команде хузары с Понятковыми гриднями отследили и загнали, как тарпанов, ватажку копченых. Кто сам сдался, убивать не стали: забрали коней, ободрали и в одних портках отпустили гулять. Гулять копченым было неблизко: до ближайшего колодца – под сотню стрелищ. Для непривычных к пешим перемещениям кочевников – изрядный кусок.

Трувору и его родичам было продемонстрировано стандартное степное оружие: кривая сабелька, пика, булава для ближнего боя и, главное, короткий, хитро изогнутый лук, из которого можно на скаку бить шагов на двести пятьдесят. Луки эти, конечно, уступали хузарским, но заметно превосходили варяжские. Трувор и его люди были воинами высокой квалификации, но их ратное искусство – северное, то есть с упором на пеший бой. Под Степь им придется переучиваться так же, как когда-то переучивался и Духарев. Ничего, справятся.

Угры встретили посольство за Истром. Сергеем, во избежание осложнений, заранее отправил на ту сторону гонца. Так что не успели русы вытряхнуть солому из бурдюков, на которых форсировали реку, как на горизонте показались всадники-угры. А через два дня

посланцы увидели грозную крепость хакана Такшоня.

– Чего ты хочешь, рус? – спросил хакан-князь-дьюла Такшонь.

В холодной мрачноватой зале с пыльными гобеленами и несоразмерно высоким потолком их было только трое: Такшонь, Сергей и толмач.

Это Сергей потребовал разговора наедине. Магьяр согласился. Был он мрачен. Впрочем, с чего ему быть веселым? Духарев уже знал, что Тоттош двинул в рейд на уличские земли без батькина благословения. Удадь решил проявить. Вот и проявил.

– Чего ты хочешь, рус?

Духарев молчал.

За последние несколько лет он многожды дрался с уграми. За земли, за данников. Это были в большинстве даже не битвы, а мелкие стычки вроде той, в которой взяли сына дьюлы.

Духарев молчал.

Перед ним был повелитель. Потомок повелителей. И предок тоже. Потомки его племени выживут. Там, в будущем, нет ни жестоких печенегов, ни высокомерных хузар, ни хитроумных византийцев. А магьяры – есть.

– Чего ты хочешь, рус? – снова перевел толмач.

У толмача была длинная тонкая шея, забавно изогнутая. Как у гуся.

– Чего я хочу...

Недавно угров в Европе крепко побили. Сначала Генрих Баварский накомстил им в Северной Италии, а в прошлом году где-то под Аугсбургом и вовсе смешали с пылью вождей трех угорских племен. Хакана Такшоня там не было. А хоть бы и был... Европа, наконец, научилась противостоять страшной угорской коннице. Это факт, который вынудил угров переключиться с запада на восток и стать активными конкурентами Киева и печенежских орд в Большой степной игре.

В степи, на расстоянии полета стрелы, угры мало чем отличались от копченых, печенегов. Но вблизи...

– Я хочу, хакан Такшонь, чтобы между нами была дружба, – сказал Духарев.

– Ты от себя говоришь, воевода? – властный магьяр растерялся.

Он умел видеть правду (иначе какой из него правитель) и видел, что громадный варяг не лжет.

– Великий князь киевский прислушивается к моим словам, – осторожно ответил Духарев.

– Великий князь киевский – мальчишка! – с легким пренебрежением отозвался магьяр (толмач перевел: «Еще очень молод»). – Мальчишка! Такой же, как мой сын. Мы знаем, что киевской вотчиной правит княгиня Ольга совместно с князем Свенельдом. Не думаю, что Свенельд захочет этой дружбы.

– Во-первых, великий князь киевский уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения, – сказал Духарев. – Во-вторых, у воеводы Свенельда более нет интересов на угорских землях.

– Еще бы! – фырнул магьяр. – Он уже взял, что хотел!

– Да, – согласился Духарев. Не стоило оспаривать очевидное. Большинство персональных данников Свенельда когда-то платили уграм. – Ты хочешь вернуть потерянное?

– Хочу.

– Этого не будет, – спокойно ответил Духарев. – Ты сам знаешь. Все, что ты можешь, – посылать мелкие отряды, чтобы грабить киевские земли. А мы их будем перенимать и бить... Без толку расходуя силы, которые можно было бы применить с большим успехом и большей выгодой и для русов, и для вас, магьяр. Почему бы тебе не обратить своих воев на другую цель?

Дьюла не ответил: ждал продолжения.

– Я знаю, – сказал Духарев, – что запад нынче закрыт для твоих походов.

– Ты неплохо осведомлен для руса, – недовольно проговорил мадьяр.

– Я умею разговаривать с чужеземными купцами.

На самом деле Сергей полагался не столько на чужеземных гостей, сколько на своих. Его названный брат, Мыш-Момчил из Радов Скопельских, был главным информатором Духарева.

– Византия? – полуутвердительно спросил Такшонь.

– И Византия тоже. Я слышал, ромеи больше не платят вам дань.

– Киеву они тоже не платят, – отозвался Такшонь. – Больше не платят. А мой брат уже не единожды силой брал то, что Константинополь отказался отдавать добровольно.

– Византия богата, – согласился Духарев. – Но ни вам, ни нам, ни печенегам не овладеть ее землями. А ведь совсем рядом с нами лежит богатство, которое может полностью принадлежать нам.

– Болгария? – попробовал угадать дьюла.

– Нет, – Духарев покачал головой. – Хузары.

– А-а-а... – интерес мадьяра сразу утратил остроту. – Это для вас – рядом. А между нами и ними земли двух печенежских ханов... И еще тех данников, которых отбил у меня ваш Свенельд.

«В том-то и дело, – подумал Духарев. – Потому-то мне и нужен ты, а не печенеги».

Печенеги встанут на хузарскую землю крепко, двумя ногами, а угры не смогут.

– Наша Тмутаракань, которую у вас называют Таматархой, тоже далеко от Киева, – сказал Духарев. – И тоже через земли печенегов... которые ранее были хузарскими.

– То верно, хузары теряют свои земли и силу, – согласился Такшонь. – Но у всякого народа бывают плохие времена. Быть может, они еще возродятся.

– Нет, – твердо произнес Духарев.

– Почему ты так думаешь, воевода?

– Я не думаю, – воевода киевский посмотрел в черные блестящие глаза воеводы мадьярского. – Я знаю.

Он действительно знал. Но для угра нужны были аргументы.

Такшонь скептически приподнял бровь.

– Ты видел природных хузар среди тех, кто приехал со мной? – спросил Духарев.

– Допустим.

– Это белые хузары! – подчеркнул Духарев. – В дружинах киевского князя и воеводы Свенельда немало белых хузар.

– Я не удивлен, – пожал плечами дьюла. – Белые хузары – воины.

– Вот именно. Потому Киев привлекает их, дает им земли в удел. Земли, которые когда-то были хузарскими.

– Ну и что с того? – еще раз пожал плечами Такшонь. – Славяне тоже воюют за ромеев. Я слышал, и у Оттона были ваши.

Духарев пожал плечами. Оттон побил угров. И, насколько известно Духареву, из угров же набрал легкую конницу.

– Наши вои сами выбирают себе повелителя, – сказал он. – Князь им не указчик. Наш князь – не хакан хузарский.

– Это так. Почему бы хузарам не повоевать за твоего князя? Да, я слышал и более того: целые хузарские роды отрекаются от иудейской веры и уходят под власть печенежских ханов. Зато за хузарского хакана сражаются лучшие воины ислама. А сражаться они умеют, это я знаю не понаслышке, я сам с ними дрался!

– Они сражаются не за свою землю, а за золото хакана! – возразил Духарев. – А золото хакана когда-нибудь кончится. Но...

Он остановился.

– Что? – спросил весьма заинтересованный мадьяр.

– Почему бы нам не взять это золото до того, как его запас иссякнет?

– Даже если мы объединимся, Итиль нам не по зубам.

– Сейчас – нет, – согласился Духарев. – Но я готов поклясться: пройдет несколько лет – и это станет возможно. Если мы объединимся.

– А если нет?

– Если нет, хузары все равно падут. И богатства их достанутся печенегам. Но даже если я ошибаюсь насчет хузар, есть много других земель, которые могут... представлять для нас интерес. Вот я слышал: ромеи платят булгарам ежегодную дань...

– Это не дань! – возразил Такшонь. – Это годовое содержание их принцессы, жены болгарского хакана.

– У ромеев так много императоров, что вполне может найтись еще парочка принцесс.

– Твой князь – язычник. Ромеи никогда не отдадут дочь императора за язычника!

– Что ж, – философски ответил Духарев. – Ты ведь христианин. А киевский князь, я уверен, согласится и на одно содержание. Принцессу ромеи могут оставить себе.

Такшонь улыбнулся, а Духарев продолжил, уже серьезно:

– Мое слово таково, хакан: я предлагаю тебе союз! И в знак крепости моих слов я готов возратить тебе сына. Без всякого выкупа! Но и ты должен дать мне залог своего расположения...

– Какой? – осторожно спросил Такшонь.

– Ты должен отдать мне свою дочь!

– Тебе? – произнес с некоторым удивлением хакан угров. – Но ведь у тебя есть жена. И мне говорили, ты христианин, как и я, и не берешь в дом даже наложниц. Меня обманули?

– Нет, – качнул головой Сергей. – Все правильно. («Ага! Ты тоже навел обо мне справки».) Я беру твою дочь не для себя, владыка. Я беру ее для моего князя.

– А что скажет княгиня Ольга?

– Княгиня Ольга не станет возражать, если женой ее сына окажется христианка.

«Но главное, – подумал Духарев, – Ольга хочет мира. А дружба с уграми обеспечит нам здесь, на западе, надежный мир... И мы сможем смело двинуть на восток, на вятичей. А затем – на хузар. Свенельд тоже не будет противиться. Ему мало дани на улицах и тиверцах, земли которых он оттяпал у угров. Он хочет заиметь кусок и на востоке».

– А если не согласится сам князь? Недавно ты сказал: он уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения. Что если ему не понравится моя дочь?

– Она ему понравится, – улыбнулся Духарев. – Твой сын сказал: его сестра почти так же красива, как моя жена.

Такшонь тоже улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Я согласен. Но ты, воевода Серегей, поклянешься мне нашим общим Богом и жизнью своей супруги, что моя дочь не потерпит в твоей стране обиды!

– Я клянусь! – торжественно произнес Духарев и поцеловал маленький золотой крестик, который он уже много лет носил на груди. Единственное, что осталось у него от того мира, кроме кое-каких знаний и снов.

– Я принимаю твою клятву! – не менее торжественно произнес Такшонь. – Моя дочь поедет с тобой в Киев. Уверен, что ты исполнишь свое обещание и пришлешь мне сына без всякого выкупа.

– Так и будет! – ответил Духарев.

В крайнем случае он сам заплатит за мальчишку. А в том, что дочь Такшоня понравится Святославу, он не сомневался. Парень не однажды высказывал свое восхищение Серegiной женой. А девчонка действительно похожа на Сладу. Духарев вчера сам в этом убедился.

– Союз? – он протянул руку мадьярскому воеводе.

– Союз! – рука дьюлы, такая же мозолистая клешня, как и его собственная, протянулась навстречу.

– Союз! – с важностью перевел толмач.

Это было последнее слово, которое он произнес в своей жизни. Ладони воинов разъединились... И рука мадьярского воеводы смяла тощую шею толмача...

– Слишком важные слова, – на ломаном хузарском произнес Такшонь. – Знаешь ты, знаю я. Достаточно.

Через восемь дней посольство отправилось обратно. Духарев вез в Киев подарки от угорского дьюлы. Главным «подарком» была юная княжна – будущая жена киевского князя. Конечно, Сергей рисковал. Не подобало ему выбирать будущую киевскую княгиню. Но он полагал, что достаточно хорошо знает и Ольгу, и Святослава, чтобы рискнуть. Прецедент, впрочем, был. Саму Ольгу точно так же привез из Плескова воевода Олега Вещего. Правда, воевода заранее знал, кого следует привезти. Но кто такая была Ольга с формальной точки зрения? Да никто! Мать ее – ничем не примечательная дочь одного из плесковских старшин, а кто отец – вообще неведомо. То есть ведомо... кому надо. Но официально – безотцовщина. А Духарев везет ее сыну природную княжну.

Разве что Свенельд останется недоволен. Вот если бы Духарев привез невесту его сыну, тогда другое дело! Перебьется. Лют, конечно, неплохой парнишка, но о невесте для него пусть позаботится папаша.

Глава двенадцатая

Предательство

Крепость угорского дьюлы давно потерялась вдали. По мысли Духарева, их отряд уже давно должен был выехать на равнину, а узкая – две повозки не разойдутся – дорога все еще виляла по ущельям да перевалам. На такой дороге хорошо врага держать, а путешествовать лучше по тракту. Три сотни духаревской дружины растянулись на полкилометра. Сам воевода ехал в центре, вместе с юной княжной, а возглавлял колонну угорский боярин с типично печенежским именем Кухт.

Боярина Такшонь послал с княжной в Киев. Этот же боярин должен был на обратном пути сопровождать сына дьюлы. С Кухтом шли всадники, тоже около трех сотен. Разведку тоже вели они. Духарев не возражал: тут была угорская земля.

– Выйдем прямо к Дунаю, – пообещал Кухт. – Так безопаснее, чем на равнине, где нас всяк издалека увидит. Мы ведь не налегке: княжну везем, приданое...

В принципе, он был прав, хотя Духарев помнил, что, переправившись через Дунай, они уже через два дня прибыли к Такшоню. Но и то верно, что сюда ехали налегке, большей частью без всякой дороги, иногда еле заметными тропами. Тоже не сами – вел старший отряда, высланного Такшоном навстречу посольству.

Но дело было в том, что тот проводник Духареву нравился, а боярин Кухт – нет. И общались они через толмача. По-русски Кухт не понимал, по-хузарски тоже. И еще он все время неприятно скалился: надо полагать, у него улыбка была такая, но Духареву казалось: Кухт толмачу одно говорит, а толмач Сергею – другое.

Между собой русы звали Кухта подханком.

Будь на то Серегина воля, он охотно отдал бы подханка своим дружинникам: допросить с пристрастием.

А вот девочка-княжна Сергею нравилась все больше. Тихая такая, глаза доверчивые. Чем-то она ему напомнила Рогнеду, меньшую дочку полоцкого князя Роговолта. Та, правда, совсем малышка. Прошлой зимой, когда Духарев был в Полоцке (по делам, и друга Устаха заодно навестить), крохотуля забралась Духареву на колени и глядела так, словно Сергей ей родной. Помнится, он тогда пожалел, что не взял с собой семью: его Данка Рогнеде – ровесница. Но Серегину дочь тихоней никто не назовет – сущая оторва.

На Духарева вдруг нахлынула грусть: всё он в походах да плаваниях. Со своими и месяца полного провести не получается.

Машегу вот хорошо! Его любимая всегда рядом.

Хузарин будто почувствовал: подтянулся поближе.

– Думы, Серегей? – спросил он по-хузарски.

– Есть немного, – ответил Духарев.

- Вот и мне тоже что-то не по себе.
- Что? – мгновенно насторожился Духарев.
- Я двоих отроков послал вперед пробежаться...
- Зачем? Там же угорские дозоры!
- То-то и оно, что угорские. А моим бы уже вернуться время, а нету.
- Может, этого спросить? – Духарев кивнул на угорского боярина.

Машег скептически поджал губы. Ему угр тоже не нравился. Но оснований для недоверия не было. Разве мог Такшонь дать в сопровождающие дочери ненадежного человека?

- Может, сказать нашим, чтобы брони вздели? – предложил Машег.

Духарев поглядел на небо. Нормальное небо, немножко пасмурное. До обеда еще стрелищ сорок проехать можно. Машег понял его взгляд неправильно:

- Хочешь по облакам судьбу прочесть? – спросил он серьезно.

Вот что значит репутация ведуна!

- Нашу судьбу в чужом небе не прочтешь, – отозвался воевода.

Но все же прислушался: что там интуиция говорит? Когда столько лет в походах, седалищное чутье обостряется невероятно. И не только седалищное.

«Что-то подханок наш слишком оживлен... – подумал Сергей. – Как будто ждет чего-то...»

Сразу вспомнилось, что на стоянках угры все время сторонились русов. Как будто получили команду не вступать с ними в контакты. Это было не похоже на поведение угров в крепости Такшоня. Когда выяснилось, что дьяла с киевским воеводой договорились по-хорошему, местные стали относиться к киевскому посольству с подчеркнутым дружелюбием.

– Добро, Машег, – согласился Духарев. – С Кухтой я перетолкую. А наши пусть взденут брони. Только незаметно.

- Можно и незаметно, – согласился Машег. – Вozy пылят, за пылью ничего не видно.

Духарев направился в авангард, к уграм.

Угорский боярин – красная шапка, красный кафтан, красные кисти на упряжи – осклабился во весь рот, словно близкого друга увидел.

Его ближние всадники посторонились, пропуская киевского воеводу.

- Что впереди? – спросил Духарев. Толмач перетолмачил. Угр осклабился еще шире.

– Хан Кухт сказал: не беспокойся, рус! Хан позаботится о дочери Такшоня как о своей. Хан сказал: дочери дьялы Такшоня, должно быть, скучно ехать с русами: даже поговорить не с кем. Веселей бы ей со своими ехать.

– Дочь дьялы едет с нами, – отрезал Духарев. – И она не скучает: учит наш язык, чтобы беседовать со своим мужем без толмача. Я задал тебе вопрос: что впереди? Я хочу знать, хан, когда я увижу Дунай?

- Ты увидишь! – заверил хан. – Всё увидишь! Уже скоро! Завтра!

Духарев придержал коня, пропуская голову колонны. Ситуация ему не нравилась. Дороги он не знал. У него даже не было возможности контролировать общее направление: местность холмистая, дорога петляет, как пьяный заяц.

Юная княжна ехала в окружении русов. Верхом. Рядом, почти касаясь коленом ножки княжны, ехал Понятко.

Двадцатисемилетний красавец-варяг, сотник, любимец великого князя киевского, на взгляд Духарева, держался слишком близко от будущей великой княжны. И вел себя, по мнению воеводы, весьма легкомысленно. Любвеобильная душа Понятки взбудетенивалась при виде любой красивой женщины. Разве что с духаревской Сладиславой он вел себя пристойнее. Но тут особая статья.

Угорская княжна – тоже статья особая, но Понятко все одно заливался соловьем. В прямом смысле: щелкал и свистел, закладывая коленца не хуже пернатого певца. Княжна слушала благосклонно.

– Сотник! – немелодично рявкнул Духарев. – Ко мне!
Понятко мигом оборвал трель и поспешил к воеводе.
– Я ее князю везу, ты не забыл? – сурово произнес Сергей.
– Так я только повеселить ее хотел! – беззаботно отозвался Понятко. И тут же посерьезнел: – Случилось что, воевода?
– Может, и случилось. Машег пару отроков вперед послал – не вернулись.
– Давай я сам съезжу, – предложил Понятко. – Отстану, через вон тот взгорок переберусь и обгоню.
– Езжай, – согласился Духарев.
Понятно был отменным разведчиком, даже лучшим, чем хузары. Ложку изо рта у тебя вынет – не заметишь.
Понятко придержал коня, пропуская повозки, а Духарев поскакал вперед, догнал Трувора.
Рёрехов племянник ехал в первой тройке своей сотни. Слева – Рагух, справа – Бодай. Рагух и Бодай дискутировали, Трувор слушал. Тему для дискуссии ветераны выбрали весьма интересную: прикидывали, как и где можно расположить засаду, чтобы ударить по посольству. И сколько у врага должно быть воев, чтобы обеспечить гарантированную победу. Рагух считал, что при внезапном нападении можно найти местечко, где хватит и пары сотен хороших стрелков. Бодай с хузарином не соглашался. Мол, дружина у русов бронная, а колонна растянулась сильно. Так что при плотности один лучник на каждые два шага получится минимум четыре сотни. А иначе он, Рагух, непременно найдет местечко, где укрыться, и тогда...
– Трувор! – позвал Духарев. – Скажи своим молодцам, чтобы взяли под охрану княжну. Умрите, но она должна остаться живой.
– Накаркали! – воскликнул Бодай. – Кто нас полует? Копченые?
– Пока неясно, – честно ответил Духарев. – Чую, что-то неладно.
– А угры что?
– А уграм, гридь, у меня полной веры нет.
– Скверно, – вздохнул Бодай.
Как всякий опытный воин он терпеть не мог неопределенных ситуаций.
– Княжну Понятковы люди охраняют, – напомнил Трувор. – Их куда?
– Их – вперед. Пока Понятки нет, я сам их поведу.
Как ни высоко он ставил варяжскую молодежь, а все-таки в бою предпочитал более опытных киевских гридней.
Понятки все не было. Тревога Духарева усилилась. Он отправил Рагуха, немного понимающего по-мадьярски, потолковать с уграми, прощупать обстановку.
Рагух вернулся ни с чем. Угорский сотник отнесся к хузариному довольно недружелюбно, а рядовые всадники, глядя на командира, тоже на контакт не пошли.
Духарев принял решение. Как только караван вышел на взгорок, с которого во все стороны было видно на пятьсот шагов, Сергей отдал своим команду: «Стой!»
Духаревские сотни дисциплинированно остановились. Угры продолжали двигаться. Они удалились почти на полкилометра, когда их вожак наконец сообщил, что русы встали. От подханка примчался посыл: что случилось?
Духарев отправил его без ответа.
Через десять минут примчался сам подханок Кухт. Роба малиновая, глаза бешеные.
За это время сотни Духарева успели перестроиться. Внутри, вокруг княжны – спешившиеся варяги. Вторым кругом – гридни Понятковой сотни. А хузары Машега, напротив, рассеялись вокруг, держась небольшими группками по два-три всадника.
– Что такое, рус? Почему встали?! – выпучив глаза, закричал Кухт.
Толмач отстал, но сказанное было понятно и без толмача.
Духарев подал коня вперед, наехал на подханка, глянул на него сверху вниз.
– Захотелось, – процедил он.

– Я велю немедленно ехать! – закричал Кухт на плохом печенежском.

– А я велю стоять, – спокойно ответил Духарев.

– Я говорю – ты делаешь!

Духарев покачал головой.

– Я тебя заставлю! – брызжа слюной завопил подханок.

Плеть Духарева мелькнула в воздухе, и на физиономии угра образовался багровый рубец. Духареву давно хотелось это сделать, и он решил, что может не отказывать себе в такой малости. Хлестнул легонько. Ударь посильнее – до зубов бы угру щеку просек.

Подханок взвыл, схватился за саблю... И обнаружил, что гридни киевского воеводы как-то незаметно оттеснили его угров, и теперь вокруг Кухта одни враги.

Тут, как раз вовремя, в круг протиснулся толмач. Его пропустили.

– Ты посмел ударить меня! – по-мадьярски прошипел подханок.

– Ты меня оскорбил, – жестко произнес Духарев. – Никто не говорит мне: я тебя заставляю, даже мой князь. А ты – никто. Ты – навоз под копытами моего коня. Я позволил тебе быть моим проводником, но ты должен знать свое место, холоп угорского хакана!

– Я не холоп! – бешено закричал Кухт. – За такие слова жизнью отвечают!

– Ты сказал, – констатировал Духарев. – Мы слышали. Как будем биться: пеше или верхом?

Подханка словно ледяной водой окатило: сообразил, что киевский воевода его спровоцировал. Но деться некуда: угрозу все слышали, а за такие слова принято отвечать.

Русы подались в стороны, пропуская мадьярских всадников в круг. Те тоже слышали заявление командира. Воевода русов принял вызов. Теперь поединок между начальниками – их личное дело. Запретить его могли только те, кому дуэлянты присягали на верность. Но ни князя киевского, ни дьюлы угорского здесь не было.

– Конно, – буркнул подханок. Сергей кивнул.

Вооружение у них было примерно одинаковое. У Духарева доспехи и оружие получше, но не настолько, чтобы он получил явное преимущество.

– Биться будем там! – Кухт махнул рукой в сторону лежавшей справа от дороги пустоши, покрытой выгоревшей травой и мелкими кустиками.

Сразу за пустошью начиналась гряда холмов, но сама она идеально подходила для конной дуэли.

– Годится, – кивнул Сергей, и подханок тут поскакал к дальнему краю пустоши.

За начальником, соблюдая дистанцию, порысили его ближние воины.

Духарев привстал на стременах, огляделся: его гридни стояли как надо. Где же, черт его дери, Понятко?

К воеводе подъехал Машег.

– Если ты хотел его убить, приказал бы мне, – укорил он. – Ты же воевода!

– Не жадничай, – улыбнулся Духарев. – Вот убьет меня, тогда и тебе достанется.

– Не шути так! – строго произнес Машег.

– Да ладно! Вот то, что Понятки все еще нет, меня действительно беспокоит.

– Да не волнуйся. Нет его, значит, далеко уехал.

– А твои отроки?

– Они живы.

– Вернулись? Что ж ты молчишь! – воскликнул Духарев.

– Нет, еще нет.

– Откуда ты тогда знаешь, что они живы?

– Я Бога спросил, – очень серьезно сказал Машег. – Бог ответил.

– Так прямо и сказал? – изумился Духарев.

– Серегей! – укоризненно произнес Машег. – Божье Слово сердцем слышат!

Духарев удержался, промолчал. Обижать Машега ему совсем не хотелось.

Они приближались к боевому рубежу. Примерно в трех сотнях шагов застыл крохотный одинокий всадник: хан Кухт.

– Отъезжай, – сказал он другу. – Еще ненароком стрелой заденет.

Машег пренебрежительно фыркнул, но отстал. Дуэль есть дуэль. Один на один.

Солнце стояло высоко. Пахло горячей травой и конским потом. В блеклом небе кружились черные птицы, обычные спутники воинов.

Духарев взял лук, расстегнул колчан, сдвинул его поудобнее, вытянул три бронебойные, с гранеными наконечниками. Одну – наложил, две – прижал мизинцем. Эх, ветерок неприятный, встречный. Хоть слабенький, но порывистый. Надо полагать, именно поэтому подханок решил занять дальнюю позицию.

Противник ждал. Духарев видел, что он тоже приготовился. Угры – отменные стрелки, надо быть начеку. Сергей легонько послал коня вперед. Пепел, настоящий боевой конь, чувствующий каждое движение-желание хозяина, взял коротким галопом. Именно так, как надо. Духарев поднял лук...

Угр выстрелил первым. Метнул сразу три стрелы, Духарев – только одну. Он не видел, куда она ушла, попал бы – увидел. Угр тоже промахнулся. Три его стрелы прошли намного выше головы Духарева. И тут хан развернулся и поскакал к холмам. Это что за фокусы?

Духарев еще удивлялся, но его колени уже послали коня в намёт. Конь у Сергея был лучше, чем у Кухты, но Пеплу приходилось труднее: его всадник весил намного больше подханка.

Расстояние не сокращалось. Стрелять бессмысленно: только стрелы тратить.

Духарев промчался мимо секундентов угра, сбившихся в кучу. Видимо, поведение начальника их тоже озадачило. Но когда десятка три духаревских хузар поскакали за своим воеводой, угры тоже пустились вслед за подханком...

Кухт достиг склона холма – крутого, неровного и каменистого – и поехал тише. Если он хотел получить преимущество высоты, теперь самое время остановиться и закидать Духарева стрелами.

Но хан не остановился.

Пепел летел птицей. Дистанция между дуэлянтами быстро сокращалась. У начала склона Духарев придержал коня (его противник как раз достиг вершины) и выстрелил. Проклятый ветер увел стрелу, а хан исчез из поля зрения.

Духарев прыгнул на землю и бегом устремился вверх. Не хотелось изнурять коня. К тому же если Кухт решил подбить Духарева, когда тот перевалит через холм, угра ждет небольшой сюрприз. Сергей бежал, обученный Пепел рысил рядом, не отставая и не обгоняя.

Угр не ждал его с наложенной стрелой. За этим холмом поднимался следующий и Кухт въезжал на соседний склон... Уже слишком далеко для прицельного выстрела. Духарев прыгнул в седло... За спиной у него захрустел гравий. На лысый холм въехал Машег. Конь хузарина дышал ровно и мощно. И не скажешь, что вверх скакал.

– Стой!

– Стою! – Духарев повернулся к хузарину. – В чем дело?

– Заманивает, – быстро сказал Машег.

– Откуда знаешь?

– Так видно же! – и вдруг схватил Духарева за руку. – Туда гляди!

Духарев повернулся в указанном направлении, ожидая увидеть вражескую армию, но увидел одинокого всадника с заводной лошастью. Духарев прищурился...

Но тут раздался пронзительный свист. И по свисту Духарев сразу признал Понятку, который привстал на стременах, махнул руками: стой!

– Там их сотен пять или около того, – рассказывал Понятно. – Твоих, Машег, отроков повязали, но не убили. Держат. Копченых с полсотни, остальные угры. Главный – тоже угр. Зовут Иглегчу...

– Иг Лехчу, – угрюмо поправил оставшийся с посольством мадьярский сотник и добавил что-то на смеси мадьярского и печенежского.

После бегства подханка угорская часть конвоя сократилась на две трети: двое других сотников сразу увели своих людей. Духарев не успел их остановить. Да и не смог бы, не

применяя силы. То были воины из рода Кухта, который, как выяснилось, действительно на треть печенег. Дед его повздорил с лидером племени и откочевал к уграм. – Иг – это по-ихнему вождь, – пояснил «полиглот» Рагух. – Глава рода.

– А как ты узнал про этого Легчу? – заинтересовался Трувор.

– Да просто. Копченого одного тихонечко уволок, – пояснил Понятко. – Поспрашивал маленько – и узнал.

Машег одобрительно кивнул. Когда-то он сам натаскивал Понятку на степную «охоту». И чувствовал законную гордость, когда молодой сотник по открытой местности «просто» подбирается к вражескому лагерю и «просто» берет языка, причем подбирает не угра (потому что по-угорски почти не говорит), а печенега.

– Ждут нас со вчерашнего. От нашего подханка к ним каждый день посылы бегали. Чего их хану надо, копченный не знает. И почему подханок решил нас сдать, тоже не знает.

– Я знаю, – сказал угорский сотник. – Дед Лехчу его деда в свой род принял.

Он еще что-то пытался объяснить, но у Духарева не было настроения вникать в игры мадьярских «босяков»⁸.

– Значит так, – сказал он. – Пока они там чухаются, мы отходим назад, к колодцу, и встаем в оборону. Переведи ему, Рагух, – Сергей кивнул на сотника-угра. – Скажи, пусть пошлет вестников к хакану Такшону или кому поближе, он сам разберется.

Сотник выслушал. И сообщил, что вестники уже в пути. Только ранее, чем через неделю, помощи ждать не стоит, а за неделю Лехчу и его людей, и русов наверняка перебьет. Но драться все равно придется, потому что если они сдадутся, то их тоже прикончат: либо Лехчу, либо возмущенный их трусостью Такшонь. А отступить к колодцу они не успеют. До колодца три тысячи шагов, а у них повозки. Повозки катятся медленно, всадники Лехчу скачут быстро.

– Замечание принято, – кивнул Духарев. – Твоя задача – наладить отход. Приступай!

Сотник без лишних слов бросился выполнять приказ.

– Машег, бери своих и отправляйся навстречу этому Лехчу. Твоя задача, чтобы его всадники скакали не слишком быстро. Вперед!

– Ты остаешься! – притормозил Духарев Рагуха, нацелившегося за Машегом. – Ты мне нужен здесь. Потому что здесь, – он махнул рукой туда, где дорога сужалась, стиснутая двумя осыпями, – их будем ждать мы.

– Копченных много, Серегей! Хочешь драться? – с сомнением проговорил Понятко.

– Нет, братишка, драться мы не будем; Нет у меня желания подкормить вами этих славных птичек, – Духарев показал на ворон. – Если Иг Лехчу все-таки прибудет слишком быстро, мы вступим с ним в переговоры. Мне жутко интересно узнать, что ему надо.

В отличие от других, он видел приданое, выделенное папашей Такшоном дочери. Слишком мало, чтобы, плюнув на недвижимость, отправиться в далекие края. А отправиться придется, потому что дьюла такого безобразия не простит.

– А если мы не договоримся, – продолжал он, – то быстренько отступим назад. На свежих лошадях уйдем легко. А Трувор тем временем как раз наладит оборону. Рагух, скажи угру, что его люди могут отдохнуть, пока эта тень не переместится вот сюда.

Рагух перевел, сотник поглядел на отметку, сделанную на земле Духаревым, и заспорил. Рагух засмеялся, выдал длинную реплику, похлопал угра по плечу. Угр с сомнением покачал головой, но отправился отдавать соответствующие распоряжения.

– Что ты ему сказал? – спросил Духарев.

– Сказал, что он не знает, что такое белые хузары моего друга Машега, а ты, воевода, очень осторожен. На самом деле у нас вдвое больше времени...

Глава тринадцатая

⁸ Bósegy, представители венгерской военной аристократии.

Предательство (продолжение)

Подханок был убит. Лично Машег вогнал ему стрелу в глаз с трехсот шагов. Меткость этого хузарина вызывала даже у его соплеменников суеверный страх. Магометане хакана Йосыпа на скаку выхватывали из травы кончиком пики колечко с привязанной к нему белой ленточкой. Наконечник стрелы Машега находил это кольцо за двести метров. На таком расстоянии Духарев даже разглядеть это колечко не мог. Машег, правда, колечко видел. С такими глазами можно с балкона восьмого этажа читать лежащую на асфальте газету. Но дело было не только в зрении. Там, где Машег попадал в колечко (правда, только своей стрелой и из своего лука), Духарев не всегда попадал в ростовую мишень, хотя считался хорошим стрелком даже по степным меркам. Наверное, эта сверхъестественная меткость была наследственным качеством. Те дружинники-хузары, которые стреляли лучше других, были дальними родственниками Машега и тоже потомками воинов-степняков в ...надцатом поколении. Всезнающий Артак рассказывал Духареву, что предки нынешних хузар с боем добыли себе место под степным солнцем чуть ли не у самих легендарных хунну, о воинственности и свирепости которых знал даже не шибко эрудированный в истории Духарев. По фильму «Атилла».

В общем, необходимости во втором «заслоне» не возникло. Машег пристрелил хана Кухта. Кухтовы обиженные родичи тут же бросились в погоню и напоролись на засаду из сотни затаившихся хузар. Полсотни преследователей тут же отправились вслед за своим ханом, а остальные – под защиту Иг Лехчу, вопя о несметных вражеских полчищах. Лехчу сделал поправку на испуг, предположил численность противника сотни в три-четыре и решил, что русы и оставшиеся с ними угры зашли ему во фланг. С подобающими осторожностями он вышел к месту засады, но обнаружил всего лишь несколько десятков трупов, из которых убийцы хозяйственно вырезали стрелы. Лехчу послал десяток легких всадников дальше... И живыми их больше не увидел. Увидев же их мертвыми, наконец вспомнил об осторожности, и следующие дозоры отправились на поиски не напрямик, а с учетом специфики местности. Лехчу же возвратился в свой лагерь... Где и обнаружил противника, всю атаковавшего оставленную при кибитках охрану. Увидев войска Лехчу, противник поспешно отступил за холмы. Поскольку традиционная военная тактика степняков (и угров в том числе): напасть, затем отступить, увлекая преследователей туда, где ждет засада, Лехчу преследовать нападавших не стал. Он дождался возвращения дозорных (никого не обнаруживших) и двинулся трактом по направлению к горам, справедливо рассудив, что обоз, состоявший из обычных повозок, никуда с дороги не денется. Несколько километров, отделявших Лехчу от места, где покойный Кухт огреб плеткой по морде, оказались довольно трудными. Угров раз пять обстреляли (не нанеся существенного урона) и один раз закидали камнями (тоже не причинив особого вреда).

Но когда эти километры наконец оказались пройденными, Лехчу не нашел ни обоза, ни русов. Выждав положенное время, Духарев покинул вторую линию обороны и отступил к колодцу.

Воины Лехчу появились там три часа спустя.

– Мне не нужен этот скарб, – перевел толмач. – Можешь забрать его себе, рус, или вернуть князю Такшону, как пожелаешь. Мне нужна только девушка. Она мне так дорога, что я готов взять ее безо всякого приданого. Я ее люблю, а она любит меня. Отдай мне девушку – и езжай куда хочешь.

Духарев с некоторым удивлением поглядел на Лехчу. Он уже давно вышел из того возраста, когда верят в романтические истории о великой любви принцессы и ее избранника, коей всячески припядствует нехороший принцессин папашка. Кроме того, мордастый вислоносый Лехчу слабо соответствовал образу прекрасного избранника пятнадцатилетней девушки. Но, как говорится, любовь зла, и козлы этим пользуются.

А у данного «козла» имелся вдобавок весомый аргумент: полтысячи всадников. Впрочем, под началом Духарева было немногим меньше. Почти три сотни (включая угров

Такшоня) – в лагере, и сотня хузар, державшихся в отдалении и готовых ударить врагу в спину, если тот решится штурмовать составленный из перевернутых повозок оборотный периметр.

Драться не хотелось. Угры Лехчу – не ополчение, волчары еще те. И стрел у них в достатке, и пики острые. Укрываться же за кибитками еще лучше, чем за возами. Если дело дойдет до драки, многие из духаревских гридней никогда не увидят Киева. Может, отдать ему девушку? Тем более если у них любовь... А Такшонь сам виноват. Это его воевода оказался предателем... Значит, ответственность за княжну с Духарева снимается. Да и зачем Святославу невеста, влюбленная в другого?

«Отдам», – решил он. Очень уж ему не хотелось, чтобы его... его дружинники погибли в какой-то бесславной стычке непонятно за что.

– У него в плену двое моих воев, – сказал Духарев. – Пусть вернет.

Толмач перевел. Лехчу ответил.

– Их отпустят, – сообщил толмач. – Ты согласен?

– Скажи своему хозяину: я должен подумать! – объявил Духарев.

Княжну устроили в самом центре лагеря, на коврике. Вокруг, оградив ее щитами, стояли варяги Трувора.

Духарев присел на корточки. Княжна смотрела на него доверчиво, с надеждой. Ни следа аристократического высокомерия не было в этой девочке, а была готовность принять любую судьбу, уготованную ей старшими: отцом, который отдавал ее навсегда даже не в чужую семью, в чужую страну; воеводой, которого она впервые увидела неделю назад...

– Объясните ей: хан Кухт привел нас в засаду к Иг Лехчу, ее возлюбленному. Иг Лехчу хочет взять ее в жены, и войско у него сильнее, чем у нас. Если она согласна, я отдам ее Иг Лехчу.

Понятко и Рагух совместными усилиями довели сказанное до сознания сотника-угра, а тот, в свою очередь, мрачно изложил ситуацию девочке.

Глаза юной княжны наполнились слезами. Помедлив, она кивнула...

– Вот и хорошо, – сказал Духарев.

И остался на месте. Что-то было не так. Непохоже, чтобы девочка плакала от счастья. Скорее, наоборот. Может, она боится гнева отца... Или Лехчу соврал насчет любви?

– Спросите ее: действительно ли она любит Иг Лехчу и хочет за него замуж?

Девочка выслушала, прошептала несколько фраз.

– Она его не любит, – сообщил Понятко. – Она говорит: у Лехчу год назад умерла жена, и этой зимой он приезжал к её отцу свататься. Отец спросил ее, хочет ли она за Лехчу, она сказала «нет», и отец отправил Лехчу восвояси. Но отец, скорее всего, все равно отказал бы Лехчу, потому что тот им не ровня.

Тут подал голос угр-сотник. Суть его высказывания была такова: а) Лехчу уже взял жену, дочь печенежского хана; б) лично он, сотник, все равно будет драться с Лехчу, потому что пусть лучше его убьет Лехчу, чем Такшонь; в) княжну лучше зарезать, потому что Лехчу, скорее всего, попользуется ею, а затем отдаст ее ромеям как заложницу.

Духарев думал. Сотнику он доверял примерно так же, как Лехчу.

Снова заговорила княжна.

– Она говорит: Лехчу все равно возьмет ее. Она не хочет, чтобы нас убили. Еще просит не убивать ее.

– Скажи: никто ее убивать не собирается! – сердито бросил Духарев. – А насчет «все равно возьмет» это мы еще посмотрим!

Сергей поднялся, поглядел на своих воинов... Ну да, он может пожертвовать одной жизнью, чтобы сохранить многих.

Но ни хрена! Не станет он выкупать свою жизнь и жизни своих парней такой ценой. Они – воины. Драться и умирать – их профессия. Драться и умирать, защищая вот эту доверенную им девочку.

– Ну, что смотришь, сотник? – бросил он кривящему физиономию Понятке. – Не

направляюсь?

– Не по Правде это, воевода! Не по чести! – дерзко заявил сотник. – Нельзя ее отдавать! Вот и Трувор тебе скажет!

Трувор мрачно кивнул. Сопляки! «Не по чести!»

– А кто вам сказал, что я собираюсь ее отдавать? – осведомился Духарев. – Ну-ка... – Он оперся на плечо Понятки и вспрыгнул на борт перевернутого воза.

Лехчу ждал ответа. С ним рядом гарцевали человек двадцать. Остальные угры неорганизованной массой теснились шагах в сорока. Многие спешили. Чего бояться? Их ведь было раза в два больше, чем укрывшихся за возами дружинников Духарева.

Позади ослабившего бдительность войска Лехчу стояли кибитки.

Хузары Машега держались поодаль, стрелищах в полутора.

– Честь... – пробормотал он, глядя на просветлевшие физиономии своих сотников. – Есть вещи подороже чести... Сейчас я пойду и сообщу Лехчу неприятную новость. Рагух, Понятко, вы пойдете со мной. И подберите еще дюжину гридней, особенно искусных в рубке.

– Думаешь, он нападет на тебя, когда услышит отказ? – спросил Рагух. – Он не кажется мне настолько храбрым...

– Не он, – сказал Духарев. – Я. Я прикончу его. Вы не дадите его воям вмешаться. А твои парни, – сказал он Трувору, – как только я начну, должны выскочить из-за повозок, добежать до угров и рубить их в капусту. А сотнику угорскому растолкуйте, что он со своими должен поддержать вас стрелами. Тут близко, можно бить прицельно.

Рагух перевел сказанное сотнику-угру. Мрачный, как самурай перед харакири, сотник ожил. И с ходу засомневался: как это пешие варяги будут сражаться со всадниками? Невозможно это!

– Еще как возможно! – заверил Рагух. – Скоро сам увидишь!

Сотник хмыкнул, но тему закрыл. Эти удивительные русы... Все у них не так. Но храбрости им не занимать.

– Она не любит тебя! – заявил Духарев. – Ты солгал мне, удворник!

«Удворник» – так при нем обращались к своим смердам угры познатнее.

Иг Лехчу оскорбился, аж усы встопорщились. Он побагровел, схватился за саблю и открыл рот для подобающей тирады... Между Сергеем и Лехчу было метра три. Будь у Духарева в руках меч, угр действовал бы проворнее, но Сергей сознательно держал на виду пустые ладони, а Лехчу не учел, какие длинные руки у киевского воеводы. Лехчу еще набирал в грудь воздух, еще тянул из ножен саблю, а рука руса уже полетела к нему. Угр даже не отшатнулся: не бывает рук трехметровой длины. Точно не бывает. Но ремешок кистеня, выскочившего из рукава руса, компенсировал недостающий метр.

Стальное ядрышко угодило угру повыше брови. Череп выдержал, но правый глаз выскочил из орбиты, а сам Лехчу завалился назад.

Секундное замешательство его охранников стоило им жизни. До пояса развалил человеческое тулово харалужный клинок Бодая, сразу двоих прошила пущенная в упор стрела Рагуха. По-волчьи надрывно взвыл Понятко, пугая угорских коней, ударил крест-накрест сразу по двум коричневым шеям, весь кровью забрызгался...

Ближников Лехчу посекали в считанные мгновения. И в эти же мгновения варяги Трувора перемахнули через повозки и с разбега, «клином», ударили в толпу воинов Лехчу. Те были настолько ошарашены нетрадиционной атакой пехоты, что замешкались и не успели ни встретить набегающих русов стрелами, ни толком построиться. Варяги врубались в эту толпу, на которую за несколько мгновений до этого сверху, навесом, упали сотни стрел. Те угры Лехчу, которые не были связаны боем, попытались отойти на дистанцию, удобную для легкой конницы, но наткнулись на собственные кибитки... А тем временем подоспели хузары, и слова еще не родившегося классика «смешались в кучу кони, люди...» стали вполне применимы к осиротевшему воинству племенного вождя Лехчу. Невозможно даже

представить ситуацию, тактически менее удачную для легкой кавалерии.

Те угры, которым удалось вырваться на оперативный простор, даже не помышляли о реванше, а, припав к гривам коней, смело устремлялись наутек. Их никто не преследовал, так что примерно трети удалось уйти. Еще треть сдалась на милость победителя. Победитель был милостив: пленных по установленному Духаревым обычаю раздели до подштанников и отпустили. Иг Лехчу мог бы наблюдать это милосердие уцелевшим глазом (удар Духарева был не смертелен), но сохранивший верность Такшоню сотник-угр в сумятице боя улучил момент и перерезал Лехчу горло. Возможно, этого делать не стоило: трофеи победителей были невелики, а родичи наверняка заплатили бы за своего вождя приличный выкуп.

Тем не менее сотника никто не укорил. И разумеется, никто не укорил Духарева за то, как он «не по-рыцарски» набросился на Лехчу. Наоборот, все, включая юную княжну, смотрели на него с восхищением. И выпавший глаз Лехчу ему никогда не снился. Сергею вообще редко снились эпизоды из этой жизни...

Убитых русов (их было совсем немного) похоронили, раненых погрузили на возы и трофейные кибитки и двинулись дальше. Мертвых врагов закапывать не стали. Пусть этим занимаются соплеменники. Глядишь, и желания отомстить за разгром поубавится.

Схватка с Иг Лехчу была самым серьезным событием на обратном пути посольства. Больше Духарев не потерял ни одного человека, если не считать троих раненых, умерших по дороге.

В Киев они прибыли в конце сентября. Как раз к окончанию сбора урожая – традиционному времени свадеб. Конечно, это были простонародные традиции, киевская знать играла свадьбы, когда вздумается. Но то, что князь сочетался браком одновременно с сотнями своих данников, было воспринято как благоприятный знак.

Юную княжну в Киеве приняли доброжелательно. Князю она понравилась, матери его – тоже. И даже Свенельд, хмыкнув, одобрил выбор Духарева: союз с главным угорским князем сулил большие перспективы, чем продолжение вражды.

Как верно отметил Такшонь, всех лучших данников из числа уличей и тиверцев практичный князь-воевода уже подгрел под себя.

Угорского княжича отпустили домой. С подарками. Духарев тоже был обласкан и одарен и Святославом, и Ольгой. Но нашёлся в Киеве человек, которому дипломатическая акция Сергея принесла настоящее горе.

Глава четырнадцатая

Ключница

Из Детинца Духарев уехал пораньше. Слада просила заглянуть в оброчную деревеньку Камышовку, у старосты которой возникли кое-какие территориальные проблемы. По соседству с Камышовкой недавно поставил свои знамена боярин Шишка. Поставил и поставил. Земля княжья, кому хочет, тому и дарит. Но, по утверждению старосты, боярский тиун взял да и сдвинул знамена, отхватив кусок общинной земли.

В суть дела Духарев особо вникать не стал: на месте разберется. Камышовский староста наверняка мужик честный, ловкача ни Слада, ни община терпеть бы не стали. Теперь надо поглядеть на Шишкина тиуна: если жулик – надавать по сусалам, если порядочный – разобраться, кто и что напутал. Для солидности Духарев возьмет с собой десяток собственных гридней. Не впутывать же княжских в сугубо частное дело!

По пути встретились Духареву двое нурманских «гостей»: поприветствовали почтительно, уступили дорогу. Вот так-то, господа викинги! Прошло то время, когда вы могли безобразничать на нашей земле. Теперь с вами разговор простой: или вы с нами – против общего врага, или – проваливайте в свои фьерды. А кому не нравится, можно и в Валхаллу наладить.

Впрочем, у него самого в дружине – десятка три природных скандинавов: нурманов и

свеев. Причем половина – с бритыми подбородками и варяжскими усами.

Ближе к северу, в Плескове и Новгороде, нурманы, конечно, ведут себя понаглее. Но новгородцы живут по своему уставу: для торговых «гостей» – хлеб, соль, пиво и налоговые скидки. И каждый «конец»⁹ одеяло на себя тянет. Своеобразный город – Новгород. Своевольный. Не поймешь, то ли он под киевским князем, то ли сам по себе. То к нурманам подольстится, то к Роговолту полоцкому. И к ногтю новгородцев не прижать: во-первых, далеко, во-вторых, у княгини Ольги в Новгороде и Плескове – родня или типа того. Целые флотилии новгородские по Днепру мимо Киева беспошлинно идут. Братец Мышата постоянно ворчит, что от новгородцев ему сплошные убытки. Цены на русский товар сбивают.

А вот и дом родной! У ворот Духарев отпустил сопровождавших его отроков из княжьей дружины. Во дворе его ждали собственные гридни – варяги Трувора. И в ожидании, разумеется, бездельничали: приставали к челядинкам, спаивали мишку, который вот уже год как сидел на короткой цепи, поскольку заматерел, обнаглел и слушался только старого Рёреха, а всех остальных норовил подрасть. Но медовуху любил до полной потери самоуважения.

Увидав воеводу, молодежь встrepенулась, но Духарев отмахнулся: погодите пока; спешился, бросил поводья подскочившему холопу, велел, чтобы ему поседлали Метель, белую кобылу-трехлетку.

Пока Духарев отдавал распоряжения, из дома, прикрывая лицо, выскользнула женщина. Она попыталась незаметно прошмыгнуть мимо гридней, но те тут же устроили потеху: взяли её в кружок. Рук, разумеется, никто не распускал, так, дурачились.

Бедняжка потыкалась туда-сюда, вскрикнула сердито и жалобно:

– Пропустите сейчас же!

Гридни загоготали: весело им.

– Эт-то что такое?! – в дверях, подбоченясь, стояла Сладислава.

Гридней кружок мгновенно рассыпался. Женщина опрометью бросилась к воротам. Когда пробежала мимо Сергея, нечаянно споткнулась. Духарев поймал ее за локоть; платок, которым она прикрывалась, сдвинулся, и Духарев увидел юное заплаканное личико... И сразу признал Милёну, ключницу Святослава.

Слада между тем выговаривала гридням:

– ... в последний раз предупреждаю! Особенно тебя, Велим! Еще раз увижу – всех за ворота! Озоровать на Подол идите, к девкам распоясанным!

Духарев внутренне веселился, наблюдая, как его маленькая жена строит здоровенных варягов, но самим варягам смешно не было. Они боялись язычка Сладиславы едва ли не больше, чем тяжелой десницы своего воеводы. Ну и уважали ее, конечно. Было, за что.

– Прости их, Сладушка, – вступился за своих гридней Духарев. – Они поняли.

И увлек жену в дом.

– Покушаешь, Сережа?

– Спасибо, родная, я у князя трапезничал. Ключница княжьа к тебе зачем приходила?

Ласковая улыбка сбежала с ее лица.

– Узнал, значит, – ответила Слада, – то не мужское дело.

– Я так не думаю, – сказал Духарев. – Милёна не простая холопка. И когда она, зареванная, выбегает из моего дома, я должен знать причину. Все, что касается тебя, касается и меня.

– Ладно, – согласилась Сладислава. – Пойдем наверх, я тебе расскажу.

– Ты хочешь знать, кто виноват в том, что девка плакала? – строго спросила Слада.

– Хочу.

– Ты виноват!

⁹ Новгород тех времен делился на полуавтономные районы-«концы», управляемые выборными старостами.

– Поклеп! – мгновенно отреагировал Духарев. – Никогда ее не обижал! И ничего такого у нас не было.

Слада улыбнулась, но как-то не радостно.

– Ой, не про то думаешь, муж мой грозный! Я и так знаю, что она – Святослава полюбовница, а не твоя. Об этом в Киеве только глухой не знает. Я сказала, что ты – причина ее горя. Потому что ты привез Святославу в жены княжну-мадьярку.

– Ну и что? – удивился Духарев. – Неужто эта дурочка думала, что князь возьмет в жены ее, холопку?

– Она его любит, – просто ответила Слада, – И, наверное, надеялась... Может, князь ей что-то обещал, может, княгиня...

– Может быть. Зачем она приходила к тебе?

– Плод вытравить, – сказала Слада. – Я ведь лекарка.

– И ты... что?

– Я сказала: нет. Она непраздна от князя, не ей одной решать, сохранить дитя или нет. И поздно уже. Плохое может случиться.

– А что княгиня? С ней она не говорила?

– Нет. Страшно ей, Сережа. И мне ее жалко. А как помочь, не знаю. Может, мне самой с княгиней поговорить? Примет она меня, как думаешь?

– Примет. Но говорить буду я. И не с княгиней, а со Святославом. А пока... – Он выглянул в окошко и крикнул: «Велим! Бегом сюда!»

Через десять секунд гридень стоял перед ним. Судя по выражению лица, ждал страшного разноса.

– Поручение у меня к тебе, – сказал Духарев. – Большой важности.

Раскаяние мигом исчезло. Парень тут же надулся от гордости.

– Запомнил девушку, которая только что отсюда выбежала?

– Лица не видал, но так узнаю.

– Это княжья ключница Милёна, – сказал Духарев. – Об этом – никому. И о том, что увидишь и сделаешь, – тоже никому.

– Перуном клянусь! – быстро ответил гридень.

– Хорошо. Ты найдешь ее и проследишь. Она тебя видеть не должна, ты ей покажешься только в одном случае: если она придет к повитухе или знахарке, или еще кому, кто... – Духарев замаялся.

– Плод вытравить? – подсказал Велим. Догадлив, однако.

– Именно. Если такое увидишь, возьмешь девку, только аккуратно, и доставишь сюда, вот к ней, – Духарев кивнул на Сладу. – Сделаешь?

– Не сомневайся, воевода!

– Десятнику скажешь: я тебе поручение дал, и все. Какое, не говори.

– Ясное дело!

– Ступай, не теряй времени!

Гридень стрелой вылетел из комнаты.

– Я прав? – спросил Духарев у Слады.

– Ты молодец! – она потянулась и поцеловала его в губы. – Ты всегда прав, мой желанный!

– А вот на это у нас сейчас времени нет! – вздохнул Духарев. – Надо обратно в Детинец ехать, с князем говорить.

– И что ты ему скажешь?

– Соображу по ходу дела. Я в этом ничего трудного не вижу. Захочет – оставит ее при себе наложницей. Девка красивая, толковая, исправная. От мадьярки по хозяйству пока толку немного будет: она ведь даже по-нашему почти не говорит.

– На ложе это не так важно, – улыбнулась Слада. – И рожать тоже не мешает. В Камышовку ты сегодня не поедешь?

– Не знаю. Может, и успею.

– Хорошо, если успеешь. Тамошнему старосте одному с боярским тиуном не совладать.
– Не беспокойся. Я съезжу. Если тебе сказали правду, я этого Шишкина тиуна вниз головой в землю закопаю.

Святослава Духарев в Детинце не застал, князь уехал на ловитвы. По опыту Сергей знал: княжья охота может и на неделю затянуться. Значит, с разговором придется повременить. Может, и к лучшему. И Духарев отправился в Камышовку.

Глава пятнадцатая

В которой воевода Серегей чуть было не угодил в поруб

– Этот лужок исконно нашего рода был, – степенно говорил староста, кряжистый дедок с белой бородой и бледной лысиной. Шапку дед снял из уважения к воеводе. – А там, под взгорком, земля раньше ничья была: кто хошь, тот и косит. Теперь вот княжья стала. Но ежели князю надобно, то мы не спорим...

– Еще бы ты спорил, смерд, – вполголоса проговорил кто-то из гридней.

– ... Мы миром так рассудили, – продолжал староста. – Коли князю надобно, мы согласные. Князь нас от полевиков бережет, верно говорю, родичи?

Родичи, дюжины три мужичков, приходящихся деду кто сыном, кто внуком, кто племянником, дружно закивали.

– А лужок этот наш, и всегда был наш, а знамено это вот не тут, а там, а там быть должно! А бог наш она там был, под тем дубком, а его в ночах сюда переташшили.

«Знамено» – кривоватый шест с грязным лоскутом – торчало из земли непосредственно перед Духаревым.

«Богом» был пузатый деревянный урод в потеках и трещинах.

– Под тем дубком, говоришь? Ну-ка проверь! – быстро скомандовал Духарев ближнему гридню.

Тот лихо рванул с места, в секунду домчал до указанного дубка, поглядел, свесившись с седла, – и назад.

– Не врет, воевода, – доложил он. – Ямка там присыпана и резаным дерном прикрыта.

– Ну-ну... – тихонько пробормотал Духарев. Картинка вырисовывалась. – За тиуном боярским послали, как я велел? – строго спросил он старосту.

– Малец к нему бегал, – ответил староста.

– Малец... – Духарев хмыкнул. – Малец. И где он?

– Малец-то?

– Тиун! – рявкнул Духарев.

– А тиун сказал, не придет, – сообщил староста. – Сказал, боярину его эта земля самой княгиней дана. Пушшай обиженные княгине челом бьют.

– Значит, княгине... – проговорил Духарев, медленно наливаясь гневом. – Десятник! Ну-ка живо его ко мне!

– Мигом, батька!

– Господин, погоди! – закричал староста.

– Что такое? – гневно сдвинул брови Духарев.

– Он, эта, не дастся! – сообщил староста. – При нем тоже вои, таки страхолюдны... – Староста сделал неопределенный жест. – А твои – молоденьки, дык, не побили б!

Взгляд воеводы, обращенный на старосту, помягчел: ай да дедок! О его варягах обеспокоился. «Молоденьки» – это он прав. Даже у десятника щеки гладкие. Эх, дедушка! Видел бы ты этих молоденьких в деле!

«Молоденькие» тоже развеселились, предвкушая потеху.

– Добро, дед! Молодец, что сказал! – похвалил Духарев. – И много их, этих страхолудных?

– Да, может, с десятка.

– Понятно. Десятник, возьми двоих, и тиуна этого – сюда! Дед, дай кого-нибудь – пусть

дорогу покажет. Десятник!

– Я, батька!

– Вы там полегче, без смертоубийства.

– А ежели нас бить начнут? – озаботился десятник. – Жалеть?

– Тогда рубите, – разрешил Духарев. – Виру я за вас заплачу!

– Добро! – Десятник сразу повеселел. – Ты, смерд, за стремя возьмись! – велел он выделенному общиной проводнику. – За мной, братья! Мы мигом, батька!

Обернулись действительно быстро. Получаса не прошло.

Приехали легкой рысью, все трое, даже с прибытком: через холку десятникова коня был перекинут человек.

Еще один бежал за последним гриднем. Бегущий был тучен и немолод, но проворно перебирал ногами, потому что от шеи его тянулся к седлу гридня волосяной аркан.

«Понахватались степных повадок», – подумал Духарев.

Последним топал общинник-проводник.

Десятник лихо осадил коня перед Духаревым, спихнул «поклажу». Пленник кулем свалился под ноги духаревской Метели и яростно замычал. Рот его был заткнут тряпкой, руки и ноги связаны, а рожа слегка попорчена.

У десятника тоже была губа разбита. Оч-чень интересное повреждение для вооруженного человека.

– Дратся полез, – сообщил десятник. – Пришлось успокоить. А это – тиун ихний, – он перехватил аркан и подтянул второго вперед.

Тиун с хрипом втягивал воздух, пучил налитые кровью глаза. Сразу видно, с физподготовкой у тиуна неважно.

– Покойников нет?

– Все, как ты велел, воевода! Да там их и было всего четверо. Трое мерян¹⁰ и этот. Меряне, как нас увидели, – сразу на жопки. А этот, здоровый, с секирой полез. Секиру я у него забрал, так он начал кулаками махать. Ну мы ему морду легонько поправили, чтоб уважение к варягам имел. Так, батька?

– Все верно. А что тиун?

– Кричал много, – усмехнулся десятник. – Но это сначала, а как мы коней рысью пустили, сразу орать перестал. Теперь только пыхтит.

– Развяжите их! – приказал Духарев. Освобожденный от аркана тиун без сил осел на траву рядышком со своим защитником. У того глаз подбит, борода встрепана... Но что-то смутно знакомое...

– Как зовут? – спросил Духарев.

– Сычок... – мрачно пробормотал побитый.

– «Сычок, воевода!» – поправил его десятник, сопроводив поправку пинком.

– Сычок, воевода, – покорно повторил побитый.

– На кулачках дрался ловко, – заметил десятник.

– Так он новгородец, – сказал Сергей.

– Тогда понятно. Они на своем вече только и делают, что на кулачках дерутся!

Варяги захохотали.

Сычок стоял, понутив голову. Осознал, что косяк упорол.

– Что ж ты, Сычок, в Киев подался? – спросил Духарев. – А почему не домой, в Новгород?

– Дак это...

– А Чифаня где?

– Чифаня? – Сычок вскинул голову, изумленный. – Дак он же помер три лета тому! А ты...

¹⁰ Т. е. представителей народности меря.

– ... Воевода! – рявкнул десятник.

– ... воевода... – Сычок опять понурился.

– Со мной поедешь, Сычок, – распорядился Духарев и строго взглянул на тиуна. – А ты как, отдышался? Знаешь меня?

– Да.

– Что ж не пришел, когда я позвал?

– А ты мне не господин! – дерзко ответил тиун. – У меня свой боярин есть, а ты мне никто!

– Позволь, батька, поучу его маленько? – попросил десятник, поигрывая плеткой.

– Бей! – визгливо закричал тиун. – Сейчас твоя сила!

– А потом будет твоя? – усмехнулся Духарев.

– Будет и моя! Боярин мой самой княгине служит!

– Ишь ты! – удивился Духарев. – А я не знал! Это, значит, тебе княгиня приказала знамено сдвинуть!

– А вот у княгини и спроси! – нагло ответил тиун. – Она и рассудит, кто прав! И за то, что ты меня и человека моего побил, – тоже рассудит! Ты, воевода, ой как пожалеешь!

Духарев наклонился к тиуну, сказал ему негромко:

– Еще слово – и я тебе язык вырву, – потом приказал двум гридням: – Возьмите эту жердину и вкопайте во-он там, под тем пригорком. Сделаете – догоняйте. Мы в Вышгород поедem, – а десятнику велел: – Сычку – коня.

– А этому? – десятник кивнул на перетрусившего тиуна.

– Пешком добежит!

– Не добежит! – уверенно заявил десятник. – Хлипкий. До Вышгорода, считай, четверть поприща.

– Ладно, уговорил. Сычок! Дуй в свою деревеньку, приведи какого-нибудь одра!

– Батька, может, лучше кого из наших послать? – десятник с сомнением поглядел на новгородца.

– Не беспокойся, он не потеряется! – сказал Духарев.

Сычок благодарно закивал: понял, что суровый варяг на него не сердится. Он так и не признал в грозном киевском воеводе своего старого партнера по рыночному тотализатору.

В Вышгород приехали ближе к вечеру. В сам городок воеводу с гриднями пропустили беспрепятственно, но позвала его княгиня не сразу. Пришлось подождать. А тем временем прибежал сам боярин Шишка. Должно быть, кто-то ему доложил, что Духарев приволок Шишкина тиуна.

Увидев своего человека в плачевном положении (связанный, с заткнутым, чтоб зря не болтал, ртом, тиун только и мог, что жалобно мычать и пучить глаза), Шишка с ходу принялся орать.

– Уймись, – посоветовал ему Духарев. – Пузцо от натуги лопнет.

– Немедля отпусти моего холопа!

– Ах это твой холоп... – протянул Духарев. – Значит, за его воровство мне с тебя следует спрашивать?

– Какое-такое воровство? Не было никакого воровства! – запальчиво закричал Шишка. – Ты сам...

Тут он сообразил, с кем говорит, и осекся.

– Я сам – кто? – вкрадчиво поинтересовался Духарев. – Ты договаривай.

Шишка договаривать не стал. Еще слово – и потянул бы его воевода на правеж. А правеж по-варяжски – это выйти на перекресток и драться. Шишке вовсе не хотелось, чтобы варяжский меч проделал в его упитанном теле несовместимое с жизнью отверстие.

Боярина выручил посол от княгини. Ольга звала воеводу в горницу.

– Много воли забрал, воевода! – сердито бросила княгиня. – Боярам моим грозишь, людей ни за что бьешь! Ишь, указывать решил, как мне править надобно! Забыл, что сам ко мне пришел и моего суда ищешь?

– Да я могу и не искать, – сказал Духарев.

Препирались они с Шишкой уже часа два. Достало. Княгиня, сначала отнесшаяся к воеводе благосклонно, постепенно начала брать сторону своего боярина. Отчасти потому, что за эти два часа в терем набилась прорва народа – все Ольгины бояре, такие же хапуги, как пузан Шишка. Эти, не стеснясь, орали в защиту своего кореша. А Духарев был один. Даже гридни его остались снаружи, во дворе.

– Могу и не искать, – сказал Сергей. – Могу и сам рассудить. Кто думает, что я княжью землю защищать умею, а свою – нет, тот очень ошибается. Если ты, княгиня, не можешь умерить жадность своего боярина, я сделаю это сам! Но не обессудь, обойдусь как с пойманным разбойником.

– Ты никак грозишь мне, воевода?

– Предупреждаю. И не тебя, а вот этих... – он обвел взглядом столпившихся вокруг бояр.

– А не боишься, что я велю наказать тебя за дерзость?

Духарев усмехнулся и положил руку на оголовье меча. Он был один, а бояр – десятка три. Все, как и положено, при оружии. Но пожелай княгиня действительно его наказать, пришлось бы кликнуть стражу.

Ее ближники на такого, как Духарев, могли только твякать издали. И в этом было серьезное отличие партии княгини от партии ее сына. И уж, конечно, Святослав не стал бы устраивать целый спектакль из-за паршивого лужка стоимостью в четверть гривны.

– Осмелишься обнажить меч в моем тереме? – поинтересовалась Ольга.

Духарев пожал плечами.

– А вот я сейчас велю тебя в цепи и в подпол.

– Может, проще сразу в землю закопать? – предложил Духарев.

Бояре возмущенно загалдели. Ольга в ниточку сжала губы. Не любила она, когда напоминали о подробностях ее мести древлянам.

Какое-то время она колебалась: не кликнуть ли стражу?

Духарев ее прекрасно понимал. В той экономической реформе, которую княгиня вот уже несколько лет проводила на подвластных Киеву землях, эта жадная толпа прихвостней в высоких шапках играла первостепенную роль. Не у Духарева пытался оттяпать Шишкин тиун пресловутый лужок, а у родовичей. С родовым укладом сейчас боролась княгиня. С порожденной им системой полюдь. Чтобы не князь с дружиной, странствуя по державе, брали что удастся, а тиуны и наместники через мытарей собирали положенное. Чтобы были это налоги, а не «прокорм». Как в Византии. Как в Булгарии. Как в цивилизованных странах.

Теоретически Духарев, порождение цивилизованной эпохи, должен был поддерживать такое начинание... А практически – ну ее к лешему, такую цивилизацию, где заправляют бояре типа Шишки!

Духарев не боялся. Он нужен князю. В Киеве он – герой. Посади героя в поруб – такая буза поднимется... Героев надо сразу убивать. Но убивать его Ольга не станет. Убивать его политически неразумно.

В дверях появился Ольгин сотник. Его, кажется, звали Добрыней. Перекрикивать боярский галдеж не стал. Остановился, ожидая, пока княгиня обратит на него внимание. А когда она повелительно махнула рукой (всем молчать), доложил:

– Великий князь к вам, матушка!

Духарев улыбнулся. Всё. Теперь поруб точно отменяется.

Великий князь киевский Святослав вбежал в горницу буквально через минуту. Вместе с ним – запыленные борзые и пара гепардов, сотник Икмор, неизменный охотничий спутник князя, дюжина гридней.

– Семерых тарпанов заповелевал! – похвастался великий князь. – Двух тебе, мать, привез!

– Я конину не ем, ты же знаешь, – поджала губы княгиня.

– Дружинным своим отдай! – бросил Святослав и, заметив Духарева: – Воевода! Сказывали, ты меня искал? Или с матушкой уже все обговорили?

– Искал, – согласился Духарев. – А к княгине я пришел по другому делу. Думал, рассудит она меня...

– Почему она? – нахмурился Святослав. – Что за дело?

Духарев глянул на Ольгу: княгиня молчала. Бояре ее тоже примолкли. Хоть в Киеве, хоть в Вышгороде, а при великом князе «новгородское вече» они затевать не осмеливались. Эдак можно и схлопотать...

– Мелкое, – сказал Духарев. – Тиун вот этого боярина у моих оброчных лужок украл.

– Так возьми у него отступное – и дело с концом!

– Не хочет, – сказал Духарев. – И матушка-княгиня тиуна наказать не желает. А меня вот уже в поруб намеревались отправить.

– Вот как... – Князь повернулся к матери. – Правду мой воевода сказал?

– Неправда! Мой это луг! – запальчиво закричал Шишка.

У себя в Детинце Святослав за такое нарушение субординации с ходу велел бы гридням «поучить» горластого боярина, но здесь он был в гостях.

– Уйми своего боярина, мать!

– А ты уйми своего воеводу!

Святослав сжал кулаки, по-бычьему наклонил голову вперед...

– Княже! – быстро сказал Духарев. – Не надо. Я отдам этот лужок, не стоит того.

Святослав глянул на него бешено...

– Княже! Я тебя искал, – поспешно произнес Сергей. – Это срочно и важно.

– Говори, – процедил Святослав.

– Только тебе, – покачал головой Духарев. – Тебе... и княгине.

Вот так вот! Он сумел их заинтриговать и пресечь ссору, из которой ничего хорошего не вышло бы. Князь молод и любознателен, а Ольга хоть и княгиня, но женщина... Она какое-то время колебалась, но любопытство пересилило.

– Значит, отдаешь лужок? – спросила княгиня.

Духарев махнул рукой: не в пешки играем!

– Все вон! – скомандовала Ольга, но потом уравнила расклад: – Сотник, останься.

Двое на двое.

Бояре (никто даже не вякнул) убрались из горницы, Святославовы гридни тоже вышли и собак увели. А вот гепардов забыли, но они людям докучать не стали, улеглись в уголке и принялись вылизываться.

– Говори! – потребовал Святослав.

– Милёна, – сказал Духарев, – твоя ключница?

– Моя, – сказал князь.

– Моя, – сказала княгиня.

Мать и сын переглянулись. Святослав улыбнулся. Княгиня тоже. Помирились, это хорошо. Но вообще-то веселого мало.

– Веселого мало, – сказал Духарев. – Она непрадна. Мы все знаем от кого, верно?

Святослав ухмыльнулся. Судя по выражению лица княгини, она тоже не шибко удивилась.

– Коли сына родит, надо б ей деревеньку подарить на прокорм, – деловито сказала Ольга. – Это твой первенец будет!

– Она хочет плод вытравить, – сообщил Духарев.

Раз позиции сторон определились, можно говорить все как есть.

– Вот дурная! – воскликнул Святослав. – Зачем?

– Любит тебя, – сказал Духарев. – А ты, княже, на другой женился.

– Ну и что? – Он не понимал.

Ольга понимала, но у нее были свои приоритеты.

– Мой внук! Где она?!!

– Худого не будет, – заверил Духарев. – Я гридню своему велел, чтоб поберег ее втихую.

– А если она от твоего гридня уйдет? – воскликнула княгиня.

Святослав улыбнулся: решил, что матушка пошутила.

Духарев, впрочем, не думал, что это шутка.

– От моего гридня, княгиня, оружный нурман не уйдет, – сказал он. – За внука не бойся, а на девуку не сердчай. Знаешь ведь: при таких делах ум у них начисто отшибает.

– Знаю, – кивнула Ольга и вдруг уставилась на воеводу с подозрением: – А вот откуда ты про Милку проведал? Может...

– Не может! – неуважительно перебил княгиню Духарев. – К жене моей она пришла со своей бедой («Тоже мне – беда!» – фыркнула княгиня), от Сладиславы и узнал.

– Понятно. Сотник! Как Милка объявится – сразу ко мне. Тебя, воевода, тоже касается. А сейчас ступайте оба: мне с сыном потолковать надо.

Кому сын, а кому и великий князь. Духарев глянул на Святослава, тот кивнул: иди, мол.

Но прежде чем Духарев вышел, княгиня его окликнула:

– Постой, воевода! Чтоб ты знал: Шишка ту землю исполу у меня взял. Так что и лужок тот мой... Пусть тебе останется. А если выйдет так, что вы со Сладиславой мне внука уберегли, я тебе городок на Почайне отдам.

Духарев поблагодарил. Ольга, в сущности, неплохая тетка, только вот жизнь у нее непростая. Государство на ней нешуточное, а сын – воин. Погибнет, как ее первенец, никого у княгини не останется. Потому ее так крепко и зацепила беременность ключницы. Пусть челядницы дитя, а все же родная кровь. Других-то пока нет...

Знай княгиня, что будут у ее сына и другие внуки – от угорской княжны, может, и не стала бы так опекать сына рабыни.

Когда Духарев вышел из терема Ольги, ее сотник ухватил воеводу за рукав.

– Что тебе? – недовольно спросил Сергей. Сотника этого он едва знал. Слышал, что Добрыней зовут и что у Ольги он в большом доверии. Но в походах с ним никогда не бывал и в деле его не видел. Одно слово: княгинин человек.

– Я – твой должник, воевода! – сказал сотник и низко поклонился.

– С чего это вдруг?

– Милка... Она – сестра мне.

Спустя несколько дней во дворе княжьего терема Духарев встретил молодую княгиню. Юная мадьярка смотрела, как мечется по клетке подросший леопард. Тот самый, которого детенышем привезли из Тмутаракани. Для охотничьих нужд зверь оказался бесполезен, а для людей опасен: бросался на чужих, признавал только князя да псаря, что зверя кормил.

– Воевода! – окликнула княгиня Сергея. – Могу я тебя спросить?

По-русски она говорила с заметным акцентом, но уже довольно бегло.

– Конечно, моя госпожа!

– Понравились ли тебе подарки моего отца?

Интересный вопрос. Особенно если вспомнить, что с той поры, как получил Сергей дары угорского дьюлы, уже месяца два прошло.

– Цена им велика, но еще ценнее милость твоего батюшки, – дипломатично ответил Духарев. – Но ты ведь не это хотела спросить, княгиня?

– Да, не это. Не зря, воевода, говорят, что ты видишь дальше слов. Может, ты и вопрос мой знаешь? – она улыбнулась чуточку кокетливо.

– Может, и знаю. Но ты все же спроси.

– Эта девушка, бывшая ключница... Куда ее увезли?

– В Плесков, – сказал Духарев.

– Ей не сделают плохо?

«Уже сделали», – подумал Духарев, но вслух сказал:

– Нет. Она будет жить у плесковской родни княгини-матери. С ней поехал ее брат. Ее не обидят.

Духарев еще не знал, что через несколько лет, когда Святослав уйдет брать под себя

вятичей, Ольга заберет у Милёны внука. Добрыня, впрочем, останется при мальчике. Дядькой-пестуном.

– Не хочу, чтоб ей было плохо, – сказала княгиня. – Она ведь любила... моего мужа, да?

– Да, – не стал спорить Духарев.

– Его трудно любить, – вздохнула юная княгиня. – Он как этот зверь, – она показала на леопарда. – Ему никто не нужен, только война.

– Он – великий князь, – сказал Духарев.

– Я понимаю, – княгиня еще раз вздохнула. – Мой отец такой же. Но я не хотела бы, чтоб такими выросли мои сыновья...

– Ты не жалеешь, госпожа, что я привез тебя сюда? – негромко спросил Духарев. – Не жалеешь, что Святослав стал твоим мужем?

– Нет! – Она улыбнулась. – Он красивый, сильный, храбрый и... Мне с ним хорошо, когда он со мной... Но он редко бывает со мной, воевода.

– Он – государь, – снова напомнил Духарев. – Тебе придется привыкнуть, моя госпожа.

– Я привыкну, – обещала княгиня. – Но я боюсь, что в своих походах мой муж забудет обо мне.

– Не забудет, – сказал Духарев. – Таких, как ты, не забывают.

Правда, в этот миг он думал не о ней, о своей Сладе. И искренне верил, что говорит правду.

Часть вторая Прыжок пардуса

Глава первая

Вятский поход великого князя Святослава Игоревича. Начало

Корабли шли по Оке.

Много кораблей. Столько еще не видели эти медвежьи берега. Почти полторы сотни боевых лодий под пестрыми парусами везли боевую дружину – четыре тысячи клинков. Следом тянулись насады, более сотни. Одни везли коней, другие – припас, но большинство – порожние. Эти – для дани.

Дремучи вятские леса. Дни и дни можно плыть, а вокруг будто все те же берега, все те же сосны. Но так кажется лишь необычному глазу, а для опытного лесовика у каждой излучины – свой облик. Опытных лесовиков среди русов хватало.

Открыто шли лоды, неторопливо. В удобных местах русы непременно останавливались, высаживались, разводили костры, варили в больших котлах уху, кашу, мясную похлебку. Рыбы в Оке было столько, что не бреднем – руками ловили ее русы. И дичь брали тоже, считай, голыми руками. На что уж вотчина Святослава Киевского обильна и лесом и зверьем, а вятская непролазная глушь – богаче.

Хотя непролазна она только для хузар да печенегов, а для русов что лес, что поле – всё, считай, коренной ландшафт. Даже выходец из урбанистической культуры Серега Духарев, вернее, воевода киевский Серегей в этих буреломных чащобах чувствовал себя вполне уверенно.

И старший сын его Артем хоть и вырос в Приднепровье, где в основном степи и дубравы, а таких вот хвойных медвежьих углов почти нет, тоже в вятских лесах не заплутал бы.

Да он нигде не заплутал бы, надо признать. Выучку прошел посерьезней, чем отец. Лет с пяти гонял его одноногий дядька Рёрах, а последние годы с парнем занимался сам Ольбард Красный. Три года ходил под началом Духарева Ольбардов Трувор, так что с большим почетом принял Серегиного первенца варяжский князь. Как собственного сына. То есть

гонял Артема Ольбард нещадно, до полной потери ориентации. Зато в свои пятнадцать паренёк по праву носил золоченый пояс гридня, и потенциал выживания у него был повыше, чем у отца. А образование, по местным масштабам, считай, академическое. Мог и за кормилом лодьи стоять, и мечами обоеручь рубить, и зайца за сто шагов с седла в одну стрелу взять. Разбирался равно в судах, конях и даже верблюдах. Владел лекарским умением. Свободно болтал на всех здешних славянских диалектах, разумел по-нурмански и свейски, хузарским владел, по-печенежски говорил, как натуральный копченый, с греками-ромеями общался по-ромейски, с уграми – по-угорски. Мог даже изъясняться по-арабски и на фарси – Артак натаскал. А «кухонной» латыни Артема обучил дядька Мышата, активно торговавший с Европой. Торговать Артем тоже умел. Вернее, торговаться. Не так, конечно, как дядька, но когда вместе с отцом на рынок ходил, Сергей мог рта не открывать, только кошель развязывать по сыновней указке. В общем, таким сыном можно было гордиться – и Духарев гордился. Хотя, положив руку на сердце, признавал: его заслуга в воспитании первенца невелика. В Святослава он вложил вдесятеро больше, чем в родного сына. Но вот пришло время, когда отец и сын впервые идут вместе в большой поход.

Правда, это только считается, что вместе. На самом деле воевода плывет на княжеской лодье, а Артем, самый молодой гридень в десятке варяга Велима (да и во всей сотне Бодая), крадется звериными тропами в передовом дозоре. Большая сила плывет по реке Оке на виду у всех желающих. Но опережая ее, движется вдоль обеих берегов сила поменьше. Хитер князь киевский!

Но и вятичи хитры. До сих пор ни одного не поймали разведчики. Следы видели, а самих – нет.

– Хитры! – одобрительно заявил Свенельд. – Помню, мы с Игорем от волжских булгар этим путем шли. Тоже никого не видели. Машег, скажи, как ваш хакан с них дань берет? Волшбой их ищет, что ли?

– Йосып больше не мой хакан! – сказал хузарин. – Дразнишь меня, князь-воевода?

Свенельд ухмыльнулся. Машег служил Свенельдовым гриднем, еще когда князь-воевода был поджар, мускулист и синил усы, гордясь тем, что он из коренных варягов. Теперь у Свенельда могучее брюхо, и усы он более не синит, гордясь исключительно собственной личной славой. Но самодовольство не сделало князя-воеводу глупее. Из ближников киевского князя он по-прежнему самый хитроумный и опытный.

– Никакой волшбы, – заявил Машег. – И искать их нам не приходится – сами из своих буреломов вылезают. Надо ж им меха на железо где-то менять. Вот у нас и меняли. А когда их кто подмять хотел, назывались хузарскими данниками. Мы не препятствовали. И лишнего не просили. Сам знаешь, князь-воевода, мы – степняки, нам в лесах воевать непривычно.

– А нам – в самый раз! – констатировал Свенельд. – Только где ж их, леших, искать?

– Найдем, – уверенно заявил Святослав. – Икмор обещал.

Воевода Икмор командовал «сухопутными» частями. Духарев еще в начале похода передал ему отборную сотню своих варягов, но сам не присоединился. Тяжеловат он стал для скрадывания.

– Серегей, сколько мы брошенных селений миновали? – спросил Святослав.

– Одиннадцать.

Найти покинувших дома вятичей они даже не пытались. Угли в очагах давно остыли. Следы сбежавших лесовиков – тоже. То есть поставь своим гридням князь задачу найти – нашли бы. Но времени потратили бы уйму. Сейчас Киеву не столько дань вятская нужна, сколько хоть какой-то с ними уговор. Хузария – вот истинная цель. Но когда поплывут домой тяжело нагруженные добычей насады (не те несколько десятков, что идут сейчас за боевыми лодьями, а много насадов), надобно, чтобы у лесовиков не закралась мысль пощипать русов.

Вятичами можно будет заняться, ободрав хузарский хаканат. Без спешки. Тот же Свенельд в таких делах – большой специалист. Пойдут его люди вызнанными тропами от поселка к поселку, от городища к городищу. Назначат оброки, обустроят погосты, поставят

над вятичами вятичских же тиунов из обиженных, из честолюбивых, из желающих выслужиться перед киевским князем. А самым сильным, храбрым и жадным откроется путь в княжьи отроки: из глухомани – в большой мир, к пригожим полонянкам и тяжелым витым гривнам из серебра, а то и из золота...

Но это после. Сейчас – первый контакт. А если он выйдет немирным – еще лучше. Пусть узнают лесовики, что такое русы в бою. Такой урок надолго запоминается.

– Одиннадцать... – Святослав потер загорелую шею. – Надо думать, драться они с нами не хотят. Что скажете, воеводы?

– Хатки их пожечь надо, – сказал Свенельд. – Может, обидятся?

– Мои вои три капища нашли, – сообщил Икмор. – Тоже оставленные. Я не тронул, но коли ихних богов пожечь – они, верно, обидятся. Вот я бы точно обиделся, если б кто Перуна тронул!

– А я думаю, жечь не стоит, – подал голос Духарев. – Особенно капища. Это ж будет обида смертная. А наша задача – легонько их проучить. И лучше, чтоб они сами на нас напали.

– Разбежался... – проворчал Свенельд.

– Ловушку надо им построить, – сказал Икмор. – Я вот что мыслю: надобно мне малой силой вперед поспешить. Обгоню вас на десяток поприщ, налечу внезапно – лесовики и встрепенуться не успеют!

Тут к князю сунулся отрок: поднес на пробу миску с похлебкой из общего котла.

Святослав достал ложку, пригубил, кивнул: годится.

– Посёрбаем, воеводы, – сказал он. – На сытый живот думается веселей.

К приему пищи князь, как всякий военный человек, относился серьезно. Если надо, мог неделями вяленой кониной питаться. Но нынче спешки не было, так что вся дружина ела горячее.

Три десятка варягов волчьей побеежкой спешили по звериной тропе. Двигались не вперед, а назад. Эту поправку в план Икмора внес Духарев. Идея была проста. Вятичи, успокоенные тем, что флотилия русов их миновала, возвратятся домой... Тут-то их и прихватят внезапно налетевшие варяги.

Среди охотников был и Артем. Его взяли не столько за воинские умения (в Труворовой тысяче немало было таких, что управились бы с сыном воеводы одной рукой), сколько за навыки лекаря. Вел охотников сам тысяцкий Трувор. Икмора не отпустил Святослав. Сказал: вечно ты вперед лезешь, воевода! Нечего!

Духарев подозревал: Святослав сам не прочь возглавить охотников.

В помощниках у Трувора – сотник Бодай. И десятник Артема Велим тоже среди охотников.

Пройдя за сутки два поприща, охотники поспали в укромном овражке, перекусили всухомятку, за ночь прошли еще поприще, под утро скрытно вышли к ближнему селению и увидели дымки. Вятичи оказались на удивление беспечны.

Боя не было. Возникшие из рассветных сумерек варяги вмиг повязали всех способных оказать сопротивление, быстро, даже не прибегая к каленому железу, выяснили, что требовалось, развели на берегу изрядный костер и дымом подали сигнал: дело сделано.

Глава вторая

Вятичи

Проверить полученные от пленников сведения отправились пятеро во главе с Велимом. Артем тоже напросился. Разведчики переоделись вятичами, взяли пару вятских легких челноков, оружие и доспехи завернули в шкуры и уложили на дно так, чтобы не достала вода.

Разведчики вошли в один из притоков Оки и двинулись вверх по течению. Проводника

из местных с собой не взяли, сочли обузой.

Шли споро: рукам, привыкшим к тяжелым лодейным веслам, челночные «лопаточки» казались соломинками. Попутно проверяли глубину: пройдут ли лодьи?

Вечером того же дня миновали вятское селение. Местные жители покричали им с берега, но разведчики отмахнулись: мол, некогда. Прошло гладко.

К нужному месту вышли утром следующего дня. Промахнуться было невозможно: берег здесь был подчищен, на песке сушилось не меньше десятка больших лодок. Отсюда вятичи спускались вниз, к Оке, и везли свои товары на хузарские ярмарки. Отсюда же, по словам пленников, шла большая дорога к главному вятскому городищу.

Разведчики проплыли мимо селения (опять-таки не вызвав особого подозрения), пристали к берегу, спрятали челноки.

Свою задачу – убедиться, что «большая дорога» действительно существует, – разведчики выполнили. Дорогу эту большой могли назвать только дремучие лесовики, но для русов годилась и такая. Кони пройдут.

Дальше разведчики не пошли. Если есть дорога, значит, она куда-то ведет.

Вернулись тоже без происшествий, отчитались и удостоились особой похвалы Трувора – за отсутствие силовых контактов. Разведчики, которые оставляют за собой трупы местных жителей, – это уже не разведчики.

Лодьи Святослава подошли в тот же день. И в тот же день двинулись вверх по Оке.

Вошли в речку-приток, с попутным ветерком миновали первое вятское селение, вызвав паническое бегство (в первый раз русы появились внезапно), но когда добрались до следующего, большого, их уже ждали и осыпали стрелами.

Дружинники обрадовались: кончилась игра в прятки! Нет, не кончилась. Вятичи ограничились несколькими залпами, слегка попортили щиты и борта лодий и удрали в лес. Высадившиеся русы вошли в пустое селение. Вычистить лари и закрома вятичи на сей раз не успели, так что ужинала Святославова дружина вятскими припасами.

Ночью удалые лесовики трижды пытались напасть на русов: два раза на городок, один раз – на лодьи. Сторожа легко справились с нападавшими: прикончили семерых. У русов потерь не было. Пара-тройка легкораненых.

Утром двинулись по «большой дороге». Впереди – пешие, за ними, неторопливо, – конная рать с князем во главе. По обе стороны дороги, опережая и прикрывая фланги, двигались дозоры. Они первыми наткнулись на засеку.

Засака была сделана основательно, в четыре с лишком сажени: стволы развернуты так, чтобы умело оструганные и заточенные ветки поваленных деревьев превратились в «ежи». Сорвешься со ствола – враз угодишь на такой вот колышек. И место выбрано хорошо: обочь дороги – сплошные буреломы. Еще разведчики заметили на деревьях засидки-помосты, на которых наверняка устроились лучники.

Перед препоной, шагов за пятьдесят, посреди дороги стоял мохнобородый лесовик-вятич с сосновой веткой в руке.

Передовые русы остановились в полустрелище. Если с засеки начнут стрелы метать – не страшно. На гриднях – добрые доспехи, большие щиты. Не на гулянку шли – воевать.

Конные встали дальше. Еще дальше обвисли в безветрии стяги князя и воевод. Среди прочих – духаревский синий сокол на белом поле. Под стягами – сам князь сотоварищи.

– Кто говорить будет? – спросил Святослав. И посмотрел на Свенельда.

Но князь-воевода энтузиазма не выразил.

С годами осторожен стал варяг Свенельд. Мало ли чего можно ждать от этих лесовиков. Вдруг закидают стрелами?

– Я пойду! – воскликнул его сын Лют, проигнорировав неодобрительный взгляд отца.

– Я! – почти одновременно со Свенельдычем закричал Икмор.

Духарев помалкивал. Дождался, пока князь посмотрит на него, и тогда молча кивнул.

– Иди, Серегей, – сказал Святослав. – Ты – умен, удачлив, и опыта тебе не занимать. Иди!

Духарев покосился на Свенельда: все эти эпитеты были вполне применимы и к нему. Тот остался невозмутим.

– Ветку мне дайте какую-нибудь, – сказал Духарев.

Ему подали сосновую лапу.

– Что ему скажешь? – спросил князь.

– Там видно будет, – ответил Сергей. – Сначала его послушаю.

– Запомни: я не отступлю! – твердо произнес Святослав.

– Не тревожься, княже, не забуду. Дорогу мне! – и пустил Пепла сквозь строй гريدней.

– Уходи прочь, рус! – закричал вятч, задирая кверху кудлатую пегую бороду. – Неча вам тут! Мы – хузарские данники!

Знакомая отмазка.

– Ты от кого говоришь? – осведомился Духарев. – От себя или от старейшин своих?

– Я сам старейшина, и говорю от Старшего Круга! – заносчиво заявил вятч.

– Верю, – кивнул Духарев. – А скажи мне: много ль вы хузарам платите?

С коня он так и не слез, возвышался над парламентёром закованной в железо башней.

Тот запнулся, но сообразил:

– Десятину!¹¹

Духарев не стал уличать лесовика во лжи.

– Добро, – сказал он. – Пойдете под киевского князя, он с вас двенадцатую долю возьмет. А хузар мы от вашей дани отучим.

Лоб у парламентёра пошел морщинами: ловко рус поймал его за язык.

– Все одно! – наконец родил вятч. – Хотите мимо нас по Оке идти – идите, не тронем. А в наши леса вам дороги нет!

– Значит не люб тебе великий князь киевский? – осведомился Духарев. – А ведь он дань с тебя меньшую просит (вятчика слегка перекосило), и великое уважение роду вашему оказал – сам к вам пришел...

– Не люб! – буркнул парламентар.

– ... А люб вам хузарский хакан, – невозмутимо продолжал Духарев, – который сидит от вас за тысячи поприщ, с племенем вашим без толмача и слова сказать не может?

– Люб! – без промедления ответил лесовик.

– Что ж, – сказал Сергей. – Ты свое слово сказал. А теперь я скажу! Великий князь Киевский, хакан Тмутараканский Святослав Игоревич ежели куда идти решил – уже не свернет. Добром ли, силой, а дань ему платить вы будете...

– Не будем! – от возмущения лесовик аж подпрыгнул.

– ... Лучше, конечно, добром, – невозмутимо продолжал Духарев. Голос у него был зычный, натренированный, как и подобает голосу воеводы, поэтому слышали его и вятчи, укрывшиеся за засекой, и киевляне. – Добром, потому как не дело это – своих собственных данников бить. Но коли будете артачиться – придется вас поучить. И если кто думает, что эта куча дров, – Духарев пренебрежительно махнул рукой в сторону засеки, – остановит русскую дружину, то он просто дурачок. Князь Киевский каменные крепости брал (Тут Сергей соврал – не было еще такого. Но будет). Вот его слово: освободите путь, сопроводите нас с почетом к вашему городищу, поклонитесь Киеву – и будет он вам защитой и опорой, а дань с вас меньшую возьмет, чем хузары. Не то размечут вас вои великого князя, ворвутся в дома ваши и возьмут, что пожелают, по закону войны: богатства ваши возьмут, жен и дочерей ваших, а детей ваших, полонянников, погонят на невольничьи рынки. И пойдет русская рать по вашим землям железной бороной, повытащит всех вас, лесовиков, из самых дремучих берлог – и уж тогда такой данью обяжет вас киевский князь, какой пожелает.

¹¹ В летописи, составленной значительно позднее описываемых событий, написано: «по щелягу от рала», но мне, да простят меня историки, это кажется сомнительным. Учитывая ландшафтные характеристики вятских земель того периода и то, что большинство вятчей были не пахарями, а охотниками, данный налог выглядит, мягко говоря, странным.

– Врешь! – закричал переговорщик. – Не быть такому!

Но этот визгливый вопль выглядел совсем несолидно на фоне могучего гулко баса Сергея.

– Почему ж не быть? Мы – не хузары-полевики. Есть под киевским князем леса и погуще ваших, есть у нас следопыты-охотники. Нынче пришел к вам князь Киевский с малой дружиной, а пожелает: кликнет и большую. Воинов у князя больше, чем белок в ваших лесах. Иль не веришь мне?

Старейшина подавленно молчал. Но кто-то на засеке не выдержал: пустил стрелу. Духарев поймал ее рукой (невелик фокус: не на бронь стрела, на белку), погрозил кулаком невидимому стрелку, сказал строго, будто ребёнку:

– Не балуй! – и снова к парламентёру повернулся. – Ладно, лесовик. Время тебе до полудня. Если до полудня люди ваши не начнут растаскивать этот хворост, начнем вас бить. А уж ежели начнем – не остановимся. Вои князя моего в бою, как медведи иль туры: от крови хмелеют – не удержат.

Развернул коня и неторопливо поехал к своим. А парламентар вятчский так и остался – с открытым ртом и задранной бородищей. И племя его за справной, надо признать, засекой тоже безмолствовало. Переваривали нарисованные Духаревым перспективы.

– Хорошо говорил! – похвалил Святослав. Видно было: он горд своим воеводой. Зато в глазах Свенельда сквозила зависть.

– Думаешь, они послушаются? – спросил князь.

Духарев пожал плечами.

– Я бы на пустую похвальбу не купился! – гордо заявил Икмор. – Кто пугает, тот слаб. Сильный сразу бьет!

– Точно! – подхватил Лют. Святослав потер затылок.

– А ты что думаешь, Свенельд?

– Так мыслят воины, – нехотя произнес князь-воевода. – А скажи такое нашим смердам, они тотчас подожмут хвосты. Но лесовики – не воины. И не смерды. Они – что-то посередине. Может, испугаются, может, будут драться. А воевода Серегей все правильно сказал. И я бы не сказал лучше.

«Вот так, так...» – Духарев с удивлением поглядел на князя уличского. Неужели Свенельд наконец смирился с тем, что Сергей теперь не под ним, а напрямую под Святославом?

– Ждем, – решил великий князь. – Дружине – быть начеку, броней не снимать, дозорам – бдить, лучникам – готовить зажигательные стрелы. Хоть свежие стволы, зато смолистые – может, и займутся.

– Не стоит, княже, – возразил Свенельд. – От засеки весь лес загореться может.

– Верно, – согласился Святослав. – не надо зажигательных. Бить обычными. Но не ранее, чем они начнут.

Время шло. Киевское войско томилось в ожидании. Тяжкое время – ожидание перед сечей. В битве, там думать некогда, а тут, когда сам не знаешь, доживешь ли до вечера, иль хуже того – калекой останешься... И такое может случиться с каждым: от князя до самого юного отрока. Другое дело, что опытным гридням ожидание привычно, да и вера есть в удачу, которая хранила их во всех предыдущих битвах. Молодым – трудней.

– Страшно? – спросил Духарев сына.

– Не без того, – степенно ответил Артем. Ростом он был отцу чуть повыше плеча, но держался с большим достоинством.

– Не бойся, – сказал Духарев. – Если в самое пекло не полезешь, целым будешь.

Артем сразу успокоился. Он, как и многие, верил в то, что батька – ведун. Но Сергей в данном случае не видел будущего. Он видел своего сына: в добром, под стать старшему гридню, доспехе, прошедшего отменную выучку. Да это и не первая его драка. Успел парень побывать в дюжине стычек: и под Киевом, и у Ольбарда на «стажировке». Должен выжить. Тем более что вокруг него будут личные гридни Духарева: эти уж за сыном воеводы

присмотрят.

Но все равно в сердце что-то такое екало. Сергей предпочел бы сам быть рядом с сыном, но нехорошо выйдет. Он – воевода...

Вятичи додумали в срок. Прав был Свенельд – не воины они и не смерды. Потому придумали нечто третье. То есть знай Духарев их обычаи лучше, сам бы догадался. А обычаи у лесовиков были такие: если повздорили два рода – неча всем людям драться и попусту кровь проливать. Пусть богатыри решают, чья возьмёт.

– Как биться будем? – оживился Икмор. Он, Духарев и Свенельд пришли парламентарями. – Пеше, конно? В полной зброе или только на мечях?

– Не-е-е! – вятские старейшины энергично замотали головами.

Крови не надо. Если кровь прольется – мира не будет. Бороться надо. Голыми руками.

– Это на кулачках? – Икмор сразу скис.

– И еще – камень бросать. Кто дальше, – заявили старейшины. – Так у нас по обычаю. И еще...

– Погодите! – вмешался Свенельд. – Померимся по вашему обычаю, но и по нашему тоже!

– На мечях нельзя! – сразу объявили старейшины.

– А на дубинках – можно?

Вятичи посоветовались, решили: нельзя. Тоже может кровь пролиться.

– А копьё метать в цель? Можно?

– Это можно.

– А стрелы?

– Можно, можно! – старейшины даже заулыбались. Полагали, что их охотнички не худо стреляют. Есть перспектива для победы.

– Добро, – резюмировал князь-воевода. – Ваша возьмет – уйдем. Мы осилим – быть вам киевскими данниками. Все?

– Нет, не все! – возразили старейшины. – Меряться не одни лишь мужи бородатые должны, но и юнаки! И поклясться надобно богами и прашурами, что пока борьба пойдет, между нами и вами – мир!

– Поклянемся, – согласились русы. – И юнаков подберем.

На том и порешили.

Местом состязания избрали дорогу.

Русам предстояло выбрать своих «спортсменов».

– Бороться я буду! – решительно заявил Духарев.

Конечно, ему уже не двадцать пять, зато он в отличной физической форме и вдобавок (как чувствовал) в последние полгода перед походом регулярно тренировал рукопашку, используя в качестве спарринг-партнера Сычка.

Спорить с Духаревым не стали. Слава победителя берсерков все еще сохранялась за Сергеем.

– А копьё метать я буду! – с ходу объявил Лют.

– Почему ты? – возмутился Икмор.

– Бросьте кости, – предложил Духарев, пока молодые воеводы не переругались.

Бросили. Выпало Люту.

– Тогда я – из лука! – потребовал Икмор. Святослав покачал головой.

– Думаешь, я этих мохнобородых не перестреляю? – обиделся Икмор.

– Может, и перестреляешь. Но перестрелять мало. Надо так выстрелить, чтоб у них от изумления бороды дыбом встали. Стрелять будет Машег.

– Камень! – напомнил Свенельд.

Этот вид состязания энтузиазма не вызвал.

– У меня в дружине нурман есть, – сообщил Икмор. – Снорри зовут. Здоровый, как тур. Пусть он кидает.

– Отроки? – спросил Святослав.

– Стрелка можно из хузарских взять, – сказал Свенельд. – Пусть вот Машег из своих молодых выберет.
– Бороться мой Артем может, – сказал Духарев.
– Не мелок? – усомнился Святослав.
– Так он и бороться будет с таким же, – возразил Сергей. – А копьеметателя пусть Трувор подберет. У него из кровных варягов отроки...
– Почему всё твои? – возмутился Икмор. – Как будто из княжьих...
– А мои что, не княжьи? – сурово спросил Духарев.
– Уймись, Икмор! – строго сказал Святослав. – Все вы – мои. А коли обидно, можешь сам остальных отроков выбрать. Но гляди: опозорятся – с тебя спрошу!

Глава третья

Бескровная победа

– Главное, не подпускай его близко! – наставлял сына Сергей, натирая его туловище маслом. – Опережай, обходи, атакуй сзади...

– Не беспокойся, батя, – отмахнулся Артем. – Справлюсь я. Какой-то смерд...
– Цыть! – перебил Духарев. – Уважай противника. Ты не знаешь, что он умеет. Ты ничего о нем не знаешь. Ты его даже не видел.

Артем пренебрежительно фыркнул, но спорить с отцом не осмелился.

– Всё, пошел!

Духарев подтолкнул сына вперед, тот ловко протиснулся между гриднями на открытое место. Небольшой, худощавый, босой, в штанах, подвязанных пониже колен.

За его спиной – ровная стена красных русских щитов, в пятидесяти шагах – нестройная толпа лесовиков. Впрочем, большинство вятичей предпочли остаться за засекой и глядели сейчас на дорогу сверху.

– Эх! – вздохнул кто-то за спиной Духарева. – Сейчас бы разом стрелнуть...

– Я те стрелну! – проворчал Сергей.

Из толпы лесовиков тоже вышел парнишка. Чуток пониже Артема, но намного плотнее. Длиннорукий, с покатыми плечами борца. Тоже голый до пояса и тоже «промасленный». Дружинники вокруг Духарева тянулись вверх: шлемы стоящих впереди загораживали вид.

Артем легкой походкой двинулся навстречу противнику. У вятича шаг был тяжелее, двигался он неторопливо, по-медвежьи косолапя.

«Не дай Бог, малолетний берсерк!» – с беспокойством подумал Духарев.

Сошлись. Вятич проворно выбросил вперед длинные руки, намереваясь схватить Артема. Тот легко, словно танцуя, уклонился, обошел противника сбоку, ударил по ноге, выведя из равновесия, оказался у вятича за спиной и взял его «в замок», на удушающий.

Вятский парнишка бессмысленно завертел руками, потом сообразил: брыкнулся на спину, но Артем слегка его «довернул», и упали они боком.

Освободиться от удушения паренька явно никто не учил, поэтому он попусту дрыгал конечностями и извивался.

В толпе лесовиков недовольно загудели: наверняка у них было принято бороться по-другому. Но это их проблемы. Вятский व्यюнош продержался довольно долго, минуты две... Потом ослаб и характерно засучил ногами...

«Как бы не задушил», – обеспокоился Духарев, но напрасно.

Едва противник дошел до кондиции, Артем его отпустил, пружинкой вскочил на ноги, высоко подпрыгнул...

Дружина отозвалась восторженным ревом.

– Хорошо сына учил, воевода! – раздалось рядом с Духаревым. Сергей оглянулся. Свенельд. Спешившись, князь-воевода стоял среди простых гридней и улыбался. – Хорошая победа! Такая, как нам нужна.

Следующими соревновались лучники. От метания камней молодежь избавили.

Русы выставили маленького рыжего хузарина, одного из многочисленных родичей Машега. Вятчи – такого же маленького лесовичка. И тоже рыжего. Неожданное сходство развеселило и вятчей, и русов.

На шесток – за сто шагов – повесили шкурку белки. Первым стрелял вятч. Попал. Хузарчонок тоже попал. Только не одной стрелой, а сразу тремя. Шкурка разлетелась ошметками.

Настал черед копьеметателей. Снова победил киевлянин. Правда, княжий отрок метал копье, а вятский – охотничью сулицу. Она – потяжелее.

Настала очередь мужей.

– Ты, батька, главное, близко его не подпускай! – озабоченно сказал Артем. – Опережай, обходи... – и ловко увернулся от подзатыльника.

Ну да, похоже, и манера борьбы, и сами борцы у лесовиков были под стандарт. Духареву достался такой же «медведь», только раза в три крупнее. И точно так же прямолинейно потянул к Сергею ручищи. Духарев перехватил одну, пошел на прием... Но у вятча оказался наготове сюрприз. Успел рубануть свободной рукой Духарева по бицепсу. Да так заехал неслабо, словно обухом топора. Рука с ходу онемела, а Сергей разозлился и вжбендил лесовику маваша по уху. Ох и сочно получилось: лесовик с ходу поплыл. Осталось добавить пяткой в солнечное сплетение – и процесс был закончен. Принимайте тушку.

Напоследок Духарев наклонился, глянул на руку лесовика и обнаружил, что ладонь его – сплошная мозоль, в сравнении с которой натруженные веслом и мечом руки Духарева – просто нежные дамские ладошки. А «ребро» ладони вятча – и вовсе как лошадиное копыто. Не мудрено, что так долбанул.

С камнеметанием русы опростоволосились. Икморов нурман Снорри с бешеным воплем зафигачил круглый валун аж на тридцать шагов. А бородатый вятч, раскрутившись предварительно волчком, – в полтора раза дальше.

Зато копейное соревнование Икмор выиграл с блеском. Во-первых, он отказался метать в мишень.

– Так у нас только малые дети играют, – пренебрежительно заявил он. – Давай, в меня кидай. А я – в тебя!

Вятские «рефери» запротестовали. Мол, у нас так не делается. Еще убьют кого из вас ненароком.

– Ну ваш тогда пускай щит возьмет, – насмешливо сказал Икмор. – Я буду в щит метать. Цел будет, если от страха щит не уронит.

На том и порешили. От лесовиков вышел справный молодец в кольчуге, с дорогим поясом. Должно быть, из лучших местных бойцов. И копье у него тоже было боевое, не охотничье. Встали шагов за тридцать. Вятч еще шагов на пять отошел, разбежался, размахнулся вполне профессионально...

И копье оказалось в руке Икмора. Ничего удивительного. Княжых воев этому фокусу с молочных зубов учат. Сначала – с палками, потом – с тупыми копьями, а потом – и с настоящими. Забаву эту от скандинавов переняли. У морских разбойников традиция такая: сойтись кораблями и кидаться друг в друга всяким боевым железом. А поскольку железо в море – дефицит, приходится «посылочки» противника ловить и использовать. Ловить, естественно, руками, а не брюхом. Так что Икмор «посылочку» поймал, дождался, пока его соперник возьмет щит, отошел еще шагов на двадцать – и метнул. С душой метнул, мастерски. Попал аккуратно на две ладони повыше середины (чтоб руку вятчу не повредить). Копье продырявило щит и вылезло с той стороны как раз напротив горла лесовика.

Со стрельбой получилось еще забавнее. Вятчи опять повесили свою «белку» на шестке, на этот раз шагах в полуторах. Вятский охотничек отстрелялся – сделал дырочку в нужном месте. А Машег... А Машег на стрельбу выехал верхом. И по сигналу развернул коня и полетел... прочь от контрольной линии (русы расступились, дав ему дорогу), а шагах в трехстах хузарин резко осадил коня, перевернулся в седле и выпустил стрелу. Попал,

разумеется.

Лесовики загудели, как их сосны под ветром. Только погромче. Еще бы! Их лучникам не то что попасть, просто выстрелить на такое расстояние вряд ли по силам.

– А наш все-таки камень метнул дальше! – заявили старейшины.

– Дальше, – согласился Святослав. На этот раз он вел переговоры лично. – А все равно вам под руку мою идти.

– Как урядились, – вздохнули старейшины. Засеку их родичи уже старательно растаскивали. – Только нам бы долю поменьше...

– Я ведь и так меньше хузар беру, – напомнил Святослав.

– Дык, хузары... Они ить не каждый год... – пробормотали старейшины.

– Ладно, – смиловился князь киевский. – Будете мне пятнадцатую долю отдавать. И еще – отроков своих.

– Это еще зачем? – сразу ошетинились старейшины. – Про то уговора не было!

– Затем, что будут в дружине моей. Научатся биться, как гридни мои. Видали моих гридней?

Старейшины гридней видали. И доспехи оценили, и гривны золотые, и особенно – мастерство воинское.

– Так наши, это, не смогут...

– Смогут! – заверил Святослав. – Корень у вас крепкий.

Старейшины переглянулись, польщенные.

– Будущей весной воевода мой Свенельд сам к вам придет, отберет из молодых ваших тех, кто к воинскому делу способен.

– Ну тогда мы согласны, – объявили старейшины.

Простодушные люди. Невдомек им, что князь воевода не только отроков отбирать придет, но и дороги для будущего полюдья прокладывать. Да и отроки... Коли забирать из народа самых сильных и храбрых, останутся в нем только скромные да покладистые. Смерды.

Вассальный договор заключали, конечно, не на дороге – в городище. Хотя городище – это громко сказано. Частокол метра три высотой, а внутри несколько десятков грязных халуп. У старейшин халупы чуть побольше и немного почище.

Но попиrowали знатно. Дней на пятнадцать затянулось.

Потому что, пока пировали, от городища потянулись гонцы к другим родам. С приглашениями. И уже день на пятый стали прибывать посланцы от иных вятских колен – поглядеть на русов. А заодно прикинуть: не стоит ли, пока худого не вышло, добром под власть киевского князя пойти. Надо сказать, киевляне тоже в долгу не остались: отдаривались. Особенно же много «подарков» осталось зреть в чревах местных красавиц. Как, должно быть, вятские парни обрадовались, когда русская рать снялась и отправилась в соседнее городище...

В общем, поход удался. Последнее славянское племя вошло в состав Киевского Великого княжества. Причем совершенно бескровно. И, главное, путь на Хузарский хаканат теперь был свободен. То был год 964 от Рождества Христова.

Глава четвертая

Дома

Август Духарев провел дома. Бездельничал. Наслаждался жизнью, Сладой, вкусной домашней пищей. Играл с младшими. Старший дома почти не ночевал: гонял по степи с варягами, время от времени объявлялся – пропыленный, пропахший конским потом, с кабаньей или тарпаньей тушей, с грудой битой птицы, – бросал небрежно:

– Мать, вели, пусть там дичину приберут. И баньку протопить...

Волокушу втаскивали во двор. Ее тут же окружали детишки, трогали грозные кабаньи клыки, торчащие из навечно оскаленной пасти...

День парень отсыпался, еще пару дней отдыхал: бился с отцом на деревянных мечях, играл в шахматы (с легкой руки Артака все в доме, включая Сладу, пристрастились к этой игре), ночевал на сеновале с дворовыми девками (игнорируя неодобрение матери), ходил с отцом на торг. Тоже не столько за покупками, сколько для развлечения: лошадок посмотреть, воинскую зброю примерить, диковины всякие заморские пощупать. Еще послушать, что говорят, какие новости. Рынок на Подоле был в Киеве главным информационным центром.

А дня через три появлялся во дворе кто-нибудь из Труворовой молодежи, непременно отмечал свое почтение батьке воеводе, осведомлялся, не против ли тот, чтобы его сын...

Воевода был не против, и через полчаса Артем, полностью экипированный, на сытой, отдохнувшей лошадке, ведя на поводу такую же сытую и отдохнувшую заводную, выезжал со двора.

Духарева вольная жизнь сына вполне устраивала. Кроме того, он знал, что, когда с деревьев осыплются листья, ловитвы закончатся, и Артем возьмется за стило.

Не очень обременяла воеводу и дружина, чья численность ныне достигла шести сотен. Хузарские сотни и варяги, ставшие заправскими степняками, кочевали где-то в Приднепровской степи. Чуть больше хлопот было с сотней Понятки, вернее, с проходившей в ней обучение молодежью.

Зато Понятко, пользовавшийся полным доверием Слады, избавил Духарева от необходимости собирать дань с подвластных смердов. Владений теперь у Сергея было изрядно, окучивать их – дело трудоемкое и неинтересное.

Время от времени воеводу призывал к себе Святослав. Иногда – просто так, пообщаться. Иногда – на совет. Планировался будущий набег на Хузарский хаханат.

Дело было серьезное и сугубо секретное. При всем своем нынешнем упадке Хузария представляла собой весьма грозного противника, способного выставить не менее пятидесяти тысяч элитных воинов (половину из которых составляли наемники) и втрое больше ополченцев. Сам же Святослав, даже с поддержкой дружин подвластных ему князей и скандинавских викингов, мог рассчитывать на двадцать пять–тридцать тысяч профессиональных воинов. Ополченцев можно было набрать вчетверо больше, но даже если заняться этим сейчас и сейчас же организовать их подготовку, все равно средний киевский гридь порубил бы десяток таких новобранцев в считанные минуты.

Значит, следовало искать союзников. И тут вариант был единственный. Печенеги. А вот из печенегов следовало выбирать между большим ханом племени цур Балой и большим ханом племени цапон Куркутэ. В идеале было бы неплохо заключить союз с обоими, поскольку и тот и другой, узнав, что великий князь с дружиной в отлучке, вполне могли наехать на Киев.

Но, во-первых, цур и цапон друг с другом не очень-то ладили; во-вторых, печенегов в союзном войске должно быть вдвое меньше, чем русов. Иначе будут проблемы.

Куркутэ кочевал ближе к Днепру и вдобавок уже ходил в походы вместе с отцом Святослава. Зато Бала был моложе и активнее. И, вероятно, испытывал больше уважения к киевлянам. Именно потому, что не ходил в походы с Игорем.

В конце концов, этот вопрос решили отложить до следующей весны. Святослав намеревался вскорости отправиться на полюдь – сквозь всю свою землю вплоть до Варяжского моря. Там он попутно займется вербовкой для будущего хузарского похода. Тем временем Свенельд приступит к формированию и подготовке ополчения. И начнет с вятичей, которые по договору обязаны дать Киеву не менее пяти тысяч новобранцев.

Духарев отбывал вместе со Святославом. У Сергея были неплохие связи на севере.

Срок отправления назначили на последний день августа-сентября.

Двор княжьего Детинца был практически пуст. Стража у ворот, несколько челядников да пара пацанят, ожесточенно колотящих друг друга маленькими деревянными мечами под присмотром пестунов. Один из пестунов – сотник Добрыня, другой – тоже сотник по имени Претич. А пацанята – сын угорской княжны Ярополк и сын ключницы Владимир. До пяти лет Владимир жил вместе с матерью и дядькой в подаренном Ольгой сельце где-то под

Смоленском. Потом Святослав забрал сына в Киев. Дядька поехал с ним, а вот что случилось с ключницей, Духарев не знал. И не особо интересовался. Должно быть, замуж вышла. Баба красивая, а что была княжьей наложницей, так это не позор.

Святославовы сыновья мало походили друг на друга: Владимир пониже ростом, беловолосый, круглолицый, коренастый. Ярополк – повыше, потоньше, голова темная, лицом – в мать-мадьярку. Вернее, в деда, дьюлу Такшоня.

– Не по чести! Неправильно! – вдруг закричал маленький Ярополк.

– А ты берегись, Ярко! Берегись! – звонко крикнул Владимир.

И налетел на единокровного брата с новой силой.

Пестуны не вмешивались, только усмехались в бороды. Оба – бородатые, не варяги.

На крыльцо, должно быть, на голос сына, вышла великая княгиня. За эти годы она прибавила росту, стала осанистее и еще красивее. Сейчас живот ее округлился: ждала ребенка.

Духарев поприветствовал ее с подобающей вежливостью. Княгиня улыбнулась ласково. Она не забыла, кто привез ее в Киев. Сергей знал, что великая княгиня в дружбе со Сладой и, когда он в походе, жена частенько навещает княжий терем.

– Смотри, как он вырос, воевода! – сказала княгиня, с любовью глядя на сына.

– Они оба выросли, – заметил Духарев.

– Оба? – княгиня не сразу поняла, что Сергей имеет в виду Владимира. – А... Маленький рабичич... Да, он тоже вырос.

Нет, не считала она первенца Святослава ровней своему сыну. Товарищ для игр – пожалуй. Но не ровня. Бастард и есть бастард.

Духарев подумал: может наступить время, когда выросшие братья схватятся уже не на деревянных, а на настоящих мечях. Впрочем, пока жив их отец, этого точно не случится.

Вспомнилось ему вдруг, что некий князь Владимир окрестил Русь. Может, этот? Хотя вряд ли. Вот Ярополк, тот мог бы: с младенчества крещен.

– Когда уходите? – спросила княгиня. Неужели муж ей не сказал? Впрочем, тут особой тайны нет.

– В последний день серпня.

– А-а-а... – княгиня сразу погрузилась. Совсем недолго ей осталось побыть с мужем.

Она его по-настоящему любила, но Святослав, даже когда бывал дома, уделял ей совсем немного времени. Не потому что излишне увлекался другими женщинами, а потому что – великий князь. Битвы, слава, расширение подвластных земель – вот его настоящая любовь.

У Сергея – не так. Когда он сидел дома, всегда старался побольше побыть со Сладой. Сладушкой...

Глава пятая

Которая начинается с мирного пиршества в Новгороде, а заканчивается грабежом и убийствами

– А вот у нас в Новгороде и без князя порядок есть! – раздался хмельной голос старшины Плотницкого Конца. – А коли что не так, то... – старшина забонкал, подражая звону вечевому колокола. – И всем миром!

Святослав не спорил, только усмехался. Видел он, как это – «всем миром». Собрались старшины да бояре, каждый со своей челядью, орали часа три, потом и вовсе передрались. Зато, отведя душу и вволю помесив друг друга кулаками и дубинками, успокоились, расслабились и действительно приняли конкретное решение: ежели пожелает кто с великим князем киевским на хузар идти – пушай идет. Хузарское княжество – богатое, и товаров в нем нужных много, и мастеров полезных – тоже. Нужны Новому Городу и товары, и искусные рабы-мастера. А коли возьмет под себя великий князь Хузарский хаканат – тоже не без пользы. Можно будет напрямую с арабами да персами торговать, без посредников.

Вольный город Новгород. Особенно вольный – для тех, кто с тугой мошной.

По случаю благополучного решения городская старшина закатила пир. Собралось человек триста: княжьи гридни, лучшие люди новгородские. «Лучшие люди», за исключением пары-тройки престарелых богатеев, нажрались до свинячьего визга. Уже и подраться успели, и помириться. Князь со своими сидел наособицу, усмехался благожелательно. Ел немного, пива-мёды лишь пригублял. Новгородский наместник непрестанно шептал ему на ухо: рассказывал, кто есть кто, чем славен, чем слаб. Наместник был немолодой, но толковый, Ольгой ставленный, хитрец и дипломат. Другому с этой буйно-корыстной вольницей не ужиться. Вдобавок покойный князь Игорь, вечно нуждавшийся в средствах, распустил новгородцев поблажками да потачками. Хорошо ещё, что в Полоцке сидел решительный и строгий Роговолт. В Новгороде его на дух не переносили, но побаивались. Полоцкий князь умел больно бить по загребущим ручонкам. Духарев остановился у Сычковой родни. Хотел посмотреть на город не с высоты княжьего терема, а изнутри. Поселился сам, без охраны и даже без Артема (тот остался с дружиной), только Сычка, естественно, оставил при себе.

Родня у Сычка оказалась небедная: несколько дворов, три кузницы, огнищ¹² в округе – немерено. При Сычке его род таким богатым не был. За последние лет десять поднялся на торговле с мерянами да северными дикарями.

Духареву почет был оказан по высшей новгородской мерке. Поселили в новеньком доме, приставили трех челядников, девку дали для постели. Даже трапезы ему отдельные устраивали, исключительно с наиболее почтенными родовичами.

Сычок, бывший при Сергее чем-то вроде денщика и оруженосца одновременно, раздувался от гордости неимоверно. Еще бы! Тот самый воевода Серегей, о котором и песни пели, и сказки рассказывали. Давнишний поединок Духарева с печенежским богатуром за истекшие годы оброс невероятными подробностями. К этой байке приросли и другие истории: о том, как воевода голыми руками покрошил целый хирд нурманских берсерков; о том, как воевода будущую киевскую княжну из пасти зверя огнедышащего вырвал и князю своему привез... Короче, враньё на вранье, и большая часть этих баек не имела к Духареву ни малейшего касательства. Многочисленные скальды-баяны великой земли всласть пофантазировали, желая повеселить публику.

Едва ли не в первый же день во двор, где квартировал Духарев, заявился местный чемпион по мордобою. Пожелал вызвать славного киевского воеводу на поединок. При этом молодецки раскидал хозяйскую челядь, пытавшуюся ему помешать.

Духарев вышел, оглядел хулигана. Тот ростом ему почти не уступал и настроен был очень агрессивно, но когда увидел в руке у воеводы меч, петушиный запал новгородца угас.

– Вон! – холодно произнес Духарев. – Еще увижу – зарублю, как свинью.

Вообще жизнь у Сычковой родни Сергею очень скоро наскучила. У ворот вечно толпились зеваки. Ни на торг нормально сходить, ни по двору пройти.

Поэтому когда к нему прискакал посол из Детинца, он с удовольствием покинул гостеприимный кров, разрешив Сычку пожить пока со своими. В терем его позвал не князь. Святослав с сотней дружинников отправился инспектировать Плесков. Прискакал гонец от старшего сына Ольбарда Красного. Сам Ольбард еще не вернулся из морского похода, но сын его, старший брат Трувора, прознавший о родовичах, прибывших в Новгород, послал спросить: не отпустит ли великий князь Трувора сотоварищи хоть ненадолго в родные края? Сетовал: сам бы приехал, да не на кого вотчину оставить.

– Можно? – с надеждой спросил Трувор.

Духарев поглядел на наместника: тот пожал плечами. В отсутствие Святослава воевода Серегей был над дружиной старший.

– Добро, – согласился воевода. – Бери своих родовичей – и езжай. Срок тебе – до новой

¹² Огнище – земля, на которой лес выжжен под пашню. Отсюда – «огнищанин», т. е. землевладелец.

луны.

– А можно, батька, я твоего Артема возьму?

– Бери, – разрешил Духарев. – Нет, погоди...

«А самому-то мне что в Новгороде сидеть? Штаны протирать да жрать за счет старшины? Этак можно брюхо наесть почище, чем у Ольгиных бояр!»

– Я тоже с вами поеду! – заявил он.

«Поеду. Заодно выясню, может, кто из соседей-скандинавов желает за Святослава повоевать».

– Как, примет меня твой брат? – спросил Сергей своего сотника.

Трувор расцвел:

– Еще как примет, батька! Не пожалеешь!

Оставшуюся дружину Духарев доверил сотнику Гримми.

Поехали вдвенадцатером: Духарев с сыном, Трувор и девять варягов из Ольбардова рода. Все, что были в Новгороде. Заводных не взяли, только пару вьючных. Здесь – не Дикое Поле, на лесных тропах не разгонишься.

Духарев с удовольствием вдыхал знакомый запах. Ехали они туда, где много веков спустя встанет над болотами родной город Сергея. Этот лес, конечно, много гуще и чище, но знакомый с детства дух все равно чувствуется. Или Сергею кажется?

Варяги тоже расслабились: почти родные места. Сняли брони, шлемы, приторочили к седлам.

К вечеру второго дня подняли лося-двухлетка. Первый выстрел отдали Артему – как младшему. Парень не сплоховал: подкрался и вогнал сохатому стрелу меж ребер точно в сердце.

Зверя погрузили на волокушу и протащили еще четверть поприща. Лагерем стали, когда вышли к реке. Река была широкая, но не Нева и не Волхов. Впрочем, без разницы.

Было светло: север все-таки. Варяги набили стрелами рыбки, пару уток. Не потому что мяса мало, а для разнообразия. Сварганили супчик, накидав туда травок с корешками, да еще ячменя – для наваристости. Лосятину жарили на живом огне. Кроме языка. Этот сварили и, густо посыпав солью, поднесли воеводе. Артем как главный добытчик получил печенку.

После двухдневной прогулки по лесу простая жаренка и немудреная ушица показались вкуснее, чем новгородские яства.

Покушали. Устроились на бережку так, чтобы ветром хоть часть комариков сдувало.

А вот поспать толком не удалось. В начале второй стражи дозорный растолкал Духарева:

– Воевода, проснись, воевода! Чуешь?

Сергей принялся. В воздухе ощутимо пахло паленым. И не костром – лесные дровишки пахнут не так. Так пахнет, когда горит человеческое жилье.

– Буди всех, – велел Духарев.

Он сбежал к реке. Здесь дымом тянуло сильнее. Сергей прислушался: над водой звук идет лучше. Кажется, расслышал что-то.

Рядом зашуршал песок. Трувор. Он тоже прислушался...

– Кричат, – сказал он. – Там, – варяг махнул рукой вниз по течению. – Что скажешь, воевода?

– Вздеть брони и на-конь!

Трувор кивнул. Он не ожидал другого ответа.

– Водой пойдем? – спросил Трувор. – Тут берег гладкий.

Духарев молча вскочил в седло, пустил коня рысью по мелководью, на ходу натягивая панцирь. Было довольно светло. Полнолуние.

Минут через пять уже и Духарев различил отчаянные вопли.

Не сговариваясь, варяги прибавили ходу. Теперь их кони шли ровным коротким галопом, разбрызгивая темную речную воду. Река отвернула влево, и русам открылся небольшой заливчик, где, въехав носом на песчаный берег, стоял... драккар!

На мгновение Духарев замешкался: их всего двенадцать, тогда как на таком корабле может уместиться больше сотни викингов. А викинги – это лучшие воины Севера, ничуть не уступающие варягам.

Пока Сергей думал, его сын вылетел вперед. Визгнула стрела – и один из скандинавов, оставленных присматривать за кораблем, повалился через борт и плюхнулся в воду.

Тотчас с полдюжины стрел порхнули с тугих степных луков – и еще двое выбыли из игры. Зато четвертый успел взречься влюбленным оленем, предупреждая своих, прежде чем раненый наконечник налетит пробить ему шею.

Деревня горела. Тут и там мелькали люди. Кто-то что-то тащил. Отчаянно кричали женщины и дети. Иногда крик срывался в нечеловеческий звериный визг.

Да, припозднились варяги. Но лучше поздно, чем никогда. Основное нурманское веселье – насиловать, резать, жечь – в самом разгаре.

– Вскачь! – закричал Духарев, сдергивая со спины лук. – Конно! Стрелами! В рубку не лезть!

Конечно, тут не было места для настоящей степной карусели. Тесновато. И все-таки...

Духарев бросил коня между горящих изб. Вылетевший навстречу скандинав широко замахнулся секирой... и опрокинулся со стрелой в груди. Вот так вот! Никакая броня не выдержит стрелы из настоящего хузарского лука, посланной в упор.

Бум! Еще один северный разбойник отправился в Валхаллу. Следующему, выскочившему из избы прямо под выстрел, стрела вошла точно в глаз. Духарев развернулся в седле, пытаясь углядеть, как там Артем... Но увидел двух викингов, бегущих за воеводой. Крутые парни очень быстро перебирали ногами. Верно, надеялись обогнать лошадь. Две стрелы, одновременно сорвавшиеся с тетивы Духарева, лишили их этой надежды. И жизнью заодно.

Ага, вот еще один! Духарев заметил его вовремя. Как раз, когда тот занес копье...

– Стой! – Сергей голосом осадил коня. Копье ширкнуло аккуратно перед мордой коня... В этот момент откуда-то сбоку выскочил еще один нурман и безжалостно рубанул бедное животное по задним ногам.

Конь с жалобным воплем повалился на землю. В падении Духарев потерял лук и щит. Но меч был при нем, и набежавшего врага, уже чужавшего легкую добычу, он встретил, как подобает: косым ударом сверху вниз. Викинг заорал. Естественная реакция для человека, оставшегося без ноги.

Духарев пинком вышиб и поймал левой рукой на лету его меч (эх, не судьба разбойничку попить с Одином: без железки в руке помрет) и угостил железом второго северянина сразу с двух сторон. Тот прикрылся, но струсил. Подался назад, завопил, скликая своих.

Набежали сразу трое. Впереди громила с секирой и нетрадиционным для нурманов рогатым шлемом. Должно быть, в одном из южных походов добыл. Громила, хрипя и подвывая, накинута на Духарева, давя здоровенным щитом и размахивая секирой со скоростью вентилятора. Причем каждый взмах был нацелен на конкретное повреждение организма. Духарев изловчился трижды достать его мечом, но громила не замечал ран. Берсерк, не иначе. К счастью, его товарищи тоже старались держаться подальше от пляшущей секиры, чтобы ненароком не угодить под раздачу.

Закончилось все неожиданно. За спинами викингов мелькнула серая тень, простучали копыта, звонко щелкнула тетива – и из бородачи громилы вынырнул красный клювик наконечника стрелы.

Такую рану даже берсерку и ульфхеднару игнорировать не под силу. Двое его приятелей опрометчиво развернулись в стрелку, но тот уже умчался, а вот Духарев был рядом. И еще двумя викингами стало меньше.

Наконец Сергей получил краткую передышку и попытался сориентироваться.

Он находился у одной из крайних изб. Вокруг валялись тела викингов, которых он положил, и нескольких мертвых крестьян – мужчин и женщин. Позади избы пылало пламя,

слева, шагах в пятидесяти, темнел лес. Справа – несколько изб. Дальше – опять горело. Там звенело железо и трещало пламя, дым щипал глаза. В двадцати шагах бился и ржал покалеченный конь Сергея.

Кто-то вдруг завыл по-варяжски, волком. Духарев встрепнулся. Бросился к бьющемуся на земле коню, кольнул его мечом в горло («Прости, брат!»), подхватил колчан («Эх, стрел маловато!»), лук (меч – в ножны), и бегом – туда, где драка.

Мимо вихрем пролетел всадник. Духарев отпрянул, но всадник его узнал: «Я свой, батька!» – и нырнул прямо в клубы дыма.

Вокруг прыгали длинные тени. Бой распался на множество стычек. Обогнув горящую избу, Духарев наткнулся на трех викингов, прижавших кого-то к тыну и, похоже, намеревавшихся брать живьем. Мимо Духарева, на подмогу северянам, пробежал четвертый. На Сергея он внимания не обратил. Шлем и панцирь у Духарева – типично скандинавские. Да и рост соответствующий. В общем, принял Духарева предок мирных норвежских рыболовов за своего – и поймал стрелу под лопатку.

Духарев черпнул из колчана еще три и спокойно, словно в соломенные мишени, одну за другой отправил их в спины северных разбойничков. Особенно не прицеливался. Знал: ни один панцирь – ни даже панцирь с кольчугой, ни даже его собственная отменнейшая бронь – не выдержит полутонного удара граненого наконечника. Викинги попадали, и за ними обнаружился десятник Велим, немного помятый, но не побежденный.

– Батька, сзади!!!

Духарев отпрыгнул, одновременно разворачиваясь в прыжке, роняя лук и выхватывая меч. Следующий выпад он встретил основанием клинка, и тут же ответил сам – с двух рук, мощно. Его противник на миг опешил, обнаружив, что от первого же удара варяга его щит развалился пополам. Новый удар оставил викинга без меча. А заодно и без правой руки. Добить разбойничка Духарев не успел. Сбоку прилетело копьё. Духарев перехватил его левой рукой, хекнул и метнул копьё в черный силуэт его бывшего хозяина. Звук попадания не услышал.

– Батька, я тут! – закричал Велим. Он уже был при мече и щите. – Вон, батька, бегут!

Духарев бросил меч в ножны, подобрал лук. Сочно защелкала тетива. Викинги тоже умели уворачиваться от стрел и отшибать их клинками, но духаревские летели вдвое быстрее, чем привычные скандинавам. Мелькание теней и пламени тоже изрядно мешало... Словом, бежали к ним пятеро, а добежали только двое. Этих Велим не подпустил к своему воеводе. Бились викинги отменно. Один бы Велим не продержался и нескольких минут, но за его спиной был Духарев, который сшиб одного викинга стрелой, а другого – уже мечом, потому что стрелы кончились.

– Колчан твой где? – крикнул он Велиму. Тот мотнул головой:

– При седле остался!

Духарев бросился к убитым, выдернул пару стрел, больше не успел. И выстрелить не успел.

На него накнулись сразу трое. Одного оттянул на себя Велим, но два оставшихся – здоровенных, с закопченными мордами скандинава – тоже немало. Тем более Сергей уже подустал. Второго меча у него не было – он подобрал чей-то щит. Викинги работали слаженной парой: один, длиннорукий, активно махал секирой, норовя излохматить щит, второй, с мечом, вертелся сбоку, искал варяжской оплошки.

Но оплошал викинг с секирой. Духарев искусно подставился; дал ему вогнуть секиру в верхний край щита, слегка повернул – и викинг, потеряв равновесие, пропустил колющий удар под мышку. Меч вошел легко – и увяз.

Духарев еле успел увернуться от второго разбойника. К счастью, секира нурмана застряла в щите и досталась Духареву. Сергей отпрыгнул назад и встретил врага ударом в голову. Тот пригнулся, но топор все-таки задел шлем: ремешок лопнул, и шлем слетел с головы скандинава. Викинг должен был быть оглушен... Вернее, этого ожидал Духарев. И едва не расстался с жизнью. Ответный удар викинга был молниеносен. Лишь в самый

последний момент Сергей успел уйти, изогнувшись под совершенно немыслимым углом, но меч викинга все равно чиркнул его по лбу, и кровь залила правый глаз. Меч снова взлетел, Духарев вскинул секиру, как бы парируя, но враг был хитер и не купился – поднял щит. Вот сейчас он отведет удар топора, а сам одновременно ударит понизу, со стороны залитого кровью глаза. Духарев рассмеялся: он видел все намерения противника. Секира описала кривую, целя викингу в ногу, тот, естественно, среагировал: уронил щит вниз, спасая голень... А Духарев могучим рывком увел оружие вверх, по дуге. У него аж в плече хрупнуло от усилия. Краткий миг: маска ярости на закопченной роже викинга сменилась маской ужаса. Враг не почувствовал ожидаемого удара в щит, успел понять, что ошибся... В следующий миг секира снесла ему верхнюю половину черепа.

Викинг еще падал, а Духарев уже развернулся на звон железа, увидел спину еще одного скандинава, в таком же рогатом шлеме, как и у поймавшего стрелу в шею берсерка. Не раздумывая, Сергей метнул секиру, и «рогатый» упал.

– Велим, цел?

– Вроде того.

С руки десятника капала кровь, но рана была, сразу видно, пустяковая. Если нурманское железо достаёт по-настоящему, кровь не капает, а хлещет.

– Кажись, мы победили, батька? Звону-то не слышать?

И точно: вопли, бабий плач, треск огня... Но характерных звуков боя не было.

– Или нас, – неоптимистично предположил Духарев.

Велим сверкнул белыми зубами и вдруг испустил волчий вой. Тотчас отозвались трое или четверо «волков». А буквально через секунду из темноты вырвался всадник, осадил в шаге от Духарева, сорвал шлем... Сергей узнал коня раньше, чем увидел замурзанное, счастливое лицо сына.

– Видел, батя, ты видел? Как я того, рогатого, а?!

Выходит, это Артем его выручил! Ну, молодец! Подошли Трувор и еще двое. Все – пешие.

– Собирайте наших, – сказал Духарев. – Я сейчас.

Он выдернул из спины викинга секиру и побрел к бережку. Устал, однако. Чай, не мальчик, пятый десяток пошел.

Сергей наклонился, черпнул шлемом прохладную воду, окунул голову...

Тень драконьей головы косо падала на песок.

Духарев положил шлем, вскарабкался на борт драккара, отпихнул мертвого викинга, поднатужился, снял со штыря «дракона» и швырнул вниз. Вот так-то лучше.

Сергей спрыгнул на песок и пошел к своим – помогать.

Потеряли они четверых. Еще трое были ранены. Погибли все лошади, за исключением Артёмовой. Викингов уложили сорок шесть человек, включая корабельную охрану. Это оказались не нурманы, а свеи. Впрочем, разница невелика. Духарев понимал, что ему с варягами здорово повезло, что успели побить стрелами две трети противников, пока те расчухались и спешили нападавших.

Больше всех завалил Духарев: десятка полтора. Правда, ни у кого из варягов не было такого мощного лука. Шестерых прикончил Артем. Исключительно стрелами. Он единственный не дал себя спешить. Это было замечательно, потому что в рукопашной со свеями Артем бы не устоял. Викинги были матерые, в отменных бронях... Какого черта им понадобилось в заброшенной деревушке?

Это, впрочем, тоже выяснилось. Деревушка оказалась новгородским погостом. Так что, кроме мирного населения тут квартировали тиун и несколько воев. Свеи порубили их так же просто, как обычных смердов. От всего поселка уцелели только несколько женщин и десяток детей, успевших убежать в лес. Остальных, включая малолеток, свеи перебили. Скорее всего, и этих нашли бы и зарезали, чтобы не оставлять свидетелей. Один из раненых викингов, которого допросили перед тем, как милосердно перерезать горло, заявил, что хирд шел в Новгород наниматься на службу Святославу. Но акулья скандинавская порода взяла свое:

свєї прослышали о погосте и решили поживиться. Не окажись Духарев со своими поблизости, пришли бы свей в Новгород как ни в чем не бывало, а меха, бобровую струю и прочие ценные вещи, взятые на погосте, с прибылью продали бы на киевском торгу. Теперь вся добыча досталась варягам. Это радовало. А вот свеев было жалко. Не по-человечески, а из военных соображений. Крепкий свейский хирд был бы не лишним в будущем походе. Коней тоже жалко, хорошие были кони. Зато варягам достался отличный драккар на двенадцать пар весел, способный к морскому плаванью. Отменный драккар, почти новый, можно сказать, только обкатанный. Все это Духареву сообщил Трувор, разбиравшийся в кораблях не хуже, чем хузарин – в лошадях, а кыпчак – в верблюдах. Правда, команда у них для такого красавца была маловата, грести могли только трое: Сергей, Трувор и еще один варяг. Артем постоянно находился при раненых, а Велим, раненный легко, но неудачно – в левую ладонь, тоже на вёсла сесть не мог: одной рукой много не наворочаешь. Его пристроили у кормила. Впрочем, Трувор уверял, что вниз по течению да еще с попутным ветром он и один сможет довести драккар до ближайшего варяжского форпоста. А там у них будет столько рук, сколько понадобится.

Приготовленную для новгородцев дань он тоже прибрал. Духарев узнал об этом, только когда они отплыли. Но это было по Правде: отбитая у разбойников добыча исконно принадлежала тем, кто ее отбил. На море ли, на суше – какая разница? Духарев еще слегка беспокоился об уцелевших местных: как они выживут без мужиков, но решил, что это не его проблемы. Припасов смердам хватит три зимы пережить, из четырнадцати изб сгорело только пять. Короче, выживут. И вообще вскоре сюда приедут новгородские мытари, пусть они и разбираются со своими данниками. От щедрот Духарев оставил им Артемова коня. Конь хоть и хорош, но не боевой, обычный. Артем не возражал. Ему достались изрядные трофеи: брони и оружие побитых им викингов. И четырнадцатая доля с добычи: три доли Духареву как воеводе и по одной – каждому из варягов, включая мертвых. Впрочем, Артем в любом случае не стал бы спорить. Он был не жаден, да и к поселянкам, оставшимся без мужской опоры, испытывал сострадание. Тех двоих девушек, которых в свое время отобрали свєї, предлагал даже взять с собой. Дескать, они и с ранеными помогут. Духарев, однако, не разрешил. Так что с собой варяги взяли только своих, мертвых. Обмазали медом, зашили плотно в шкуры и уложили на дно драккара. Можно было их предать огню и в поселке, но Трувор попросил взять тела с собой. Сергей согласился: его родичи, ему виднее. А вот со свєями поступили неуважительно. Ободрали и уложили грудой в ближайшем лесочке. Пусть у лесных хищников будет маленький праздник.

Через два дня (быстрой, чем верхом) они пересекли условную границу новгородской пятины, и на следующее утро по правому берегу началась земля, подвластная Ольбарду Красному. Белозерье. Там их уже ждали: свейский драккар – заметная штукавина. Там же они приняли на борт еще десяток гребцов: охотников и попутчиков, которым надобно было попасть в княжий град. К этому времени уже было ясно, что все трое раненых выживут. Главная заслуга в этом принадлежала, безусловно, Артему. Духарев был горд. Спасать жизни, по его мнению, было более высокое деяние, чем отнимать. Славно, что его сын перенял у матери это искусство.

Глава шестая

Стемид, сын Ольбарда, белозерский княжич

Старший сын Ольбарда Красного Стемид на младшего, Трувора, был совсем не похож, а похож он был на типичного скандинава. Рыжий, курносый, широкий, весь в веснушках. Впрочем, среди природных варягов таких было немало. Это северное славянское племя последние сто лет не только дралось с викингами за право ходить по пенным дорогам Северного моря, но и роднилось с ними. Общность суровой жизни сделала их похожими на скандинавов не только внешностью, но и обычаями. Даже именами. Правда, варягам было полегче: за ними – Белозерье, богатый лесной край, и прямая дорога через южные земли

киевского князя к ромеям. Или к хузарам. Варягов везде пропускали беспрепятственно. Они жили по Правде и никогда не грабили тех, кто слабее... Ну, почти никогда. По крайней мере во владениях киевских князей, с которыми у князя белозерского было давнее Уложение, подкрепленное вдобавок кровным родством: не было у руси князей-неварягов. Хотя ныне варяги были уже не столько родом-племенем, сколько воинским братством, все равно лучшими в нем были те, чьи усы были выкрашены синим.

Синими были длиннющие усы княжича Стемида. И чуб, свисавший на ухо с бритого черепа.

– Ага! – воскликнул он вместо приветствия. – Знакомый кораблик! Неужто Олли-ярла драккар? А где же он сам?

– Поищи в рундуках! – закричал Трувор. – Где-то там лежит панцирь этой черепахи!

Младший княжич спрыгнул на дощатый причал и обнялся с братом.

– Неужто Олли-Рогатый на вас наскочил?

– Нет. Погост он грабил, а тут мы...

– Наш погост? – Стемид нахмурился.

– Нет, новгородский. После, брат, расскажу. Я ведь не один приехал, с воеводой.

– О-о-о!

Стемиду редко приходилось задирать голову, чтобы посмотреть в глаза собеседнику. Теперь пришлось.

– Вот, батька, – сказал Трувор. – Братец мой старший! А это, братец, большой киевский воевода Серегей!

Стемид поклонился вежливо, но в глазах его прыгали веселые искры.

– И верно, большой! – сказал он. – А слава твоя – еще больше! Я...

Тут что-то мелькнуло мимо головы Сергея и врезалось бы Стемиду в лоб, не поймай тот брошенный предмет на лету.

– Ты спрашивал об Олли? – закричал с носа драккара Артем. – Это его шлем! Это я его убил, Стемид!

– Гм... – Стемид сделал вид, что внимательно изучает шлем. – А может быть, ты его просто нашел, парень?

Сопровождавшие княжича варяги захохотали, но Артем не обиделся. Он больше года ходил в отроках у Ольбарда и был в Беловодье своим. Ему были рады.

– Вы, должно, устали с дороги? – спохватился Стемид. – Воевода, окажи честь, будь моим гостем!

– Благодарю, княжич! Надеюсь, ты приглашаешь не только меня?

Стемид сначала нахмурился, потом сообразил: воевода шутит.

– Ну, может, еще этого малорослого делателя вдов! – он хлопнул по плечу вставшего рядом с отцом Артема. – Остальные, смотри, уже разбежались.

Действительно, из всей ватаги остались только Трувор, Артем и сам Духарев.

Трувор наклонился к уху брата, прошептал что-то. Тот помрачнел, глянул еще раз на драккар, сказал Трувору:

– Сам распорядись, они – твои, – повернулся в Духареву. – Пойдем, воевода, в терем. Самое время помыться с дороги. Потом поздно будет.

– Почему? – удивился Сергей.

Неужели есть какой-то неизвестный ему варяжский обычай?

– Так зима скоро! – развел руками Стемид. – Вода замерзнет!

Артем хихикнул.

Уже поднявшись на крутой берег, к воротам белозерского городища, Духарев обернулся и увидел, как с драккара снимают защитные мешки.

Глава седьмая Тризна

Дом князя белозерского Ольбарда был хорош. Высокий, крепкий, с башенкой, откуда открывался вид не только на варяжский городок, но и на все подступы – от опушки до противоположного берега озера. Сам же городок был небольшим: несколько десятков дворов, огражденных двойным частоколом.

По рассказам Рёреха Духарев знал, что на морских берегах варяги строятся не так. Возводят «длинные дома» – огромные полуземлянки на скандинавский манер. Иначе не уберечься от пронизывающих зимних ветров. Но здесь, под защитой леса, это не обязательно.

В Белозерье Духарев был впервые, хотя с Ольбардом Красным встречался уже дважды. Ольбард ему нравился. Вероятно, и он пришелся по душе варяжскому князю, коли тот согласился принять в обучение Артема. Тем более пестуном Артема был Рёрех, а Рёрех, как ни крути, Ольбарду – дядя. Не будь Рёрех так страшно покалечен, может, сам стал бы белозерским князем прежде Ольбарда. Так что авторитет у Рёреха в Белозерье – огромный. И первый вопрос Стемида был о нем.

– Здоров, – успокоил Духарев. – Еще нас переживет.

Потом последовали вопросы по делу. Очень Стемида интересовало, почему великий князь киевский на сей раз прибыл в Новгород лично?

Духарев объяснил. Здесь можно и нужно было говорить без утайки.

– Могу к соседям послать, – предложил Стемид. – Пусть известят, что Киеву воины нужны. Платить как будете?

– Не обидим. И добыча будет огромная, пусть твои вестники так и скажут. Только пусть не говорят, на кого пойдем. От вас ведь к хузарам отдельная дорожка лежит, мимо Киева...

– Волжский путь ныне неудобен, – покачал головой Стемид. – Озоровуют на нем много, гости торговые сейчас все больше по Днепру идут. Хотя и там, слышал, тоже беспокойно?

Духарев кивнул.

– Вот о том и речь, – сказал он. – Взять под себя хузарские земли, приструнить копченых – и ходить безбоязненно хоть в Царьград, хоть к парсам.

– Замыслы великие, – задумчиво проговорил Стемид. – Да хватит ли силушки у вашего князя?

– У нашего князя – хватит! – твердо ответил Духарев.

И Трувор поддержал. Воины Святослава верили в своего батьку.

Приятно спать на сухом и чистом, в тепле и под крышей. И никто не толкнет в плечо: вставай, твое время караулить! Но разбудил Духарева не рассвет – солнце здесь, считай, и не заходило, – а сын.

– Батя, Трувор просит. Пойдем?

После вчерашнего голове было тяжело. Не надо было «зимнее»¹³ пиво на обычное класть.

Артем свистнул: появилась босоногая девка с полотенцем, кувшином и тазиком.

– Убери! – Духарев недовольно отпихнул тазик, как был, в исподнем, прошлепал вниз, во двор, к колодцу, показал сыну на бадейку рядом: – Наливай!

Опрокинул. Ах-ха! Ледяная водичка! Сразу полегчало.

– Еще!

Артем споро гонял вверх-вниз колодезную цепь. После третьей стало совсем хорошо. Сергей отобрал у сына кожаное ведро, напился, огляделся. Дворовые Стемида деликатно не обращали на него внимания.

– Пойду оденусь, – сказал он сыну. – А ты организуй чего-нибудь перекусить.

¹³ «Зимнее» пиво – напиток, получаемый вымораживанием из обычного пива воды, таким образом можно было получать продукт значительной крепости.

– Кушать нельзя, батя!

Духарев посмотрел на сына... Не ели они обычно перед Причастием, но тут, в Белозерье, христианского священника быть не могло. Значит, какой-нибудь языческий обряд... Артем опустил глаза. На шее Сергея висел старенький крестик – последняя вещица, оставшаяся от той жизни. На шее его сына – тоже крестик. Намного богаче: царьградская работа, весь в самоцветах... Дядька Мышата подарил.

Но несмотря на усилия матери, варяжская Правда была парню ближе, чем христианская Истина.

– Ладно, погоди, я сейчас, – Духарев взбежал наверх, быстро переоделся. Бронь надевать не стал, только меч прицепил.

Артем ждал у ворот с запасной лошадей. Хотел спешиться, поддержать отца стремя. Духарев не дал.

– Что я, калека? – проворчал он и махом прыгнул в седло.

У берега озера стоял плот. На плоту штабелями – дрова. На дровах – мертвые тела. Погибшие в схватке со свейями варяги. Тут же на берегу стояли белозерские ратники: сотни две, все, кто был сейчас в городе. Шагах в пятидесяти – женщины и дети. Поодаль, под присмотром пары воев, сидели на траве несколько мужчин и женщин потрепанного вида. Сергей отметил, что женщины все довольно молоды, а почти все пленники-мужчины ранены. Некоторые – явно тяжело.

– Трувор с Велимом ночью на нашем драккаре к морю бежали. Там изгои свейские с позапрошлого лета живут... – негромко пояснил Артем.

Едва Духарев спешился, к нему поспешил Трувор.

– Батя! Почтим Перуна Громорукого!

– Перун! Слава! – рявкнули белозерцы. Духарев медленно двинулся к пленникам. Он знал, что нужно сделать. Стемид и Трувор были княжичами, хозяевами на этой земле, кровными родичами погибшим. Но Духарев – воевода, батя. Именно в его ладони вкладывали свои руки погибшие. Именно ему отдали свои мечи. Сергею претило бессмысленное убийство, но отказаться было нельзя.

Он неторопливо подошел к пленникам. Четверо мужчин, может, воинов, но скорее простых землепашцев, бондов. Трое сидели на земле, повесив головы. Только один (Духарев про себя назвал его Злым) не смирился, глядел яростно. Этот точно не бонд.

– Откуда они взялись? – негромко спросил Духарев.

– С конунгом повздорили. Их ярла конунг убил, а эти убежали. Отец отдал им исполы залив за Китовым мысом. Дозволил жить.

– Ольбард позволил, а вы...

Трувор шевельнул плечами, кивнул головой на погребальную пирамиду: дескать, есть вещи поважнее отцова позволения.

– Олли-Рогатый у них неделю стоял, – сказал он, будто извиняясь. – Двое ихних с ним были.

В общем, понятно. Увидев знакомый драккар, «беженцы» решили, что это Олли вернулся. Варяжский набег застал их врасплох.

Духарев вынул меч из ножен. Свечи встрепенулись. Злой оскалился, женщины заплакали. Их тоже было четверо, причем две явно не свейского племени, мелкие, чернявые. Наверняка рабыни.

– Подержи, – Духарев передал клинок сыну. – Вы! – бросил он свейам по-нурмански. – Биться будете, или так зарезать?

Злой аж вскинулся.

– Дай мне меч, варяг, и я тебя убью! – закричал он.

– Дайте ему меч, – мрачно сказал Духарев. – И всем остальным – тоже. А мне – два.

Через несколько минут пленники были развязаны. Им выдали оружие. Сергею дали пару прямых варяжских мечей: свой он в таком деле поганить не хотел.

Бонды приняли оружие привычно, но без энтузиазма. Настоящих ран они, похоже, не

получили, просто были сильно избиты. Они не хотели драться, они уже примирились со смертью. А вот Злой, ухватив оружие, сразу воспрял. Голова его была в крови, но рана не выглядела тяжелой.

Духарев оглянулся. Варяги уже образовали круг. Глаза у них горели в предвкушении зрелища...

«Не будет вам зрелища», – подумал Духарев.

– Перун!!! – грохнули сотни глоток.

– Оди-ин! – заорал Злой (Духарев угадал по губам, звук утонул в реве варягов) и устремился на Сергея.

На свое – кожаная куртка со стальными пластинами, на Духареве – только шерстяная рубашка. Не важно. Сергей легко сбил клинок своея, привычно кольнул в левую подмышку, выдернул клинок и оказался как раз между трех бондов. Никакой это не поединок, обычное убийство. Три удара – и все. Только это и мог сделать для них Духарев – сразу насмерть.

Они еще падали, когда Сергей стряхнул кровь с мечей и перевернул их рукоятями вперед.

– Тебе, Перун! – четко произнес он.

Круг варягов слитно выдохнул и рывкнул с некоторым запозданием:

– Тебе!!! Перун!!!

– С женами – сам, – сказал он Трувору. – У меня зарок не убивать женщин.

– Благодарю, что почтил, воевода, – негромко произнес Трувор.

Он-то знал, что Сергей – христианин и старается избегать подобных дел.

Младший сын Ольбарда принял мечи. Теперь остальная часть языческой церемонии была на нем. Вождь – главный жрец своей дружины, ведь именно к вождю в первую очередь прислушиваются боги. Он может уступить право общения с потусторонним миром лучшему из своих воинов, но первую кровь должен пролить он.

Сергей видел множество варяжских тризн. Эта ничем не отличалась от остальных. Разве только тем, что едва разгорелся погребальный костер, из толпы выскочила девушка, ударила себя ножом в грудь и упала в огонь. Ее пронзительный крик вспугнул даже привычных шуму варяжских ворон. Варяги одобрительно заворчали: чтобы не услышать такой вопль, бог должен быть совсем глухим. Покойным обеспечено достойное место в Ирии.

Глава восьмая

Ярл Эвия Оттарсон

На свейский драккар поставили новую носовую фигуру – морского коня. Теперь драккар так и назывался «Морской конь».

Стемид дал Духареву старого кормчего, знавшего берега Северного моря, как бобр – свою хатку. Кроме Трувора и гридней, прибывших с ним из Киева, с Сергеем поплыли сорок четыре варяга, изъявивших готовность присоединиться к будущему походу. Перед отправлением они вручили свои судьбы Духареву: присягнули ему на верность.

По морю они плыли девять дней. Погода была отличная, особенно днем. Ночью холодало, и по утрам варяги счищали с рукоятей весел ледяную корочку. Но до настоящих морозов было еще далеко.

Иногда кормчий направлял драккар к берегу – набрать пресной воды и набить свежего мяса. В основном, птиц: гусей, уток, лебедей.

Несколько раз им попадались селения полудиких аборигенов. Эти при виде драккара сразу бросались наутек. На восьмой день миновали длинный скандинавский дом. Там отреагировали иначе: на берег, потрясая оружием, высыпало несколько десятков мужчин. То ли приветствовали, то ли предупреждали.

На десятый день добрались до места.

Это был фьорд: длинный узкий залив, прорезавший скалистый берег и завершавшийся

тихой уютной гаванью. Здесь никто не пугался и не угрожал. Может, потому что на песок были вытащены аж четыре драккара, каждый из которых был больше, чем трофей Духарева.

Когда киль «Морского коня» прошуршал по песку, на берегу появилась делегация: пегобородый викинг весьма властного вида, за ним – толпа в полсотни матерых головорезов-нурманов.

– Я – Эвил, сын Оттара ярл Хаслфьерда.

– Сергей, воевода киевский.

– Не тот ли ты Серегей, что убил Скарпи Атлисона?

– Тот, – Духарев напрягся, а нурман ослабил.

– Жаль! Сам его убить хотел. Кровник он мой. Сбежал к вам от суда конунга.

– Ну извини, – сказал Духарев. – Может, в дом пригласишь, Эвил Оттарсон?

– Да я сам тут гость! – развел руками ярл. – А хозяин – вон он! Эй, Гуннар, иди сюда, принимай гостей!

Гуннар, тоже типичный норман, подошел к гостям и с достоинством пригласил разделить кров и пищу. Но вид у него при этом был кислый.

Молодцы Духарева попрыгали на песок. Кое-кто по-нурмански обменивался приветствиями с викингами. Не раз пересекались дорожки скандинавов и варягов-славян. На море (часто – сталью о сталь); на мирных торгах в Белозерье, в Скирингсалле, в Хольмгарде-Новгороде.

– Знакомый драккар! – прищурился вдруг ярл Эвил. – Не Олли-Рогатого «Ёрмундганд»?

– Был, – ответил Духарев. – Теперь его имя «Морской конь».

– Давно ли?

– Пол-луны минуло.

– И чем же куплен сей пахарь пенных полей?

– Кровью, – мрачно ответил Духарев.

– Уверен, эта история достойна висы! – сказал ярл. – Ты расскажешь ее, когда мы омочим усы в пиве гостеприимного Гуннара!

Историю рассказывал не Духарев, а Трувор. Большинство присутствующих были нурманы, а сын Ольбарда владел нурманским, как своим родным.

Расписал красочно, со всеми положенными поэтизмами, акцентируя внимание на том, что грабеж на земле киевского князя дорого встанет даже тем, кто намерен этому князю служить. Но нурманы обратили внимание на другое:

– Сколько, говоришь, вас было? – переспросил ярл Эвил.

– Двенадцать. Осталось восемь. Четверо ушли в мир вечной славы.

– А сколько, ты сказал, было хирдманов Олли?

– Четыре десятка и еще шесть.

Нурманы загомонили. Похоже, не поверили. Но оспаривать никто не стал.

В длинный дом викингов набилось под сотню (еще столько же пьянствовало снаружи). И еще полсотни варягов. Вонь стояла – не продохнуть. Духареву кусок в горло не лез.

– Выйдем, ярл, прогуляемся, – предложил он, наклонившись к Эвилу.

Тот кивнул.

Предводители вышли, оставив своих воинов пировать.

Пара нурманов с волчьими шкурами на плечах сунулись было за ярлом, но тот знаком велел им остаться. Варяг не взял своих телохранителей, нурман – тоже.

– Сколько будет платить князь Святослав за каждый меч? – напрямик спросил Эвил.

– Четверть золотой гривны за два меча.

– Мало! Ромейский кесарь платит втрое больше.

– Еще доля в добыче.

– А велика ли будет добыча?

Духарев усмехнулся:

– Мало не покажется.

- Х-м-м... Слава твоего князя тоже велика, но одной славы мало. На кого идем?
- Все узнаешь в свой черед, ярл.
- Думаешь, если я узнаю, то приду и возьму сам? – осклабился Эвил.
- Вряд ли.
- Тогда шепни. Только мне. Одним клянусь, никто не узнает!
- Одним? – Духарев хмыкнул. Один – отец лжи.
- Честью! Честью ярла Эвила!
- Ладно, – согласился Духарев. – Только тебе. Хузарский хаканат.
- О-о-о-о!
- Неужто испугался?
- Никогда! – отрезал Эвил. – Значит, треть гривны за два меча?
- Я сказал, четверть.
- А если я уйду? – ярл остановился.

Они уже поднялись довольно высоко. Внизу, метрах в пятидесяти под ними, плескалось между утесами море. Ярл остановился на самом краю скалы, глядел, покачиваясь, на чаек.

- К ромеям?
- Домой. В Халсфьерд.
- Лучше – в Исландию, – посоветовал Духарев. – Там конунг тебя не достанет.
- Так ты знаешь? – удивился Эвил.
- О твоей ссоре с конунгом? Конечно.

Ярл отошел от края скалы и сбежал по тропинке вниз, на крохотную лужайку. На лужайке паслись три козы, еще с десятков ощищивали скудную травку на склоне. За козами присматривал мальчишка-трель, больше похожий на дикого зверька, чем на человека.

Ярл дождался, пока Сергей спустится вниз.

- Хорошо, – сказал он. – Пусть будет четверть за два. И десять долей – мне.
- Пусть будет так, – согласился Духарев. – Если ты приведешь с собой не меньше пяти сотен хирдманов.
- А если больше?
- По две доли за каждую сотню.
- Я приведу тысячу! – Эвил Оттарсон сразу повеселел. – По рукам, воевода Серегей! А сейчас пошли пить Гуннарво пиво.

– Похоже, этот Гуннар не слишком мне рад, – заметил Духарев.

– Пусть это тебя не беспокоит. Я решил встретиться с тобой здесь, и мы встретились. Гуннар присягнул конунгу. У конунга много кораблей и еще больше воинов. Но все они – далеко. А мой хирд – здесь. Я сказал Гуннару: или ты сам будешь гостеприимным хозяином этого фьорда, или я. Как ты думаешь, что он выбрал?

В Белозерье Духарев вернулся через восемь дней. Всю дорогу их драккар сопровождал попутный ветер, грозивший вот-вот перейти в шторм. И шторм таки разразился, но когда они уже вошли в устье Двины.

Варяги глядели на Духарева с почтением, полагали, что это его удачливость организовала погоду.

Артем ходил с задранной кверху носом. Рубиться да стрелять всякий может, а вот удачливость – свойство, присущее исключительно вождям. И многие полагали его наследственным.

- В Белозерье Духарева ждал сюрприз – сам великий князь киевский Святослав!
- Здрав будь, Серегей! – Князь по-братски обнял воеводу. – Слышал о твоих подвигах!
- Да какие подвиги, – отмахнулся Сергей. – Побили ватажку разбойников.
- Ты только в Новгороде так не скажи, воевода, – строго произнес князь. – Мне их старшина уже подал жалобу: дескать, разграбил твой воевода наш погост.
- Мы все взяли по праву, – возразил Сергей. – Если за что и могу повиниться тебе, княже, так лишь за то, что побил тех, кто к тебе на службу плыл.

– Откуда знаешь?
– Стемид сказал.
– Да-а... – Святослав явно огорчился. – Думаешь, добрые вои были бы? Вы-то их побили двенадцатером.

– Мы их врасплах застали, – сказал Духарев. – Да и не знали, что к тебе идут. Хотя знали бы – все равно побили, – признался он. – А ты, княже, зачем приехал? Услыхал о моих переговорах с нурманами?

– С нурманами ты и сам получше меня договоришься, – отмахнулся князь. – Меня вот его братец зазвал, – Святослав кивнул на Трувора, все это время державшегося позади воеводы. – Такую охоту мне обещал, какой, рассказывает, даже в чудесном Синде не бывает...

Глава девятая

В которой Духарев воочию наблюдает ископаемое чудовище

Деревья заметно мельчали. Местами в чаще образовывались проплешины, покрытые серебристой от инея травой.

– След в след, княже... – шепотом напомнил Стемид. – Топь.

Духареву он этого не говорил: знал, что тот чует болото не хуже него.

На «дивную» охоту они отправились всемером: сам князь, Стемид, Трувор, Икмор, Сергей и Артем. Вел их маленький плосколицый человечек – исконный обитатель этих мест. Один из белозерских данников.

Шли пешком, конному тут не пройти. Да и пешему, если не знать тайных тропок, тоже. Весь скарб тащили на себе. Все, включая князя. Главным грузом были шкуры для шатра и оружие. Шатер был нужен. Это там, на юге, в начале октября можно спать, прикрывшись попонкой. Здесь же и днем температура болталась около нуля, а ночью было совсем холодно. Причем последние два дня плосколицый абориген огня разжигать не разрешал, говорил: «Земляной морж дым далеко чует – уйдет». Одно хорошо: холод уgomонил гнус. Темнело рано. Идти в потемках сейчас было нельзя. Когда все подмерзнет и выпадет снег – другое дело. Семеро варягов сидели вокруг костерка (а в последние ночи – и без огня, согреваясь только редкими глотками «зимнего» пива). Сидели, слушали лес, беседовали неторопливо. Не как вожди, как люди. Стемид рассказывал о своих белозерских делах, о северных походах. Духарев – о юге: о Хузарии, Византии. В основном, с чужих слов. Сам он не был ни в Итиле, ни в Царьграде-Константинополе, но информацию собирал очень тщательно. С помощью Мыша, побывавшего и в Европе, и в Самарканде, со слов Артака и других чужеземцев он понемногу собирал в уме карту этого мира. Хотя католическая Европа ему была не очень интересна. Там слишком много резались за власть. Мусульманский мир казался Сергею намного культурнее, особенно арабы. Кто поверит, что спустя десять веков все будет наоборот? Еще он рассказывал об империи Син, откуда везли драгоценный шелк. Конечно, шелк теперь производили не только в Китае, но и на родине Артака, в Персии, но все равно китайский был лучше. К сведениям, полученным от купцов и гостей, Духарев прибавлял остатки знаний выходца из двадцатого века. Он ведь почти ничего не забыл из того прошлого. Из-за снов ли, или из-за того, что мозг его был предназначен для хранения куда больших объемов информации, чем поставлял этот удивительный, но сравнительно скудный на новости век. Лучше всех слушали двое: Артем и Святослав. Слушали по-разному. Артем губкой впитывал новые знания, а Святослав тут же обдумывал, сортировал по степени важности. Будучи повелителем изрядных пространств, князь, тем не менее, понимал, что в масштабах великих империй его вотчина выглядит довольно скромной. Святослав не был невеждой. Надеясь склонить сына к христианству, Ольга приглашала ученых людей из самого Царьграда. Но ее сына мало интересовали жития святых с чужеземными греческими именами. Вот истории войн – другое дело: Александр Македонский, Юлий Цезарь. Но он еще в тринадцать лет заявил некоему ромею-книжнику, что побил бы знаменитую македонскую фалангу одной лишь своей малой дружиной.

Впрочем, абсолютно цивилизный ученый ромей наверняка что-то напутал в македонской тактике.

Плосколицый следопыт не подвел. Незадолго до полудня они увидели следы. Круглые вмятины более метра в диаметре. Вмятин было много. Среди огромных следов встречались отпечатки поменьше, но и те раза этак в два побольше медвежьих. Но не слишком глубокие. Потом обнаружились широкие борозды. Мох и дерн содраны, кривоватая березка рядом выглядела так, будто некий великан почистил ею зубы.

– Земляной морж кушал, – сообщил абориген.

Он, похоже, трусил. Старался держаться позади группы.

Святослав оживился. Попытался выяснить, как выглядит «земляной морж». Насколько велик?

Абориген сообщил: очень велик. Больше кита.

Трувор со Стемидом помалкивали, только посмеивались.

Икмор попытался вслух прикинуть размеры «моржа», исходя из размеров следа. Действительно, не меньше кита. И как такого убить? Сразу ведь не убьешь. А если «морж» в драку полезет, тогда что?

Аборигена прорвало. Полезет, непременно полезет. Даже если просто увидит, все равно на людей побежит. И не спрятаться от него никак, потому что нигде не спрятаться. Все чует и слышит «земляной морж». Любое дерево с корнями выдерет, а человека очень не любит. И шкура у него – ни мечом, ни копьем не пробить. А на шкуре – толстая щетина, от которой любое железо отскочит. Только огня боится «земляной морж». Самое время сейчас костер запалить. Учует «морж» дым – и уйдет.

Тут Стемид взял аборигена за сальную гриву, слегка встряхнул, и тот заткнулся.

– Правду он сказал? – спросил Святослав. – Или врет?

Стемид пожал плечами.

– Дальше идем, князь, или остановимся?

Святослав фыркнул: глупый вопрос.

И они пошли дальше. Единственное, что утешало Сергея, – невозмутимость сыновей Ольбарда. Не стали бы они вести князя с воеводами на верную смерть. Хотя кто знает... Может, они хотели просто показать киевскому князю удивительного зверя? В таком случае они здорово ошиблись. Святослав наверняка не удержится и попытается завалить это чудовище. И всем им придёт хана. Или обойдется. После десяти лет непрерывных локальных войн Духарев стал фаталистом. А варяги были такими от рождения. Скорее всего, единственным трезвомыслящим в их команде был плосколицый абориген. Но его мнение не учитывалось.

Зверь, вернее, звери, потому что их было минимум трое, кушали хорошо. Поэтому вскоре охотники наткнулись на подходящих размеров кучу дерьма. Духареву вспомнилась картинка из давным-давно виденного «Парка Юрского периода». Эта горка была поменьше, чем оставленная тамошним динозавром, но тоже внушала крайнее почтение. Куча источала вонь и тепло: звери были поблизости.

Охотники увидели их издалека. Две огромные мохнатые туши цвета прелых листьев неторопливо двигались между хлипких деревьев. Когда люди подобрались поближе, то заметили и третьего – детеныша.

Духарев почувствовал некоторое облегчение: это были всего лишь мамонты. Отлично звучит, да? Всего лишь мамонты. И не такие уж большие, как можно было предположить по отпечаткам. Нет, Сергея они не впечатлили. Зато Святослав и Икмор пришли в восторг.

– Какие клыки! – восхищенно проговорил Икмор. – Может, это вепры боги, Стемид?

– Нет! – мотнул головой Святослав. – Вишь, носы у них – как у элэфантусов!

Святослав живых слонов никогда не видел, но они для киевлян не были такой уж диковиной. Даже в зверинцах Царьграда было несколько этих животных. Правда, их давно уже не использовали как военную силу.

– А похожи на кабанов, – прошептал Икмор. Да, сходство имелось. Только такого

«кабана» сотня сулиц не остановит.

– Их и правда меч не берет? – спросил Святослав.

– Если мертвый – разрубить можно. Живого – нет. Шкура толстая, под шкурой – жир, а на шкуре – щетина. Нос у них понежней, да только они его берегут.

– А как же вы их бьете? – спросил Святослав.

– А мы их не бьем, – ответил Стемид. – Эти, – пренебрежительный кивок в сторону аборигена, отставшего на полсотни шагов, – раньше били. Пугали огнем и загоняли в ямы с кольями. Дед моего деда запретил им убивать этих зверей. Их совсем мало осталось. А раньше много было. Ты, должно, видел в Новгороде на торгу такие клыки?

– Видел, – подтвердил князь. – Пилёные. Я думал: бивни китовые. Бегают они быстро?

– На хорошей лошади уйти можно, – сказал Стемид. – Но не здесь. Здесь от них никто не убежит: им ведь ни болото, ни лесок не препона.

– Как же такие громадины по болоту ходят? – изумился Икмор. – Не иначе волшба!

– Может, и волшба, – согласился Стемид. – В самую зыбь они, конечно, не побегут, но где мы пройдем, там и они.

– Хочу поближе подойти, – сказал Святослав.

Поближе подобрался впятером: Трувор остался присмотреть за аборигеном. Духарев с удовольствием оставил бы и Артема, но приказать не рискнул, обидится парень смертельно.

Вблизи мамонты выглядели внушительнее. Детеныш старался держаться между родителей. Размером с матерого тура, рядом со старшими он казался маленьким.

– Стрелами побить, – почти беззвучно, одними губами произнес Икмор. – В глаза. А потом подобраться и колоть в ноги. Перешибить жилу... Святослав покачал головой. Он с восхищением глядел на гигантов. На то, как плавно они двигались, как легко несли невероятную тяжесть громадных бивней...

Долго смотрел. Духарев даже начал опасаться: ветер переменится – и попадут они, как кур в ощи́п. Если и впрямь мамонты не любят людей... Наверняка не любят. За что им нас любить?

Святослав не боялся. Ах, как ему хотелось схватиться с этими чудовищами! Какая слава – победить такого! Привезти такую голову в Киев...

Не привезти. Даже один клычище всемером не утащить. Какие красавцы!

Святослав привстал, рука потянулась к налучу... И остановилась.

Он еще некоторое время глядел на чудесных зверей, потом показал знаком: уходим. И они ушли.

– Знаешь, почему я их пощадил? – спросил он Духарева позже, когда они остались наедине.

– Пожалел?

Святослав покачал головой.

– Сейчас я – пардус! – сказал он. – Я прыгаю и рву. Но пройдет время, и все изменится. Через два года Хузарский хаканат станет моим. Еще через год я возьму под свою руку всех его данников, а через пять лет вся земля от черных волжских булгар до булгар дунайских будет моей, и все народы, какие есть на ней, присягнут мне. И тогда я буду слишком велик, чтобы прыгать. Тогда я стану грозным и могучим. Я велю поймать и привезти мне этих зверей. И не пардуса, а такого зверя вышьют на моем знамени, потому что нигде, ни в одном царстве нет ему подобных, ведь даже бивни элѣфантов кажутся оленьими рожками рядом с его клыками!

Глава десятая

О голодных печенегх

– Мои волчата хотят есть, – сказал великий хан. – Они всегда голодны, и если их плохо кормить, хакан Святослав, они тебя сожрут!

На великом хане Куркутэ – тяжелый халат, щедро простеганный золотой канителью.

Плешивую голову покрывает диадема ромейской работы, серые косицы висят из-под нее, а жиденькие усы – желтые и слипшиеся. Великий хан стар и тучен: четверо внуков сажают его на коня. Всего же внуков у него больше полусотни, а сын – только один остался. Было больше, но одних убили враги, других велел удавить сам Куркутэ. За то, что не пожелали ждать, пока Великое Небо само призовет великого хана к себе.

– Я знал твоего отца, – сказал великий хан. – Твой отец – он был мне как сын.

Святослав промолчал. В выгребной яме он видел такого дедушку.

– Ко мне человек приезжал, – сообщил Куркутэ. – От хузарского хакана. Богатырей моих на службу звал.

– Что ж ты ему отказал? – спросил Святослав. Великий хан покопался за пазухой, поймал блоху, оглядел внимательно, потом сунул в рот.

– А я не отказал, – сообщил Куркутэ. – Я сказал: подумаю.

– Думай, – сказал Святослав, поднимаясь с ковра. – А мне думать некогда. Пошли, воевода!

– Эй, погоди! – великий хан встрепнулся. – Так нельзя. Вы – гости мои. Разве хорошо, когда гости уходят так поспешно?

Святослав развернулся всем телом, стремительно. Телохранители Куркутэ даже за сабли схватились. Дурачье! Хотел бы киевский князь убить хана, уже убил бы.

– Хочешь мой совет, великий хан?

– Совет друга никогда не бывает лишним, – дипломатично ответил Куркутэ.

– Продашь твоих богатырей хакану Йосыпу – возьми золото вперед.

И покинул ханскую юрту. Духарев задержался, развел руками: мол, надо было, как мы договорились, что же ты?

Пожадничал Куркутэ. Или подкинул ему кто-то золота, чтобы не поддержал русов. Или и то и другое плюс надежда пограбить киевские земли, когда Святослав уйдет.

Князь взлетел на коня. Ближняя дружина (остальные ждали за границами ханской стоянки) окружила его. Русы галопом промчались между юрт и кибиток, всполошив собак и прочую стойбищную живность.

– Зря время потратили, – сердито бросил Святослав Сергею.

– Мы с ханом обо всем договорились, – сказал Духарев. – Не знаю, почему он взбрыкнул.

– Копченый и есть копченый!

Князь придержал коня. Они въезжали в свой лагерь, наскоро разбитый поблизости от печенежского. Здесь было почище, чем в стойбище, и пахло едой, а не дерьмом. У русов не было привычки гадить, где приспичило.

– Икмор! – зычно выкрикнул Святослав. – Ты где?

– Здесь, княже! – командир малой княжьей дружины поднялся и помахал ложкой. – Сюда, княже, поснедай с нами!

Князь подъехал к гридням, сидевшим кружком у большого котла, спешился. Дружинники подвинулись, очистив место князю и Сергею. Перед ними тут же поставили большую миску с кашей: разваренной пшеницей, бараниной, горохом и всякими приправами.

Князь достал из-за голенища ложку и не чинясь приступил к еде. Духарев последовал его примеру. Они с полудня сидели у Куркутэ, но ничего, кроме кумыса, великий хан им не предложил.

– Ну как? – спросил Икмор.

– Никак, – вместо князя ответил Духарев.

Он был расстроен. Куркутэ – его тема. Он две недели таскался с печенегами по степи, раздал кучу подарков «доверенным лицам», подхватил вшей, выслушал тонну жалоб и поучений от престарелого «Волка», добился согласия принять предложение киевского князя. Большой хан поставил только одно условие: пусть Святослав приедет сам. Святослав приехал... И получил отлуп.

– Не кручинься, воевода, – сказал князь. – Знаю, ты сделал все, что можно. Никто не сделал бы больше. А потом... Он ведь не сказал «нет».

– Старый пердун... – проворчал Духарев. – Лживое копченое жабье дерьмо!

Дружинники засмеялись. Кто-то сунул воеводе обернутую войлоком флягу с прохладным тмутараканским вином. Настоящий нектар после того перебродившего кефира, которым их потчевал Куркутэ.

– Когда уходим? – спросил Икмор.

– Как дружина поест, так и седлаемся.

Икмор поглядел туда, где в нескольких стрелищах серели печенежские юрты.

– А может...

Русская дружина – полторы тысячи копий. В стойбище – впятеро больше воинов. Но если ударить внезапно...

– Нет! – отрезал великий князь. – Мы его гости. И еще: у Куркутэ под рукой самое малое тридцать тысяч сабель. Как думаешь, где остальные?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Икмор.

– Вот и я не знаю, – задумчиво произнес Святослав.

Куркутэ всеми своими богами поклялся, что в его кочевьях Святославу ничто не угрожает.

Богов печенеги уважали. Но какое искушение – прикончить беспокойного киевского князя!

Нет, не рискнет.

Степное солнце прошло три четверти дневного пути, когда русское войско тронулось в обратный путь. На дорожку от Куркутэ поступил подарок: три сотни овец. Пусть кушают русы в дороге свежую баранинку и не думают худого о великом хане народа цапон. Правда, отара бежит намного медленнее, чем ходит по Дикому Полю Святославова дружина. Не хочет ли великий хан своим щедрым подарком придержать русов?

Святослав решил проблему просто: овечек велел связать и погрузить на запасных коней.

Печенежские «богатыри» нагнали их только через два дня.

Лава смуглокожих всадников в черных мохнатых шапках пронеслась по обе стороны войска русов, сминая неподкованными копытами лошадей сочную весеннюю траву. Киевляне же продолжали двигаться по дороге прежней экономной рысью, не поторапливая лошадей, лишь сомкнувшись поплотнее, так, чтобы в случае внезапной атаки принять степняков как надо. Люди уже вздели брони. Разведчики еще вчера доложили, что на «хвосте» русов – степная конница числом никак не меньше пяти тысяч сабель.

Святослав не испугался. Уйти в степи от копченых можно, но трудно. Да и не любил Святослав от врага бегать, страх показывать. С печенегами только так и можно. Они как степные волки. Пока чувствуют силу и видят перед собой тяжелые туры рога, только зубами лязгают да уши прижимают. А покажешь спину – враз бросятся, вцепятся в пах, в горло, порвут жилы, выпустят кишки. Убежать нельзя, устоять можно. Нет в кочевниках настоящей твердости. Такая крепость только от своей земли идет или от веры настоящей.

Промчались степные всадники с визгом и гиканьем, весело проскакали: аж земля дрожала. И пропали в травах. Сотен пять только осталось на шляхе. Дорогу не закрыли: поехали впереди, стрелищах в двух, не обгоняя и не опережая. А уж от этих отделилась совсем маленькая группа, с дюжину, не более; приотсталла, поравнялась с передовыми русов.

– Хочу с хаканом вашим говорить, – по-славянски объявил ее предводитель, молодежавший печенег на красавце-жеребце.

– А кто ты такой, чтоб наш князь тебя слушал? – спросили его.

– Я – Кутэй, любимый внук великого Куркутэ! Хан над сотней сотен богатырей цапон! Скажи мое имя своему воеводе Серегею, он знает.

Передовой сотник придержал коня, пропуская своих, подождал, пока поравняется с

ним голова основной колонны, где над щитами ближних гридней играло на ветру, повыше знамен воеводских – знамя с грозно ощерившимся пардусом – княжье.

– Знаешь его? – спросил Святослав. – Или врет?

– Не врет, – ответил Духарев. – Еще бы мне его не знать: я ему подарков заслал без малого на сотню золотых ромейских солидов¹⁴. Клинок подарил из лучшего «Дамаска». Он мне всеми своими черными богами поклялся, что Куркутэ даст тебе всадников.

– Добро, – согласился князь. – Веди его сюда, сотник.

Телохранителей «любимого внука» внутрь строя не пропустили. Хан не настаивал. Держался храбрецом. В отличие от прочих печенегов, напоминавших внешне своих уродцев-божков, хан Кутэй был красив даже по славянским меркам. Красив и молод. В этом году увидел свою двадцатую весну. Но за его спиной уже было несколько успешных набегов. Подаренная Духаревым сабля висела на золоченом поясе.

– Здрав будь, хакан Святослав!

– И тебе того же, хан цапонский!

– Что так быстро ушел, хакан? На деда моего обиделся? Так ты на него не обижайся! – Кутэй белозубо осклабился. – Много у него славы, больше не надо. Много у него мудрости, но очень велик народ цапон, потому расточается вся мудрость великого хана в великих думках. Большой хан – большие дела, хакан. А для малых дел, таких, как твое, не нужна мудрость великого хана. Для малых дел довольно ума меньшего хана. Не с ним, со мной тебе нужно говорить, хакан!

«Вот наглец! – подумал Духарев. – Провоцирует. И не боится, гаденыш. Небось, донесли ему, что Куркутэ князя Игоря своим сыном назвал – и Святослав стерпел».

Великий князь к провокации отнесся правильно.

– Верно говоришь, – согласился он. – Не стоило мне отвлекать великого хана от великих дум такой безделицей, как десять-пятнадцать тысяч всадников. Забыл я, что стар твой дед, да и обычаи ваши знаю плохо. У вас, верно, иначе, а у нас принято, что всеми дружинами, большими и малыми, князь водительствоует. Так что коли ты, малый хан Кутэй, привел этих воинов, чтобы служить мне, я к твоим малым делам снизойду и с тобой говорить буду.

Отбрил.

– Нет, хакан Святослав, я не буду тебе служить, – заявил Кутэй.

– Тогда и говорить не о чем.

– Погоди, хакан. Какой ты быстрый! Разве так великие мужи говорят?

– Я так говорю! – отрезал Святослав. – А бью еще быстрее. Можешь спросить у своих родичей, которых я прошлой зимой у городища на Ворскле перенял. Тебе расскажут... те двое, которых я пощадил.

– Гиля и цапон – не родичи! – возмутился Кутэй.

– Извини, хан. Я же сказал: в ваших обычаях разбираюсь плохо. Знаю только, кто мне друг, а кто враг. Врагов, которые в землях моих безобразят, бью. Друзей, тех, кто славу со мной ищет и богатства добывает, привечаю.

Святослав, разумеется, прекрасно знал и имена всех больших печенежских орд, и территории их кочевий, и даже их взаимоотношения. Кто этого не знает, тому нечего делать в Диком Поле. И Кутэй, разумеется, знал, что Святослав знает...

То ли потому что хан был молод, то ли потому что понял: обычная для степняков двусмысленная речь – не лучший вариант общения с великим князем киевским, но он решил говорить напрямик, так прямо, что прямее некуда.

– Служить тебе не буду, – еще раз повторил он. – Но союз с таким великим воином, как ты, хакан Святослав, мне люб. Скажи, что дашь мне за мою дружбу?

– Ты сказал моему сотнику: за тобой десять тысяч сабель, – уточнил князь киевский. –

¹⁴ Почти килограмм в золотом эквиваленте.

Это так?

– Десять и еще пять! – гордо заявил Кутэй.

Святослав и Духарев переглянулись. Пятнадцать тысяч всадников – это половина всех боеспособных мужчин цапон. Ни один малый хан не может располагать таким войском без санкции хана большого. Значит, дедушка Куркутэ дал добро на участие цапон в хузарском походе.

– Мы, варяги, не меряем дружбу в золоте! – высокомерно заявил Святослав. – Но чтобы дружба не иссякла, когда придет время делить золото, мы заранее договариваемся о доле каждого. Приезжай в начале нового месяца в Улич, к моему князю-воеводе Свенельду. Поговорите об этом. Великой тебе славы, хан Кутэй!

– погоди, хакан Святослав! – воскликнул печенег. – Я не хочу одной лишь доли в добыче! Я хочу...

– Ах да! – перебил его Святослав. – Я позабыл, друг мой Кутэй! Твой дед говорил мне, что его волчата всегда голодны. Он подарил мне овец, и я думал, великий хан пошутил. Но теперь я вижу, что он сказал правду. Не бойся, хан. Тебе и твоим воинам не придется голодать. Я дам вам немного золота заранее, в счет будущей добычи. Но об этом ты тоже поговоришь с моим князем-воеводой. Приезжай в начале нового месяца, хан! Мои дозоры тебя не тронут.

– Как думаешь, приедет? – спросил Святослав Сергея, когда печенежские тысячи умчались в степь. – Я накормил его не слишком горькой похлебкой?

– Приедет! – уверенно ответил Духарев. – Когда копченый хочет золота, ему плевать, горчит ли суп. Ему чудится золотой блеск в каждой капле жира на его поверхности. Главное – вовремя дать ему по зубам, когда он слишком широко разинет пасть.

– В этом можешь не сомневаться, воевода, – усмехнулся великий князь. – Ты знаешь, я умею выбивать волчьи зубы.

Глава одиннадцатая О голодных хузах

Огромная варяжская флотилия шла по великой реке. Потом эту реку назовут Волгой, но это будет намного позже. Сейчас ее называли Итиль. Так же, как столицу Хузарского хаканата. По Итилю лежал великий торговый путь из северных и западных стран – к востоку и югу. И он был древней, чем проложенный по Днепру-Борисфену путь из варяг в греки.

Варяжская флотилия шла по древнему пути к морю, которое арабы именуют Хузарским, а сами хузы – Гирканским; которое лет через двести назовут на Руси Хвалынским, еще позже – Каспийским. Вдоль его берегов лежала дорога в дальние восточные земли: в Персию и Иран, в Дербент, Мерв и Самарканд, в город мира Багдад, в таинственный Синд-Индию и еще более таинственный Сун-Китай. Отсюда можно было добраться до Сирии, минуя земли ромеев, и даже в Африку, если приспичит.

Но у варяжской флотилии были задачи попроще: сделать так, чтобы этот гладкий путь перестал быть исключительно хузарским.

И море – тоже. По крайней мере, так думали о цели варягов все, кто жил на берегах Гиркана, а также в низовьях Итиля-Волги.

Хакану Йосыпу было прекрасно известно, что киевский князь Святослав собирает великую рать, причем не только из своих данников, но с привлечением множества опасных и могучих союзников: скандинавов, угров, печенегов. Даже «белые» хузы были в дружине Святослава, потомки тех вольнолюбивых и воинственных кочевников, которые много веков назад покорили эти земли... Хакан Хузари, предпочитавший покупать верность за золото, куда больше доверял наемникам-арабам, чем воинам-единоверцам. Хузы, признававшие его власть, получили силу и земли не от хакана, а по наследству от дедов-прадедов. Они наивно полагали, что отнять у них эту землю не может даже хакан. Что ж, Йосып доказал им, что это не так. Доказал, что в его царстве он один жалуется и отнимает. Один Бог над людьми

– и хакан тоже должен быть один. Таков порядок земной и небесный.

К сожалению, многие успели удрать. Которые посветлее – к киевскому князю. Которые почернее – к печенегам. Но земли их остались. И налоги, получаемые с этих земель, идут теперь хакану и тем, кто ему по-настоящему предан. Все, чем обильна хузарская земля, – тучные пашни, воды, богатые рыбой, заливные луга, степные просторы, сады и виноградники, – все это стекается теперь к хакану и превращается в золото, очень нужное хакану в нынешние тяжелые времена, когда столь прискорбно уменьшились доходы от торговли и торговых пошлин.

Уменьшились из-за всех этих печенегов, русов, черных булгар... Это они зарятся на богатства хакана, грабят его данников, грабят без удержу чужих и хузарских купцов, не потрудившихся нанять должной охраны. С этими разбойниками трудно сладить не только наемникам из племени дикарей-гузов, но даже великолепным исламским воинам из личной гвардии хакана. Вот почему Йосыпу так нужно золото. То самое, на которое можно запросто нанять храбрецов-магометан; арабов, туркмен, турок, не кичащихся благородством, зато беспрекословно выполняющих приказы. А если хакану что-то нужно, то разве не должны его подданные дать повелителю необходимое? И разве не вправе он сурово наказывать тех, кто не желает помочь владыке, что денно и нощно печется о землях избранного Богом народа? Разве не отступники от истинной веры те, кто цепляется за свои жалкие земли и привилегии, когда Господь устами первого из Своих избранников, великого хакана Хузарии, велит им повиноваться? Так пусть познают на себе тяжесть Божьего гнева, имя которому – хакан Йосып!

Тверда власть повелителя хузар. И все ведомо ему. Ведомо, и что задумал киевский князь. Может, пришло время посчитаться с варягами за все обиды? За отнятых данников-славян, за потерянные земли Тмутаракани, за все.

Глупцом был предшественник Йосыпа, полагавший варягов полезными союзниками против печенегов и за мзду пропускавший их флотилии грабить южных и восточных соседей – соперников хаканата. Кочевые орды приходят и уходят, а варяги не уйдут никогда. И ухватив что-то, уже не отпустят. Особенно раздражало хузарского хакана то, что именно киевский князь укрывает у себя самых подлых изменников-хузар. Пришло время наказать зарвавшегося варяга.

В эту зиму хузарский хакан тоже не сидел сложа руки. Он покупал союзников, умножал стражу и собирал ополчение. Он выжал из своей земли и своих подданных все, что мог. Выжал – и превратил в золото. И на это золото купил будущую победу. Этим летом он сокрушит варягов, возьмет их земли, отнимет их богатства и вернет Хузарии ее исконных данников. И снова поползут к порогу его дворца ничтожные славянские князьки, а их белокожие юные дочери с лонами нежней маковых лепестков станут украшениями гарема хакана.

Немалую силу накопил хакан Йосып и всю ее собрал у стен своей столицы. Этой весной женщины будут возделывать хузарские сады, поля и виноградники; этой весной подростки и старики погонят в степи хузарские стада, потому что каждая пара рук, способных держать копьё и метать стрелы, нужна избранному Богом хакану хузар. Этой весной сам хакан нарушит старинный обычай и не отправится со своими приближенными, наложницами, слугами и наемниками в летнее кочевье: из столицы – по берегу Гирканского моря до реки Вдшан, или еще дальше, туда, где горная Уг-ру¹⁵ впадает в Гирканское море, к полуденной границе Хузарии, в Семендер. Этим летом не пойдет хакан Йосып из Семендера степями, где пасутся бесчисленные стада и табуны, где у каждого, самого крохотного, озерца или источника стоит хузарская юрта, к могучей реке Бузан¹⁶, где подпирает небо

¹⁵ Терек.

¹⁶ Бузан – Дон. Наше «Дон» предположительно аланского происхождения, означающее «река»

несокрушимая каменная твердыня Саркел, чьи стены сложены искусными в зодчестве византийцами, чтобы хранить сокровищницу хузарских царей. Нет, не увидит хакан этим летом своей белостенной крепости (так думал он, ибо не мог прорицать будущего, хоть и называли Йосыпа всеведущим льстивые языки), и не пойдет от Саркела великое кочевье дальше, на Полночь, а потом, завершая круг в сотню фарсахов¹⁷, к Восходу, туда, где река Итиль склоняется к Гирканскому морю¹⁸, и не спустится берегом этой могучей реки вниз, к своей прекрасной столице, где царит над зеленью и синевою дворец великих хаканов Хузарии. Нет, этой весной хакан останется в своем дворце, на своем острове, вместе со своим могучим войском, чтобы хорошенько проучить обнаглевшего киевского князя.

О варяжской флотилии хакан узнал даже раньше, чем она выплыла из-под сени дремучих вятских лесов. Хакан ждал ее именно оттуда. Он был прекрасно осведомлен о походе киевского князя на вятичей и ничуть не сомневался в том, для чего понадобилось Святославу примучить лесовиков. Налететь внезапно, ограбить – и скрыться с добычей. Вот что задумал киевский князь.

Только один раз обеспокоился хакан: когда узнал, что задержались варяги в устье Оки. Но вскоре беспокоиться перестал. Донесли ему, что спустилась по Шексне в Итиль еще одна флотилия, поменьше. То были корабли викингов – боевые драккары и более тяжелые кнорры, на которых возили товары скандинавские купцы. На сей раз кнорры шли без товаров, налегке. Видно, большую добычу рассчитывали взять викинги в Итиле. Такую, что не увезти на боевых драккарах. О том, что Святослав позвал с собой в набег свирепых викингов, хузарскому хакану тоже было известно. Еще знал хакан, что здоровяки-скандинавы – плохие рабы, но отличные телохранители, поэтому северян охотно покупают и арабский халиф, и византийский император. Вся Европа трепетала перед грозными воинами-викингами, но хакан Йосып их совсем не боялся. Чтобы управиться с тяжелой скандинавской пехотой, ему не понадобятся даже великолепные арабы. Хватит одного ополчения из черных хузар. В степи тяжелая пехота беспомощна перед конными лучниками.

Тем временем не ведающие о своей скорой гибели варяги соединились с викингами и поплыли вниз по Итилю, к землям черных булгар. Еще недавно черные булгары тоже были данниками Хузарского хаканата. Но тоже обнаглели и превратились из покорных овец в нахальных шакалов.

«Будет неплохо, – думал хакан Йосып, – если Святослав сначала пограбит булгар. Против варягов булгарам не устоять, и хорошая трепка будет им полезным уроком».

А когда воины хакана разобьют Святослава, то взятая на булгарах добыча тоже достанется Йосыпу.

К сожалению, флотилия прошла мимо булгарских берегов. Значит, через десять-двенадцать дней воинство Святослава достигнет устья великой реки, и с балкона своего дворца хакан увидит корабли русов. Чем скорее это произойдет, тем лучше, потому что велика армия хакана. И прожорлива под стать своей величине. Особенно многотысячное ополчение. Недавно хакан повелел уменьшить долю продовольствия, отпускаемую белым и черным хузарам. Подданные должны сами кормить своего хакана, а не наоборот. Но долю

¹⁷ Фарсах (фарсанг) – переменная (так же, как и русское поприще, означающее расстояние, соответствующее суточному переходу) мера длины. Очень разумный и практичный подход к расстояниям. Понятно, что «сто километров» по плоской степи, по болотам, горным перевалам или дремучим лесам – это очень разные «сто километров». В данном случае, исходя из реальной географии той территории, что некогда принадлежала Хузарии, можно предположить средний в данной местности фарсах соответствующим примерно десяти километрам. По крайней мере именно эту величину называет Л. Н. Гумилев в своих ранних трудах, то есть в то время, когда он еще был в большей степени талантливым ученым, чем блестящим фантастом-популярризатором.

¹⁸ Там ныне наличествует Волго-Донский канал.

наемников уменьшать нельзя, поэтому хакану приходилось опустошать собственные кладовые и амбары.

Счастье еще, что Итиль изобилует рыбой в любое время года, так что никто, даже черные хузары-ополченцы, не помрут с голоду. И кони их тоже. Это стремительным аргамакам и арабским скакунам нужно зерно, а неприхотливые хузарские лошадки вполне могут обойтись травой.

Повелитель хузар не ошибся в расчетах. Флотилия киевского князя появилась на одиннадцатый день.

С балкона своего великолепного дворца хакан мог видеть и плывущие по Итилю корабли.

И свое несметное войско, выстроившееся на правом берегу реки и на стенах, окружающих вытянувшийся вдоль правого берега остров, в центре которого утопал в садах дворец хакана.

Кораблей было действительно великое множество. Сотни, нет тысячи! Лодьи русов под полосатыми парусами, скандинавские драккары с хищными зверьми на носках, неуклюжие в сравнении с узкими боевыми кораблями насады и прочие торговые суда. Этим было еще больше, чем боевых. И, судя по осадке, почти все они были пусты. Что ж, дерево, из которого они построены, пригодится хузарскому хакану.

У Йосыпа было превосходное зрение. Он видел сверху вывешенные на борта красные щиты русов и темные щиты викингов. Видел шлемы воинов-гребцов и знамена на мачтах. Он даже узнал в одном из знамен личный стяг киевского князя. Посчитав корабли и мысленно умножив их число на число воинов, коих могли вместить такие корабли, Йосып получил впечатляющее число почти в три десятка тысяч. Он не испугался. У него одних наемников было не меньше. А вот то, что ни на лодьях, ни в насадах не было лошадей, его почти развеселило. Неужто Святослав думает, что хакан Йосып спрячется за стенами Итиля и киевский князь сможет одолеть его одной пехотой? Но Итиль – не могучая крепость. Стены его не слишком крепки и высоки. Они даже не из камня сложены, а из обожженной глины. Такие стены не так трудно разбить, если у тебя есть тяжелые осадные машины, которые умеют делать ромеи. Но не стены хранят столицу Хузарию, а воины ее хакана. Великая битва будет не у стен Итиля, она будет в поле.

Или, может, варяги рассчитывают высадиться на его остров? В таком случае они втройне глупцы. С трех сторон окружают остров обширные отмели, а по единственному проходу даже узкие лодьи русов смогут пройти только поодиночке. Остальным придется высаживать воинов в стрелище от берега, и когда эти воины побредут к острову по грудь в воде, стрелки на стенах будут бить их, как уток. А метательные машины станут бросать в корабли русов тяжелые глиняные шары.

Те, кто все-таки сумеет добраться до берега, умрут под стенами, потому что без лестниц, без таранов и стенобитных орудий даже невысокие стены из обожженного кирпича так же неприступны, как сложенные из камня могучие стены Саркела.

Правда, Святослав способен напасть на Дворцовый город и с правого берега. Там русло глубже, и вдобавок русы могут попытаться захватить мост, переброшенный с острова на берег. Но в этом случае они окажутся между двух огней: стрелы полетят в них и с высокого берега реки, и со стены, защищающей остров. А если киевский князь окажется совсем глуп, и корабли его набьются в протоку, то уже не глиняные шары полетят в них, а горшки, начиненные горючим зельем. Нет, если варяжский князь поумнее барана, он не полезет на остров. Он высадится на правом берегу (на левом стоят только юрты бедноты) и попытается напасть на столицу с суши. Тут его и встретит хузарская конница. Пусть только русы высадятся на берег – и вся мощь армии Йосыпа обрушится на них. Пусть только высадятся...

Хакан Йосып смотрел с высокого (выше только башни минарета) балкона своего великолепного дворца, как плывет по его реке пестрая флотилия Святослава. Множество кораблей...

«Словно опавшие осенние листья», – возвышенно подумал хакан.

Мысли воинов его разноплеменного войска были более прозаичны. Они тоже видели корабли русов, видели, как много этих кораблей, и знали, что не только русам придется умереть в грядущей битве. Это понимали и сытые арабские наемники, и голодные хузары-пастухи. Правда, наемники знали, что их очередь умирать придет последней, а пастухи ничуть не сомневались, что их первыми бросят на прямые северные мечи. Впрочем, собственная многочисленность придавала храбрости и первым, и последним. А также то обстоятельство, что все они будут сражаться конно с пешими русами. Пешему всадника не догнать, даже если под седлом у всадника не кровный арабский скакун, а большеголовая степная лошадка. Так всё хузарское войско в единстве со своим богоизбранным повелителем с неотрывным вниманием глядело на плывущие русские корабли...

И в какой-то момент несметное это войско, одновременно со своим мудрым хаканом, вдруг осознало, что битвы не будет. Лодьи киевского князя миновали Дворцовый город, не свернув. Они продолжали идти прямо, по стрежню, растянувшись почти на десятую долю фарсаха. И так и прошли. Мимо.

Покраснели от гнева красивые глаза хузарского хакана, когда он понял, что русы бегут. Что не высадутся храбрые варяги и их не менее храбрые союзники на итильский берег, где ждет их неминуемая гибель. Побелели унизанные перстнями тонкие пальцы Йосыпа, стиснувшие кедровые перильца. Но никто из ближних не был сокрушен тяжестью гнева повелителя. Сам хакан повелел войску выстроиться на берегу, чтобы немедля обрушить стрелы на высаживающихся русов.

Никак не думал Йосып, что прославленный своей безумной храбростью Святослав струсит. А киевский князь испугался и сделал вид, что вовсе не Итиль является целью его набега. Что ж, не первый раз проплывают мимо хузарской столицы жаждущие добычи варяги. Пусть плывут. А если захотят высадиться еще ниже, в дельте, где множество мелких протоков с густыми зарослями камыша и чакана... Что ж, тогда гнев Йосыпа настигнет их там.

Только они не высадутся. Они поплывут дальше, к Гирканскому морю. Хакан пошлет гонцов, чтобы предупредить приморских жителей о разбойничьей флотилии. Пусть отогонят подальше от берега стада и табуны, пусть одна только голая степь с пожухлой от солнца травой да редкие брошенные селения видятся с моря варягам. Хотя вряд ли станут русы размениваться на мелкие хузарские стойбища. Скорее, они доплывут до устья Уг-ру и, возможно, попытаются напасть на Семендер. Но там их уже будут ждать и встретят как подобает. У семендерского кендер-хана будет время подготовиться к встрече. А если русы проплывут мимо и захотят высадиться поближе к великой персидской стене, тогда их не тронут. Пускай высаживаются, пускай идут, куда пожелают. Может случиться, что сгинет киевский князь где-нибудь там, в арабских или хорасанских землях. А может, поплывет обратно на кораблях, осевших под тяжестью награбленного, но ослабевший от жестоких битв. И тогда перекроет ему дорогу хузарское войско и добьет. А добычу оставит себе. Так уже было однажды, и ничего не сделал хакану Йосыпу за побитых варягов тогдашний киевский князь Игорь. Теперь же Йосып одной добычей не удовольствуется. Наймет новых воинов: печенегов, угров, арабов – и сам придет под стены Киева.

Так мечтал хакан Йосып в тенистом саду своего великолепного дворца под журчание струй и трели певчих птиц с подрезанными крыльями.

Сразу после прохождения флотилии русов он приказал выслать гонцов и распустить ополчение. Десятки тысяч оголодавших хузар, оторванных от своих полей, садов и пастбищ, отправились по домам, проклиная своего повелителя за бесцельно потраченное время и томясь мыслями о том, что, быть может, в это самое мгновение страшные русы грабят их дома, защищать которые хакан не посчитал нужным. Они знали и то, что по осени, точно так же, как и в минувшем году, придут к ним Йосыповы сборщики и потребуют цареву долю. И наплевать будет мытарям, что бесценное для земледельца время посевной хозяин или арендатор надела провел под стенами столицы.

К большому сожалению хакана, наемников нельзя было распустить так же просто, как ополчение. Они останутся в столице, и Йосыпу по-прежнему придется их кормить.

Ничего, лето пройдет, а осенью и они пригодятся – ободрать Святослава, если повезет. Если же не повезет, наемники помогут выколотить подати из упрямых подданных Йосыпа.

А пока хакан отправил очередное письмо в иудейскую общину Дамаска с просьбой о займе. Расплатиться пообещал осенью, из дани многочисленных народов, подвластных Хузарскому хаканату. Большая часть этих народов уже давно не приносила хакану даже медного дирхема. Но в Дамаске об этом могли и не знать.

* * *

– Скажи, Сергей, разве не прекрасна моя родина? – сказал Машег. Глаза благородного хузарина увлажнились. – Воистину наша река прекрасней священного Иордана! Разве нет?

– Да, дружище, здесь очень красиво! – ответил Духарев.

Он не лукавил. Когда могучее русло Итиля-Волги изогнулось, устремляясь к Гирканскому морю, по обоим берегам его лежала степь. Живая степь, с густыми травами, мелкими речушками и маленькими озерцами во впадинах между холмов. Иногда с кораблей русы успевали увидеть пастухов, поспешно отгоняющих стада подальше от берега, или даже небольшие рыбацьи селения, прятавшиеся в тени ветел. Вдоль правого высокого берега шел караванный путь. Временами он уходил в сторону, огибая возвышенность, затем снова возвращался к берегу. Дважды русы видели караваны: цепочку верблюдов, несколько десятков всадников... Заприметив проплывающие лоды, караваны останавливались, выжидая: вдруг русы захотят высадиться на берег? Тогда придется развернуть верблюдов и улепетывать в степь. Но купцы не очень-то опасались. Поступь верблюда только кажется медлительной. Человеку придется очень быстро бежать, чтобы не отстать от величавого гиганта.

В общем, приволжская степь была населена даже гуще, чем приднепровская. Но когда русло реки разделилось надвое и началась неkochевая Хузария, Сергей понял, почему Машег считает свою родину прекрасней киевских лугов и дубрав.

Сначала повлажнел воздух, в лощинах появились деревья, а вдоль берегов – густотравные луга. Потом вдруг, словно по волшебству, оба берега оделись зеленью садов, на склонах холмов появились виноградники, юрты встали рядом с белыми аккуратными домиками. Воздух сделался терпким и душистым одновременно. Действительно, земля обетованная. Впрочем, обитателей ее наверняка предупредили о приближении грозных русов. Селения опустели. Лишь иногда вблизи берегов попадались маленькие рыбацьи лодочки, стоящие на каменных якорях. Их хозяева полагали себя слишком незначительными, чтобы привлечь внимание русов. И верно, взять с них было нечего. Разве что улов отобрать. Только зачем? Брось в воду крючок с наживкой, досчитай до ста – и вытащишь рыбку фунтов десять весом. А то и осетрениша с руку длиной.

Но по-настоящему оценить красоту Хазарии может только тот, кто увидел ее столицу: по-восточному изящные башни дворца на фоне пронзительно синего неба, минареты, серебристые ивы над берегом и уходящие за горизонт сады. Сады, сады, среди которых совершенно теряются войлочные юрты и невзрачные хижины из камыша и глины.

* * *

Киевский воевода Сергей Духарев стоял у мачты флагмана русской флотилии. Над его головой развевался «пардус» великого князя Святослава. Рядом с воеводой стоял Машег. Прищурившись, хузарин что-то высматривал на балконах и башенках дворца. Скорее всего, самого хакана, своего кровного врага. Наверняка Йосып где-то там. Смотрит сейчас на русский флот, прикидывает... Но до дворца было слишком далеко даже для Машеговой стрелы. И расстояние все увеличивалось: на скамьях мерно взмахивали веслами варяги

духаревской дружины. Тридцать шесть человек. Вполне достаточно, чтобы лодья, ведущая на буксире высокобортный насад, даже без помощи ветра скользила вниз по течению со скоростью идущего человека. Сквозь прорези шлема Духарев видел отблески солнца на шлемах воинов, расположившихся на итильских стенах. Стены эти казались совсем невысокими, но Духарев знал и об отмелях, и о том, как метко стреляют хузарские воины.

Войска хакана были не только на стенах. Вдоль всего правого берега выстроились всадники. У большинства не было сверкающих доспехов, но их луки могли выбросить столько стрел, что затмилось бы щедрое волжское солнце. Пожелай русы высадиться – и через полчаса от пятнадцатитысячного войска не осталось бы и половины. Наверное, хакан Йосып очень желал, чтобы русы высадились. Но у русов были другие планы. Духарев улыбался.

Первая стадия военной кампании, разработанной восемь месяцев назад в Белозерье, выполнена безупречно. Если все пойдет так же хорошо...

Тут Духарев оборвал мысль и постучал по мачте. Не будем забегать вперед. И все-таки он многое отдал бы за то, чтобы узнать, как сейчас обстоят дела у великого князя...

Глава двенадцатая О голодных русах

Пока лодьи, водительствоваемые Духаревым, плыли по Оке меж лохматых вятских сосен, огромное войско печенегов вышло к Боспору Киммерийскому и стало у границы ромейской Таврики. Обитатели крымского нома Византийской империи всполошились не на шутку.

На следующий день к лагерю прискакало посольство во главе с сыном херсонского протевона¹⁹ Калокиром.

Старейшинам нома доложили о пацинаках и встретили посла тоже пацинаки, всадники цапон из орды великого хана Куркутэ.

Калокир не удивился. Он еще в ранней молодости имел дело с этим племенем. Он входил в состав посольства, ведшего переговоры с отцом нынешнего князя тавроскифов Игорем и его союзником Куркутэ. Калокир не сомневался, что пацинаки пришли «за подарками». Коли так, они их получают. Но взамен крымские ромеи попросят о какой-нибудь услуге. Может, пограбить неугодных Константинополю язычников. Или набежать на тех, кто перебывает торговлю херсонским купцам. Обычное дело. Потому, когда вели Калокира меж конических войлочных юрт, сын протевона готовился к встрече с пацинакским ханом.

Посольство провели через весь огромный лагерь, мимо сотен шатров и десятков тысяч воинов. Еще раньше послы увидели несметные табуны степных лошадок, пасущиеся неподалеку. При виде такой силы Калокир даже подумал: не натравить ли степняков на Тмутаракань? А что, неплохая идея. И конкурентов прижать, и князя тавроскифов Сфендислава (так называли Святослава в Константинополе) кровно обидеть. Причем обида будет не на Византию, а на пацинаков Куркутэ.

Калокир еще обдумывал эту мысль, когда пацинаки привели посольство к громадному шатру, не украшенному ни знаменем, ни бунчуком.

Кучку ромеев запустили внутрь... И изумленный Калокир увидел не пацинакского хана, а хорошо знакомого ему по парсунам²⁰ молодого князя Сфендислава.

О да, при необходимости великий князь киевский мог спать на голой земле, положив голову на седло и укрывшись попонкой. Но когда надо было произвести впечатление, он и это умел.

¹⁹ Херсонский протевон – нечто вроде «председателя совета старейшин» Херсона, главного города крымского нома.

²⁰ Парсуна – портрет.

Шатер князя, способный вместить пару сотен человек, был выстлан отменными персидскими коврами. «Задником» служил огромный гобелен европейской работы, присланный Святославу в подарок дьюлой Такшоном. Гобелен был захвачен уграми лет сто назад, но краски его не потускнели. На гобелене храбрые рыцари Карла Великого секли на бастурму каких-то мавров. Под гобеленом разместились воеводы и ближние бояре великого князя в полном парадном вооружении.

Сын протевона херсонского Калокир удивился, увидев столько тавроскифов, вернее русов, как их теперь чаще называли. Пацинак в шатре оказался один, молодой, еще моложе Сфендислава и чертовски красивый. Золота на нем было так много, что хватило бы набить небольшой сундучок. А вот оружие и у пацинака, и у русов, тоже увешанных золотом и самоцветами от сапог до шапок, было не парадное, а боевое.

В отличие от своих ближников Святослав был одет весьма скромно: в белые портки да красные сапожки. Единственное украшение – серьга в ухе. Послам представилась редкая возможность полюбоваться мускулистым торсом князя-воина и затейливыми татуировками, украшавшими его руки. Наилучшей, безусловно, было изображение оскалившегося пардуса на правом плече князя.

– Говорите, – коротко бросил Святослав.

– О великий князь киевский, хакан тмутараканский, несравненный воитель Святослав, сын Игоря! – провозгласил Калокир. – Позволишь ли вручить тебе скромные дары, присланные почтенными людьми града Херсона?

На языке русов Калокир говорил с акцентом, но, в отличие от прочих ромеев, имя Святослава и его отца выговорил чисто, не ломая их на византийский лад – «Сфендислав» и «Ингорь».

Князь кивнул, и ромеи выложили на ковер кучку богато инкрустированного, но бесполезного в деле оружия.

Дары и впрямь были скромными. Великий князь нахмурил брови. По знаку Святослава один из ближников небрежно сгреб эту кучку к стенке шатра.

Посланцы-ромеи несколько струхнули. Но их старший держался молодцом. Сразу видно: воин, а не приставка к чернильнице.

– Позволено ли нам узнать, с какой целью собрал ты столь многочисленное войско и привел его сюда?

– Разве это не моя земля? – спросил Святослав.

Вообще-то здесь была печенежская степь. Святослава Тмутаракань располагалась дальше, по другую сторону Боспора Киммерийского. Но кто же станет спорить в такой ситуации...

– Конечно, конечно! – поспешил согласиться ромей. – Но неужели ты, великий князь, да продлятся твои дни вечно, предполагаешь, что столь могучее войско необходимо для защиты границы с землями неизменно дружественного тебе кесаря Никифора? Мы, мирные обитатели Таврики, добрые соседи твоим подданным в Тмутаракани, пребываем в недоумении. Разве забыл ты, что между отцом твоим и кесарем был подписан договор о дружбе и союзе?

– Я – не мой отец, – холодно произнес Святослав. – И кесарь далеко. Кроме того, мой отец подписывал договор с совсем другим кесарем. Говоришь, вы в недоумении? Я дал бы вам пять дней, чтобы это недоумение разрешить, но, думаю, мои воины оголодают раньше. Ступай, ромей, расскажи своему отцу, что ты видел и слышал!

Не зря херсонских послов провели через весь военный лагерь, позволив ромеям сполна «насладиться» зрелищем могучего войска на отдыхе и предположить, что может случиться с крымскими колониями Константинополя, если киевский князь «Сфендислав» и его воины – русы и пацинаки – останутся «голодными».

На следующий день с греческой стороны потянулись в лагерь подводы со снадью. Первый намек ромеями был понят правильно. Второй – тоже.

Ровно через пять дней Калокир приехал опять. На этот раз его дары нельзя было

назвать скромными. Правда, денег привезли маловато, зато драгоценной утвари, шелков, пряностей и прочего ценного товара оказалось достаточно, чтобы с лихвой покрыть выплаченный печенежскому хану Кутэю аванс. Ромейские богатеи рассудили здраво: лучше отдать толику, чем потерять все. Пока дождались бы подмоги из метрополии, тридцатитысячное войско русов и печенегов стерло бы в порошок гарнизоны крымского нома. Да и не факт, что император Никифор Фока рискнул бы отправить сюда армию, достаточную для разгрома русов. Так что поделились.

Вот и славно! Громить Таврику тоже не в интересах Святослава. Во-первых, это значит серьезно рассориться с Царьградом и повредить торговле. Во-вторых, зачем резать корову, которая исправно дает молоко?

Киевский князь и так получил, что хотел: провиант для будущего похода, компенсацию за переданное Кутэю золото и уверенность в том, что, пока он сражается на востоке, присмиревшие ромеи не рискнут обижать его тмутараканцев. Еще он намекнул херсонесцам: не стоит болтать, что в пятнадцатитысячной печенежской орде «прячется» примерно столько же русов. Намек был понят. Разумеется, кто-нибудь из послов непременно проговорится, но пройдет не меньше десяти дней, пока эти сведения покинут пределы Крыма и поползут дальше. Святослав же намеревался двигаться быстрее слухов и был вполне доволен результатом этого этапа своей военной кампании. Поэтому, когда Калокир попросил у сиятельного киевского владыки личной аудиенции, князь ему не отказал.

О чем толковали великий князь киевский и ромейский дипломат, осталось тайной.

На следующий день соединенное войско свернуло лагерь и, к немалому облегчению обитателей Таврики, покатилося дальше.

Выкуп, полученный у ромеев-крымчан, Святослав оставил в Тмутаракани. В этом походе русы собирались «торговать» только своими клинками.

Глава тринадцатая

Падение Семендера

Русская флотилия шла на юг вдоль хузарского берега Гирканского моря. Погода благоприятствовала. Морская вода изобиловала рыбой. С водой, мясом и фруктами тоже не было проблем. Большая часть побережья в это время года была голой и пустынной. Сухая, черная, потрескавшаяся земля. Сухая, но не мертвая. Машег сказал, что ранней весной здесь самая лучшая трава в степи, а зимой хузарские пастухи пригоняют сюда свои отары. Осенью, после дождей, здешние пустоши снова становятся зелеными, и осенняя трава сохраняется под неглубоким снегом до самой весны.

А еще вдоль берега пролегал торговый путь на восток: в Арран²¹, в Персию... Превосходная дорога с караван-сараями и облицованными каменной плиткой колодцами через каждые два – два с половиной фарсаха. А там, где с водой было лучше, степь превращалась в сад.

Жили здесь в основном язычники, потомки перемешавшихся между собой десятков племен и народов. Но попадались также мусульмане, иудеи, поклоняющиеся Ахурамазде... И все они свято чтит законы гостеприимства... не распространявшиеся, впрочем, на воинов-чужеземцев. К счастью, вместе с духаревскими нурманами и русами плыли хузары, знавшие эти берега, как свои пять пальцев. По совету Машега русы, высаживаясь на берег, зла не творили и даже расплачивались за продукты. Цены падали по мере удаления от хузарской столицы, в окрестностях которой сборщики хакана вымели все до последнего зернышка.

Результат мирной политики не заставил себя ждать. Слухи бежали быстрее гонцов хакана, и известие о приближении флотилии зверообразных и кровожадных русов больше не

²¹ Азербайджан.

вызывало паники у хузарских земледельцев. Теперь, завидев разноцветные паруса, они не бросались в степь, увозя и унося все что можно, а спокойно ждали, не высадутся ли страхолюдные русы на берег. Если те высаживались, местные тут же выносили из кладовок щедрые дары южной природы. Шкворчали на вертелах барашки, булькало вино, приманивали мух липкие восточные сладости. Даже скорым на расправу викингам смягчили нрав эта щедрая земля и теплое, как материнские руки, море. Тем более что за снесь расплачивались не они, а киевский воевода.

И все было замечательно, пока флотилия не оказалась в двух днях пути от цели. Высадившись на берег в месте, указанном Машегом, русы обнаружили брошенные дома, пустые амбары и овины. Причина этого опустошения стала ясна, когда корабли достигли устья Терека-Уг-ру.

Семендер горел. Он горел уже несколько дней. Горел город, горели сады и виноградники в долине до самого моря. Поля были изгажены и вытоптаны, повсюду валялись раздувшиеся на жаре, гниющие трупы людей и животных. Трупы несла в море и кипящая мутная вода Уг-ру.

Лица духаревских хузар окаменели. Русы – что киевляне, что северяне – глядели на происходящее неодобрительно. Они уже вкусили щедрости этой земли: варяги, кривичи, поляне и прочие люди славянских, мерянских и иных племен, объединенных волей великих князей киевских. Князей, которые предпочитали подчинять, а не уничтожать.

Только скандинавы, водительствоемые ярлом Халсфьерда Эвилем Оттарсоном, безмятежно взирали на трупы и пепелища. Они и не такое видавали... и проделывали.

В гавани пожаров не было. Тут стояли торговые суда. Довольно много судов. Капитаны некоторых, увидев флотилию русов, попытались дать деру, но не успели. Развернувшиеся в линию боевые лоды и драккары перекрыли им пути к отступлению. Удрать, впрочем, пытались немногие, большинство осталось у пирсов. В порту шла активная торговля. Арабские, арранские, самаркандские, персидские купцы за бесценнок приобретали военную добычу. А продавали ее печенеги.

Духареву стоило огромного труда удержать своих хузар, вознамерившихся перебить первых же встретившихся копченых. К тому же русы и скандинавы были готовы поддержать разъяренных хузар. Русы никогда печенегов не жаловали. У нурманов и свеев Оттарсона никаких претензий к копченым не было, зато присвоить чужую добычу – это они всегда пожалуйста. Возможно, Духарев не стал бы удерживать своих воинов, если бы не узнал в степняках, самозабвенно отдававшихся грабежу, родовичей Куркутэ. Печенегов-цапон.

Варяги Духарева взяли под микитки парочку копченых и приволокли к воеводе.

– Где Кутэй? – строго спросил Духарев.

– Мы покажем, покажем! – залопотали притрухавшие степняки. – Не тронь нас, великий богатырь, мы твоему хакану служим!

Печенегов в совокупности было не меньше, чем русов, но русы представляли собой войско, а копченые – неорганизованную толпу мародеров.

– Коня! – потребовал воевода.

Ему подали коня: его гридни по древнейшему в этом мире праву сильного уже успели реквизируют полсотни степных лошадок.

– А-а-а, воевода Серегей! Ты опоздал, цапон уже всё сделали!

Так приветствовал Духарева внук «Волка»-Куркутэ – хан Кутэй.

Сергей охотно сказал бы ему пару ласковых... в другой ситуации. Сейчас учить красавца-печенега уже не имело смысла. Да и красавцем он уже не был, молодой хан. Вокруг него кадил и суетился шаман-лекарь, но Духарев только один раз втянул носом наполнившую юрту вонь и сразу понял: Кутэй умирает.

– Ищешь своего хакана? – прошептал Кутэй. – Он в четверти дня пути отсюда. Мои покажут дорогу.

Духарев кивнул:

– Прощай, хан!

– Прощай, воевода Серегей... А-а-а... Сабля, что ты мне подарил... Она хороша. Я возьму ее... с собой.

Духарев вышел из юрты, и воздух, насыщенный гарью и вонью показался ему свежим.

– Артем, – сказал он сыну, – бери свой десяток и скачи в гавань. Скажи Понятке, пусть поднимает тысячу, забирает всех лошадей, каких увидит, – и ко мне. Мы идем к великому князю. Старший без меня – Трувор. Копченых пока не трогать. Да! Хузарские сотни – тоже ко мне. Не хочу оставлять их тут. – Духарев подумал немного и добавил: – Еще скажи Трувору: гостей торговых тоже не обижать, купле-продаже не препятствовать, но корабли из гавани не выпускать, а ежели какие кормчие станут настаивать, обойтись по восточному обычаю.

– Это как? – спросил Артем.

– Палками по пяткам. Все понял?

Сын кивнул, свистнул своим, ударил коня каблуками и полетел к гавани. Отроки его десятка поскакали следом, не обращая внимания на снующих вокруг печенегов.

Копченые, впрочем, тоже не обращали внимания на русов. Их интересовало только одно: где и чем еще можно пожить? Только у ханской юрты наблюдался некоторый порядок: около десятка мрачных цапон сторожили покой умирающего хана. Наверняка это были его близкие родственники. Духарев отвел своих подальше, к подножию невысокого холма, уселся в тени и стал ждать.

Понятко со своей тысячей и пятью сотнями хузар Машега появился примерно через час. Все – конные. Трое – с легкими ранениями: кое-кому из печенегов хватило храбрости (или глупости) противиться совершаемой именем Святослава реквизиции «транспортных средств». Духарев хотел отправить раненых обратно, но Артем, оказавший раненым первую помощь, заверил, что парни вполне могут оставаться в строю.

Послали за обещанным Кутзем проводником, а когда тот прибыл, немедленно отправились в путь.

Духареву, как и всем русам, не терпелось узнать, что же такое случилось. В глубине души Сергей боялся увидеть своего князя в том же состоянии, что и Кутзя.

Зря боялся. Святослав был в добром здравии, хотя и несколько мрачен. Впрочем, появление воеводы несколько приподняло настроение великого князя.

Воины Святослава расположились четвертью поприща выше по течению Терека. Судя по роскошной траве и плотности почвы, здесь сравнительно недавно стояла вода. По словам Машега, это было в порядке вещей. Наводнения в этих землях не редкость, особенно ближе к устью. Иной раз вода заливают степь на несколько фарсахов. И хоть слой воды невелик, максимум коню по брюхо, но земля раскисает, ни пройти, ни проехать. Посему строятся здесь исключительно на холмах. Там же и хоронят. Но хузарам такое привычно: схожие паводки бывают и на Итиле, и на Бузане... Везде. Неудобно, зато естественная ирригация. Идеальный вариант, особенно для скотоводов.

Издали лагерь русов выглядел точь-в-точь как бивак копченых. Множество войлочных юрт, кибитки... Даже разъезды на подходах и пастухи, приглядывающие за лошадьми, – в одежде и мохнатых шапках печенегов-цапон.

Разумеется, это были не цапон – переодетые Святославовы вои.

Шатер Святослава был воистину ханским, но пустовал. Князь уехал по каким-то важным делам.

В отсутствие великого князя старшим в лагере был воевода Икмор. И он уже выехал навстречу Сергею. Если бы не варяжские усищи, Икмор был бы вылитым печенежским ханом не из последних. А загорел почти как копченый – дочерна.

– Серегей! Дошли!

– Как видишь! – усмехнулся Духарев.

Они с Икмором обнялись. Потом Икмор обнялся с Поняткой и Машегом. Переодетые печенегами киевляне сияли улыбками. Гридни Духарева уже смешались с ними. Здесь все знали всех и были друг другу рады.

– Остальные твои где? – спросил Икмор.
– Там, – Духарев махнул в сторону Семендера. – При кораблях.
– И как там?
– А сам как думаешь, воевода? – Сергей сразу перестал улыбаться. – Скажи, зачем надо было все жечь?
– Думаешь, батька этого хотел? – тоже нахмурился Икмор. – Пошли-ка в тень, воевода! Перекусим с дороги да и поговорим.

... Сначала все было хорошо. С херсонскими ромеями прошло как по маслу. Получив даже больше того, на что рассчитывал, Святослав из Тмутаракани двинулся на Северный Кавказ, как снег на голову упал на ясов и касогов²², обязал ошеломленных горцев данью и после трудного, но зато стремительного перехода точно так же внезапно возник у юго-восточной границы Хузарии.

И тут произошла накладка. Святослав поручил захват Семендера печенегам Кутэя. Этим киевский князь надеялся убить сразу двух зайцев: скрыть присутствие русов и отчасти обескровить нахальных союзников. Семендер был неслабой крепостью с очень выгодным стратегическим положением. Штурмовать такой город без осадных машин – дело не из легких.

Но всё пошло не так, как планировалось князем. Внезапно налетевшие печенеги захватили хузарскую крепость врасплох и взяли ее практически без потерь. Но во время штурма случилась беда: был смертельно ранен хан Кутэй, единственный, кто был способен держать копченых в узде.

Печенежская орда мгновенно стала неуправляемой. Результат Духарев видел. Исправлять что-то было уже поздно, и Святослав отдал Семендер и его окрестности на поток и разграбление. Хотя грабить в этом восточном городе было почти нечего. Все ценное ежегодно вывозилось отсюда в Итиль.

Дальнейших планов князя Икмор не знал. О них Святослав рассказал Духареву сам, когда незадолго до темноты вернулся в свой лагерь.

– Кутэй скоро умрет. Ему осталось дня два, не больше, – сказал великий князь, прекрасно осведомленный о том, что происходит в долине. – Когда он умрет, я стреножу копченых. Здесь хорошее место: богатая земля, смиренные смерды. И восточные товары, кроме тех, что плывут морем, провозят здесь. А когда мои лоды будут свободно плавать в Гирканском море... Что ты качаешь головой, Машег?

– Гирканское море – не Понт и не Сурож²³, – сказал хузарин. – Это суровое море.

– Не суровой Варяжского! – отрезал Святослав. – Оно будет моим. И эта земля – тоже. Ты говорил, где-то здесь были земли твоих предков, которые хакан отнял у тебя?

– Были, – мрачно ответил Машег.

– Я верну их твоему роду. Вы будете править здесь под моей рукой и, клянусь гневом Перуна, я буду добрее к твоим хузарам, чем ваш хакан. Скоро хан Кутэй умрет, и тогда я приду в долину и приструню копченых.

– Поэтому ты и напустил на Семендер цапон, великий князь? – еще мрачнее поинтересовался Машег. – Чтобы после показать хузарам свою доброту?

– Да! – последовал твердый ответ. – Но я не хотел того, что получилось. Я не убиваю своих смердов и не жгу своих городов.

– Ты так уверен, хакан киевский, что Семендер станет твоим городом? – скривил губы Машег. – Хакан Йосып все еще хакан Хузарии.

– Считай, что он уже мертв!

²² Осетин и черкесов.

²³ Черное и Азовское моря.

– Когда он будет мертв, – с нажимом на слово «будет» произнес Машег, – найдется множество желающих овладеть «саманными воротами».

– Ты дашь им отпор, хузарин Машег! – заявил Святослав. – Я знаю тебя и знаю, что ты справишься. А за твоих родичей, убитых копчеными, – прости.

Машег покачал головой:

– Здесь нет моих родичей, княже. Давно уже нет. Только «черные» и «византийцы». Но хорошие деревья растут долго. И я не люблю, когда жгут сады.

Святослав нахмурился:

– Скажи мне, Машег, ты кто – хузарин или варяг?

– Варяг. И хузарин.

Машег бестрепетно глядел в синие глаза князя. Ему было ведомо, как страшен гнев Святослава. Но потомок маздакитов – персов и иудеев, когда-то сбежавших от расправы шаха и взявших под себя эти земли, – если и боялся, то лишь беды для своих близких. А киевский князь – не хакан Йосып. Если княжий гнев падет на Машега, родных его гнев не затронет. А за себя Машег не боялся.

Но Святослав не рассердился.

– Добро, – кивнул он. – Хузарин-варяг – это мне и нужно. Но довольно об этом. Серегей, расскажи-ка мне, что ты видел в Итиле...

Глава четырнадцатая

В которой происходят похороны хана Кутэя и другие, более важные, события

Следующим утром из долины прискакал гонец: хан Кутэй умер.

– Снимаемся, – распорядился Святослав. Когда русы спустились в долину, родичи Кутэя уже все подготовили к погребению. На высоком холме насыпали курган, где будут похоронены останки; сложили костер, на котором сгорит брненное тело Кутэя, чтобы душа его поскорей улетела к Великому Небу. Кроме мертвого хана на штабеле облитых маслом бревнышек покоились две его удушенные наложницы, любимый конь с перерезанным горлом и живой шаман, не сумевший удержать душу Кутэя в брнном мире.

В последний путь внука Куркутэ провожало совсем немного печенегов: сотни четыре. Остальных не прельстила даже возможность последующего халявного угощения. Последние два дня и так были для войска Кутэя непрерывным праздником. Впрочем, все значимые печенежские лидеры на погребальной церемонии присутствовали.

Войско русов, пеших и конных, встало вокруг холма. Наверх поднялся только Святослав с воеводами, ближними боярами и малой дружиной. Духарева среди них не было. Пока великий князь будет пировать, Сергею придется поработать.

Старший из родичей Кутэя велеречиво поблагодарил Святослава за оказанную честь и тотчас велел зажигать костер.

Вспыхнуло масло, затрещали бревна, завопил шаман, предупреждая духов о приближении души славного воина...

Когда дрова прогорели, останки хана были собраны и перенесены в могилу. За это время свободные от церемонии родичи организовали поминальную трапезу. Князя и воевод усадили на почетное место, старшую дружину – чуть пониже. Рабы из пленных семендерцев, потея, таскали жареных барашков, кувшины и корчаги с вином и сброженными молокопродуктами, столь ценными степняками.

Родичи помоложе затеяли потешную борьбу, чтоб увидела душа хана: не ослаб род. Есть еще богатыри, что не уронят славы...

В разгар пира старший из родичей Кутэя, родной брат его матери, придвинулся к Святославу и сказал:

– Слыхал я, великий хакан киевский обещал Кутэю золото. Кутэй умер, и по нашему закону его золото принадлежит мне.

– Мы поговорим об этом позже, – ответил Святослав.

– Когда?

Великий князь посмотрел на печенега. Так посмотрел, что копченый быстро опустил глаза и счел за лучшее не торопить события.

А пока воеводы русов вместе с предводителями печенегов отдавали последнюю дань уважения погибшему хану, гридни Святослава совместно с нурманами и прочими союзниками под руководством княжьего воеводы Серегея наводили порядок в семендерской долине. Для меньших печенежских воинов праздник жизни в этот день закончился. Организованные и втрое превосходящие числом воины Святослава сгоняли степняков к опаленным городским стенам. Спящих поднимали пинками, артачившихся приводили к повиновению силой. Разоружать никого не разоружали и денег не отнимали, зато спешили всех, а пеший степняк – это уже не воин, а недоразумение. Похмельные от вина и крови, осоловевшие, отяжелевшие от непрерывной жратвы и неумеренных плотских утех, копченые не смели сопротивляться. Недавние грозные победители, они моментально утратили спесь и с опаской поглядывали на здоровенных нурманов, которым было поручено проследить, чтобы завоеватели Семендера не разбежались.

Разобравшись с печенегами и выделив тысячу гридней для поддержания порядка, Духарев распорядился собрать сотен шесть-семь сохранивших трудоспособность местных жителей, передал их Рагуху и велел убрать территорию: пожары погасить, трупы похоронить и т. п. Сам же вместе с Машегом поехал в гавань.

От Семендера до морской гавани час езды. По пути Духареву встретился «косяк» печенегов. Сопровождала их Стемидова сотня. Копченых было сотни две, все – при оружии и очень недовольные. Но ехали мирно. Стемид – во главе, беседуя с копчеными по-печенежски. За эти годы почти все варяги научились кое-как изъясняться по-хузарски и по-печенежски. Простые гридни – на уровне военного словаря: «Кто такие?», «Кто ваш хан?», «Оружие на землю!» Командиры говорили получше: необходимость заставляла. Стемиду повезло, в его подчинении оказался сын Духарева, болтавший на всех степных языках. Другой командир, имея такого толмача, расслабился бы. Но Стемид был не таков. Он хотел сам. И преуспел. Сейчас его лингвистические познания вновь пригодились. Молодой варяжский сотник непринужденно беседовал с такими же молодыми печенежскими «полевыми командирами», а рядовые степняки, хоть и были в большинстве из других родов, мрачно тащились следом, не смея протестовать.

Причину их недовольства Духарев узнал немедленно. Азиатские «гости» отказались скупать хабар. А причиной отказа были русы, заблокировавшие выход из гавани. В этой ситуации купцы брали только самое ценное, а шелк вообще меняли исключительно на золото.

Поначалу купцы пытались протестовать, сообщил Стемид. Но Трувор определил самого горластого, выдал ему, как было велено, по пяткам и сообщил прочим, что это – акт гуманизма, совершенный исключительно по доброте воеводы Серегея. А исконно варяжский метод прекращения дискуссии – железом по загривку.

Купцы, как выяснилось, об этом методе были наслышаны: варяжские лоды появились в Гирканском море полвека назад (при попустительстве хузар, которым, естественно, была обещана доля) и для начала разграбили Абаскун. Позже прочность варяжского железа узнали Гилян, Ширван и иные мусульманские земли. Правда, хузарские хаканы и тогда показали себя полным говном. Например, Беньяху, двоюродный дедушка ныне правящего Йосыпа, не удовлетвовавшись «процентом», спустил на потрепанную в битвах варяжскую армию своих гвардейцев. Потом, правда, ему пришлось выкручиваться перед Олегом Вещим, отдариваться и все валить на собственных гвардейцев-мусульман, которые, дескать, самостийно вступились за поруганную честь единоверцев и с целью освобождения полона. Вранье было отъявленное: хаканская гвардия всегда отличалась отменной дисциплиной, а «освобожденных» девушек после видели у ромейских работорговцев. Но Олегу пришлось сделать вид, что он поверил. Ему нужен был союз с хузарами против копченых и против

хитроумных ромеев, которых Олег регулярно выставлял на деньги и которым это, само собой, не нравилось. Правда, хакан Беняху нуждался в союзнике еще острее, потому вынужден был вернуть большую часть отнятой добычи и от себя прибавить. Но для последних хузарских хаканов это было типично: сожрать, что удастся, причем немедленно, а если врежут сапогом в брюхо, сожранное отгрыгнуть. Духареву такое казалось глупостью, но вот его названный брат Мышата заявил, что подобный подход – хапнуть, а потом возратить с процентами – вполне рентабелен. Что-то вроде выгодного кредита. Возвращать-то приходилось не сразу, а через год-два, когда прижмут. А за два года, сидя на таком месте, как восточный караванный путь, можно украденное не то что удвоить – удесятерить. Сергей Мышу верил, но все равно считал, что честь и доверие – подороже золота.

Впрочем, коварство хузарских лидеров не отбило варягам охоты полевать на гирканских берегах. Уж такие места богатые...

Короче говоря, знакомство восточных соседей хузар с варяжским железом состоялось достаточно давно, и желающих нарваться на неприятность не было. Скандалисты приутихли. Удрать тоже никто не пытался. Лодьи и драккары полностью заблокировали гавань. Но предусмотрительный Трувор решил, что этого мало, и отправил на каждое судно крупнее рыбацкого баркаса варягов-караульщиков. Впрочем, торговые гости были уверены, что убивать их не станут. Кому бы в итоге не достался Семендер, его правители не станут резать корову, которая доится золотом. Не менее девяти десятых прибыли от торговых операций оседало в казне государей, через земли которых пролегали торговые пути с востока на запад. Нет, убивать купцов не будут. Облегчат кошельки – это да. Вопрос – насколько?

– Половина! – объявил купцам Машег, которому Духарев поручил вести переговоры, когда они приехали в гавань. – Половина того, что у вас в трюмах, останется здесь. Это доля князя, которую незаконно присвоили его наемники-печенеги.

– А наше золото? – по-арабски выкрикнул кто-то из купцов. – За эту половину мы платили полновестными динарами!

– Как тебя зовут? – спросил Машег тоже по-арабски.

– Али, сын Сайда из Ширвана!

– Из Ширвана? Не смей меня! Откуда в Ширване возьмутся полновесные динары?

Вокруг купца загоготали. Но тут вперед протиснулся некий купчик с бородкой и пейсами.

– А ведь я тебя знаю! – заявил он. – Видел тебя при дворе хакана Йосыпа. Ты ведь Машег бар Маттах?

– Точно! – подтвердил хузарин.

– Значит, ты предал своего хакана! Ты предал Бога! Можно ли тебе верить?

Синие глаза Машега сверкнули, рука легла на эфес сабли... Но он сдержался.

– Едва не забыл, что брехливую шавку учат не сталью, а плеткой, – процедил он, подавая коня вперед и снимая с пояса треххвостую «волчью» плеть, утяжеленную свинцовыми бусинами.

Купчик, смекнув, чем пахнет, попытался юркнуть обратно в толпу, но его не пустили.

– Э-э-э... М-м-э-э... Б-э-э... – заблеял он. – Б-благородный М-машег б-бар М-маттах, я вовсе не то хотел сказать...

– Но ты уже сказал! – рявкнул Машег. – А теперь слушай. Все слушайте! Хакан Йосып – проклятие белых хузар. Тварь, пожравшая мою землю и славу моей земли! Потому мой хакан ныне – великий князь Святослав! Он пришел взять эту землю, и Йосып, спрятавшийся за щитами потомков Исава, как суслик в норе, скоро запищит в его когтях. Но радуйтесь, торговые гости! Ибо теперь откроются вам пути во все концы Святославовых владений: от Варяжского моря до Понта.

– За половинную долю... Экая радость... – совсем тихо проворчал купец «из Ширвана».

Но Машег услышал.

– Ты глухой? – спросил он. – Тебе сказано: половина – это утаенная копченными доля

хакана Святослава! Если ты, называющий себя ширванцем, захочешь плыть мимо Итиля, отдашь двенадцатую долю. Или плати десятую и плыви хоть к нурманам. Уже без всяких пошлин. Только дождись, пока Святослав выкинет из Итиля Йосыпа и его охвостье.

– Если выкинет... – прошептал «ширванец», но на этот раз совсем тихо.

– А Булгар? – спросил кто-то. – Булгар ведь тоже захочет своей доли!

– Мало ли кто что захочет, – усмехнулся Машег. – Если остановишься торговать, заплатишь местные сборы. Но княжий сбор будет один – от Семендера до Белозера! Один для всех. Это понятно?

Купцы заговорили: кто одобрительно, кто выражая сомнение... Намек был прозрачный. Взяв под себя Итиль, киевский хакан на этом не остановится. Следующим номером станет волжская Булгария. Тогда великая река будет принадлежать Святославу целиком.

– И как скоро это случится? Как скоро?

Вопрос был задан на языке торков. Сергей этот язык знал плохо. Зато он обратил внимание на то, что спросивший постарался остаться незамеченным. Тем не менее Духарев его засек: смуглый бородач в зеленой чалме. Явно не торк. Арранец?

– Скажи ему, Машег, пусть приходит в начале осени, – по-русски сказал Духарев. – Скажи ему: в ближайший месяц у моего хакана есть дела на реке Бузан. Итилем он займется позже.

– Нельзя ему такое говорить! – тоже по-русски возразил Машег. – Это может быть шпион Йосыпа. Давай я его лучше убью!

– Проклятье, Машег, я, по-твоему, дурак? – бесстрастным голосом произнес Духарев. – Скажи ему дословно: в ближайший месяц у хакана Святослава есть важные дела на реке Бузан. И не дай тебе Бог причинить вред этому зеленоголовому, ибо я очень надеюсь, что мои слова действительно достигнут ушей Йосыпа...

Глава пятнадцатая

В которой князь Святослав вдохновляет печенегов на великий поход

– Храбрые богатыри цапон! Ваш хан умер! Кто из вас готов доставить эту скорбную весть большому хану Куркутэ?

«Храбрые богатыри», тысяч двенадцать печенегов, сгрудившихся на пологом склоне, энтузиазма не выказали. Добровольцев не было. Ни среди малых ханов, ни среди простых всадников. Все знали: принесшему черную весть могут и голову снести.

– Я это сделаю! – с явной неохотой объявил наконец дядя Кутэя.

Он и его родичи расположились в первых рядах, лишь немного ниже красных щитов Святославовых гридней.

– Ты – храбрый человек! – констатировал великий князь киевский.

Его конь нервно перебирал ногами, словно чувствуя воодушевление всадника. Но Духарев был уверен: Святослав сознательно горячит коня. На самом деле князь волнуется не больше, чем деревянный зверь на носу духаревского драккара.

– Ты – храбрый человек! – могучий голос Святослава стекал к печенегам сверху, с вершины холма. – Мне нужен храбрый человек для великого дела! Потому я хочу, чтобы именно ты возглавил храброе войско цапон! А того, кто отвезет скорбную весть Куркутэ, ты выберешь сам!

Печенеги заволновались. Святослав вернул им коней, кроме тех, что были предназначены для приплывшего с Духаревым войска. И вроде как вернул свободу. Но потребовал отдать половину семендерской добычи. Один малый род попытался ослушаться, и в результате родовичи потеряли все, кроме жизней. Обошлись с ними так, как обычно поступали с копчеными, изловленными на киевских землях, но не успевшими покуролесить: выгнали в степь в одних портках. Надо отметить, что, даже пешие, печенеги припустили довольно быстро. Два десятка безоружных копченых очень хорошо представляли, что с ними будет, если они попадутся в руки недобитых семендерских хузар. Это поучительное зрелище

сделало остальных степняков куда более покладистыми, но дисциплина по-прежнему оставляла желать лучшего. Цапон готовы были ходить под рукой Кутэя, любимого внука большого хана, но дядя Кутэя – совсем другое дело. Крови «Волка» не было в его жилах. Обычный хан из не слишком выдающегося рода. Даже поддержанный киевским князем, он вряд ли будет принят большинством печенегов в качестве абсолютного лидера.

– Не шумите, богатыри цапон! – мощный голос киевского князя перекрыл ворчание нескольких тысяч глоток. – Богатство и слава ждут вас! Семендер пал пред вашей доблестью! Но Семендер – жалкая кучка лачуг за саманным забором! Скоро вы разрушите стены, за которыми спрятаны настоящие сокровища!

– Итиль! – завопил кто-то.

– Итиль! Итиль! – заорали печенеги. Святослав дал им пару минут – откричаться, потом вскинул руку, призывая к молчанию.

– Нет, не Итиль! – объявил он. – В Итиле – сильное войско хакана Йосыпа! Пятьдесят тысяч отборных воинов, тридцать тысяч белых хузар! Сто тысяч лучников!

Откровенная дезинформация, но кто ее оспорит? Его слова сбили воинственность копченых сильнее, чем внезапный понос.

Святослав дал печенегам прочувствовать услышанное, потом продолжил:

– Нет, не Итиль! Саркел!

Его слова не вызвали энтузиазма. Белая крепость на Дону-Бузане была построена византийцами, причем построена на совесть. Многие из присутствующих видели ее стены, кое-кто и внутри побывал – в качестве торгового гостя.

– Неужели вы испуганы, богатыри цапон? – воскликнул киевский князь. – Неужели три сотни лохматых гузов, спрятавшихся за кучей камней, напугали вас? Или, может, вы боитесь, что на помощь гузам поспешит сам хузарский хакан со всем своим войском? Не бойтесь! Этого не будет! Я сам выступлю против хакана Йосыпа! Я свяжу его силы! Я заставлю его остаться у стен своей столицы! А тем временем вы, храбрые богатыри цапон, возьмете Саркел и все, что хранится за его стенами! Но помните: половинная доля добытого принадлежит мне и моей дружине! Таков наш уговор! Согласны ли вы?

Печенеги завопили. Конечно, они согласны. Три сотни гузов – пустяк! Саркел падет! И все, что хранится за этими стенами (а хранится там немало), достанется цапон.

Но если храбрый киевский хакан полагает, что получит свою долю, то он просто глупец. Цапон не будут ждать, пока он сбросит с хвоста Йосыпа и прибежит к развалинам Саркела за своей долей. От Саркела до кочевий цапон намного ближе, чем от Саркела до Итиля. Если хузарский хакан не прикончит киевского, последнему все равно не видать сокровищ Саркела.

Так думал каждый печенег, и от этих мыслей таяла горечь утраты половины семендерской добычи.

Печенежское войско снялось с места после полудня. Возглавил его дядя Кутэя. Вместе с печенегами ушел воевода Лют с полутысячей дружинников. Сын князя-воеводы Свенельда был у цапон в авторитете.

– Не дай им разбежаться раньше времени! – наставлял воеводу Святослав. – И дядьку Кутэева поддержи: его многие не любят.

– А если они все-таки возьмут Саркел, что тогда? – спросил Лют.

Духарев и Икмор засмеялись. Святослав тоже улыбнулся.

– Ты видел Саркел, – сказал он. – Пусть копченые осадят его. Можешь даже помочь им сделать стенобитные машины, всё равно им Саркел не взять. Пусть сидят под стенами. Половина копченых наверняка разбежится после первых неудач, так постарайся, чтобы хоть тысяч пять осталось. Но самое главное – ваш путь к Саркелу. Вам не следует торопиться, и вы должны выглядеть как очень большое войско!

– Не сомневайся, батя, – заверил Лют. – Это же копченые! У них даже и с сильным ханом порядку немного, а с таким, как этот дядька... – сын Свенельда презрительно фыркнул. – Растянутся на целое поприще и будут гоняться за каждой овечьей отарой. Одно

слово – орда! – Лют презрительно сплюнул. – Не сомневайся, батько, весть о нашем походе придет в Итиль раньше, чем мы увидим Бузан-реку!

Так оно и вышло.

Глава шестнадцатая

В которой хакан Йосып снова собирает ополчение, а князь Святослав играет в шахматы

Семендер понемногу оживал. Те, кому повезло и чьи лачуги уцелели (таких было немного), возвращались к родным очагам. Менее везучие (но все-таки везучие, потому что живы) ставили юрты, разгребали пепелища... Русов они не боялись: русы, по официальной версии, прогнали жестоких печенегов. Более того, киевский хакан, объявивший, что берет Семендер под свою руку, на два года освободил его жителей от дани. В краткой, но выразительной речи, переводимой сразу на три языка, Святослав заявил, что сожалеет об учиненном печенегами разбое и более такого не допустит. Скоро князь возьмет под себя всю Хузарию, и на ее земле воцарится мир. Вот он уже и гонца отправил к хакану Йосыпу с кратким сообщением: «Я иду!» Точного направления Святослав не уточнил, но ведь ни для кого не было секретом, куда именно киевский князь отправился «воцарять мир». Можно было также не сомневаться: для Саркела, в отличие от Семендера, появление захватчиков не станет неожиданностью.

Итак, все конное войско Святослава отправилось к берегам Бузана. Остались только те, кто приплыл по морю. Сейчас они загружали на корабли экспроприированную у печенегов и купцов добычу. Это тоже видели все: и разноплеменные купцы, и возвратившиеся к родным пепелищам жители долины. Руководили погрузкой варяги и нурманы. Всего их осталось в Семендере около трех тысяч. Распоряжался ими воевода киевский Серегей. Сам князь ушел вместе с печенегами. Такова была официальная версия. Именно в такой редакции ее и доложили разъяренному Йосыпу.

Семендер разорен. Святослав с печенегами идут на Саркел. Просевшие под тяжестью награбленного (награбленного не где-нибудь в Аррене или Ширване – у хузар!) корабли русов движутся по Гирканскому морю на север. Неужели надеются проскочить мимо Итиля?

«Хрен они у меня проскочат!» – так вкратце можно было резюмировать пространный монолог Йосыпа. «Хрен они у меня проскочат! И вместо Саркела им тоже хрен!»

Хакан хузарский вновь спешно созвал ополчение. Вооружил горожан, назначил наместника и оставил ему на всякий случай еще тысячу наемников-туркмен. Для трёх тысяч варягов и нурман, сопровождающих корабли, этого хватит. Как только русы высадутся на берег, тут им и конец, а в том, что русы высадутся, Йосып не сомневался. Они всегда останавливались после морского плавания: либо в дельте, либо в окрестностях Итиля. Это понятно: Гирканское море – не Сурожское. Характер у него капризный. Ходить по нему – тяжкий труд. В общем, тысячи туркмен и ополчения хватит: и Итиль защитят, и усталых русов накажут. Сам же Йосып с гвардией, наемниками и прочим войском двинется к Саркелу и обрушится на обсевших город русов и печенегов. В победе Йосып не сомневался: на его стороне Бог и безусловное численное превосходство. Для начала, пока подойдет основное войско, хузарский хакан отправил к Саркелу пять тысяч легкой конницы, чтобы осложнить жизнь осаждающим и заодно показать защитникам крепости, что хакан о них не забыл.

Саркел отдавать нельзя. Там под надежной охраной лежит неприкосновенный золотой запас хузарских хаканов. Именно для его защиты и возвели эту крепость.

Сделав необходимые распоряжения, хакан еще раз оценил ситуацию и счел, что все идет не так уж плохо.

Киевский князь Святослав, коего в Диком Поле называли Пардусом, тоже полагал, что все идет неплохо. Его конное войско проделало ровно полпути по направлению к Дону-Бузану, затем развернулось и двинулось на северо-восток, к берегу Гирканского моря.

Дорога поначалу была трудная: по выжженной безводной земле, где в эту пору не

живет никто, кроме змей да ящериц. Через два дня киевляне вышли на большой караванный путь, и ехать стало намного приятнее. Русы шли, не скрываясь, но очень быстро, одвуконь. Быстрее могли ехать только особые гонцы, менявшие лошадей через каждый фаранг пути. Верный способ напасть внезапно – опередить весть о своем появлении. С этой же целью нурманы, высадившись, например, на землях франков, вырезали подчистую всех, кого видели.

Русы поступали менее кровожадно: попросту забирали всех лошадей. Конные даже на день опередили «моряков», и когда флотилия прибыла к оговоренному месту, тридцать тысяч всадников Святослава уже ее ждали.

– Я пойду с вами! – заявил Святослав. Возражения своих воевод он отменил. Пойду – и точка. Киевский князь всегда норовил занять самое опасное место, а поскольку он был главный, то как он хотел, так обычно и происходило. Впрочем, особого риска не было. Место для высадки, выбранное Машегом, было идеальное: полуостров, с одной стороны которого – заводь, заросшая высоким камышом, с другой – глубокая протока, очень удобная для стоянки. Вдобавок полуостров располагался в личных (практически ненаселенных) охотничьих угодьях хакана... И всего лишь в паре часов быстрой езды от предместий Итиля.

Флотилия русов подошла к полуострову на закате. Когда наместнику в Итиле донесли об этом (весть принес один из Машеговых хузар, переодевшийся простолюдином), наступила ночь.

– Мы нападём на них в рассветных сумерках! – потирая ладони, объявил наместник. – Мы их уничтожим!

В эту ночь в итильском гарнизоне никто не спал. Таков был приказ наместника: как следует подготовиться к бою с русами. Проигнорировал его только командир наемников-туркмен.

– Мои воины будут спать, – заявил туркмен-баши наместнику. – Они всегда готовы к бою. Главное, чтобы твои пахари не путались у них под ногами!

По правде говоря, земледельцев среди ополчения было немного: в основном всадники-пастухи и пехота из итильских мастеровых. Первые могли бы неплохо показать себя в степи в качестве легкой конницы, вторые – принести немалую пользу на городских стенах. Для внезапной атаки в условиях пересеченной местности и те и другие не годились. К тому же, как любые набранные второпях части, хузарские ополченцы не имели никакого опыта совместных действий. И, самое главное, не испытывали ни малейшего желания воевать. Вести этот сброд в бой можно было только в одном случае: если сзади его будут «подпирать» настоящие воины. Чтобы страх перед теми, кто за спиной, был сильнее страха перед врагом. Это азы, понятные любому десятнику. Но наместник хакана Йосыпа никогда не служил десятником. Наместник (его звали Ламх, и он приходился троюродным племянником четвертой жены покойного хакана Беньяху) был неглупым человеком, отлично разбирался в верблюдах, ценах на шелк и мог с первого взгляда определить, какой ежегодный налог способен платить владелец виноградника. Пригодность его к работе полководца примерно соответствовала пригодности верблюда к работе овчарки. Но наместник Ламх полагал, что человек, способный договориться с византийскими таможенниками, способен справиться и с ролью полководца. В целом наместник был прав. Просто ему катастрофически не хватало опыта.

Сотник Велим присел на корточки у костра. Глянул мельком на кусочки осетриного шашлыка, сглотнул слюну. У него с заката во рту ни крошки не было.

– Бери, ешь, – разрешил Святослав.

Сотник качнул головой, поглядел на своего старшего, воеводу Серегея, потом на варяга-хузарина Машега. Воевода, казалось, дремал. Лицо Машега было непроницаемо.

– Они подходят, – сказал Велим. – Сотен тридцать пеших и вдвое больше всадников. Прут, как кабаны, – за пять стрелищ слышно. И шумят, как свиньи на случке. Ударим, княже?

– Ешь, гридь, – велел Святослав. – Когда надо, тогда и ударим.

Велим достал нож, отмахнул кусок лепешки, положил на него пару кусков осетрины. Этого хватит: перед боем нажираться – последнее дело.

– Все, как ты и говорил, Машег, – сказал Святослав. – Смерды. Лишь бы они не запутались в собственных ногах. Или не заблудились: в ваших протоках даже выдра может заплутать.

– У них хорошие проводники, – бесстрастно произнес Машег. – И помни, княже: есть еще туркмены.

– Их слишком мало. Это будет не битва – резня.

– Они – твои будущие подданные, великий князь, – сказал Машег. – А Итиль скоро станет твоим городом.

– Я помню, – холодно ответил князь. Взгляд его синих глаз встретился со взглядом таких же синих глаз хузарина. – Не бойся, варяг! Я не обойдусь с Итилем, как с Семендером.

Грозный взгляд князя Машега не испугал. Он вообще был слегка отмороженный, этот хузарин-варяг. Иногда Духареву казалось даже, что не слегка, а совсем...

– Гр-рм! – откашлялся Сергей. – Время у нас есть, княже. Сыграем?

– Давай, – согласился Святослав. – Отрок, фигуры! Что ставим?

– Любая вещь, что мне глянется во дворце хакана, – моя!

– Ха! Годится! А я... – Святослав помедлил, глядя, как отрок расставляет шахматы. – А я... Если я выиграю, то больше никогда не услышу от тебя: «Ты неправ, княже!»

– Солидная ставка... – проворчал Духарев. Обычно из трех партий две выигрывал князь.

– Принимаешь? – Святослав протянул ему два кулака.

– Да! – Сергей хлопнул по правому, князь разжал кулак: на ладони лежал золотой копыеносец.

Право первого хода принадлежало Духареву.

Спустя полтора часа они еще играли. Костер погас, но небо уже порозовело и розовым окрасились верхушки деревьев соседней рощи и топы корабельных мачт – рукотворного леса, выросшего у берега там, где не росли камыши.

– Долго идут... – проворчал Духарев.

– Ждут, пока мы закончим! – князь усмехнулся, сверкнул белыми ровными зубами. – Ты ходи, воевода! Нам бы успеть, пока солнце не встало...

Вокруг, завернувшись в плащи и попоны, спали гридни. Восемь сотен. В основном нурманы. Этим все по барабану: бой – не бой... Правда, спали они в бронях.

– Шах! – сказал Духарев.

Глава семнадцатая

В которой русы одерживают еще одну победу, а Машег бар Маттах получает новый статус

Хузарский разведчик, которого взяли, чтобы провести войско наместника через лабиринт протоков, глядел сквозь стебли на мирную картину лагеря русов. Он видел спящих, видел трех часовых, сидевших на корточках у темных кустов. Еще одного он разглядел в кроне ивы. И двоих воинов – одного высокого, другого пониже – склонивших головы у погасшего костра, он тоже видел. До них было шагов пятьдесят. На таком расстоянии разведчик сбил бы пару взлетающих уток. Но разведчик не собирался стрелять. Он перевел взгляд на множество скопившихся у полуострова кораблей. У самого берега нашлось место для нескольких десятков. Остальные стояли дальше, ошвартованные борт к борту. Разведчик представил, сколько на них добычи... потом снова поглядел на спящих русов. Скоро они все будут мертвы. Они – мертвы, а он, разведчик, – богат. Если останется жив.

«Я выживу», – прошептал хузарин и тихонько попятился назад.

В двадцати шагах от него сын воеводы Сергея Артем опустил лук. Он знал, что

разведчик не станет стрелять, но тем не менее...

– Мат! – объявил Духарев.

– Эх-х... Добрая вышла игра. Не надо было мне башни разминывать! – Святослав с удовольствием потянулся, подвигал плечами, разминаясь, вытянул ноги.

Он играл лучше Сергея, но слишком любил атаковать. Как, впрочем, и в жизни.

В камышах закричала выпь.

– Сынка твоего голос... – сказал князь. – Артема. Плохое ты ему имя дал, воевода.

– Это почему же? – возмутился Сергей. Имя сыну они выбирали вдвоем со Сладой...

– Не подходит ему.

– А какое подходит?

– Какое?.. Я б его Всеславом назвал.

– Это княжье имя, – заметил Духарев.

– Так он и будет князем! – уверенно заявил Святослав. – Коли получится, как я задумал, под моей рукой много князей будет! И сын твой среди них – не из последних. Вот хотя бы вятичей ему отдам. Хочешь?

«Это ты сейчас так говоришь, – подумал Сергей. – Пока свои сыновья не подросли...»
А вслух сказал:

– Тебе решать. Я...

– Чу! Идут! – перебил его Святослав. – Слышишь?

– А то! – Духарев поглядел на взлетевших над зарослями птиц, пихнул спящего сотника: – Просыпайся. Ты был прав, парень. Шуму от них, как от свиней...

Полуостров, на котором устроились русы, серпом отходил от берега и протяженностью был шагов триста. Его покрывала густая сочная травка. В паводок полуостров превращался в остров и почти полностью скрывался под водой, только «гребешок» оставался. Стоячий мелкий заливчик между полуостровом и берегом зарос камышом, но с того места, где находился наместник Ламх, полуостров просматривался почти целиком: видны были и спящие русы, и их корабли, занявшие почти половину ширины протоки – одного из множества рукавов, на которые разделялся Итиль.

У перешейка лежал заливной луг, за ним – длинный холм, поросший лесом. Вдоль склона холма, понизу, шла широкая тропа, по которой войско наместника Ламха и подошло к лагерю русов.

Сейчас наместник, прикрываемый щитами телохранителей-гузов, глядел на этот лагерь. От гузов воняло, как от козлов. Ополченцы, впрочем, воняли еще сильнее. К тому же они сопели, кашляли, чесались... За спиной наместника то и дело слышалось приглушенное шипение их командиров, требовавших тишины. Это была пехота. Конницу наместник оставил в хвосте колонны.

Русы спали. Их застали врасплох. Но если сейчас бросить на них пехоту – вот эту, потную, ленивую, сопящую... Пока она добежит до лагеря, русы успеют проснуться и взяться за мечи. А пользоваться мечами они умеют. Наместнику вспомнились рассказы времен хакана Беньяху, когда хакан отдал попросивших пристанища варягов своим гвардейцам-мусульманам. Тех было десять тысяч, русов – вдвое меньше, и многие из них были ранены. Но половина русов все равно сумела добраться до кораблей и уйти. Причем уйти вместе с добычей.

Вот чего опасался наместник! Половина русов встанет стеной, а вторая погрузится на корабли и уйдет. Вместе с награбленным в Семендере. За такое Йосып наместнику собственноручно голову отрежет.

За спиной Ламха раздался приглушенный топот, потом мягкий, чуть слышный удар оземь.

Туркмен-баши. Наместник скосил глаза и увидел, что копыта туркменского коня обмотаны войлоком.

– Спят, – прошептал наместник.

– Сам вижу, – неуважительно ответил туркмен-баши.

«Дикарь», – подумал наместник. Наемник нахмурил брови.

– Что-то их мало... – пробормотал он.

– Вот и хорошо, – сказал наместник.

– Кораблей много, а русов мало... Может, часть на кораблях осталась?

Эта идея наместнику совсем не понравилась.

– Надо ударить внезапно, – прошептал он. – Тогда они не успеют...

– Внезапно? – туркмен-баши презрительно усмехнулся. – Это ты о своих пахарях, которые о собственные копыта спотыкаются? Я говорил тебе, пусть мои воины идут первыми!

Ламху ответить было нечего. Да и что теперь говорить: пехота загрозила всю дорогу.

– Ладно, – сказал туркмен-баши. – С той стороны холма – тоже тропа. Мы объедем вокруг и ударим с тыла. А ты стой тут и жди.

Наместник опять вынужден был подавить раздражение и смолчать. А что ему еще оставалось? Только то, что сказал наемник: стоять и ждать...

– Почему они медлят? – спросил Стемид, приподнимаясь на локте. – Почему они не нападают, воевода? Ждут, пока совсем рассветет?

– Откуда я знаю! – раздраженно ответил Духарев. – Может, заметили... лишнее?

– Пускай стоят, – сказал Святослав. – Главное, чтоб обратно не побежали. Скоро мы узнаем, чего они ждут.

Наместник упустил миг, когда появились туркмены. Только что их не было – и вдруг вся тысяча выплеснулась на луг и дальше, на полуостров. Дозорные русов закричали. Поздно! Взгляд наместника успел выхватить из конной лавы золоченый шлем туркмен-баши, его вскинутую руку со сверкающим кончаром...

Тут наместник вспомнил, что он – полководец.

– А-а-а! – завопил он. – Вперед! Бей!

– Бей! – подхватили командиры, и разномастное войско, выставив копыта, бросилось следом за туркменами.

Атака была стремительна и внезапна. Множество всадников возникли, словно из воздуха, совсем не оттуда, откуда их ждали.

Духарев увидел туркмен через миг после криков дозорных. Он успел вскочить и протяжно выкрикнуть:

– Грядни! По со-отням! Стройся!!!

С секундным опозданием по-нурмански то же прокричал Эвил, но видно было, что ни варяги, ни нурманы уже не успевают соединиться в строю...

Только Святослав остался спокоен. Он видел (в бою он всегда видел больше других), что туркмены не успеют обрушиться на нурманов. Как бы ни были стремительны их кони, а стрелы все равно быстрее.

Залп спрятавшихся в камышах лучников накрыл авангард туркмен. Рухнул под копыта мчащейся конницы пронзенный двумя стрелами туркмен-баши, так и не выпустив из десницы меч-кончар. Вместе с ним вышибло из седла не меньше полусотни лихих туркмен. Следующий залп, еще один – и атака захлебнулась. Страшно ржали бьющиеся на земле лошади, истошно кричали раненые... Десятка три всадников сумели проскочить сквозь смертоносный град и схватились с нурманами. Но то была уже не волна, сметающая все, а жалкие брызги. До Святослава и его воеводы не долетел ни один туркмен. Пешие скандинавы посекали их в считанные мгновения. Даже вне строя викинги были лучшими рубаками своего времени.

Тем временем пехота наместника Ламха, подбадривая себя воплями и почти не спотыкаясь, добежала до места действия, то есть до арьергарда наемной конницы... Как раз в тот момент, когда туркмены, сообразив, что к чему, разворачивали коней для поспешной ретирады. Обнаружив на своем пути толпу «пахарей», туркмены, не задумываясь, пустили в ход оружие и, возможно, сумели бы прорубить себе дорогу к спасению, но из леса без

лишней спешки выехали хузары Машега и гридни Понятковой тысячи...

Наместника Ламха увлек наступательный порыв его пехоты. Пыхтя, он бежал вместе со всеми (прикрываемый, впрочем, верными гузами) и вместе со всеми вляпался в дерьмо. Причем оказался как раз на пути удирающих туркмен, топчущих и рубящих...

От собственных наемников наместника защитили гузы, принявшие на щиты удары прямых туркменских мечей. Но Ламха это не спасло. Упала откуда-то «слепая» стрела – и не стало наместника Ламха, богатого и важного, известного каждому серьезному купцу от Константинополя до Самарканда. Не стало Ламха, троюродного племянника четвертой жены самого хакана Беньяху, а войско его...

Конное ополчение из «черных» хузар, пастухов-скотоводов, русы перенять не успели. Дернули «черные» так, что только дерн в стороны полетел.

С остальными – проще...

– Я – Машег бар Маттах! Кто бросит оружие и поднимет пустые руки, останется жив!

Три раза пришлось Машегу, надрывая горло, выкрикнуть эти слова, чтобы его слышали.

Хорошие слова, сказанные на очень хорошем хузарском языке.

Ополченцы, как только слышали, сразу побросали копья.

Туркмены некоторое время колебались. Но деться им было некуда. Сзади уже выстроился нурманский боевой «клин» – никак не меньше тысячи. Вышли из камыша князь и отроки, встали с луками за строем варягов Трувора. Этих – еще больше, чем нурманов. А с другой стороны, за побросавшими оружие ополченцами – конные стрелки с луками наготове. Тоже не менее тысячи.

Туркмены – храбрецы. Но даже храбрецам не хочется умереть глупо.

– Ладно получилось! – резюмировал Святослав, глядя как несколько сотен ополченцев (остальных отпустили) роют могилы для убитых.

Пленным туркменам (от тысячи осталась едва ли половина) предложили выбор: пешком и без оружия отправляться куда глаза глядят, или верхом и с честью – на службу хакана Святослава. Большинство предпочло второй вариант. Очень обидно возвращаться домой без оружия и с пустым кошельком. Да и как возвращаться? Осталось бы оружие, нанялись бы охранниками к купцам, а так...

Туркмен отдали под начало Машега. Так Духарев посоветовал, и Святослав согласился. Теперь под командованием Серегиного друга оказалось больше тысячи клинков. И еще посоветовал Духарев: пусть, мол, идет Машег под собственным стягом, не как лучший гридень киевского воеводы, а как союзник.

Святослав подумал и согласился.

– Всё, брат, отпускай бороду! – сказал другу Сергей. – Ты теперь снова станешь благородным хузарином-иудеем!

– Я всегда был им и есть! – сердито ответил Машег. – Думаешь, что говоришь! А бороду я отпускать не буду. Борода Элде не нравится.

На этом их беседа прервалась. Прискакал посол от Икмора. Икмор взял Итиль.

Глава восемнадцатая

Итиль – столица Хузарии

Когда войско Святослава подошло к хузарской столице, выяснилось, что Икмор взять-то ее взял, но не совсем. «Царский город» – крепость на острове с дворцом хакана – Икмор проворонил. Причем из-за сущей случайности: он принял удиравших от Святослава пастухов-ополченцев за войско Йосыпа. Пока Икмор разворачивал дружину навстречу врагу, оставшиеся в городе итильские вельможи вместе с личными охранниками и городской стражей успели эвакуироваться на остров.

Пастухи-ополченцы, обнаружив перед собой не спасительные итильские стены, а все те же красные щиты киевлян, развернули лошадок и усаkali. Но к этому времени мост между

островом и берегом уже пылал, а на стенах «царского города» городская и дворцовая стражи спешно готовились к обороне.

Штурмовать дворцовый комплекс нахрапом Икмор не стал. Посадил на стены напротив сгоревшего моста своих лучников (чтоб по ту сторону протоки не скучали) и занялся наведением порядка в захваченном городе.

Столица Итиля была огромна. И хотя большая часть ее населения прозябала в нищете, а главные богатства Итиля хранились во дворце хакана, в самом городе тоже было чем поживиться. Купеческие подворья представителей нескольких десятков стран (в том числе и киевское), особняки богачей, склады, хранилища...

Получивший от Святослава строгое указание без толку не жечь и не резать, воевода Икмор указание выполнил. Силой взяли только «городки» византийцев и хорасанцев, которым хватило глупости запереть ворота. Остальных так, пощипали немного. Свои, киевские, подсказали: у кого, где и сколько. Простой люд не били, но все равно многие были в трауре: большая часть пеших ополченцев, погибших на полуострове, была из столицы. Впрочем, на русов семьи погибших обиды не держали, ругали в основном наместника.

Заняв Итиль, войско получило пару дней на отдых. Вино – рекой, еда – от пуза, девки – пока не надоест. Оттягивались за все время похода, за Семендер (тогда князь не дал своим повеселиться), за суровые воинские будни на месяцы вперед...

Духарев устроился на киевском подворье. Его принимали и ублажали с превеликим усердием. Причем не как славного княжьего воеводу, а как брата самого Мышаты Радовича.

Артема, когда тот, уже изрядно набравшийся со своими, решил ближе к полуночи провести отца, тоже встретили по-княжьи. У парня глаза разбежались: не знал, какую из девочек в постель уложить. Решил проблему по-варяжски: уволок сразу троих. А Духареву предложили чернооую персиянку с плотным животиком и большим мягким ртом.

Насладиться ею Сергей не успел. Та реальность внезапно обрушилась на него...

... Рыжая девчонка топлес вертелась вокруг врезанной прямо в стеклянный стол стальной штанги, изгибалась, вытягивала поочередно длинные тонкие ноги. Серебряные высоченные каблуки, словно стилеты, целились в глаза. Она наклонялась, глядела между циркулем расставленных ног на Сергея, потряхивала грудками.

Рядом сопел какой-то мужик, лысый, с тройным подбородком, чавкал, пожирая что-то жареное, булькал пивом. На стриптизершу – ноль внимания.

Духарев залпом проглотил вино, поставил бокал (услужливый холуй тут же его наполнил), рванул на горле галстук, ослабляя узел.

Девчонка изогнулась кошкой, соски заскользили по зеркальной поверхности стола.

Духарев привстал. Массивное неповоротливое тело слушалось с трудом. Может, от выпитого, может, само по себе. Привстал, потянулся, поймал девчонку за туфельку. Туфелька слетела, но ножку Духарев удержал. Девчонка пискнула, скорее от неожиданности, чем протестуя. Духарев смахнул тарелку и бокал (попутно снес и посуду лысого), распластал девчонку на столе, зубами сорвал трусики.

Девчонка забилась всерьез, заверещала.

– Лежать! – рыкнул Духарев, одной рукой припечатывая ее к столу, а другой расстегивая ремень. Расстегивать было неудобно, мешало брюхо...

– Сергей Иваныч! Сергей Иваныч! – заворковал над ухом голосок.

Метрдотель.

– Сергей Иваныч, не здесь! Позвольте проводить вас в кабинет, там удобнее и люди...

– Люди?

Духарев повернулся, оглядел зал. Люди... Свиньи! Жрут, срут, трахаются... Свиньи все! Нет, не все... Вот нормальные мужики... А-а-а! Да это же его охрана!

– Убрать! – рявкнул Духарев. – Убрать всех на хер! На хер! Всех! Быстро!

Проклятый ремень наконец поддался. Девчонка перестала визжать, глядела блестящими перепуганными глазами...

... перепуганными глазами. Между стен еще метался отзвук его рыка. Персиянка отпрянула в угол: толстые черные косы с вплетенными красными лентами, голая, розово-глянцевая плоть...

И в следующую секунду – дверь с треском на пол, в проеме – Артем – без штанов, но с мечом.

– Батька!!!

Персиянка заверещала придавленным зверьком.

– Спокойно, Темка! – хриплым, севшим голосом произнес Духарев. – Это я так... Приснилось нехорошее...

– А-а-а... – убедившись, что с отцом все в порядке, парень мгновенно расслабился, бросил меч на подушки, легонько пнул персиянку, бросил ей по-хузарски: – Заткнись, дурочка!

За спиной его уже теснились обитатели дома. Кто одет, кто не очень, но все с оружием. Спасать прибежали...

– Все путем! Сон дурной привиделся! – пояснил еще раз Духарев.

Народ рассосался. Кроме Артема, который все еще с сомнением глядел на отца. Парень знал: на батьку временами накатывает. Потому как ведун. Тяжкое это дело – через Кромку шастать. Тяжкое... и уважаемое. Что бы там мамка не говорила.

Будучи верующим христианином и даже получив кое-какое теологическое образование, Артем всю свою короткую жизнь провел среди язычников-варягов. Он никогда не посмел бы сказать, что отца одолевают бесы. И посмей при нем кто-то такое сказать, Артем бы ему сталью глотку заткнул.

– А ты быстрый, сынок, – похвалил Духарев. – Здорово я орал?

Артем улыбнулся:

– Как тур! Нет, как зубр!

– Так я и подумал. Ладно, сынок, иди, отдыхай, я в порядке.

Артем кивнул и вышел, не забыв прихватить меч, поднять выбитую дверь и прикрыть ею проем.

Духарев откинулся на подушки, поманил пальцем персияночку:

– Иди сюда!

Девчонка вытерла личико, подползла на четвереньках.

– Ударил я тебя, больно сделал?

Персияночка энергично замотала головой.

– Не бойся, – сказал Духарев. – Ублажишь меня как следует – не обижу.

– Я... я плохо умею, господин. Я... Меня только месяц как почтенный Егуда купцу Бороте отдал. А Борота, он старый уже. Хотел меня в Киев отправить, брату в подарок...

Духарев фыркнул. Можно было и догадаться, что ему девственницу подсунут. Почтят, так сказать. Должен был раньше сообразить, не в первый раз такое. Самому надо было выбирать... По здешним обычаям, девственница – это особый почет. И никакой деликатности в обращении с ней не требовалось. Чувства и ощущения девушки, тем более рабыни, никого не волновали. Но Духарев так не умел.

... В бассейне, вровень с покатым полом, плескалась прозрачная вода. Духарев взял с подноса стопарик виски, проглотил, отлакировал, хлебнув из деревянной кружки мутноватое нефильтованное пиво. Подплывшая сзади девка обхватила его руками и ногами, поцеловала в ухо.

– Отхлынь, – недовольно буркнул Духарев, стряхнул девку и неуклюже, словно тюлень, полез из бассейна.

В парной сидели двое мужчин примерно духаревского возраста, но помельче. Один – загорелый, другой – бледный и волосатый.

– А-а-а... Иваныч! Ну как шалава?

– Шалава и есть. Подвинься! – проворчал Духарев, взбираясь на полук.

В парной сразу стало тесно.

– А тебе генерал звонил, – доложил загорелый.

– Который?

– Летчик. Загоруйченко. Просил перезвонить. Будешь?

– Чего ему надо?

– Ну ты даешь, Иваныч! – засмеялся загорелый. – Денег хочет. За АНы.

– А АНы где?

– Говорит, в следующем месяце. Что-то там у них со списанием...

– Пусть он мне мозги не трахает! – злобно процедил Духарев. – Хватит с него аванса.

– Я ему так и сказал.

– А он что?

– Хочет с тобой перетереть.

– Я ему перетру!... в жопу!

Париться расхотелось. Духарев слез с полка. Вышел из парной. Глянул мимоходом в зеркало, скривился: щеки как у мастифа, глаз не видеть, зато брюхо...

Загоруйченко, сука! Отстрелить его, что ли? А что толку? Потом с другим мудаком мудохаться. Вот жизнь, бя! Как генеральские погоны: ни одного просвета! Жениться, что ли?

Когда Духарев проснулся, персияночка уже испарилась. В комнате гулял теплый ветерок: дом был построен по уму, с учетом местной жарыи.

Дружинный отрок принес кадущку с водой. Духарев глянул на себя в серебряное зеркало. Остался доволен: суров и силен. Вспомнился тот, из сна. Неужели и его лицо может превратиться в такую свиную ряху? Не дай Бог...

Завтракали во дворе. Серегины гридни сели за стол, как дома – в одних рубахах. Духарев хотел было сделать втык, но заметил часовых у ворот и стрелка-сигнальщика на крыше. Учйтывая, что киевское подворье по сути – маленькая крепость, меры безопасности можно было считать удовлетворительными.

Сергей поинтересовался, где Велим. Ему ответили, что сотник уже позавтракал и поехал к князю за новостями. И Артем с ним.

Все правильно. Если воевода спит, а служба идет, значит, хороший воевода.

Духареву отвели почетное место – под старой грушей.

Есть не хотелось. Так, каши посёрбал, персиком закусил, поглядел, как гридни уплетают за обе щеки, порадовался. Из своей охранной Велимовой сотни за все время похода Духарев не потерял ни одного бойца. Пара-тройка легкораненых – и всё.

По небу плыли облака, прозрачные, как кисея. Никакой надежды на пасмурный день: жарыи будет еще та.

В такую погоду хорошо в прохладной речке нежиться, а крепости брать – ой тяжко. Но придется.

Святослав избрал для размещения штаба самую большую в Итиле мечеть. На религиозные чувства итильцев ему было плевать. Он бы мог и одну из синагог занять, и христианскую церковь. Но мечеть понравилась больше: хорошее здание, прохладное. И обзор с минаретов отличный: «царский» город на острове – как на ладони.

– У нас с тобой девять дней, чтобы взять эту крепость, – сказал Святослав воеводе.

– Почему именно девять?

– Йосып сейчас на полпути к Саркелу. Через два дня он узнает, что я в Итиле. Еще день потребуется ему, чтобы развернуть войско и двинуться сюда. Пойдет он так быстро, как только сможет, и будет здесь через семь дней.

– Получается десять.

– Больше. Если хузарский хакан не полный дурак, он встанет лагерем, не доходя до

Итиля. Даст своим воям отдохнуть после перехода: шесть дней по здешней степи летом – это, воевода, не легче, чем весной по грязюке из Полоцка в Новгород топать.

– Согласен. И ты, конечно, не станешь его ждать за городскими стенами.

– Не стану, – князь пропустил между пальцами тонкий ус.

– У Йосыпа не меньше пятидесяти тысяч, – напомнил Духарев. – А нас – двадцать пять. Может, лучше остаться за стенами?

– Я – пардус, а не лиса, чтобы в норе прятаться! – отрезал князь. А у тебя, воевода, девять дней, чтобы взять этот красивый остров. И учти, что половину ромейских машин, которые мы привезли с собой, я у тебя через семь дней заберу.

– Зачем? – удивился Духарев. – Какая от них польза в степи?

Святослав хитро прищурился:

– Увидишь!

Глава девятнадцатая

Осадные бои местного значения

Чем-то это напоминало вариант скандинавской дуэли, когда дуэлянтам соединяли короткой веревкой левые руки. Две стены примерно одинаковой высоты и прочности друг против друга. Между ними – рукав Итиля метров пятьдесят шириной. Пустяковая дистанция даже для лучника, не говоря уже о стенобитных машинах. У русов было преимущество в численности, у приспешников хакана – в огневой мощи. Именно огневой. С острова на город обрушились десятки горшков с горючей начинкой. Пришлось срочно организовать пожарные команды из местных жителей.

К вечеру запас огненного зелья у «островитян» иссяк. Поджечь город или сколько-нибудь существенно напакостить им не удалось.

Теперь можно было перейти к более активным действиям, но Духарев решил отложить штурм еще на денек. Выше по течению под руководством ярла Эвила две тысячи хузар строили плоты для плавучего моста.

С заходом солнца «островитяне» перестали стрелять. Русы их примеру не последовали. Через пролив по-прежнему летели снаряды и стрелы. А ровно в полночь во всю мощь заработали две тяжелые баллисты. Быстро пристрелявшись, баллистеры сосредоточили огонь на двух участках стены. Пара часов интенсивной обработки – и кирпичная кладка посыпалась. Тут уж «островитяне» не выдержали: на места предполагаемого расположения баллист пал настоящий град камней, приправленный дюжиной-другой огненных снарядов.

Обслуга орудий была готова к такой атаке: загодя припасли и крепкие щиты, и мокрые воловьы шкуры. Град иссяк, и машины заработали вновь. Часам к пяти, незадолго до рассвета, один из участков стены превратился в кучу кирпичных обломков, а другой просел и наклонился, отчего в стене образовалась щель почти двухметровой ширины. Этого было достаточно. Тотчас к Эвилу помчался гонец с приказом от воеводы: пора!

Темнота не помешала нурманам сделать все как надо. Десятки скрепленных цепями плотов вошли в протоку и остановились, зацепившись за сваи сожженного моста. Разумеется, на плавучий мост тут же полетели камни и последние горшки с горючим маслом, но эффект был минимальный. Десяток-другой расколотых бревен и немного вонючего дыма. А в ответ – сотни снарядов и тысячи стрел. Русы наконец ударили в полную силу. Ошеломленные, измученные бессонной ночью «островитяне» на какое-то время прекратили всякую стрельбу... И на плавучий мост хлынули русы и нурманы.

Надо отдать должное защитникам «царского» острова – бились они отважно. Сверху на нападающих сыпались стрелы, в пробитых брешах насмерть встали бронные дворцовые стражники-арабы. Понятно было, что остров им не удержать, но они собирались дорого продать свое поражение...

Однако Духарев приготовил «островитянам» еще один сюрприз. Битва у проломов была в самом разгаре, когда внутри крепости раздались пронзительные вопли, а еще через

пару минут на спины защитников обрушились варяжские мечи.

Пока внимание «островитян» сосредоточилось на западном берегу, к восточному подплыли варяги Трувора, тихонечко перебрались через стену, вырезали малочисленных защитников и проникли в дворцовый комплекс.

Когда первые солнечные лучи озарили башни и минареты, «царский» остров был взят. Лишь во дворце хакана укрылись несколько сотен хузар и их наемников. На что они рассчитывали, непонятно. Может, на помощь хакана Йосыпа?

А тем временем многотысячное войско наследного повелителя хузар двигалось по степи от излучины Дона-Бузана к Волге. За войском оставалась широкая полоса съеденной и вытоптанной травы, выпитые досуха колодцы. Огромная масса людей под раскаленным небом совершала самый тяжелый переход. Когда войско выйдет к Волге, станет легче. Сначала Йосып решил выиграть пару суток и двигаться не вдоль рек, а через степь, напрямик. Его отговорили. Два сэкономленных дня могли стоить ему трети войска.

Хакан был разгневан. Варяжский князь Святослав перехитрил его: сговорился с печенегами, выманил из столицы...

Но теперь главное – не дать русам убежать. Пускай пожгут город (хакану сообщили, что «царский» остров Святославу взять не удалось), пусть разграбят окрестности – ничего. Все отстроится заново, женщины нарожают хакану новых подданных... и среди них наверняка окажется много маленьких варягов. Это тоже хорошо: варяжская кровь – сильная. Своих отцов варяжата не увидят. Пленные варяги слишком строптивы, из них не воспитаешь хороших рабов. Их можно продать ромеям, те охотно покупают северных варваров, чтобы приковать к скамьям своих дроммонов: северяне – отменные гребцы.

Хакан приложился к фляге с прохладным молодым вином. Он предпочел бы хрустальную чашу, но пить из чаши в кибитке невозможно. Это всаднику степь кажется ровной, колеса же отсчитывают каждый бугорок. Хакан передал флягу слуге, чтобы тот поместил ее в лед. Лед для нужд хакана везли в отдельной повозке. Под толстым белым войлоком лед таял медленно.

В кибитке было прохладно: хакан не любил жару. Кроме повелителя, внутри слуга и наложница, искусная в пении. Вокруг кибитки – стража. Никто не смеет тревожить хакана. Никто и не тревожил.

Быстро двигалось хузарское войско. Опытные военачальники вели его по хорошо известному пути ежегодного царского кочевья. В войске – только конные. Десять тысяч отборных наемников-мусульман, десять тысяч своих хузар и еще тысяч пятнадцать разноплеменных. У каждого всадника – по заводному коню, а то и по два: бессчетны степные табуны. Лучшие воины, впрочем, едут именно на заводных. Боевых коней – «арабов», аргамаков – берегут. Могучее войско у хакана Йосыпа: половина – в стальной броне. Варяги тоже неплохие воины, но им не устоять... Нет, не устоять. Йосып втопчет их в землю, а потом пойдет к Саркелу и накажет печенегов. С Саркелом можно не спешить: без русов Саркел печенегам не по зубам, степняки не умеют брать крепости.

Завтра войско выйдет к хузарской реке Итилю. До столицы, носящей то же имя, останется семь фарсахов – двухдневный переход. Завтра хакан пошлет туда лазутчиков: узнать, устоял ли дворец? А главное, не оставили ли русы столицу? Вряд ли они ушли. Князь Святослав – гордец. Только гордец мог послать врагу предупреждение: «Иду на вас!» Правда, Йосып не понял, решил, что Святослав хочет взять Саркел, а не Итиль.

Если Святослав еще не ушел из Итиля, значит, он намерен драться.

Завтра войско выйдет на плодородные земли речной долины. Послезавтра Йосып даст воинам отдых, а через два дня двинется к своей захваченной столице и попытается выманить Святослава в поле. Стены Итиля не слишком крепкие, но всадникам Йосыпа нужен простор...

– Я возьму это... всё, можно? – Духарев вопросительно посмотрел на князя.

Да, он выиграл в шахматы право взять во дворце хакана вещь, которая ему

приглянется, однако можно ли считать вещь царскую библиотеку?

Святослав равнодушно оглядел свитки, фолианты и прочую средневековую рукописную продукцию и кивнул: забирай.

Нет, князь не был невеждой, не знающим письменности и не ведающим стоимости рукописной книги, но за четыре дня его отсутствия воевода Серегей взял «царский» остров и вручил своему князю практически не поврежденный дворец хакана вместе с сокровищницей (правда, почти пустой), восточными диковинами и всякими иудейскими достопримечательностями. С точки зрения князя, все эти пергаменты и папирусы были не дороже полупудового ночного горшка из червонного золота, обнаруженного в царской опочивальне. Но у воеводы Серегея всегда были странности. Князь относился к ним снисходительно, потому что любил и ценил своего воеводу. В данном случае великий князь посчитал вознаграждение слишком малым и восстановил справедливость, одарив сына воеводы броней из личной оружейной хузарского хакана. Как ни велика была доблесть юного гридня Артема, но такого подарка он явно не заслужил. Полная броня настоящей синдской работы, прекрасная видом и превосходной крепости. Такую должно носить князю, а не семнадцатилетнему дружиннику. Но кована броня была не на широченные плечи великого князя, а собственные сыновья Святослава еще не скоро дорастут до такого доспеха.

Артем был в восторге. Духарев, который понимал, кому именно сделан подарок, выразил князю искреннюю благодарность. Впрочем, князь тоже внакладе не остался: рейтинг его среди молодых гридней взлетел под небеса. Каждый молодец мысленно примерил синдский доспех и решил, что непременно заслужит такой же. Правильно. Пусть дружина видит, что батька для своих храбрецов ничего не жалеет. Пусть каждый имеет свой жирный кусок от взятого клинком. Тогда войско будет кормить князя, а не князь – войско. При Святославовом отце, Игоре, было наоборот. Не зря его гридни ворчали: дескать, у Свенельда-воеводы все по высшему разряду прикинуты, а мы, считай, в обносках... Одни ворчали, другие уходили к Свенельду. Чем кончилось – известно. Святослав – другой. И его дружина за батьку кого хочешь порвет. Хоть вдвое у Йосыпа воев против киевлян, хоть вчетверо. Один лишь пардус на княжьем знамени десяти тысяч стоит!

В общем, не прогадал Святослав, сверх меры одарив сына воеводы.

Но если бы князь знал, что свитки из библиотеки хакана – сокровище дороже сотни таких доспехов...

Но в то время об этом не знал даже Духарев. В то время у них были дела поважнее. Разведка донесла: армия Йосыпа вышла к реке и ускоренным маршем движется к столице.

Глава двадцатая

Тайная встреча

– Как хорошо они стоят, Машег, – пробормотал Понятко. – Каждое племя – отдельно, а ваши – и вовсе наособицу.

Двое тысяцких, два старых друга – хузарин Машег и киевлянин Понятко – глядели на то, как устраиваются на ночлег Йосыповы воины. Обоим вроде бы уже не по чину ходить в разведку, но пошли. И духаревский Артем с ними. Вчера, с согласия Трувора и, разумеется, отца, Понятко взял парня из охранной сотни воеводы в свою тысячу. И с ходу возвысил: отдал парню дозорную полусотню. Вот с этой полусотней в качестве прикрытия тысяцкие отправились в рискованный рейд к лагерю противника. Риск для этих двоих – дело привычное. Оба, считай, лет с десяти со смертью в догонялки играют. До сего дня выигрывали. Кроме того, было у них дело, которое подчиненным не перепоручить.

Посмотреть друзьям на вражеский лагерь тоже любопытно. Но они не увидели ничего, что не описали бы еще раньше Машеговы лазутчики. Переодевшись местными селянами, хузары духаревской дружины бродили по Йосыпову лагерю, как по своему винограднику. Для наемников хакана хузары-смерды – все на одно лицо. Высокомерный араб, надменный туркмен, свирепый гуз, кровожадный торк – любой из купленных на хузарское золото

чужеземных воинов глядит на хузарского селянина как на овцу. Прикидывает: сразу на хаш пустить или пусть еще погуляет? Не княжье это дело – овец различать.

Хорошее место выбрали военачальники Йосыпа для лагеря. На просторном лугу, между пологих холмов, кудрявящихся виноградниками. Вдоволь воды, сочная трава. Комаров многовато, но это дело привычное. В дельте от них вообще спасу нет. А повыше, на гребне длинного холма, комаров нет. Ветром сдувает. Щекочет ноздри поднимающийся снизу запах дыма и жарёнки. Приятный запах. Это поначалу. Сутки пройдут – и засмердит лагерь, как положено месту, где обитает множество людей, привыкших есть много и с аппетитом. Этот тоже завоняет. Но если все выйдет так, как задумал великий князь киевский, смрад будет совсем другой.

– Много их, – сказал Машег, поглаживая изящную бархатистую морду своего «араба».

– Много, – согласился Понятко. И усмехнулся: – На всех хватит.

Снизу раздался шорох. Оба мгновенно обернулись... И расслабились, узнав всадника.

Обмотанные тряпками копыта ступали очень тихо. Всадник остановился, конь поймал губами виноградную гроздь...

– Они здесь, – сказал Артем. – За кладбищем. Семеро. Вокруг – чисто.

Все семеро были хузарами. «Белыми» хузарами на службе хакана Йосыпа. Таких осталось немного, все – в малых чинах, не выше сотника. Не доверял хакан своим соплеменникам. Сомневался в их преданности. Досомневался...

– Шолом, – негромко произнес Машег.

– Шолом, Машег бар Маттах, – сказал старший из хузар, невысокий, скуластый, длиннородый. – Мы пришли, что скажешь?

От хузар пахло конским потом, железом и кожей. Артем смотрел на них сверху, с седла, и видел, что они все еще напряжены, хотя и не так, как раньше. Артем их понимал. Они предполагали, что эта встреча может оказаться ловушкой приспешников Йосыпа.

– Я пришел от хакана Святослава. Он зовет вас служить ему. Что скажете?

– Хакан Йосып – истинной веры. А Святослав – необрезанный, – сказал старший. – Божье ли дело – служить идолопоклоннику?

Остальные одобрительно заворчали.

– Да, – согласился Машег. – Святослав – необрезанный, не то, что Йосып. Но в этом ли дело? Под чью команду отдал вас хакан, избранные? Как его имя?

– Иегуда бар Шеов, – ответил хузарин. – Но он ничего не понимает в войне. Командует хузарскими тысячами Абдалла Черный из Дамаска. Тот, что был сотником у Аббаса. Знаешь его?

Машег покачал головой.

– Этот Абдалла – мусульманин? – спросил он.

– Да, из поклонников Мухаммада.

– Значит, обрезанный. Понимаю вас. Лучше ходить под рукой обрезанного, чем покориться идолопоклоннику.

– Смеешься над нами? – нахмурился хузарин.

– Смеюсь. Я очень громко смеялся, когда истинно верующий Йосып прислал своих стражников-мусульман, чтобы убить меня и моих родичей. Слышали мой смех в столице?

– Слышали, – хузарин чуть заметно улыбнулся. – Многие слышали твой смех, Машег бар Маттах. Но не всем было весело. И все же ответь, чем идолопоклонник Святослав лучше нашего хакана? Что будет с Хузарией, если хакан киевский одолеет хакана Йосыпа? Не отвернется ли от нас Господь?

– Пути Господни людям неведомы, – сказал Машег. – А на твой первый вопрос отвечу: Йосып со своими ростовщиками-«византийцами» отнял у меня земли моих предков. Я тогда ушел служить Киеву и был вознагражден достаточно, чтобы выкупить вотчину. А когда я это сделал, Йосып снова пожелал моей жизни и моего имущества. И я вновь ушел к русам. Теперь я пришел, чтобы взыскать Долг. Чтобы наказать тех, кто сосет кровь и выедаёт мозг

«белых» хузар. Вот слова хакана Святослава: Хузария будет платить ему дань. Половину от того, что берет с вас Йосып. Земли Хузарии будут открыты для караванов. Подданные Киева беспошлинно пойдут по нашим дорогам, а доля с восточных товаров станет княжьей. И всякий, кто пожелает торговать с Киевом и иными городами русов, тоже сможет беспошлинно ходить по нашим дорогам. Зато за хузарами останутся их земли, их воды, их пастбища. А если нужна будет Хузарии защита от врагов, Святослав с русью оборонит ее.

Посланцы оживились. Предложения Киева пришлись им по вкусу, особенно двойное уменьшение налогов. А дань с торговых караванов так и так проходила мимо них, оседавая в сундуках хакана и его окружения.

– Я передам слова киевского хакана нашим братьям, Машег бар Маттах! – с достоинством произнес старший из посланцев. – Завтра в это же время и на этом же месте ты узнаешь ответ.

– Завтра в это время там, – Машег махнул рукой в сторону лагеря Йосыпа, – будут хоронить мертвецов. Будете ли вы среди тех, кого похоронят, или среди тех, кто будет хоронить, вы должны решить сейчас.

Повисло напряженное молчание. Потом старший из посланцев спросил:

– Значит ли это, что...

– Да, – кивнул Машег. – Значит. Посланцы отошли в сторону – посовещаться.

– Слышь, Машег, а что толку, если они согласятся? – спросил Понятко. – Они ж послы, как они могут решать за всех?

– Эти – могут, – вполголоса ответил Машег. – Они знают меня, а я знаю их. Здесь старшие воины семи самых знатных родов.

– И они не побоялись прийти лично? – восхитился Понятко.

– У нас не принято посылать на смерть младших, – надменно произнес Машег. А потом усмехнулся и добавил: – Ты ведь тоже приехал сам, а не прислал взамен себя отрока.

– Но с нами – полусотня охраны!

– С ними, думаю, не меньше.

– Где?! Ты их видишь?

Машег покачал головой.

– Артемовых гридней я тоже не вижу, – сказал он. – Но это не значит, что их нет.

Посланцы закончили совещание и подошли к киевским тысяцким.

– Будет ли хакан Святослав жить в Итиле? – спросил старший.

– Бывать в Итиле он будет, – ответил Машег. – Жить – нет. У хакана Святослава много подвластных земель. А станет еще больше. Намного больше. Хузария – малая часть его будущего царства.

– Все в руках Божьих, – философски ответил старший посланник. – Скажи, если хакан Йосып умрет, кто станет голосом Святослава в Итиле?

– Я.

Старший кивнул.

– Мы не станем биться с хаканом Святославом, Машег бар Маттах, – сказал он. – Но за него мы тоже биться не станем. Устраивает ли киевского хакана такой ответ?

– Да.

На большее Машег и не рассчитывал.

– Экие хитрецы! – сказал Понятко, когда они ехали обратно. – Хотят ни нашим, ни вашим.

– Пускай хотят, что им хочется. А драться им все же придется! – Машег засмеялся.

– О чем ты? Кто заставит их сражаться, если они не хотят?

– Йосып! Неужели ты думаешь, что он будет спокойно смотреть, как половина его войска уклоняется от участия в битве? Он повелит своим наемникам пиками погнать их в бой, это его обычная тактика! Хузары идут под стрелы первыми, а наемники – следом.

– Хм-м-м... Я об этом не подумал.

– Они – тоже, – Машег снова засмеялся.

– Чему ты радуешься? – возмутился Понятко. – Если их погонят в бой, нам придется с ними биться! Значит, все зря!

– Так было бы, – согласился Машег. – В обычной битве. Но здесь этого не будет. Или ты забыл, что задумал князь?

Глава двадцать первая

Ночная битва

Хузары свое обещание выполнили. Их разъезды словно бы не видели подступающих к долине русов. Без этой их «слепоты» план Святослава не прошел бы так гладко. Да, князь совершенно точно предугадал, как поведет себя хузарский хакан. И точно угадал место, где Йосып станет лагерем, давая отдых своему войску. Впрочем, последнее мог бы предсказать любой мало-мальски опытный воевода: долина, выбранная хаканом, являлась наиболее удобным местом для бивака тридцатитысячной армии на расстоянии поприща от столицы. Да, Святослав все рассчитал точно, и установленные два дня назад на холмах тщательно замаскированные орудия были наведены, куда надо. Наведены, пристреляны и снабжены соответствующим боезапасом. Занимался этим бывший Свенельдов, а ныне Серегин старший гридень Бодай. Ему же поручалось во время «Ч» взять на себя командование орудийными расчетами и управление «огнем». А чтобы никто не оповестил Йосыпа о сюрпризе, всех местных мужчин из самой долины и на полфарсаха от нее увезли и поселили в военном лагере русов. Забрали только мужчин: женщин и детей оставили. А чтоб покинутые семьи не скучали, в дома «интернированных» поселили сотни полторы Машеговых хузар.

Итак, орудия разместили заранее, но скрытно подвести к лагерю несколько десятков тысяч воинов при наличии нормально организованной стражи – невозможно. Йосып же не был настолько беспечен, чтобы начисто исключить возможность внезапного нападения. Хакан Хузарии не доверял своим подданным. Не доверял настолько, что охрану его царственной персоны несли исключительно чужеземцы. А вот охрану лагеря он возложил на хузарские части. И кони хузарские паслись не у реки, а ближе к холмам. Захотят русы напасть на лагерь хакана – первыми на их пути хузары окажутся. Пока будут воины Святослава прорубаться сквозь хузар, элитные части Йосыпа успеют подготовиться: вздеть брони, построиться в боевой порядок...

Началось!

Грохнули баллисты, и первые снаряды с огненной начинкой, выпущенные на пределе дальности, накрыли расположение торков. Ух, как там стало светло!

– Как блохи на жарке! – точно охарактеризовал ситуацию Икмор. – Молодец Бодай!

– Точно кладет, – согласился Святослав. – Я гляжу, воевода, первых богатырей ты под свою руку забрал!

– Не всех! – возразил Духарев. – Сам я – тоже не из последних, а вот под твоей рукой хожу.

Тем временем Бодай перенес «огонь» на соседний «курень». Теперь «зажигательные» сыпались туда, а расположение торков «полировали» обычными камешками. Урон от обстрела был невелик. Эффект главным образом психологический. Но зато какой!

– Ударим, батька? – с жадным нетерпением проговорил Икмор.

– погоди, – осадил Святослав. И добавил с досадой: – Эх, до хаканских шатров камнями не достать!

– Железом достанем! Ну, батька! Можно-о?

– Шлем! Пику! – отрывисто бросил Святослав. Отрок тут же подал требуемое.

– Княже, ты хоть в самую драку не лезь, ладно? – попросил Духарев. – Тебе ж сечей править! Найдется, кому ворогов рубить!

Князь фыркнул, надвинул на лицо варяжский, с прорезями, шлем.

– Нурманам знак подать не забудь! – велел он. – Икмор! Подыма-ай!

Свистнул пронзительно и поскакал с холма. За ним черными птицами полетели гридни из малой дружины, а у подножия холма, опережая князя, вылетели из-за рощицы Машеговы хузары. И сразу закричали по-своему: «Расступись! Расступись!», чтобы бывшие хузары Йосыпа сгоряча не встретили русов стрелами.

Но те блюли договор – пропустили. И Машега, и малую киевскую дружину, и всю конницу русов. На холмах остались лишь Духарев с варягами Трувора да Бодай с расчетами орудий, продолжавших утюжить лагерь противника.

Духарев видел, как хузары Машега ворвались в ближайший наемнический (гузов) лагерь и, вопя по-хузарски, закидали вражеских воев стрелами. Духарев с легкостью представлял, что там сейчас творится. Сонные растерявшиеся гузы, услышав хузарский боевой клич и лоя град стрел, наверняка решили, что их предали союзники, соседи по лагерю. Гузы – хорошие воины и с легкой хузарской конницей воевать привычны. Построиться, прикрыть щитами своих лучников...

И тут на них лавиной обрушилась латная кавалерия русов! Лязг, хруст, пронзительные вопли... И стальная волна, разметав ошметки недавно еще крепкого войска, катится дальше. И где-то там, в этой волне – Артем...

– Велим! Сигнал! – зычно скомандовал Духарев.

Горящий факел ткнулся в кучу облитого маслом хвороста. Бешеное пламя взметнулось на два человеческих роста – и упало, сбитое наброшенной воловьей шкурой.

– Р-р-аз!

Дымящуюся шкуру сдернули (пламя опять прыгнуло вверх), облили водой и снова бросили на хворост.

– Два-а!

Новый прыжок пламени.

– Тр-ри!

Где-то на реке наблюдатель Эвила увидел три вспышки и дал знать вождю. А может, сам ярл Эвил Оттарсон углядел знак, по которому спрятавшиеся в темноте драккары мгновенно ожили, растопырились веслами и понеслись к берегу.

Духарев, конечно, ничего этого не видел: темно и далеко. Но он знал, что ярл не оплошает. Викинги – великие искусники в таких делах. Ночь им не помеха, а помощник.

Внизу кипела битва. Теперь уже по всему вражьему лагерю пылало множество огней. Некоторые – особенно яркие. Это огонь перекинулся на шатры.

Духареву остро захотелось туда, вниз. Рубить, колоть, рвать горло боевым кличем...

– Батяка! – окликнул воеводу Трувор. – Глянь туда!

– Что?

Духарев знал, что в указанном направлении проходит между холмов караванный путь. Там обосновались пятнадцать сотен воев под началом Люба, тысяцкого из старших княжых гридней. Им велено было стоять крепко и брать в копыта всех, кто попытается уйти дорогой.

– Там вроде бы уходят, батяка. Быстро уходят, должно быть, конные.

– Ах ты!.. Любовы – пешие!

Духарев додумывал мысль уже на ходу.

– Коня мне! Велим, вы с Бодаем – здесь, за старших! Трувор! Бери всех! За мной!

Духарев скакал, не разбирая дороги, уповая лишь на то, что конь под ним не споткнется и не оступится. За ним, разбрасывая копытами комья земли, мчалась тысяча Трувора.

Сергей помнил, что здесь, с западной стороны холма, то ли луг, то ли поле. Одним словом, ровно. Так и было. Правда, почва оказалась рыхлой, неудобной для быстрой скачки, но это было лучше, чем ломиться через превратившийся в поле боя лагерь.

«Ус-пей! Ус-пей! – выдыхал Сергей в ухо Пепла, рассекающего грудью теплую южную ночь. – Ус-пей...»

Длинный холм закончился внезапно. Духарев увидел купу деревьев, сбоку – какой-то дом, обогнул его слева... и оказался на дороге. Прямо перед всадником в светлом, хорошо

заметном в темноте доспехе.

Духарев не успел удивиться. Всадник – тоже. Пика Сергея ударила его в бок и смахнула наземь. Пепел врезался грудью в круп коня, отбросил его, взвился на дыбы, молотя копытами. Попал! Громкий, болезненный вопль. Еще один, на этот раз – яростный (кажется, по-арабски). Слева прилетело что-то острое. Духарев рефлекторно подставил щит. Справа полыхнул серебряный просверк, и Сергей попытался поймать его железком пики. Сабля срезала железко, но до Серegiной головы не дотянулась.

Дзинь! Духарев успел, закрутившись в узел, принять щитом второй удар (кромку щита срезало, как бритвой), выдернуть собственный меч, из-под края щита достать лихого рубака, пригнуться к гриве, уклоняясь от еще одной смерти, сообразить, что оказался один в гуще врагов... Правда, всего лишь на несколько секунд, а затем гуща проредилась, и темнота мгновенно наполнилась звоном, ревом, воплями, ржанием, которые вдруг перекрыл рвущий уши и стесняющий сердца волчий вой: варяги вступили в битву.

Сеча была страшная. Как потом оказалось, Труворова лучшая тысяча схватилась с двумя тысячами Йосыповой гвардии, оставленной прикрывать отступление хакана. Если бы не внезапность атаки, варягам пришлось бы еще тяжелее. Им пришлось драться с отборной латной конницей, вдобавок вдвое превосходящей численно. Впрочем, численное превосходство почти не имело значения: варяги держались плотной группой, а арабы Йосыпа растянулись, перекрывая выход из долины, и из-за темноты не сразу поняли, с какой стороны их взяли в мясорубку.

Все кончилось, когда из долины подоспели на помощь дружинники Икмора и почти одновременно с ними – нурманы Эвила...

К рассвету стало ясно, что враг разгромлен. Только одних пленников взяли тысячи две. Нейтральные же хузары выразили полную готовность принять власть Святослава. Более того, несколько тысяч их присоединилось к киевскому войску. Остальных (совет Машега) Святослав отпустил по домам. Добыча тоже была взята немалая, едва ли не большая, чем в Итиле. Лишь один факт омрачал блестящую победу: хакан Йосып сумел уйти. Он попросту удрал с большей частью своей гвардии, бросив на произвол судьбы остальное войско. Может, ему доложили о том, что его хузары передались на сторону противника. Может, сработал инстинкт самосохранения. А может, сами гвардейцы решили унести ноги, пока до них не добрались русы.

В общем, когда нурманы ворвались в ставку хакана, там уже не было никого, кроме сотни-другой слуг, нескольких десятков брошенных девок (среди них – три «походные» наложницы Йосыпа) да кучи разного дорогостоящего барахла.

Около восьми тысяч Йосыповых гвардейцев быстренько снялись с места, в считанные минуты уничтожили заслонные сотни Люба, оставили прикрытие из двух тысяч для задержки возможной погони и унеслись прочь вместе со своим хаканом.

Так что даже поспей Духарев раньше, он не смог бы их остановить – с одной-то тысячей против восьми. Паршивец-хакан все равно бы удрал. И никто в этом не виноват. Кому могло прийти в голову, что Йосып бросится наутек, даже не попытавшись дать русам отпор.

– Пускай бежит, раз он такой проворный, – сказал Святослав. – Мы все равно его достанем.

Глава двадцать вторая

Саркел

Степь высохла и потрескалась. Серая земля, покрытая высохшей мертвой травой, – словно огромный череп с остатками волос. Так было весь день. Но ранним утром, проснувшись прежде солнца и выйдя искупаться в теплой донской воде, Духарев увидел, что вся земля усеяна синими и красными цветами. Миллионы цветов. А ведь ночью не было дождя. Никакой влаги, кроме капелек росы.

– Красиво, – сказал Артем, который тоже проснулся, выбрался из шатра и встал рядом с отцом. – Солнце взойдет – они закроются.

– Они что, выросли за одну ночь?

– Нет. Разве ты вчера их не видел?

Сергей покачал головой.

– Это потому что ты в войске идешь, – сказал сын. – Где передовая тысяча пройдет, там одна пыль остается.

Лагерь просыпался быстро. Надо успеть пройти побольше, пока солнце не раскалит воздух и землю. Сотни грядней, верхами и так, уже плескались в теплой донской воде, удивительно чистой и прозрачной для конца августа.

– К табуну? – спросил Артем.

Смуглый, черноволосый, он больше походил на мать, чем на отца, и крепостью телосложения тоже намного уступал Сергею. В одежде он казался стройным, как девушка. В одежде не видно, какие у парня мускулы.

Духарев с хрустом потянулся. Он еще не решил: окунуться сначала самому или сразу вместе с Пеплом.

– Бегом? – предложил сын.

– Давай.

И они помчались через лагерь, огибая редкие шатры, перепрыгивая через спящих, уклоняясь от верховых.

Молодой грядень, Артемов дружок еще по «отроческой» дружине, пустил коня наперерез и попытался ухватить парня за чуб.

Артем легко увернулся и так треснул коня по крупу, что тот заржал и взвился на дыбы. Грядень, конечно, не свалился, но удержать коня не сумел, и конь едва не приложил копытом дружинника, разжигавшего костерок.

Дружинник отшатнулся:

– Карась безрукий твой папаша! – закричал он.

Кони духаревской дружины паслись у заросшей камышом заводи под присмотром нескольких отроков.

Табунок тысяч на пять голов. Большая часть – некрупные степные лошадки, печенежские и хузарские, заводные и вьючные. Этим подкормят и выкупают пастухи. Но боевых коней, если могут, обихаживают сами хозяева.

Артемов жеребец должен был пастись вместе с лошадьми его тысячи, но вчера вечером они с отцом вместе прокатились по степи, и Артем сдал скакуна отцовским пастухам.

Шагах в двадцати от табуна они остановились.

– Ну, чей первый прибежит? – задорно бросил Артем.

– Давай, – согласился Духарев.

Сын посвистел тихонько.

Отец – тоже, но по-другому и погромче.

Ближние лошади встрепнулись, посмотрели на людей, потом снова опустили головы.

Первым прибежал Пепел. Заржал негромко, ткнулся мокрыми губами в лицо. Духарев пошарил в кармане (по местной моде в портах карманов не полагалось, но Сергею шили по особому заказу), достал яблоко.

Артем свистнул еще раз. Он был раздосадован: и конь его опоздал – вот только бежит! И яблока у него нет.

– Ай-я-а! – закричал он, побежал навстречу, запрыгнул на бегу и, не дожидаясь отца, помчался мимо камышей к свободной воде.

Сергей с улыбкой смотрел ему вслед. Мальчишка! Хоть и командует полусотней... таких же безбашенных сорвиголов.

– Айда купаться, – сказал он Пеплу и легко побежал по влажноватой траве.

Жеребец потрусил за ним, не обгоняя и не отставая.

Гонцов Люта дозоры Святослава увидели вскоре после полудня, когда войско русов

уже устроило привал, пережидая самое жаркое время.

Гонцов было двое, у каждого – по паре утомленных заводных.

По пути они вспугнули тарпанов, отдыхавших в редкой тени невысоких деревьев. Дикие лошадки, завидев людей, вскочили и помчались прочь.

Кто-то из дозорных не удержался, пустил стрелу. Попал. Покатилась по пыльной траве молоденькая кобылка. Дозорный вопросительно глянул на старшего, тот кивнул: свежее мясо не помешает. А то все рыба да рыба.

Гонцы на удачливого стрелка даже не глянули.

Устали.

Пока их вели к князю, они успели поделиться с дружинниками дурными вестями: печенег оплошали, пропустили хакана с его воями к Саркелу.

Гонцы поносили копченых худыми словами: трусили «богатыри»-цапон. Увидели серебро арабских броней, решили, что вся хузарская рать движется на них, и дали деру. Гридней же Люта было слишком мало, чтоб удержать несколько тысяч латной конницы. Так что хузары не только осаждающих разогнали, но и осадные машины пожгли.

– Пускай! – беспечно махнул рукой Святослав. – Зато теперь все лисы в одной норе собрались. Значит, на целых десять дней опередил нас Йосып. Молодец!

Неудивительно, что опередил. Во всех кочевьях, которые попадались по дороге, стражи хакана забирали лошадей. Считай, два раза в день на свежих пересаживались, а боевые «арабы» и аргмаки бежали налегке. Впрочем, и русы своих боевых коней не изнуряли, ехали на заводных. Приотстали, конечно, но не страшно. Прав князь: никуда хакан из своей Белой крепости не денется. А пять с лишком тысяч наемников – это пять тысяч ртов.

Может, когда-то давно Белая крепость и была белой, но теперь ее стены стали грязно-бурого цвета. Впрочем, от этого крепость не казалась менее грозной. На фоне примитивных укреплений Итиля и Семендера Саркел выглядел как воин в полном боевом в сравнении с каким-нибудь пермяком-охотником. Могучие стены, тяжело нависающие башни с узкими бойницами, железные ворота, ров, соединенный с рекой (крепость была построена на полуострове), подъемный мост. Саманные домики – этакий шедевр византийской военной архитектуры. Должно быть, немало отстегнули хузарские хаканы ромейским строителям.

Печенегам на эти стены влезть – что суслику Дон переплыть. Но поначалу они пытались. Надеялись на численное превосходство: гарнизон крепости – сотен пять, причем большинство – гузы, с которыми копченые довольно успешно резались. Наскочили, забросали стрелами, полезли наверх по наспех сколоченным лестницам...

Штурм обошелся копченым почти в тысячу покойников. Немногочисленные русы в этой глупости не участвовали. Они занялись делом – изготовлением осадных машин.

Так и развлекались: копченые грабили окрестности, болтались под стенами, постреливая в защитников (скорее из удали, чем осмысленно). Защитники отстреливались со стен, но на вылазки не отваживались. Прошло три недели, а потом русы подтянули к крепости первые свежесколоченные осадные орудия и принялись методично долбить камнями ворота.

Воротам эти камни оказались что слону дробина. Тогда Лют велел перенести огонь на стены. Ущерб вышел незначительный. Защитники в ответ разбили пару русских камнеметалок собственными орудиями.

Печенег тем временем дограбили окрестности, заскучали и стали потихоньку отбывать к родным кочевьям.

Ко времени появления хакана с гвардией, «богатырей»-цапон под крепостью осталось тысяч семь. И еще Лют со своей полутысячей. По мнению Люта, их было вполне достаточно, чтобы поиграть с хаканом в веселую игру «кто кого». Но копченые дали деру, едва завидев впереди сверкание кольчуг исламских наемников. Те, в свою очередь, преследовать печенегов не стали, даже не из осторожности перед обычной степной тактикой заманивания, а потому что тяжелой коннице гоняться за легкой бессмысленно. Пожгли Лютовы машины и

вошли в крепость.

То есть формально осада все еще продолжалась, но теперь ворота крепости были большей частью открыты, и из них время от времени выезжали всадники и шугали все еще болтавшихся поблизости копченых. Еще Йосып разослал гонцов, приказывая своим подданным в очередной раз подниматься на защиту своего хакана. Большая часть гонцов была перехвачена, письма Люту прочли. Были они грозные, но вряд ли пробудили бы в подданных воинственный пыл. Есть у некоторых правителей такой обычай: сначала ободрать свой народ как липку, а потом взывать к патриотизму. Иногда, конечно, это срабатывает, но не в данном случае.

Не пришло под стены Саркела грозное хузарское ополчение.

Пришел князь Святослав.

– Основательный город! – с уважением сказал Икмор, глядя на многосаженные стены. – Ромеи ладили, не иначе.

– Вот и хорошо, что ромеи, – одобрил Святослав.

– Что ж тут хорошего? – удивился воевода.

– А поучимся, как такие стены ломать, – сказал великий князь киевский. – Нам это умение скоро пригодится.

Но обучаться ломать стены самостоятельно Святослав не собирался. Для этого дела он, как оказалось, пригласил опытных инструкторов. Через три дня Духарев отправился их встречать.

То были ромейские инженеры из Херсона. Дальновидный киевский князь еще до похода на Кавказ договорился насчет специалистов с Калокиром и хорошие деньги за них посулил. Сын херсонского протевона не обманул, и к условленному сроку километрах в трех от Саркела ошвартовался корабль, на котором прибыли византийские военные инженеры со всей необходимой снастью: инструментами и железом. Дровесины в этой местности было довольно. Треть русских дружинников превратилась в лесорубов и плотников. Дело привычное, любой из них – хоть варяг, хоть полянин, хоть кривич – плотницкому делу наследственно обучен. Однако работа эта потребовала времени, и подготовка к штурму закончилась лишь в середине сентября. Все это время хакан со своими гвардейцами отсиживался в крепости, и простым жителям Саркела приходилось регулярно просверливать в поясах новые дырочки: с продовольствием у осажденных дела обстояли неважно. Но хакан и его гвардейцы кушали хорошо. Для них запасов хватало. Да и конинки они привезли немало. Конина – она калорийная. Заводных съели в первую очередь (все равно кормить нечем), но боевых в котел не спускали... пока. Кончится в городе зерно, придется и этих – на колбасу. Воины, предчувствуя такой вариант, заранее начинали роптать. Для араба боевой конь больше, чем жена. Друг. Как же можно: друга – в котел?!

Ситуацию в крепости русы более или менее представляли, дозорные каждую ночь таскали перебежчиков. Гузы за мзду спускали их со стены на веревках. Правда, среди невинных беглецов попадались гонцы хакана, так что приходилось эту публику «фильтровать». Икмор предложил развешивать гонцов на видных местах, чтобы подорвать боевой дух осажденных, но Духарев воспротивился. Пока посланцы Йосыпа по-простому лезут через стены, отлавливать их легко и приятно. Особенно приятно быть в курсе всех событий внутри города-крепости. А если хакан узнает, что его голуби прямо в суп летят, может что-нибудь позаковыристее придумать.

Глава двадцать третья

Осада

Собранные под руководством ромеев стенобитные машины отличались от тех, что делали сами русы, не только размерами и мощностью. В них чувствовалась технология. Каждый скреп, каждая кожаная растяжка – на своем месте. Если катапульты русов метали пудовые булдыганы с точностью плюс-минус пять саженей, то три ромейские стенобитки,

пристрелявшись, клали снаряды в полутораметровое «пятно». Каждые пятнадцать-двадцать минут с ложки взвивался камень и с треском впиливался в кладку. Поначалу казалось – стене пофиг. Светлое пятно да немного каменной крошки – вот и весь результат. Но уже к вечеру стенобитки выгрызли в кладке заметную щербину. Кроме стенобиток ромеи собрали и другие штуковины. Например, «черепашу»: что-то вроде длинной избы на колесах со спрятанным внутри тараном – подвешенным на цепях древесным стволом с железной «бараньей головой». «Изба» эта вмещала до пятисот человек, была втрое длиннее, чем ширина рва, могла выдержать удар сброшенного со стены пудового камня и защитить от горячей смолы, масла и прочих «гостинцев», которыми защитники могли потчевать осаждающих. Еще были три складные осадные башни. С помощью сотни лошадей они могли подниматься на высоту крепостных стен, выталкивая вперед и вверх тридцатиметровую перемышку-коридор, из которой, по замыслу инженеров, воины могли прыгать прямо на головы защитников. В общем, много разных диковин произвела на свет ромейская конструкторская мысль за тысячелетия непрерывных военных игр. Русы творчество ромеев оценили, но, посоветовавшись, решили пока ограничиться стенобитками. Ибо инженеры честно предупредили: из трех башен хорошо если одна устоит. А какая не устоит, убьет и искалечит всех, кто окажется внутри или поблизости. Аналогичную характеристику получили и другие машины ближнего действия. В процессе их использования не менее половины атакующих гибнет. Это нормально... для ромеев. Но Святослав не собирался отправлять в Ирий половину своей дружины. Русы – не ромеи. Поэтому князь велел пока ограничиться стенобитками, но использовать их на полную катушку круглые сутки.

Так что с наступлением темноты расчеты орудий не отправились на покой, а продолжали свою монотонную работу. Стенобитки грохотали всю ночь, и весь следующий день, и вторую ночь. Грохот мешал русам спать, но осажденным наверняка спалось еще хуже. А на третий день кладка дала трещину. Небольшую и поверхностную, но озаботившую защитников настолько, что с наступлением темноты они впервые с момента появления под стенами Святослава решились на вылазку.

– Они непременно вылезут, – сказал киевский князь уже после первой ночи долбежки. – Может, завтра, может, через два дня.

Духарев в этом сомневался. Стена, по его мнению, могла еще долго держать удары. Впрочем, его мнение по этому вопросу было не столь авторитетно, как мнение специалистов. Но специалисты-ромеи точку зрения воеводы разделяли.

– Они вылезут! – отмел возражения великий князь. – Самое большее – через два дня. И мы должны их встретить.

Пункт первый любого устава: «Командир всегда прав». Пункт второй: «Если тебе кажется, что командир не прав – смотри пункт первый».

И Сергей занялся организацией встречи.

Вокруг крепости лежала «мертвая полоса» шириной порядка двухсот метров. Пустая, если не считать разлагающихся трупов защитников крепости. Своих киевляне первой же ночью вытащили и похоронили по-человечески.

На границе «мертвой полосы», вне досягаемости лучников, перемещались разъезды легкой конницы, главным образом печенегов и хузар Машега. Время от времени в них летели стрелы или, совсем уж редко, отрабатывала крепостная баллиста.

Основной лагерь русов располагался примерно в полукилометре от крепости, вне досягаемости крепостных орудий. Камнеметалки осаждающих (более дальнобойные) располагались примерно на таком же расстоянии от стены и почти в километре от лагеря. При них в три смены работали баллистики и охрана: в основном варяги, овладевавшие хитростями ромейского осадного искусства. Старшим над ними был Бодай.

Если осажденные решатся на вылазку, то ударить они могут как на лагерь, так и на орудийные позиции. Будь на их месте Духарев, он нанес бы два удара: основной – по орудиям и отвлекающий – по лагерю. Начал бы он с отвлекающего, условно-внезапного. Вывести из крепости сколько-нибудь значительное войско – это минуты две, не меньше.

Проскакать полкилометра в темноте – еще две минуты. За это время оповещенные дозорными русы успеют проснуться, вздеть брони и встретить врага. Встретить пешими, ведь кони пасутся отдельно.

Дальше возникает два варианта. Если киевляне не успеют выстроиться в боевой порядок, латная конница Йосыпа ворвется в лагерь и будет бесчинствовать до тех пор, пока не перебьет всех, либо пока не встретит организованное сопротивление. Если русы успеют создать строй, магометане хузарского хакана вряд ли рискнут ввязаться в серьезную драку: их слишком мало. Покрутятся около лагеря, сдерживая противника, пока вторая группа будет громить осадные машины, а затем организованно отступят к крепости. Пехота за ними не поспеет, а легкая конница печенегов не сможет остановить.

Другое дело, если русы будут готовы к встрече. Но держать войско в готовности каждую ночь утомительно. «Два дня», – сказал Святослав, но Духарев полагал, что одной интуиции князя недостаточно. Он приказал удвоить патрули и немедленно докладывать ему о любых мелочах. Сам он в ближайшие ночи спать не собирался (отоспаться можно и днем) и договорился с Икмором, чтобы тот каждую ночь держал наготове три тысячи всадников. Кроме того, Духарев утроил охрану при орудиях и выдал расчетам соответствующие указания.

Ближе к вечеру Сергей сообщил о проделанной работе князю, но Святославу, как выяснилось, было недостаточно отбить вылазку и задать противнику трепку. Князь хотел большего.

Для начала он потребовал к себе двух беженцев, пойманных прошлой ночью. Одного, купчика из «черных» волжских булгар, стражники спустили со стены за бочонок вина. Другой, натуральный хузарин, был еще шустрее: как-то ухитрился слезть сам, причем прямо в реку, где и был отловлен головорезами Эвила. Викинги поразвлеклись с ним немного (выбили пару зубов и переломали пальцы на левой руке), затем переправили его Духареву. Тот заподозрил в нем лазутчика и отдал Велиму для проверки. Скоро хузарин пожалел, что не остался у нурманов.

Зато выяснилось, что беглец не лазутчик, а всего лишь мелкий тюремный надзиратель.

Поочередно представ перед князем киевским, беглецы поведали, что народ в городе – в глубокой депрессии. Жрать нечего, непрерывный грохот дробящих стену камней мешает людям спать и порождает самые мрачные мысли. Многие даже рискуют высказывать их вслух, хотя за такое сажают в ямы, где заключенным вообще нечего есть, разве что крыс или друг друга. Если бы не пять тысяч Йосыповых гвардейцев, в Саркеле давно уже вспыхнул бы бунт. Гвардейцы, впрочем, тоже недовольны. Днем они шарят по домам якобы в поисках бунтовщиков, а на самом деле грабят и насильничают. Хакану на это наплевать. Он с самыми доверенными стражниками заперся в цитадели и, по слухам, непрерывно пирует и предается разврату с юнцами и юницами. А горожане (в том числе и оба беглеца), будь на то их воля, немедленно открыли бы ворота храброму хакану русов.

Святослав склонен был этому верить, Духарев – не очень: пленные явно говорили лишь то, что хотелось бы услышать князю. Впрочем, пока в городе на каждого мужчину репродуктивного возраста приходится пара воинов-наемников, настроениями горожан имеет смысл пренебречь. Иное дело – мнение наёмников. Ритмичное «бум-бум», которое играло трио камнеталок на крепостной стене, мешало спать не только гражданскому населению. Бывший тюремщик слышал, как дворцовые стражники говорили, что сам хакан не может спать под эту мелодию. А если сам хакан...

– Я так и знал! – уверенно заявил князь киевский. – Он сделает вылазку! Две ночи, может, вытерпит, но три – вряд ли!

Будь на месте Йосыпа Духарев, он сидел бы в крепости, пока хватит провианта, то есть месяцев шесть, как минимум. Терять Йосыпу нечего. Даже если Святослав согласится сохранить ему жизнь, хаканом Йосыпу не быть. Казну его выгребут, зарубежный кредит доверия исчерпан, а народ Йосыпа ненавидит. Сидеть и не рыпаться. Ведь за шесть месяцев многое может измениться. Например, обнадеженные отсутствием великого князя печенеги

налезут на Киев и вынудят русов отступить. Или ромеи, традиционно препятствующие усилению любого из своих соседей, натравят на Святослава угров, болгар или еще кого-нибудь. Или примученные древляне-сиверцы-уличи восстанут...

Сидеть бы хакану за стенами и ждать... Но Святослав, родившийся, чтобы стать великим князем, лучше разбирался в психологии Урожденного повелителя, чем некогда рядовой гражданин России Сергей Духарев.

До самого заката Святослав с Сергеем прикидывали и отметали варианты, и только когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, в шатер князя потянулись срочно призванные воеводы и тысяцкие...

Глава двадцать четвертая

Победа

Луна спряталась. Звезды засияли еще ярче, но их света было явно недостаточно, чтобы рассеять тьму. Но все равно небо чуть светлее, чем темная громада крепости.

Духарев сидел на седле и слушал ночь. Больше всего шумели баллисты, но Сергей слышал и коней, пасущихся неподалеку, и мягкую поступь пеших варягов своей охраны, обходящих стоянку. Ему даже казалось, что он слышит какой-то шум с той стороны, где притаились в темноте гридни Икмора, но это, скорее всего, была иллюзия. Несколько тысяч воинов обязательно создают какой-то шум, но не такой, чтобы его можно было уловить за полкилометра да еще вычленить из прочих ночных звуков. Все-таки это воины в засаде, а не смерды на посиделках.

Стук копыт. Всадник со стороны крепости. Галопом. Шагах в тридцати стук умолк: всадника переняли варяги. Потом звук возобновился, но уже не галопом, а крупной рысью. Перед Духаревым в темноте прорисовался силуэт. Гонец, посланный сдавшим дежурство командиром третьей ночной стражи. Сергей приказал дозорным у крепости немедленно докладывать ему обо всех происшествиях. А если ничего не происходило, об этом условились докладывать при смене.

– Никого! – лаконично сообщил гонец Духареву.

– Отдыхай, – разрешил воевода.

Пошло время четвертой стражи, последней. Если в ближайшие два часа воины хакана не устроят вылазку, то придется ждать следующей ночи.

Но, скорее всего, не придется. Впервые за все время осады ночью ничего не происходило. Ни одного беглеца, ни одной пущенной со стен стрелы...

Последняя стража. Самая трудная. И засадным тоже тяжело. Несколько часов в неподвижности и ожидании. Многие, особенно те, кто помоложе, утратили бдительность, расслабились. Ночь на исходе, скорее всего, ничего не произойдет...

– Велим, – негромко позвал Духарев. – Пошли людей в лагерь, к князю, еще к Икмору и к Бодаевым нурманам. Пусть передадут: скоро!

– Это точно, батька? – оживился Велим.

– Делай, что сказано! Живо! – рыкнул Духарев.

Сотник тут же исчез. Через полминуты воевода слушал удаляющийся перестук копыт. Побежали вестники.

Духарев встал, потянулся, тихонько свистнул, подзывая коня, подтянул подпругу. Пепел фыркнул ему в ухо. Веселый, сытый, овса ему с вечера не жалели.

Снова стук копыт... прервавшийся – и через мгновение возобновившийся.

– Шум, воевода! – возбужденно выдохнул гонец. – Прямо за воротами.

Неужели началось?

– Жди! – велел Духарев.

Если началось, значит, сейчас прилетит еще один вестник.

И точно. Топот копыт, всхрап осаженного коня.

– Выходят, воевода! Они выходят! Наших порезали!

– Не ори! – оборвал гонца Духарев. – Велим! Все на-конь! Отходим!

Началось.

Первыми со стен Саркела соскользнули разведчики. Дозорные русов их заметили и, как велено было, бесшумно отступили подальше. Но один из разъездов лопухнулся и заметил пластунов только тогда, когда те ухватили под уздцы их лошадей. Дозорные ничего не успели, даже закричать. На каждого накинлось по трое. Стремительно, бесшумно. Прирезали раньше, чем стащили с коней. Мастера. Другие дозорные видели гибель товарищей, но не вмешались. Приказ.

Трое пластунов сели в седла русов, надели шлемы и плащи убитых.

Еще через некоторое время подъемный мост начал медленно опускаться. Тихо, без скрипа. На его механизм не пожалели масла. Не успел мост лечь поперек рва, как столь же бесшумно начали расходиться створки ворот, а затем из крепости потекли всадники. Тоже очень тихо: копыта коней были обернуты тряпками. Всадников было много, очень много...

Духарев вместе с охранной сотней Велима отъехал вправо, туда, где стояли хузары Машега.

– Видишь их? – спросил Сергей.

– Я не сова, – ответил Машег. – Но я их слышу. Подтянемся ближе?

– погоди! Главное – не спугнуть.

– Все еще думаешь, они разделятся? – спросил Машег.

– Скоро узнаем.

Разделятся воины Йосыпа или нет – не так уж важно. Главное – отрезать их от крепости. Но если они разделятся, будет проще...

«... Сто сорок шесть, сто сорок семь, сто сорок восемь...» – мысленно отсчитывал Духарев. Где-то там, во тьме, гвардия Йосыпа удаляется от своей крепости. Передовые, рассыпавшись, высматривают в темноте дозорных киевского князя. Увидят, свистнет стрела, упадет аркан – и нет человека. Всем дозорным твердо наказано не шуметь. Увидишь врага – уходи. Умри, но не закричи. Хочется верить, что часовые успели попрятаться. А если кто-то не успел... Жаль, но и его смерть послужит общему делу, а душа храбреца отправится в Ирий, Валхаллу, туда, где ее ждут грозные племенные боги и славные предки.

«... Сто девяносто восемь, сто девяносто девять, двести...»

Сейчас войско Йосыпа должно разделиться: часть двинется к лагерю, часть – к холму, на котором неутомимо гремят баллисты. Разделится или нет? Об этом Духарев узнает через полторы минуты. Столько времени потребуется наемникам Йосыпа, чтобы добраться до холма.

До лагеря – ближе...

«... Двести тридцать два, двести тридцать три...»

– Сейчас услышим, – сказал Машег. – Сейчас они пойдут!

Вряд ли он считал в уме. Просто чувствовал: конница хакана вот-вот выйдет на дистанцию прямого удара. Еще двести или триста шагов – опустятся пики, наклонятся всадники, тысячи каблуков и шпор ударят в бока лошадей. И полетит на врага, стремительно разгоняясь, сокрушительная волна.

Вой, визг, тяжкий топот, сотрясающий землю!

Латная конница пошла.

Мало что видит в прорези шлема пригнувшийся к гриве всадник. Редкие сполохи костров, конические шатры. Он слышит топот копыт, чувствует близость соратников. Он готовится бить. Сокрушить любого, кто встанет на пути. Поднять на острие, сбить, опрокинуть, стоптать. А потом гнать, гнать, настигая, чиркая на скаку саблей по шее, по затылку, одного, другого, третьего...

Но на сей раз передовые латники не успели ничего. Стремясь нанести внезапный удар, обрушиться из темноты, как смерч, они мчались, не разбирая дороги, не видя ничего, кроме подсвеченных кострами шатров. Рев, грохот и вопли были отчетливо слышны в добром

километре от лагеря. Первые ряды латников с ходу налетели на ловушку из сколоченных древесных стволов с торчащими вверх заостренными обрубками сучьев. Такие штуки удобно прятать в густой траве. Густой травы вокруг лагеря русов не было, но в темноте это не имело значения. Десятки всадников вылетели из седел, множество отменных арабских скакунов переломало ноги...

Конную лаву это не остановило. Гвардейцы Йосыпа не зря получали свое золото. В задних рядах воины взяли за луки. Поток всадников разделился, огибая ловушку и придерживая коней: вдруг такие же ловушки расставлены вокруг всего лагеря русов?

И тут перед ними возникла стена красных русских щитов. А из-за них, навесом, посыпались стрелы.

– Ты был прав, – спокойно сказал Машег, когда шум еще одной битвы донесся со стороны орудийного холма. – Они разделились. Сейчас они побегут обратно и побегут быстро. Так что и нам стоит поспешить.

– Согласен, – ответил Духарев.

– Вперед! – крикнул Машег по-хузарски и придержал коня, пропуская своих воинов. Нынче его дело – командовать, а не скакать очертя голову впереди всех.

Машег выждал некоторое время, потом отпустил поводья, и конь унес его вперед.

Духарев же еще некоторое время придерживал Пепла, порывавшегося нести хозяина в битву. Мимо катились хузарские сотни. Собственные гридни Сергея за ними не пошли, выстроились вокруг воеводы, который в этом бою собирался воевать не мечом, а головой.

Страшное дело – ночная сеча. И в обычном-то бою в гуще не разберешь, что почем. Рубишь, если чужой, если свой – пособишь. А то глядь – уж чужих вокруг нет. Все свои. Значит, перемогли врага. А если напротив, все чужие, тогда худо.

Как бой вести – это дело воевод. Простому вою со своего места мало что видно. Но если воин опытный, он печенькой чувствует, когда подналечь, а когда вспять поворачивать.

Наемники Йосыпа, их командиры-баши, десятники, сотники, тысяцкие – опытней не бывает. У каждого за спиной не одна дюжина боев. Только накатились разок на щетину русских копий, сразу поняли: этих не сдвинуть. С фланга не обойти. Поди разбери, где тут фронт, а где фланг. А старшие уже поняли: их ждали. Может, выдал кто? Ясно, выдал! Ждали их русы. Ждали!

В таких переделках все решают мгновения. Опытный воевода мгновенно сообразил бы и скоординировал отступление. Но на беду Йосыповых гвардейцев, воинов безусловно опытных и умелых, командовал ими не воин, а царедворец, безусловно преданный хакану, но совсем беспомощный в ратном деле. Был при нем советчик, посевший в боях побочный сын шемаханского паши. Но тот повел второй отряд, главный, и целью его было уничтожение метательных машин. Растерявшийся царедворец (Святослав не доверил бы ему даже десятка ополченцев) упустил миг, когда следовало скоординировать отступление. А в следующую секунду кто-то из наемников истошно выкрикнул самый разрушительный для любого войска лозунг: «Нас предали!»

И отборное войско в считанные мгновения превратилось в толпу.

Эта толпа устремилась обратно к крепости. И была перехвачена на полпути гриднями Икмора. Из мясорубки вырвалось не больше трети наемников. Они помчались к спасительному мосту...

А на мосту уже вовсю кипел бой между сотней наемников, пытающейся отстоять ворота, и многократно превосходящими числом русами. С надвратных башен, не разбирая, метали стрелы в самую гущу схватки. Снизу в бойницы башен тоже били стрелы.

Оступавшие наемники налетели на атакующих мост русов. Кого-то смяли, кто-то упал в ров... Но остальные перестроились, уперлись и отбили беспорядочный наскок. Подоспевшая Икморова дружина разметала остатки Йосыповой гвардии.

А тем временем воины Святослава под покровом темноты подвели к стенам хитрые ромейские машины. Заскрипели, поворачиваясь, гигантские барабаны, потянулись вверх и

вперед сколоченные из толстых досок коридоры, лязгнули о камень стальные крюки, зацепились, закрипели, принимая многотонную тяжесть... И посыпались на стены ловкие, свирепые, сокрушающие все и всех нурманы. На совете Эвил выпросил у князя киевского честь первым взойти на стены.

Их встретили гузы, коренастые, кривоногие, в кожаных доспехах и волчьих шапках. В отличие от печенегов, никудышных пехотинцев, гузы умели драться и на своих двоих. Но только не с нурманами. Викинги резали их, как овец. Так же, как их родичи резали франков в далекой Европе. Как резали пермяков, мерь, кривичей... Пока варяги, сплотив разрозненные славянские племена, не отбили у «волоков соленых дорог» охоту безнаказанно шарить по землям киевских князей. Но драться нурманы не разучились. И менее алчными тоже не стали. Заняли стену, порубили оборонявшихся и тут же бросились в город – грабить!

Саркел фактически уже был взят. В ворота потоком вливалась киевская конница. И сверху на нее не падали камни и не лилась смола: и стены, и обе надвратные башни уже были захвачены. Вскоре русы захватили оставшиеся четыре башни, очистили стены и взяли под контроль весь город, кроме цитадели. Там спрятался с остатками своей стражи Йосып. Хакан хузарский держался до последнего – за свою жизнь и свое богатство. Здесь, в подвалах цитадели, хранился золотой запас хузарских владык.

Саркел беспорядочно грабили три дня. Святослав отдал город войску «на поток». По варяжскому обычаю. Духарев пытался протестовать, напирая на стратегическое значение крепости. Но Святослав отмахнулся: мол, крепость рушить никто не будет, а в остальном, как говаривали ромеи, «горе побежденным». И никто из воевод Серегоного гуманизма не поддержал. Даже Машег.

– Странно мне, воевода, что ты из-за чужих против нашей Правды идешь, – сказал он Духареву.

– А ты и за своих не вступился! – упрекнул Сергей.

– Моих тут нет! – отрезал Машег. – Саркел – не хузарская крепость.

– А чья же? – изумился Духарев.

– Хузарских хаканов, – сказал Машег с таким видом, будто все объяснил.

Цитадель они взяли через пять дней. Обошлась она дружине втрое дороже, чем стены Саркела. А богатств оттуда взяли вчетверо больше, чем в Итиле и Семендере вместе взятых. Хакан Йосып, кланчивший золото у всех соседей, лежал брюхом на груди драгоценностей, как сказочный дракон. Так же и умер: издох на сокровищах, приняв яд.

Все участники хузарского похода в одночасье стали богачами. Даже печенеги, которых, правда, осталось тысячи полторы, не больше, и те не ворчали, что их обделили добычей.

А на обратном пути Святослав захватил и выпотрошил город Булгар, столицу волжских черных булгар, данников Хузарии. Не столько из корыстных, сколько из политических соображений. Во-первых, показать, кто теперь на Волге главный авторитет; во-вторых, чтобы расхотелось черным булгарам после русов на Хузарию напасть. После хорошей трепки у них такое желание возникнет минимум через полгода. А за полгода Машег, оставленный в Итиле наместником, успеет собрать армию, достаточную для того, чтобы дать булгарам отпор. На первых порах Машегу должно хватить тех хузар, с которыми он воевал за Святослава, и сборной тысячи русов, оставленной ему киевским князем. В степи от этих кривичей-полян-вятичей особой пользы не будет, но как городская стража они даже лучше гузов, которых нанимал Йосып.

Часть третья Посол Великого князя

Глава первая В которой мадьярский дъяула Такшонь требует гарантий

Впервые Сергей побывал в этой комнате восемь лет назад. С тех пор здесь ничего не изменилось, разве что пыли на гобеленах стало побольше. А вот дьяла Такшонь постарел: лицо как печеное яблоко, волосы белые. Власть быстро старит, если не для себя живешь, а для державы.

Такшонь постарел, а сын его возмужал. Когда Духарев видел его в последний раз, Тотош был юношей, не старше Артема. Теперь перед Сергеем муж. Вождь.

Сидели втроем: дьяла, сын его и Сергей. Без толмача. Духарев кое-как понимал по-угорски. Если что не понимал, так Тотош подсказывал. Молодой княжич на языке русов говорил даже лучше, чем его сестра, княгиня киевская.

– На ромеев я сам ходил, – сказал Тотош. – Дважды. И снова пойду. Через болгарские земли.

– Как это? – удивился Сергей. – А что кесарь болгарский? У него же с Константинополем договор!

– Да кто его спросит, этого святошу! – засмеялся Тотош. – Не пропустил бы – я б его самого ощипал. В поле его рать против моих мадьяр – ничто.

– А на стенах?

– А зачем нам на стены лезть? Нам и того, что снаружи, хватит!

– А нам – нет! – сказал Духарев.

– А вам, варягам, сколько ни дай – все мало, – проворчал Такшонь.

Даже породнившись со Святославом, он все еще не мог простить русам отнятых улочек. Но парсуны внуков своих – Ярополка и Олега – держал в покоях на видном месте.

– Значит, Святослав хочет на ромеев идти? – спросил Тотош.

– Есть такая мысль, – кивнул Духарев.

– Мало вас ромей на море огнем жгли, – проворчал Такшонь.

– Жгли, – согласился Духарев. – Поэтому морем мы не пойдем, а пойдем, как сын твой хочет, через горные перевалы. Нужно только, чтобы кесарь Петр нам союзником стал. Как думаешь, станет?

– Может, и станет, – отозвался Такшонь. – Вы с ним на одном языке говорите. Ты, воевода, сам на болгарке женат. И сын твой с лица – истинный болгарин, на тебя вовсе не похож.

Хитрит дьяла. Что-то ему не нравится в предложении русов. Что – непонятно. Очевидно ведь, что вместе с киевским князем угры могут взять несоизмеримо большую добычу, чем в одиночку. Тотош это понимает. А Такшонь... Тоже должен понимать, чай, не дурак. Так в чем же дело? Опасается печенегов, которые могут наехать на него в отсутствие войска?

– Печенеги вот тоже с нами пойдут, – сказал он.

– Цапон? – спросил Тотош.

– Нет, гила. У цапон сейчас большого хана нет. Куркутэ умер, не указав наследника, так они друг с другом за власть режутся.

– Наследником Куркутэ своего внука Кутэя назначил, – сказал дьяла. – Кутэй с вами на хузар ходил – и не вернулся.

«Он что, боится, что Тотоша убьют в походе?» – подумал Духарев.

Причина для опасений у старика была. Тотош – единственный сын. Если погибнет, земли дьялы Такшоня теоретически должен унаследовать Святослав, муж его дочери. Но только теоретически. Дьяла не великий князь, а старший воевода. Это звание не наследуется. С другой стороны, у Такшоня личных данников побольше, чем у Свенельда или Роговолта Полоцкого. Так что стать наследником дьялы – заманчиво. Духарев не мог бы поклясться, что у Святослава не возникало подобной мысли. Киевский князь, «аки пардус», действовал внезапно и стремительно. Послав Духарева предлагать уграм и болгарам союз против ромеев, он главой союза видел не царя Петра и уж точно не дьялу Такшоня. Только себя. Главнокомандующий могучего войска, он станет главой всех придунайских земель. Погибнет Тотош, останется дьяла Такшонь без прямого наследника, кто тогда помешает

Святославу прийти сюда с войском и объявить внука Такшоня и своего сына Ярополка новым угорским властелином? И кто помешает Святославу править именем сына, как правил в Киеве Олег именем Игоря?..

Черт, как все запущено! Духарев почесал стриженный затылок. Поклясться, что Святослав ни при каких условиях не сделает из мадьяр своих данников? Может, старый Такшонь и поверит Сергею. Но Святослава клятва воеводы никак не свяжет. И придется Духареву в случае конфликта, чтобы сохранить честь, выступить против собственного князя. Вот уж чего он делать ни в коем случае не станет!

Но угры-союзники Киеву нужны позарез!

– Кутэй... – задумчиво произнес Духарев. – Я видел его перед смертью. То был настоящий воин. Он очень пригодился бы нам в будущих битвах.

– Зато теперь цапон долго еще не смогут угрожать Киеву, – заметил Такшонь.

Ага! Вот оно!

Сергей некоторое время молча смотрел на главного мадьярского воеводу. Так долго, что его сын, не выдержав, пошевелился в своем прикрытом медвежьей шкурой кресле, звякнул золотым браслетом. Тогда Духарев расправил плечи, выпрямился, усмехнулся надменно.

– Угрожать? – процедил он. – Ты шутишь, дьюла? Даже сам Куркутэ не мог угрожать Киеву, потому что волк не может угрожать пардусу. Разве что кусок мяса украдет.

Старый дьюла невольно подался назад. Он давно знал воеводу. Но сейчас перед ним сидел не просто воевода Серегей, а посол великого князя киевского.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что Киев предпочтет волку стаю шакалов, – отчеканивая каждое слово, произнес Сергей.

– Плохо, когда у правителя много наследников!

Это сказал Тотош, желая разрядить напряжение, возникшее между отцом и киевским воеводой. Княжич и наследник дьюлы не обладал изощренной хитростью отца. Он был воин, а не политик. Ему в голову не могло прийти, что Сергей, в чьем доме он жил, и Святослав, с которым он охотился на туров и пил из одной чаши, могут желать его смерти.

– Плохо, когда у правителя много наследников! – сказал Тотош с улыбкой.

Пошутил, блин!

– Еще хуже, когда наследника нет, – сурово заявил его отец.

– А я думаю, когда у правителя много сыновей – это хорошо! – возразил Духарев.

– Не всегда, – качнул головой дьюла. – Это может быть плохо, если правитель заранее не определит уделы своим детям.

– Я передам твой совет великому князю, – кивнул Духарев.

Старый хитрюга тоже искал выход. Он не мог сказать «нет» своему зятю. Разорвать союз с победителем хузар чревато большими неприятностями. Прошлым летом к Такшоню тайно приезжали византийцы. Предлагали пятьдесят кентинариев – больше, чем Тотош добыл во время набега на Фракию, – за нападение на Киев.

«Твои внуки никогда не унаследуют Киев, – говорили посланцы. – Всё получит его первенец, сын киевлянки. Святослав воспитывает бастарда как законного сына. Дядька его, Добрыня, – знатный боярин и воевода. А кто заступится за твоих внуков?

Святослав сейчас воюет с хузарами, – говорили посланцы. – Киев слаб. Ты возьмешь его, разобьешь дружину своего давнего недруга Свенельда и станешь править именем внуков».

Византийцы убрались несолоно хлебавши. Но их слова запали в сознание дьюлы. Действительно, почему Святослав равно привечает и законных сыновей, и ублюдка рабыни? Пардус не только свиреп, он хитер и коварен...

– Сын мой, – угорский князь обратился к Тотошу, – прикажи подать нам вина. А лучше спустись сам в погреба да выбери без спешки такое, чтоб воеводе Серегею на всю жизнь запомнилось.

Княжич молча поднялся и вышел, никак не выразив недовольства тем, что папаша его

выставил.

– Великое и опасное дело задумал твой князь, воевода, – сказал дьюла, когда они остались вдвоем. – В таком деле всякое может случиться. Не сочти за труд передать ему мой совет. Хорошо, когда много сыновей, но плохо, когда у них на всех одна вотчина. Десять лет нет среди мадьяр никого выше меня. Но сын у меня – единственный, – Такшонь вздохнул. – Должно быть, не очень угоден я Богу. Может, зря я тогда прогнал легатов Константина²⁴. Случись что с Тотошем, и власть отойдет Гезе, моему племяннику. Ты, воевода, однажды вернул мне сына! О тебе говорят: ты видишь будущее. Это так?

– Бывает, вижу, – не стал спорить Духарев. – Редко.

– Скажи мне, воевода, наследует ли мне Тотош?

– Не знаю, – Сергей покачал головой. – Мой дар мне не подвластен.

Такшонь встал, обошел свой трон и снял со стены распятие.

– Тогда поклянись, что сделаешь все, чтобы отвести беду от моего сына! – потребовал дьюла, протягивая изукрашенное самоцветами распятие Духареву. – Поклянись!

Сергей поглядел на католический крест, покачал головой.

– Я православный, – сказал он, доставая из-за пазухи свой собственный маленький крестик. – Клянусь, что сделаю все возможное, чтобы уберечь твоего сына от беды! – Сергей коснулся креста губами и бережно спрятал его обратно.

Восемь лет назад Духарев тоже клялся и целовал крест. Такшонь знает, что Сергей сдержит слово. Кроме того, дьюла Сергею обязан. Не только за Тотоша, но и за дочь.

– Я бы сделал это и без клятв, дьюла, – сказал Духарев. – Мне нравится твой сын.

– Я рад этому, воевода! – взгляд угорского князя потеплел. – Твой сын мне тоже по нраву. И потому еще один совет: когда поедешь к булгарам, не говори о том, что его мать – болгарка.

Духарев пристально посмотрел на дьюлу: что ты такое узнал, старик?

– Что... – начал он.

И умолк. Потому что увидел над мадьярским князем ту же черную тень, что видел когда-то над киевским князем Игорем.

Время дьюлы Такшоня прошло. Но это еще не значит, что княжич погибнет в походе Святослава.

«По крайней мере я постараюсь, чтобы этого не случилось, – подумал Духарев. – И передам Святославу просьбу старика».

О том, почему следует скрыть, что Артем – наполовину болгарин, Сергей так и не спросил.

Глава вторая

В которой Духарев знакомится с «премьер-министром» Булгарского царства

Угры шли по степи, рассыпавшись широко и вольготно. Издали они до крайности напоминали печенегов, вблизи – нет. Одежка другая, лица хоть и загорелые, но вполне европейские. У типичного копченого такая физиономия, будто ему мамка в детстве на личико жернов уронила. Впрочем, и те и другие – равно разбойники.

– Что нахмурился, воевода? – спросил Тотош. – Гляди, как вокруг хорошо!

Впрямь хорошо. Утро. Не жарко еще. По левую руку – Дунай (его здесь называют Истром), по правую – пологие холмы. Сначала они шли по северному берегу, но два дня назад переправились. Дунай не слишком широк, если сравнить с Днестром или Волгой, но

²⁴ Такшонь был готов «католизировать» Венгрию, но потребовал от императора Оттона, чтобы присланный в Венгрию епископ и весь епископат подчинялись не императору, а непосредственно Риму, а Оттона, естественно, такой вариант не устраивал. Поэтому Такшонь так и не стал первым венгерским королем.

быстр и полноводен. Плотов не строили, переправлялись вплавь, обычным степным способом. Брали шкуру бычьей, шили мешок, туго набивали соломой, завязывали. Сверху смазывали жиром. Швы – особенно тщательно. Такой поплавок несет довольно приличный груз. Этаким способом в хорошую погоду можно хоть целую армию десантировать. Но только в том случае, если ее на берегу не ждут решительные парни с оружием. Угров не ждали. Впрочем, здесь, на болгарской территории, конники Тотоша и не безобразничали. Булгарским боярам (болярам, как их тут звали) Тотош преподносил скромные дары. Те, в свою очередь, снабжали угорское войско провиантом. Жили тут оседло, землепашцев не отличить от Полянских смердов. У бояр – дружины, численность которых определялась финансовыми возможностями. Войско Тотоша прошло бы через такую дружину, не заметив. Правда, были еще крепости. Много крепостей, небольших, но качественных. Построенных еще теми римлянами. И дорога, что шла вдоль берега, тоже староримская, качественная. Но степняки предпочитали ехать не по дороге, а рядом. Кони у большинства неподкованы, на камнях ноги собьют.

– Что задумался, воевода?

– Да вот, прикидываю, что тут будет через тысячу лет...

Тотош присвистнул.

– Эх ты замахнулся! – произнес он с уважением. – И что будет?

– Да всякое, – уклонился от ответа Духарев. – Что это там впереди?

– Людишки какие-то... И много. Ну-ка, сбегай, узнай! – велел княжич одному из ближних.

Угр хлестнул лошадку и умчался.

«Может, зря без дозоров идем...» – подумал Духарев. Тотош утверждал, что на болгарской земле никаких сюрпризов ждать не надо, и Сергей поверил. Может, напрасно?

Сам первый советник царя Петра Сурсувул, знатнейший из бояр, первое лицо в официальной политике Преславы, изволил пригласить воеводу Серегея и княжича Тотоша в гости.

Всадники, которые выехали навстречу уграм и посольству русов, были почетным эскортом, долженствующим сопровождать гостей в замок боярина.

– Поедем? – спросил Духарев Тотоша.

– Поедем, – ответил княжич. – Не рискнет он нам худого сделать. Но воев я с собой возьму. Так надежнее.

Духарев кивнул. Сурсувул – не только десница болгарского царя, но и лидер болгарской провизантийской партии. Любит, значит, византийские денежки. А может, и не в деньгах дело. Ведь хитроумные ромеи производили финансовую подпитку не только провизантийской партии, но и ее главных противников.

Духарев доподлинно знал, что Константинополь финансировал бунт сербского владыки Чеслава. А Чеслав, в свою очередь, был выдвиженцем лютого ненавистника ромеев Симеона²⁵, отца ныне правящего царя. В результате нынешней константинопольской политики Сербия практически отделилась от Болгарии. Это еще можно понять: всякое ослабление Болгарии выгодно Византии. Но зачем было ромеям поддерживать младших сыновей Симеона в их выступлениях против старшего брата, абсолютно лояльного империи?

Разобраться в хитросплетениях византийской политики Духареву было не под силу. Проще разрубить эту паутину ударом меча.

²⁵ Болгарский царь Симеон (правил с 919 по 927 гг.) воспитывался в Константинополе, был вынужден принять монашество, но в итоге сбежал на родину, взомел на болгарский престол и изрядно попортил византийцам кровь. Бил их беспощадно. Ему предлагали огромный выкуп за прекращение военных действий, но Симеон отказался. Надо полагать, во время своего «почетного» пленения он немало натерпелся от византийцев. А может, действительно полагал, что способен завоевать Второй Рим. Все к этому и шло, но Симеон внезапно умер, а его сын Петр Короткий был вылеплен из другого теста.

– Остаешься за старшего, – сообщил Сергей сыну. – Велима с первым десятком я беру с собой.

– Не мало? – озаботился Артем.

– Хватит. Я ведь не сам еду, а с Тотошем.

Артем кивнул и больше вопросов не задавал.

Сергей знал, что парень справится. Он здорово возмужал после хузарского похода. Женить пора. Так вот и станет Слада бабушкой в тридцать шесть лет. Впрочем, здесь это нормально.

Просторный зал с витражами на окнах напомнил Духареву церковь. Из той жизни. Здесь ему такие роскошные церкви еще не попадались. Для этого надо было съездить в Византию, а из Византии воевода киевский мог и не вернуться. Впрочем, Сергей и в Киеве видел множество драгоценных ромейских вещей и мог уверенно сказать, что замок-дворец лидера проконстантинопольской партии и первого советника кесаря Петра обставлен с воистину византийской роскошью. Главным же сокровищем были, безусловно, изукрашенные самоцветами серебряно-золотые павлины на возвышениях напротив дверей. Стоило гостям ступить под высокие своды, как внутри павлинов закрипело, зажужжало, обе механические птицы задрали головы, замахали крыльями и издали скрежещающий звук, весьма напоминающий противные голоса их живых прототипов.

Сурсувул внимательно наблюдал за своими гостями: поразит ли их этакое диво?

Тотош отреагировал ожидаемо: замер, открывши рот, созерцая сверкающее чудо.

Духарев скептически усмехнулся:

– Скажи своим холопам, боярин, такие машинки надобно маслицем изнутри умащать, не то сломаются.

Лицо болгарского вельможи вытянулось, а Тотош закрыл рот и с уважением покосился на своего спутника.

– Не знал, что тебе знакома механика, достославный воевода, – Сурсувул справился с изумлением. – Мне сказали, ты воин и твое искусство – владеть мечом. Меня обманули?

– Ничуть. С мечом я тоже умею управляться. Но стены мечом не разобьешь, боярин. Стены разбивают машинами. Чтобы взять такую крепость, как Саркел... Ты слыхал о ней? (Боярин кивнул: конечно!)... нужны машины не менее сложные, чем твои блестящие игрушки. Хотя камешки на этих птичках, признаю, отменные. Синдские, да?

– Мне прислали их из Константинополя, – сухо сказал Сурсувул.

Из Константинополя боярину прислали не только драгоценных птичек, но также много других полезных вещей. Например, кубки, из которых уважаемые гости пили вино на устроенном в их честь пиру. Вино, впрочем, было местное.

Кроме Сурсувула в этом празднике живота участвовали человек десять знатных болгар с супругами и близкими родственниками, дюжина собак и прорва разряженных слуг, коим, несомненно, достались обильные объедки.

О деле за столом не говорили. Произносили здравицы: кесарю Петру, супруге его (по слухам, тяжело больной), дьюле Такшоню, его сыну Тотошу, его зятю – великому князю Святославу, воеводе Серегею, и, разумеется, хозяину, славному боярину Сурсувулу. Помимо тостов слух пирующих услаждала музыка, а в качестве зрелища предлагались мимы-акробаты.

Покушамши, болгарская знать разбрелась кто куда, а Духарева с Тотошем хозяин пригласил для приватной беседы: выяснить, с чем пожаловали.

Сурсувул был трезв. На пиру он выпил от силы стакана два сушняка. Духарев принял немногим больше. Только Тотош не ограничил своих возлияний, но организм у него был молодой, печенка крепкая, так что ясности мысли и он не утратил. Почти.

Говорили без толмача. Болгарский диалект «славянского языка» Духареву был понятен. Сурсувул, в свою очередь, прекрасно понимал диалект, на котором изъяснялся Сергей и который довольно неплохо знал Тотош.

– Хочу с воями своими через ваши перевалы во Фракию пройти! – заявил

прямолинейный угорский княжич. – А потом – обратно. Десятая доля взятого – ваша!

– У кесаря моего с кесарем константинопольским – вечный мир, – напомнил Сурсувул.

Тотош помрачнел:

– Значит, не пропустите?

Сурсувул развел руками:

– Отцу твоему, почтенному дьюле, ведомо, насколько расположены мы к мадьярам. Но пойти против нашего уложения с Константинополем тоже нельзя. Кесарь мой Петр, от слова отступив, и честь потеряет, и Божье покровительство.

– Ну коли так... – с угрозой начал Тотош, но Духарев его остановил.

– Ты не так понял славного княжича Тотоша, – вмешался Сергей в разговор. – Разве он зовет вас воевать с ромеями? Княжич, разве ты хочешь, чтобы воины Петра присоединились к твоему войску?

Тотош пробормотал нечто, подразумевающее «на хрен они мне нужны».

– Вот видишь, почтенный боярин, в просьбе Тотоша нет ничего, ущемляющего честь кесаря Петра. Вы в дружбе с Константинополем? Замечательно! Но ведь с угорскими племенами вы тоже в дружбе, разве не так?

Сурсувул подумал, почесал затылок, поглядел на раскрасневшегося княжича...

«Какие вопросы! – было написано на бородатой физиономии угра. – Не пустите к ромеям, пощупаем вас!»

Политика кесаря Петра (которую правильнее было бы назвать политикой Сурсувула) заключалась в минимизации конфликтов. В настоящий момент ромеи были далеко, а угры – рядом. Скажи Сурсувул «нет», и храбрый княжич, вернувшись к своему войску, вполне способен будет заняться грабежом его, Сурсувуловых, владений. А то и сразу начнет грабить, с той тысячей, что сейчас выпасает коней на луговинах около замка. Разбойники – они и есть разбойники. С другой стороны, и ромеи в последнее время стали вести себя неуважительно. Присылают Сурсувулу повеления, словно он не первый болгарский боярин, приближенное лицо супруга порфирородной ромейской кесаревны Марии, а мелкий чиновник. Нынешний император Никифор Фока – простой вояка, грубый, жадный, агрессивный, не скрывающий своего нежелания платить булгарам «за дружбу». Забыли, забыли ромеи, как бил их папаша Петра Симеон. Может, пора напомнить Константинополю, что спокойствие во Фракии целиком зависит от благорасположения булгар к империи? А благорасположение булгар к империи – от него, боярина Сурсувула?

Хотелось бы... Но боязно. Да и кесарь может воспротивиться. Была бы его жена-ромейка здорова, точно бы воспротивился, поскольку слушался слабовольный кесарь только жену и Сурсувула. Причем жену – охотнее. Нет, ссориться с ромеями совсем не хочется. Тем более сыновья Петра, Борис и Роман, живут в Константинополе. Когда в Булгарии поднялась смута, в Преславе рассудили: так будет удобнее. Но если отношения Петра и Никифора испортятся, тогда почетные гости, правнуки императора Романа I Лакапина, могут превратиться в заложников...

– У кесаря Петра нет вражды с дьюлой Такшоном, – осторожно ответил Сурсувул.

– Стало быть, вы – друзья, – резюмировал Духарев. – И ромеи тоже ваши друзья. Разве в договоре между Булгарией и Византией указано, что Булгария не должна пропускать одних своих друзей к другим?

Сладилось. Лидер византийской партии впитал в себя самую суть византийской политики: хитроумие, изворотливость, двуличность и безусловный приоритет личных интересов.

Войско угров не только беспрепятственно пройдет по территории Булгарии, но также будет снабжаться провиантом и фуражом. А за это двенадцатая доля добытого во Фракии отойдет болгарскому кесарю. И двадцатая доля – боярину Сурсувулу.

Что же касается посла киевского князя, воеводы Сергея, то ему предлагается ехать в Преславу и ждать, пока Сурсувул организует ему прием у кесаря. Для проживания послу будет выделен особнячок со всем необходимым и денежное содержание.

Можно было не сомневаться, что Сурсулул немедленно сообщит византийцам о киевском дипломате и попытается извлечь из ситуации максимальную выгоду. А византийцы... Надо полагать, попытаются посла отравить. Это у них стандартный прием. Стандартный, но эффективный. Могут еще использовать «сладкую ловушку» – подсунуть послу очаровательную девушку, которая ночью его прирежет. Ну, с девушкой у них вряд ли прокатит, а вот отравы придется побережся.

Глава третья

В которой Духарев так и не удостоивается аудиенции болгарского кесаря, но зато встречает брата

Столица Булгарии располагалась на равнине, что не очень выгодно с точки зрения обороны. Но стены у Преславы были крепкие, а за ними имелись еще одни, окружавшие царский дворец. Эти были даже крепче городских. Очевидно, собственная безопасность заботила болгарских кесарей больше, чем безопасность подданных. Разглядывая эти стены, Духарев от нечего делать размышлял, насколько связаны между собой крепость власти и крепость стен, отделяющих власть от народа.

У Киева стены были попроще. А у княжьего Детинца вместо стен – и вовсе бревенчатый частокол. Говорили в Киеве и Преславе, считай, на одном языке – славянском. Но разница между культурами племен одного корня была весьма значительная. Впрочем, по здешним понятиям, общность языковая – не повод для дружбы. Да и сходство между русами и булгарами только языком и ограничивалось. Здесь, на Дунае, все пропиталось Римом. И Вторым – нынешней Византией, и Первым. Здесь, вдоль Дуная, стояли стандартные римские крепости, связанные старыми, но превосходно сохранившимися дорогами. Здесь кланялись Христу и писали на пергаменте. В Киеве же приносили жертвы языческим богам и резали значки на бересте. Или рубили на камне. А дороги... Дороги и через тысячу лет останутся в России – без разницы, Великой, Малой или Белой – слабым местом. Все разное, кроме языка. Тем не менее Духареву очень хотелось договориться с кесарем Петром. Он изначально был расположен к булгарам – из-за Славы. А вот Святослав никаких симпатий к булгарам не питал. Может, не забыл, что во времена княжения его отца кесарь Петр сыграл на стороне ромеев, а может, в силу обычной установки повелителя, гласившей: дружи с тем, кто полезен.

Сергею вспомнился разговор со Святославом, состоявшийся вскоре после их возвращения в Киев.

... Они стояли вдвоем на Перуновом холме. Вчерашняя кровь на губах идола еще не успела почернеть.

«Золотые усищи и кровь. Вот оно, воплощение войны», – подумал Духарев.

О чем думал Святослав, сказать было трудно. Великий князь в белой рубахе, без брони, с одним только мечом, стоял перед полуторасаженным истуканом, гордо задрав подбородок с такими же пшенично-золотыми (он давно уж перестал их синить) усами. И губы у князя тоже были яркие, красные. Не от крови, конечно, от молодости.

Вчера, когда творили благодарственные обряды, Сергея тут не было. Ни Сергея, ни его сына, хотя традиция и право требовали их присутствия среди старшей дружины.

Артема не пустила мать, а Духарев сам не пошел. Велел взять на торгу семерых мужчин-рабов и передать жрецам с соответствующим денежным подарком. Откупился.

Но сегодня князь сам прислал за Духаревым и попросил (именно так, не велел, а попросил) сопутствовать ему в прогулке, которая и привела их сюда, на Перунов холм.

Прошлой ночью здесь побывало множество людей. Кровь была не только на губах идола, вся земля пропиталась ею. И запах был соответствующий – пахло кровью и дымом. Очень подходящий запах для обители бога войны.

– Не принимаешь ты Перуна, воевода, – негромко произнес Святослав.

Князь смотрел уже не на идола, на Сергея. Духарев промолчал.

– Может, и хорошо, что ты христианин, – сказал Святослав. – Говорить тебе придется тоже с христианами. Я хочу, воевода, чтобы ты поехал в Булгарию – Дунайскую Булгарию – и предложил её кесарю военный союз.

– Против ромеев?

– Да.

– Как скажешь, – Духарев вздохнул.

Он очень рассчитывал провести этот месяц с семьей. А в конце сентября отправиться с князем в Смоленск, потом в Полоцк. Повидать Устаха, Роговолта, Гудыма...

Святослав как будто угадал его мысли.

– Не сейчас, воевода, – сказал он. – Сейчас ты мне нужен здесь.

– Весной?

– Нет. Весной ты поедешь к касогам и ясам. Наберешь охотников служить в моем войске. У тебя это хорошо получается.

– Может, лучше к вятичам?

– К вятичам Свенельд пойдет. Ты слишком добр, а с вятичами суровость нужна. Зато для ясов с касогами ты – в самый раз, тем более что в моей дружине, которая их побил, тебя не было.

Духарев подумал немного, потом предложил:

– Совет, княже. Не надо ждать весны. Пошли им вестника. Пусть предложит охотникам переселиться сюда.

– Куда – сюда? – нахмурился князь.

– Сюда, в Приднепровье. На рубеж. Дай им земли на том берегу Днепра. Пусть встанут между Киевом и Степью.

– Неглупо, – признал Святослав. – Но поедут ли? Из родных мест, от могил предков...

– А ты им денег пообещай, женщин. И от всякой дани освободи лет на пять. Пусть их данью будет только служба ратная. Всем народом они, конечно, не переселятся, да нам все и ни к чему. Придут на твой зов самые лихие – это вдвойне хорошо.

– Почему – вдвойне?

– Потому что именно такие станут роптать против твоей власти и других будоражить. А здесь они будут под присмотром, да и корней у них тут нет, так что хочешь не хочешь, а станут тебя держаться.

Святослав потер лоб, пощипал ус...

– Умно, – признал он. – Ты мудр, воевода.

– Это не я придумал, – отвел похвалу Духарев. – Так еще древние ромеи поступали.

Хотя честно сказать, на эту мысль его натолкнуло воспоминание о казаках.

– Вот я и говорю, мудр, – сказал Святослав, для которого ум без знания был не мудростью, а хитростью. – И с булгарами у тебя тоже хорошо получится.

– Не уверен, – покачал головой Сергей. – Насколько я знаю, у Петра с ромеями старинная дружба. Да и трусоват он. Наверняка откажется.

– А коли откажется... – Святослав усмехнулся. – Так это, воевода, еще и лучше!

* * *

Духарев жил в столице Булгарского царства третью неделю, и это время Преслава уже успела ему порядком надоесть, а симпатии к булгарам поубавились. Столичная общественность посла не замечала. Надо полагать, потому что его «не замечал» кесарь Петр. Обещанное Сурсувулом содержание прислали. Его как раз хватило бы на сено для коней. На ячмень уже не осталось бы. Духарев возмущаться не стал: чай, не нищие. Но сделал отметочку в памяти: при случае взыскать должок.

Это были мелочи. Нагадить русскому послу по-крупному пока не пытались. Но

Духарев не расслаблялся и дружину держал настороже. Дом охраняли круглосуточно, в шесть смен. На ночь спускали собак. Оставленных при особняке слуг Духарев проверил лично. Трех самых подозрительных выгнал. Выгнал бы всех (наверняка каждый был доносчиком), но не гридням же чистить нужники.

В город выходили минимум вдесятером. Сам Духарев дом покидал редко. Обычно старшими шли Велим или Артем. Продукты закупали сами, на рынке, у разных торговцев. По воскресеньям Духарев устраивал для дружины маленький праздник: с вином и девками, чтобы парни, застоявшись, не отправились искать развлечений самостоятельно. Сам Сергей в веселухе не участвовал, а Артема со Стемидом предупредил о возможных диверсиях. Смотреть, мол, в оба, чтоб не сыпанула какая гулящая девка яду в братину.

Так и жили: сторожко, но скучно. А на семнадцатый день их пребывания в Преславе все изменилось.

– Там тебя спрашивают, батька! – доложил дежурный гридень.

– Кто?

– Болярин какой-то местный. Ва-ажный!

– Ну коли важный, так я сам выйду, – сказал Духарев.

Он опоясался, накинул бархатное, шитое золотом корзно²⁶, спустился по лестнице.

Внизу, во дворе, стояли булгары. Человек двадцать. Не чернь, сразу видно: одежда богатая, все при оружии. Серегины гридни расположились вокруг. Вроде бы хаотично, но опытный глаз сразу определил бы: гости под контролем. Можно также не сомневаться, что из дома за булгарами наблюдает пара-тройка стрелков.

Один из булгар, повыше и потолще других, что-то энергично толковал спутникам. Те слушали. Нет, скорее внимали.

«Верно, это и есть тот самый важный болярин», – подумал Сергей.

И тут болярин обернулся...

– Мыш! – воскликнул изумленный Духарев. – Что ты тут... Откуда ты взялся?

– Вот! – подняв палец, важно произнес Мышата-Момчил, обращаясь к своей свите. – И это мой названный брат! И это муж моей любимой сестренки! И это вместо того, чтобы обнять родича!

– А ну иди сюда, родич! – Духарев в три шага преодолел разделявшее их расстояние и сгреб братца в охапку.

Надо сказать, будь у Сергея руки покороче, эта задача стала бы невыполнимой: за те два года, что они не виделись, Сладин братец прибавил полпуда как минимум.

– Эх ты разъелся! – пробормотал Духарев, тиская Мыша, которого Мышом уж и язык не повернулся бы назвать. – Чисто бобер!

– Бобер! – Мышата хмыкнул. – Уважил, нечего сказать! Хорошо хоть не барсук!

Но он тоже был рад.

– Ну, пошли вверх! – заявил он. – Поглядим, в какие хоромы тебя кесарь Петр поселил. Коли бедны окажутся, так я тебя к себе заберу.

– Куда – к себе? – удивился Духарев.

– В свой дом. А хочешь, в замок поедem. Тебя по чину удобней в замке принимать.

– Какой еще замок? – совершенно растерялся Духарев.

– Да мой же! – воскликнул Мышата. – А хочешь я его тебе подарю? – тут же загорелся он. – О! Давай я тебе замок, а ты мне городок под Любечем отпишешь? По рукам?

– Да иди ты к бесам! – отмахнулся Духарев. – На кой мне здешний замок? А городок я тебе и так отдам!

– Ты-то, может, и отдашь, да сестра ни в жисть не согласится, – вздохнул Мыш. – А про замок ты зря! Ты ж его не видел еще! Ну, пошли, пошли! Что ты меня на пороге держишь!

Мыш решительно двинулся в дом.

²⁶ Плащ.

– Э-э-э... А спутники твои? – Духарев не рискнул назвать спутников брата неуважительным словом «челядь».

– Подождут, – равнодушно ответил Мыш. – Мелкие людишки. Не думай о них.

И остановился. По лестнице спускался Артем. Парня тоже заинтересовало, что это за важный болярин изволил их навестить.

– А эт-то кто таков? – воскликнул Мышата. – Неужто...

– Ну ты, дядька Момчил, и толстый стал! – закричал Артем, махом слетев с лестницы и обнимая дядю. – Ох и толстый! А меня не узнал, да? Видал, бать? Не узнал меня дядька! Богатый буду!

– Ты и так не бедный, – проворчал Мышата, отстраняя племянника и поворачивая его так и этак. – Возмужал! Настоящий гридь!

– Выше бери! – хвастливо заявил Артем. – Старший гридь я!

– У батьки, что ли?

– Ныне у батьки! – Артем ничуть не смутился. – Я, дядька Момчил, княжью полусотню на хузар водил!

Мышата покосился на Сергея, спросил:

– Врет небось?

– Да нет, – с деланным равнодушием ответил Духарев. – Не врет.

– Вот оно как! – Момчил поглядел на племянника с уважением. И вдруг быстро сказал что-то на латыни.

Духарев не понял, а вот Артем тут же парировал длинной латинской фразой.

– Не забыл, значит! – удовлетворенно сказал Мышата. – А ты его, случаем, еще не женил?

– Не успел, – усмехнулся Духарев.

– Так давай его женим! – воскликнул Мышата. – Есть у меня на примете одна красавица. Себе хотел... Да что там! Для родного племяша – не пожалею! Хочешь жениться, племяш?

– Да хоть на троих разом! – засмеялся Артем. – Только мамке не говори! Ты откуда взялся, дядька?

– Вас дожидался! Сказали мне верные люди, что из Киева к Петру посольство идет. А кого же еще мог послать Святослав, кроме твоего батьки?

– А что сразу не появился? – спросил Духарев.

– Так я ж не в Преславе был – в Дристоре. Пока с делами разобрался, пока сюда ехал... Прямо скажу, особо не торопился. Знал, что кесарь тебя не скоро примет.

– Почему так думаешь?

– Так ясно же! Петр, он только кажется, что простоват. А уж Сурсувул – та-акой хитрован! Ты небось приехал союз против Византии предлагать?

– А что, это так заметно? – спросил Духарев с неудовольствием.

– А ты как думал? Приехал в компании угров, которые тут же отправились грабить Фракию! Ясно, что Сурсувул тебя перенял и будет держать, пока с Константинополем все до конца не выяснит. А уж там либо пустит тебя к кесарю Петру, либо отправит несолоно хлебавши. Да ты, наверное, и сам все понимаешь...

– Понимаю, – признал Духарев. – Значит, ты тоже полагаешь, что нашему союзу с Петром не бывать?

– Ну почему ж не бывать? – возразил Мышата. – Кесарю и Сурсувулу на руку попугать императора Никифора союзом с русами. И угров они на Фракию не зря напустили. Им деньги нужны. А где их взять, если собственные боляре подати платить не желают? Только в Византии!

– Что, у Петра так плохо с деньгами? – спросил Духарев.

«Может, поэтому и содержание нам такое скудное присылают?»

– Плохо было лет десять назад, – ответил Мышата. – Нынче уже не плохо, а совсем скверно. Когда с собственными братьями дерешься, на такой войне не разбогатеешь. А тут

еще Петр затеял войско свое на ромейский манер переиначить. Это, брат, сам знаешь, больших денег стоит. Так что беден нынче преславский двор. Можно сказать, нищ. Но не во всей Булгарии так. В Скопле, к примеру, где род нашего батюшки исконно правит, даже смерды по два раза в неделю мясо кушают. Можем туда съездить. Хочешь на отчину поглядеть, Артем?

– Моя родина – Киев! – возразил юноша. И поглядел на отца: правильно ли сказал? Духарев кивнул, а Мышата рассмеялся.

– А почему не Белозеро, варяг?

Артем снова глянул на отца: помоги! И впрямь, тут непросто разобраться.

– Потому что дом наш там, на киевской Горе, – сказал Духарев. И добавил: – Пока там. Значит, по-твоему, примет нас Петр еще нескоро.

– Можешь не сомневаться. Пока гонцы до Константинополя доскачут, пока Никифор решит, как поступить... А то я слыхал, он с войском в Сирию собирался. Тогда и вовсе нескоро Сурсувул ответ получит. Так что живи и веселись, брат! Булгария – отменная страна для свободных и богатых мужей.

– Да он нас, дядька Момчил, даже в город по одному не выпускает! – пожаловался Артем.

– Да что ты говоришь! – изумился Мышата. – Почему?

– Потому что знаю ромеев! – отрезал Духарев. – И на что они способны – тоже знаю.

– Да ты никак думаешь, что тебя убить захотят? – догадался Мышата. – Глупости! В Преславе без позволения Сурсувула точно не убьют. А Сурсувулу это ни к чему. Вот если Никифор отсыплет ему мешок золота за твою голову, тогда другое дело. Но это вряд ли. Не нужна ромеям твоя голова. Вот голова Святослава – другое дело. А ты – всего лишь посол.

У Духарева на свой счет было другое мнение, но спорить он не стал.

– Есть хочешь? – спросил он.

– Хочу, – ответил Мышата. – Только обедать будем у меня. У меня повар отменный, а у тебя, небось, какой-нибудь гридень куховарит.

И опять Духарев не стал спорить. Названный брат попал в самую точку.

В этот день затворничество киевского посла кончилось.

А через два дня он даже покинул болгарскую столицу. Причем поездка эта была никак не связана с его посольской миссией.

Глава четвертая

В которой Духарев вынужден напомнить своему названному брату, кто из них старший

Ехали хорошей мощеной дорогой. Вокруг – сады. Без всякой ограды и охраны, если не считать собак, время от времени выбегавших к дороге, чтобы обгавкать кавалькаду.

Конь Духарева псов игнорировал, хотя иные песики были с теленка размером. Кобыла Мышаты нервничала. Она вообще была нервная, молодая, ровной рысью бежать не хотела, все время норовила обогнать духаревского жеребца. Зато – красивая.

А насчет псов Духарев заметил: на дорогу они не выбегали, брехали с обочины. Причем сопровождали всадников до определенного места, а затем внезапно теряли интерес к путешественникам и трусили по своим делам.

Потому Духарев песиков не шугал и гридням своим велел их не трогать: собачки при исполнении.

Пока ехали, Мышата поведал Сергею о той, к кому они направлялись.

– Ее дед был болярином кесаря Симеона, – рассказывал братец. – Отец сначала служил Петру, но потом переметнулся к его брату и был казнен. Все земли мятежника отошли кесарю, девчонке остался лишь дом в Преславе, кстати, по соседству с моим, и еще поместье под городом. И того не было бы, кабы мать ее не состояла в родстве с Сурсувулом. Дом и поместье – ее приданое.

– Мать жива? – спросил Сергей.

Мыш покачал головой:

– Померла. Не то давно выдала бы дочку замуж. Слыхано ли такое: двадцать третья весна боярышне, а она всё в девках.

– Так она, выходит, на пять лет старше Артема? – нахмурился Духарев. – Ты что, Мыш, в своем уме?

– Ну и что с того! – фыркнул Мышата. – Зато красавица! И в родстве со всей болгарской знатью.

– Что же к ней никто не сватался?

– Сватались, еще как! Женихи – толпами! Сватались почище, чем к этой... как ее... Ну, у которой муженек двадцать лет по морям странствовал... Про которого Артемкин ритор рассказывал... Как ее звали-то... – Лоб Мышаты собрался складками, отражая интенсивную работу мозга.

– Пенелопа, – сказал Духарев.

– Точно! Вишь, брат, старею, – сокрушенно произнес Мышата. – Простое имя вспомнить не могу.

– Не приbedняйся, – усмехнулся Сергей, знавший, что под черепной коробкой названного брата умещается больше торговых цифирей, чем в самой толстой здешней книге. – А с чего ты взял, что девушка не откажет нам?

– С того, что управляющий ее, Пчелко, ссуду взял. Под залог межицких земель. Это поместье ихнее, – пояснил Мыш. – На год взял. Ныне срок расплачиваться, а отдать ему нечем. Это я точно знаю, потому что Пчелко этот ко мне пришел. Он сам из Скопле, отца моего знал, и вроде как даже в родстве с нами дальнем. Думал, я помогу.

– А ты?

– Помог, конечно! – Мышата даже удивился. – Я ж тебе сказал, что боярышню для себя присматривал. Но для родного племяша – не пожалею! Не беспокойся, брат, нам не откажут! Это в Киеве батя наш изгоем был. А здесь Радов Скопельских уважают. У нас с тобой родичей – что грибов после дождя. Одного я понять не могу, зачем батька к русам подался? Сколько у людишек не спрашивал – не знают. Сказывали, был в ближниках у кесаря Симеона, а как тот помер, сразу уехал. Почему – не ведают, а кто ведал, тех уж нет. Из симеоновских витязей ныне ни одного не осталось... Слушай! – внезапно встрепенулся Мыш. – А может, ты узнаешь?

Конь Духарева недовольно фыркнул. Не любил, когда кричали над ухом.

– Интересно – как?

– Так ты ж ведун!

– Извини, брат, я по заказу не могу, – огорчил его Сергей.

– Жаль!

– Да я тебе и без ведовства скажу, – усмехнулся Духарев. – Да ты сам уже и ответил.

– Это как?

– Да так! Сам же сказал: из симеоновских витязей ныне ни одного не осталось.

– А-а-а... – протянул Мыш и тут же встрепенулся: – Глянь, Серегей! Вон за тем ручьем начинается Межицкое господарство. Его земли великодушный... – тут он хмыкнул, – ... кесарь Петр оставил покойной матушке нашей красавицы. Вон за той рощицей – взгорок, его отсель не видно, так там раньше Межицкий замок стоял. Когда Петр с братьями воевал, батька боярышни нашей в нем заперся и месяц осаду держал. Потом сдался, только Петр его все равно казнил, а замок повелел разрушить. Так что там одни развалины. А теперь туда глянь: видишь домик? Прежде там управляющие межицкие жили, а теперь он – господский.

Духарев прищурился:

– Ничего себе домик, – сказал он. – Симпатичный. А как зовут девушку?

– Крестили Еленой, а так Людомилой кличут. Эй, Рябчик! – крикнул он одному из своих челядников. – Ну-ка, бегом туда. Возвести хозяевам, что Мышата Радович и воевода киевский Серегей в гости жалуют!

Духарев хмыкнул.

Надо же! «Возвести!»

Впрочем, может так и надо. Мыш здешние обычаи лучше знает. Надо бы его к посольству привлечь: форсировать переговоры. Надоело уж в этой Преславе париться. Домой пора.

Сергей не знал, что скоро всё изменится, и пребывание в Преславе перестанет быть ему в тягость.

Рядом с Духаревым госпожа межицкая Людомила казалась небольшой, но в действительности ростом была высока. Может, даже повыше Артема. Стройная длинная шея облита голубым бархатом. Голова казалась слишком крупной из-за уложенной кругом толстой светлой косы, прикрытой кисейным шарфом и увенчанной махонькой серебряной диадемой. На диадеме поблескивали цветные камешки. На госпоже межицкой была длинная просторная туника с широченными рукавами, отделанными вышивкой и канителью. Под туникой – синяя рубашка с узкими рукавами, прихваченными шнурками у запястий. А поверх туники – красный плащ с зеленой подкладкой, отороченный мехом бобра. Впрочем, насчет бобра Духарев мог и ошибаться. За всеми этими драпировками разобрать, какова у девушки фигура, было сложновато, но двигалась боярышня плавно и величаво, словно в торжественном танце.

– Приветствую тебя, воевода киевский! – произнесла хозяйка, качнув головкой.

– Здрава будь, боярышня! – Духарев с достоинством поклонился.

– Привет и тебе, Момчил Радов! Принять тебя в этом доме – честь для меня!

– Лицедреть твою красоту – вот истинная честь! – куртуазно отозвался Мышата.

Духарев почувствовал легкий укол ревности.

С чего бы?

– Прошу вас, благородные гости! – Шажок в сторону и приглашающий жест. – Входите!

Первым вошел Мыш. Духарев за ним. Проходя мимо хозяйки, на миг задержался ступенькой ниже, заглянул в глаза...

Она не потупилась, даже не мигнула. Встретила таким же откровенно-изучающим взглядом. Серые ее глазки в обрамлении вычерненных ресниц блестели, нет, сверкали ярче драгоценностей на скромной диадеме.

«Однако... – подумал Духарев. – Чертовски привлекательная девчонка!»

Пустые слова, примитивные.

Она его зацепила, крепко зацепила. Сергей это чувствовал. Что-то такое плеснуло из чарующих серых глаз... пьянящее.

«Нехорошо, – подумал Сергей, вступая в прохладный сумрак старого дома из пронизанного солнцем южного дня. – Я ведь на смотрины приехал, невесту для сына выбрать...»

Но это шло от головы, а не от сердца. На самом деле он уже точно знал: невестой Артема этой болгарке не бывать.

После получасовых обменов любезностями и опорожнения полуведерного кувшинчика с морсом (вина гостям не предложили) Мышата приступил к делу.

– Вот, изволь взглянуть: парсуна сына воеводы Серегея и моего племянника. Приехал в Преславу вместе с отцом... – Мыш протянул через стол руку с новеньким эмалевым медальоном.

«Когда он только успел», – подумал Сергей.

– Красивый мальчик, – сказала болгарка. – Хотя на отца совсем не похож...

И снова дерзкий взгляд, обращенный к Сергею. Духарев промолчал. За все это время он не произнес и десятка слов. Зато Мыш болтал за двоих.

– Мальчик! – воскликнул он в притворном возмущении. – Да это воин, каких поискать! Благородный, храбрый, образованный! Вырастет – не уступит доблестью самому кесарю Симеону!

– Правда? – Людомила еще раз взглянула на парсуну. – Может быть. Он даже немного похож на него, на Симеона. Так, Пчелко?

Она передала медальон управляющему.

– Похож, – согласился тот.

Но согласился не сразу, вроде бы даже как-то неохотно.

Управляющий Духареву нравился. Старый вояка чем-то напоминал Асмуда. Хотя Асмуд никогда не стал бы заискивать перед купцом. А Пчелко явно старался угодить Мышате.

– Похож, – и уточнил: – только не на того Симеона, коего я знал, а на тот портрет, что висел когда-то в синей галерее дворца. Там, где Симеон еще до женитьбы.

– И где нынче этот портрет? – поинтересовался Духарев.

Забавно слышать, что твой сын похож на болгарского кесаря, некогда изрядно перепугавшего высокомерных византийцев.

Пчелко пожал плечами:

– Кесарь Петр повелел его убрать. Сам он не очень похож на отца.

– Ну то их семейные дела, – махнул рукой Мышата, хлебнул из простенького серебряного кубка и вытер ладонью губы. – А мы ведь, госпожа Людомила, к тебе тоже с семейным делом пожаловали. Догадываешься, с каким?

Хозяйка покачала головой, чуть-чуть нахмурила бровки.

Мышата недовольно глянул на Пчелко, тот вздохнул и опустил глаза.

– Говори уж, Момчил Радович, – сказала девушка. – Что у вас за дело?

Смотрела она при этом на Сергея.

– По обычаю не с тобой, прекрасная боярышня, мне о том деле говорить следует, а со старшим в роду, – с достоинством произнес Мышата-Момчил. – Но Богу было угодно призвать к себе отца твоего и матушку, а троюродному дядьке твоему, боярину Сурсувулу, обремененному делами государственными, я докучать не посмел...

– Ты не юли! – оборвала его девушка. – Руки моей просить приехал?

– Видишь, угадала! – засмеялся Мышата.

– И кто жених, уже не ты ли, Момчил Радович?

«Ой, поднесут нам дыньку... Или что тут у них приносят, когда сватам от ворот поворот дают?» – подумал Духарев.

Впрочем, он еще раньше знал, что боярышня откажет.

– Не я, – мотнул головой Мышата. – Племяш мой, воеводы Серегея сынок. Ну как, согласна?

Людомила взяла парсуну, повертела в руках.

– А что ж он сам не приехал? Испугался?

– Я на него посольство оставил, – подал голос Духарев.

Вступился за сына.

– По нашему обычаю невесту сыну старшие выбирают, – с важностью изрек Мышата.

– И тебе, воевода, жену старшие выбрали? – спросила Духарева хозяйка Межича.

– Нет, вообще-то... я сам, – пробормотал Духарев, бросив сердитый взгляд на Мыша: с какой это стати он Артема неразумным телком выставляет?

– А еще я слыхала, отец твой, Момчил Радович, тоже своей волей жену себе взял...

Тут управляющий Пчелко допустил, на взгляд Духарева, фамильярность: дотронулся до руки своей госпожи. Людомила осеклась.

– О матушке моей я немного знаю, – строго сказал Мышата. – Потому как померла она, меня родивши. Но не о том речь. Скажи нам, госпожа межичкая, пойдешь ли ты за племянника моего Артема?

– Нет, не пойду, – качнула головой девушка.

– Ты не торопись с ответом, – неприятным голосом произнес Мышата. – С умными людьми посоветуйся... – Он многозначительно посмотрел на управляющего. – Времена нынче трудные. Иной раз без помощи никак не обойтись.

– Уж не намекаешь ли ты, Момчил Радович, на те деньги, что ты моему управляющему дал? – холодно произнесла Людомила.

– А если и так?

– Не так! – голос девушки зазвенел, набирая силу. – Неужели ты думаешь, что можешь купить меня?

«Самое время вмешаться», – подумал Духарев.

– Не сердись, госпожа Людомила! – произнес он, опередив гневную реплику Мышаты. – Момчил пошутил!

– Я не какой-нибудь... – возмущенно начал Мыш, но Духарев врезал ему локтем в бок, и его названный брат заткнулся.

– Пошутил, пошутил! И не очень удачно. Благодарю за угощение.

Он встал.

– Неужели вы так скоро покидаете мой дом, воевода Сергей? – последние слова боярышня произнесла мягко, подчеркивая, что не по обычаю говорит, а искренне.

– Сожалею, но нас ждут в Преславе, – Духарев тоже, как умел, смягчил свой «командный» голос. – Надеюсь, мы еще увидимся, госпожа Людомила?

– Возможно... – девушка неожиданно улыбнулась. – На следующей неделе я как раз собираюсь в Преславу. Если воевода не в обиде за сегодняшнее...

– Ничуть! – ответил Сергей, покосился на хмурого Мыша. – Мы с братом надеемся, что и ты не в обиде на нас?

– Ничуть! – мелодично произнесла девушка. – До свиданья, Момчил Радович, до свиданья, воевода. Пчелко, проводи гостей!

– Ну она у меня узнает! – прошипел Мыш, едва они покинули Межич. – Я ее по миру пушу!

– Не стоит, – сказал Сергей.

– Еще как стоит! Эта нищая девка отказала мне в доме, который сохранила благодаря моим деньгам! Ну ничего! Она еще узнает, как мне перечить! Ничтожество! Отказалась от такого родства, когда во всей Бугарии у нее ни одного заступника, кроме этого вруна Пчелко!

– А Сурсувул?

– Плевать на нее Сурсувулу! Нет, я ее проучу! Так проучу...

– Только посмей! – негромко, но грозно произнес Духарев.

– Что? – Мыш развернулся в седле, глянул свирепо снизу вверх на Духарева. – Что ты сказал?!

– Я сказал: не смей ее обижать! – рыкнул Сергей, подавая коня вправо и нависая над Мышатой.

Ближние гридни, встрепенувшиеся было, когда их батька повысил голос, синхронно придержали коней. Пусть родичи сами разбираются. Не ровен час угодишь под горячую руку.

– Не кричи на меня! Ты мне не указ!

– Еще какой указ! – гаркнул Духарев. Непривычная к ратному голосу кобыла шарахнулась, но Сергей поймал ее за узду, сжал повод в здоровенном кулаке. – Может, ты забыл, кто из нас старший, братишка? Так я тебе напомню!

Почтенный купец Момчил Радович не привык, чтобы ему перечили. Но глянул на внушительный загорелый кулак названного брата, на его покрасневшее от гнева лицо... и счел за лучшее тоже сдать назад.

– Ладно, ладно, не серчай! Я ж хочу, как лучше! Это ж не только меня – весь наш род оскорбили!

– Наш род... – проворчал Духарев, успокаиваясь. – В нашем роду покуда старший – я! И я решаю, когда наш род оскорбили, а когда – нет. И напомню, коли ты забыл: Артем, которому отказала эта девушка – мой сын, а не твой!

– Ну и что с того? – буркнул Мышата. – Вон у язычников брат матери племяннику

поближе, чем отец. Возьми, к примеру, того же Добрыню, дядьку Владимира...

– Я не язычник! – отрезал Духарев. – И ты тоже. А девушка права: нехорошо это, когда жених с невестой в глаза друг друга не видели. Приедет в Преславу, позовем ее в гости. Или сами наведаемся, вместе с Артемом. А там посмотрим.

– Пожалуй... – не стал спорить Мышата.

– И не вздумай больше о деньгах заикаться, которые ты ее управляющему дал!

– Да какие это деньги! – махнул рукой Мышата. – Так, горсточка...

Но видно было: денег ему жалко.

«Одно слово – купец, – подумал Духарев. – Но – брат. Родня. Интересно, на что намекала Людмила, когда вспомнила папашу Слады и Мыша? Не иначе накуролесил здесь их батюшка. И в Киев к Олегу перебрался неспроста».

Раньше Духарев полагал, что батя Слады покинул Булгарию, опасаясь преследований нового кесаря из-за своей близости с Симеоном. Но сейчас Сергей знал, что Петр ближников отца поначалу особенно не притеснял. Это уж потом, после мятежей младших братьев, Петр принялся плющить оппозицию. Его же ныне покойный тесть сбежал намного раньше...

«А замуж за Артема эта девочка точно не пойдет, – подумал Духарев. – И за Мыша – тоже. Интересно, а за меня пошла бы?»

– Что, Пчелко, скажешь, напрасно я им отказала? – спросила государыня межицкая, глядя на удаляющихся всадников.

– Может, и напрасно... – старый воин, тоже провожавший взглядом пылящую по дороге кавалькаду, повернулся к хозяйке. – А может, и нет.

– Да ну? – с иронией проговорила Людмила. – Не ты ли мне этого толстого Момчила уже полгода как нахваливаешь!

– Больше не буду, – негромко произнес Пчелко.

– А не скажешь ли, почему?

Управляющий не ответил. Повернулся и вошел в дом. Но отвязаться ему не удалось. Людмила последовала за ним.

– Говори, Пчелко! – сердито воскликнула она.

Старый воин поглядел на нее с сомнением. Кабы не знала Людмила, что нет у нее человека вернее, так, пожалуй, разгневалась бы. А так – огорчилась и немного обиделась.

– Что я не так сделала?

– Лучше бы нам от них подальше держаться, – сказал Пчелко. – А деньги я перезайму и отдам.

– Тебе не понравился варяжский воевода, да?

– Да нет, – Пчелко потер плечо: болит, паршивое, должно, дождь будет. – Воевода мне понравился (лицо девушки просветлело), не в воеводе дело. Хотя и в нем тоже...

– Пчелко, довольно! – Людмила подошла к старому воину, взяла посеченную шрамами руку. – Довольно загадок! Что случилось?

– Да пока ничего, госпожа, – качнул седой головой Пчелко. – Пока ничего. Плохо только, что ты про сына воеводы сказала.

– Что плохого – быть похожим на кесаря Симеона? – удивилась девушка. – Разве это преступление? Да ведь он и вправду похож!

– Вот то-то и оно, что похож. Боюсь я, не только ты это увидишь. Лучше бы он на отца своего был похож. Или на дядю.

– Ну уж – на дядю! – фыркнула Людмила. – Воевода, верно, пригож, а Момчил этот... На него глянешь – не поверишь, что из хорошего рода. Неужели и отец его был таков? Скажи, Пчелко, ты ведь его знал?

– Я ему служил, – негромко ответил старый воин. – И продолжал бы служить, если бы...

– Если бы – что?

Пчелко помедлил с ответом, но все же ответил:

– Если бы он не велел мне остаться. Нет, госпожа, боярин Рад не был похож на простолюдина.

– А на кесаря Симеона?

И опять Пчелко ответил не сразу:

– Нет, не похож. К сожалению.

– Не понимаю тебя... – разочарованно проговорила Людомила. – То хорошо, что похож, то плохо, что не похож. Ну-ка, Пчелко, говори!

– А ты не знаешь? – старый воин пристально посмотрел на боярышню. – А что тогда твои слова о женитьбе Рада Скопельского?

– Да не знаю я ничего! – сердито сказала Людомила. – Слыхала только, как мама однажды сказала: мол, такой-то боярин жену взял, родных ее не спросивши, а потому будет с ним, как с Радом из Скопле. Ну-ка, что это за история такая?

– То не моя история, – Пчелко освободил руку. – И лучше об этом не говорить. И с воеводой этим более не встречаться. Прости, госпожа, надо мне на конюшню.

Он двинулся к двери, словно забыв, для чего заходил в дом.

Людомила вздохнула. Нет, не скажет. Сейчас точно не скажет.

– А с воеводой этим мы еще непременно встретимся, Пчелко, – прошептала она. – Ты не знаешь, а я знаю. Я ведь его во сне видела...

Но Пчелко ее шепота не услышал.

Глава пятая

В которой престарелый буягарский кесарь наконец дает аудиенцию киевскому послу

Кесарь Петр наконец изволил принять посла князя киевского. Незадолго до этого Мыш шепнул Духареву, что жене кесаря совсем поплохело. Может, в этом причина? А может, вести из Константинополя пришли, и Сурсувул со своим господином сумели политически определиться?

Приняли Духарева не в тронном зале и не в «посольском». Кулуарно. В комнатухе, которую в пору было назвать кельей, а не дворцовым покоем. Впоследствии Духарев узнал, что кесарь булгарский спал здесь, когда на него накатывала особая набожность. С ранних лет Петр слыл весьма ревностным христианином. Набожность, впрочем, не помешала ему через два года после восшествия на престол жестоко расправиться с младшими братьями, когда те вздумали спихнуть его с трона.

По слухам, отец Петра Симеон был мужчина хоть куда. Сынок – пожиже. Не зря его прозвали Коротким: невысокий, сутуловатый, в блеклой одежде, он более походил на монаха, чем на государя. Сурсувул рядом с ним смотрелся истинным богатырем. Впрочем, внешний вид кесаря можно было списать на преклонный возраст и вредные для здоровья обязанности государя.

После того как произошел обмен традиционными любезностями и гридни Духарева вручили кесарю дары Святослава (исключительно оружие, причем только хузарское; правда, хорошее), Сергей приступил к цели своей миссии.

– Мой князь поручил мне, Ваше Величество... – начал Духарев.

– После, – остановил его кесарь. – Расскажи мне о хузарском хакане, воевода. Как он умер?

– Он принял яд, Ваше Величество, – сказал Духарев.

Вопрос его удивил. Вспомнилось скрюченное тело в обгаженной парче, присыпанное золотыми монетами из разбитого ларя. Всюду порубленные стражники, а у этого сабля так и осталась в ножнах. Посиневшее распухшее лицо, черный язык. Мочки ушей порваны – видно, кто-то из победителей польстился на серьги... Живым Духарев Йосыпа не видел, но ему говорили, что хакан хузарский был красавец. Правда, с годами сдал. Оплыл, обрюзг, облысел.

«Жил, как свинья, умер, как крыса», – заметил тогда Машег.

– Храбрец! – сказал кесарь болгарский. – Предпочел смерть позору.

Духарев промолчал.

– Скажи мне, воевода, если бы Йосып сдался, твой князь пощадил бы его?

Духарев пожал плечами:

– Может быть.

Змею, у которой вырвали ядовитые зубы, можно не убивать. Но лучше держать на виду, не то оглянуться не успеешь, как зубы вновь отрастут. Впрочем, такую змею Духарев придушил бы собственными руками: иным наложницам в гареме хакана не исполнилось и семи лет.

– Он молод, твой князь, молодости свойственно милосердие, – заметил кесарь. – Молод, но уже успел многое совершить...

«Это еще только начало», – подумал Духарев.

– Я слышал, его называют пардусом?

– Это так.

– В Константинополе обеспокоены его успехами.

– У них есть основания для беспокойства, – заметил Духарев. – Они чувствуют нашу силу.

– Силу русов?

– Не только. Многие народы пойдут за моим князем.

– На ромеев?

– Возможно.

– А ведомо ли тебе, что в жилах моих сыновей – кровь византийских императоров?

– Ведомо, – кивнул Духарев. – И считаю, что Ваше Величество не менее храбры, чем хузарский хакан.

– Почему же? – коротышка кесарь даже не заметил иронии.

– Вы позволяете своим сыновьям, в жилах которых течёт кровь императоров, жить при дворе правителя, в котором этой крови нет ни капли.

– Пока я жив, им не причинят вреда. А если я умру, Константинополь поможет им удержать престол Булгарии, – кесарь повысил голос. – Сорок лет я правлю Булгарией! Сорок лет как между нами мир!²⁷ Союз кесаря Византии и кесаря Булгарии нерушим! Так и передай своему князю!

Он покосился на Сурсувула. Болярин одобрительно кивнул.

– Непременно передам, – Духарев почтительно поклонился. – Но хотелось бы напомнить, Ваше Величество, что только в Булгарии правитель неизменен сорок лет. В Византии же кесарей меняют намного чаще.

Петр нахмурил седые брови: похвала это или дерзкий намек? Он снова оглянулся на Сурсувула, но болярин ничем ему не помог. Ах, как не хватало Петру жены! Внучка императора Романа обладала изощренным византийским умом и мгновенно угадывала подоплеку сказанного.

Но кесаревна Мария лежала на смертном одре и с трудом узнавала даже собственного мужа.

Кесарь вздохнул. Ему вдруг стало все безразлично. Он устал.

Пауза затянулась. Болярин Сурсувул негромко кашлянул. Петр встрепнулся.

– Я друг кесарю Византии, кто бы он ни был, – сказал владыка болгарский. – Но князю русов я тоже не враг. И в знак моего к нему расположения приглашаю тебя и твоего сына... Ты ведь приехал с сыном, верно?

Духарев кивнул.

– ... приглашаю вас скромно отобедать со мной.

²⁷ Мирный договор между Болгарией и Византией был подписан в 927 году.

– Благодарю за честь! – поклонился Сергей. И, отпущенный вялым жестом царской кисти, удалился.

Глава шестая

Пир

– Нет уж, батя, ты выпей! – потребовал Артем. – Сам говорил, надобно яда опасаться. Теперь не отнекивайся!

Духарев с отвращением поглядел на варево, понюхал...

– Ты уверен, что туда твой конь не помочился? – спросил он с подозрением.

– Уверен, уверен, – нетерпеливо бросил Артем. – Пей, батя! Тебе еще одеваться надо.

Сам он уже вырядился по здешней моде. Пестрый, как попугай. Канитель, кружева, кольца, на физиономии румяна какие-то... Кинжальчик на поясе – таким только колбасу и резать. На самом поясе и то больше металла, чем в этом клинке. Такой же фазаний наряд ждал Духарева. Черт! И ничего не поделаешь: надо, значит надо. И с оружием на пир к кесарю не положено. Предупредили. Фу, дрянь какая! Духарев еще раз понюхал...

– Вина мне налей! – потребовал он. – И румяна с морды сотри!

– Но, батя...

– Сотри, сказано! – бешено рывкнул Духарев и единым духом проглотил «профилактику».

Его аж передернуло. Сергей быстренько, пока обратно не выскочило, закинул следом бокал красного.

Артём с сочувствием глядел на него.

– Знал бы ты, какая это гадость! – проворчал Духарев.

– Знаю, – сказал сын. – Я тоже выпил.

– Гхм... да, – Духарев несколько смутился. – Ладно, пойду одеваться. С этими застежками-шнурками пока разберешься...

– Там челядники дядькины, они тебя оденут, – сказал Артем.

– Уже легче. А румяна с лица все равно сотри!

– Сотру, батя, успокойся! – Артём засмеялся.

«Надо же, – подумал Духарев. – Глядит на меня и думает, небось, что я – пережиток варварского прошлого. Это я-то!»

Расторопные Мышовы рабы мигом напялили на него придворные тряпки. Все, кроме длинного платья, с точки зрения защиты совершенно бесполезного, но весом тянувшего на хорошую кольчугу, столько на нем было драгметаллов. Будь его воля, Духарев вместо этих дурацких тряпок двойной панцирь надел бы. И все-таки кое-какой сюрприз он приготовил. Выгнав слуг, он открыл оружейный ларь и достал тонкую синдскую саблю в бархатных, шитых черным жемчугом ножнах. Без малейшего усилия согнул вокруг талии, защелкнул пряжку. Ничего себе поясok получился, симпатичный. Против брони он, конечно, не потянет, но башку смахнет, как нефиг делать. Сергей подвесил к поясу-клинку «столовый» ножик. Эх, чует его ретивое: будут у него на кесарском празднике проблемы. Но не пойти нельзя. Этак не только трусом прослыть можно, но и престарелого кесаря обидеть.

Сергей накинуд на плечи алое бархатное корзно, скрепил рубиновой пряжкой, глянул на себя в серебряное зеркало. Смотрится неплохо. Но с точки зрения обороноспособности... М-да. Ладно. Живы будем – не помрем!

Возок, окруженный молодецкатыми гриднями, въехал в ворота, дребезжа и подскакивая на брусчатке, и покатился по двору, уже сплошь заставленному крытыми и открытыми экипажами болгарской знати.

– Скромно отобедать... – проворчал Духарев, выбираясь из тесного возка и отпихивая челядника, вознамерившегося поддержать его под локоток. – Я...

И замер на полуслове, увидав, как из соседнего экипажа, элегантно опершись на руку слуги, спустилась Людомила межицкая.

Она тоже заметила его, но не смутилась, а улыбнулась приветливо, качнула головкой.

Духарев поклонился.

– Кто это, батя? – спросил Артем.

– Сейчас я тебя познакомлю, – пообещал Духарев, но выполнить обещание не успел.

Их уже окружила расфуфыренная челядь и с подобающими церемониями повлекла прочь. Духарев только и успел, что оглянуться на своих гридней. Увидев, что их тоже не забыли, он успокоился и последовал за дворцовыми «попугайчиками». Высокий рост позволил ему также убедиться, что госпожа Людомила следует в том же направлении. Правда, не с такой пышной свитой, как у Духарева.

Войдя под мрачноватые своды, отец с сыном протопали по галереям и лестницам, пока не добрались до большого, освещенного сотнями свечей зала, в котором было полно болгарской знати. Наметанным глазом Духарев определил: даже этот парадный зал по сути – часть крепости. Стены толстенные, окошки узенькие, прорезанные аккурат под лучника. Потому-то и потребовалось в солнечный день свечи жечь.

Публика здешняя Духареву была незнакома, но многие поглядывали на него с любопытством. Духарев сразу привлек общее внимание. Даже те, кто никогда не слышал о киевском после, не могли не споткнуться взглядом о двухметрового богатыря с толстыми усищами, свисающими на ладонь ниже массивного подбородка.

Артем на фоне отца почти потерялся.

Все болгарские аристократы, даже мужики, были основательно задрапированы в разноцветные хламиды. Широоченные рукава, подолы до пола... Из-под таких портьер ножом пырнуть – милое дело.

Сергей притормозил, поджидая Людомилу.

– Госпожа Людомила, позволь представить тебе моего сына Артема!

Артем поклонился и пробормотал что-то подобающее, но не похоже, что госпожа межицкая его всерьёз заинтересовала. Через полминуты он углядел в толпе кого-то знакомого и исчез, оставив отца с болгарской красавицей наедине (если это слово применимо к двум людям, окруженным толпой глазееющих на них бездельников). Духарева толпа раздражала, а вот Людомила, похоже, ничего не имела против того, чтобы оказаться в центре внимания.

– Артем – твой родной сын, воевода? – спросила она. – Он совсем на тебя не похож.

– Он похож на мать, – сказал Духарев. – Она – болгарка.

– Я догадалась. Момчил Радович ее брат, да?

– Младший. Но внешнее сходство между ними невелико.

– Такое случается. Скажи, воевода, там у вас все такие... большие?

– Не все, но многие. Особенно среди нурманов и свеев.

– Я их видела. В страже кесаревны Марии было два воина с Севера. Но ты на них не похож, воевода.

– А на кого я похож?

– На гота.

– На кого? – удивился Духарев.

– На гота. Их цари когда-то завоевали западный Рим. Тот, где теперь престол Верховного понтифика западной Христовой церкви. Расскажи мне о своих богах, воевода! – девушка оживилась. – Правда, вы приносите им человеческие жертвы?

– Я – христианин, – сказал Сергей. – Но христиан у нас немного. А жертвы, да, приносят. Пленников и рабов.

– А девственниц?

– Девственность, – уточнил Духарев и помрачнел.

Никогда ему не забыть тот эпизод на Волоховом капище.

– Прости, – спохватилась боярышня. – Тебе, верно, неприятно говорить об этом. Ведь ты живешь среди диких язычников. Хотя наш батюшка говорит, язычники намного лучше, чем еретики-богумилы.

– Это еще кто такие? – спросил Духарев.

– Я же говорю, еретики. Проповедуют всякую мерзость, кланяются козлу, совокупляются в грязи, как свиньи! – губки Людомилы брезгливо искривились. – Столько их расплодилось в последние годы! К нам тоже их проповедники приходили...

– И что?

– Пчелко двоих зарубил, а третий сбежал. Наш священник потом говорил: зарубить еретика – это не грех, а подвиг. За такой подвиг любой грех отпустится, потому что еретик не тела, а души убивает. Хорошо, если так. Пчелко добрый, но грехов у него много. Он ведь воин, как и ты. А ты многих людей убил, воевода?

– Многих, – ответил Сергей. – Но почти все, кого я убил, хотели убить меня. Только я оказался быстрее, – усмехнулся он.

– Жаль, что ты христианин! – вздохнула девушка.

– Почему? – изумился Духарев.

– Был бы язычник – крестился бы, и отпустились тебе прежние грехи. А так не увидеть тебе рая.

– Не факт! – сказал Духарев. – Большинство тех, кого я убил, останься они в живых, кучу народа порешили бы.

– На все воля Божья, – вздохнула Людомила.

При этом округлые грудки ее так соблазнительно колыхнулись под серым тонким шелком, что Духарев сглотнул.

«Я ее хочу, – констатировал он. – Причем не просто хочу, а очень хочу!»

Схватить ее в охапку, целовать это нежное личико, губки, глаза... Содрать к чертям все эти шелка и парчу, опрокинуть на прохладные льняные простыни или на мягкую пахучую траву, ласкать и любить – нежно, страстно, бесконечно...

Должно быть, девушка почувствовала его мысли, потому что щеки и шейка ее слегка порозовели, и ручка в белой перчатке легла поверх платья, словно желая прикрыть волнующиеся перси.

Духареву очень хотелось взять эту маленькую ручку... Но вокруг было множество зевак, а Сергей понятия не имел о здешних правилах приличия и требованиях этикета. Не хотелось бы показаться варваром или, хуже того, погубить репутацию этой очаровательной девушки...

– Его Величество повелитель всея Булгарии Божией милостью кесарь Петр Симеонович! – проревел глашатай.

Окружающие мгновенно утратили к Духареву интерес, повернулись, вытянули шеи... Духареву тянуться не было нужды. Поверх голов он отлично видел, как взшел на помост маленький седой человечек в тяжелой короне, с посохом в руке. Длинный широкий шарф из золотой парчи, «приправленной» самоцветами, волочился за ним по полу... На сей раз это был кесарь. Духарев мгновенно ощутил то, чего не почувствовал во время первой аудиенции. Харизму. Мощь. Власть.

Ничего особенного не было ни в тронном зале, ни в самом троне. Минуту назад это был просто зал и просто высокое кресло, не более. Видел Духарев залы побольше, а троны повыше. Трудно сказать, в чем тут была фишка. Скорее всего, в самом Петре. На трон опустился не просто невысокий пожилой мужчина, а Монарх. Так бывает, когда свет падает на драгоценный камень, и ты видишь, что это не просто маленький кусочек минерала, а изумруд.

По залу прокатилась волна, в считанные минуты упорядочившая толпу. Те, что поплотнее, подались назад, познатнее – выдвинулись вперед. Духарев остался на месте. Он был вне местной табели о рангах.

Кесарь поприветствовал подданных. Заверил, что скоро все будут кушать. Затем к трону выпихнули какого-то боярина. Кесарь устроил боярину показательный разнос. В чем провинился бедняга, Духарев так и не понял, поскольку Петр говорил совсем тихо, а боярин – невразумительно: вопил, каялся, валялся по полу. Не помогло. Кесарь вынес

вердикт (присутствующие поддержали его порицающими преступника возгласами), боярина прихватила стража и куда-то уволокла. Надо полагать, не на веселую пирушку.

Следующим номером, как выяснилось, был Духарев. Его, конечно, никто не хватал и не волок. Пригласили чин чином, подвели торжественно. По дороге Сергей отыскал взглядом сына, жестом подозвал. К трону кесаря они подошли вдвоем. Вблизи волшебное ощущение Власти пропало. Кесарь снова превратился в пожилого усталого человека. Ну и ладно. Так оно и проще.

Духарев был представлен публике. Глашатай зычно перечислял: «... великого князя киевского, хакана таматханского, князя вятского, улицкого, браминского... хакана хузарского... Святослава Игоревича полномочный посол воевода Серегей Иоаннович!» Скромненько так, по-домашнему...

– Позволь представить, великий государь, моего старшего сына Артема, – произнес Духарев с подобающим почтением, когда смолк вызванный его представлением ритуальный гул.

Артем в отменной придворной манере (не иначе как Мыш научил) пал на колени, склонил голову и замер.

– Поднимись, – разрешил кесарь благосклонно. Артем легко поднялся, вскинул голову...

На мгновение сморщенная, как печеная репа, физиономия кесаря отразила некие человеческие чувства: смесь удивления, испуга и гнева. Только на мгновение. В следующий миг лицо кесаря снова стало постным, невыразительным.

Духарев напрягся, положил руку на пряжку сабли-пояса.

«Если что – возьму царька в заложники!» – подумал он.

Артем лучезарно улыбался. Он ничего не заметил.

– Это твой родной сын? – ровным, невыразительным голосом осведомился кесарь.

– Да, – сухо ответил Духарев.

– Он на тебя не похож.

«Можно подумать, у всех остальных дети – вылитый папаша!» – раздраженно подумал Сергей, но вслух сказал:

– Да, Ваше Величество. Он похож на свою мать.

– Она – русинка?

– Нет, Ваше Величество. Она болгарка.

– Кто она?

И тут, с досадным опозданием, припомнилась Духареву рекомендация дьюлы Такшоня.

«Не говори, что мать твоего сына – болгарка», – посоветовал Сергею верховный вождь мадьяр.

Но слово не воробей...

– Когда я встретил её, она была лекаркой в кривичском селении Малый Торжок, – сказал Духарев.

– Где это? – спросил кесарь.

– Полоцкое княжество. К северу от Киева.

– В Полоцке князь Роговолт сидит, – проявил эрудицию кесарь. – Твоего Святослава данник.

Еще минута – и он утратил бы к Артему интерес, но тут вмешался Сурсувул:

– Она хорошего рода. Ее отец – Рад из Скопле. Брат ее Момчил тебе меха и воск поставляет.

На сей раз на лице Петра ничего не отразилось, но Духарев увидел, как побелели пальцы кесаря, сжавшие посох.

– Рад из Скопле, – прошептал Петр.

И добавил по-гречески:

– Я полагал, он умер...

«Надо будет спросить у Артема, что он сказал», – подумал Духарев.

Внезапно кесарь улыбнулся довольно ненатурально, стянул с пальца перстень:

– Прими, юнак, – сказал он. – Я знал твоего деда.

Сурсувул взял перстень у кесаря, передал Артему.

– Живи вечно! – поблагодарил тот с низким поклоном.

Толпа придворных поддержала его заздравным хором.

На этом официальная часть закончилась, и публику пригласили перекусить. Кесарь на обеде отсутствовал, но это никого не огорчило. Скорее, наоборот.

Духарев занял почётное место пятью позициями ниже пустующего трона. Артем расположился справа от него, а слева Сергей придержал место для межицкой боярышни. Вообще-то тут должен был сидеть какой-то болгарский господарь, но Духарев взял его аккуратно за плечико и очень вежливо попросил уступить место даме. Господарь поглядел на кончик варяжского уса, покачивающийся на уровне его глаз, побледнел, вспотел, быстро закивал и исчез.

Кушали при царском дворе по-простому. Главным столовым прибором были руки и хорошо заточенные ножи. Духарев развлекал даму светской беседой, не забывая, впрочем, выхватывать с блюд лучшие куски, чему немало способствовала длина его рук. Краем глаза приглядывал за Артемом. Тот к красотке Людомиле оказался равнодушен. Может, она просто была не в его вкусе. К девушкам Духарев-младший относился довольно-таки прагматично: выбирал исключительно по внешности и, как правило, – на одну ночь. И не для разговоров. На этом пиру Артем предпочел в качестве собеседника средних лет боярина, черного, мохномордого, большого любителя соколиной охоты. В Киеве это развлечение как раз вошло в моду, и мохномордый оказался для Артема ценным источником информации. Через некоторое время к их беседе присоединились еще несколько гостей, а на Сергея обращали все меньше и меньше внимания. Примелькался.

Сергей предоставил сыну развлекаться самостоятельно, а сам вплотную занялся белокурой соседкой. Их кубки то и дело звенели, соприкасаясь. Щеки Людомилы порозовели, глаза сияли... Духарев знал, что значит это сияние, понимал, что ведет себя неправильно: Людомила – не теремная девушка на одну ночь, не игрушка-наложница, а знатная боярышня... Но их обоих уже понесло, не остановить. Алые от вина губки притягивали Сергея с неодолимой силой. Он пил кубок за кубком, хмелея не от вина, а от близости этих сияющих глаз. Он забыл, что является послом великого князя, что от него сейчас зависят судьбы тысяч людей...

– ... А этот рог я хочу преподнести сыну нашего славного гостя воеводы Серегея боярину Артему! – пробился сквозь шум и опьянение зычный голос Сурсувула.

Духарев среагировал на знакомые имена, глянул на первого преславского боярина.

Тот держал в руке здоровенный бычий рог, литра на три, не меньше, и протягивал его Артему через стол.

Артем потянулся, но не достал. Стол был шириной метра четыре. Рог двинулся по кругу, из рук в руки, со всей торжественностью и почтением. Никто из гостей не был настолько пьян, чтобы приложиться к вину, чье назначение определил сам Сурсувул.

Духарев поглядел на сына. Артемка был весел и радостно тянулся к рогу.

«Эта доза его завалит», – подумал Духарев, потянулся и ловко перехватил рог. Почти что из руки сына вынул.

– После батьки! – строго сказал он и приложился.

Вино оказалось неожиданно сладким. Духарев влил в себя почти все. Когда он передавал рог сыну, там оставалось на доньшке.

Артем не обиделся, допил, помахал рогом Сурсувулу. Тот показал пальцем на пустующий трон: дескать, не от себя дарю, от кесаря.

Духарев еще успел увидеть этот жест, и тут все вокруг поплыло и закружилось.

«Забористое винцо», – подумал Сергей, почувствовал какой-то странный холод внутри и провалился в тишину.

Глава седьмая

В которой воевода Духарев едва не отправляется за Кромку

... Волосатые пальцы гендиректора нервно скребли стол.

«Что он так дергается? – подумал Духарев. – Решение утверждено, все бумаги подписаны. Теперь-то чего мандражировать? Разрулили бы по понятиям – сохранил бы кой-какой капиталец. Не захотел – сам виноват. Вот и сдал всё, кроме штиблет и костюмчика».

Словно угадав его мысли, гендиректор, нет, теперь уже бывший гендиректор, спрятал руки, сунув их под стол.

– Ну чё, Николаич, коньячку на посошок? – предложил Духарев.

Он был в отличном настроении.

– Не хочу я вашего коньяка! – взвизгнул бывший гендиректор.

– Дело твое, – Духарев с удовольствием потянулся. – А я – приму. Митька, налей моего фирменного, от лишнего веса! – велел он охраннику. Подмигнул бывшему гендиректору: – Знаешь анекдот, Николаич: «Боитесь потолстеть – выпейте коньяку. Коньяк снижает чувство страха».

И захохотал.

Его собеседник не засмеялся. Лицо его перекошилось.

– Гад ты, Сергей Иванович!

– Расслабься, Лев Николаич! – Духарев не обиделся. Он никогда не обижался на побежденных. – Что ты рожу скорчил, будто хреном подавился. Сам виноват, что просрал холдинг. Нечего было в арбитраж соваться!

– Но я же прав! – закричал бывший гендиректор.

– Не-е, Николаич, прав ты только в одном, – назидательно произнес Духарев. – Что от коньяка отказался. Тебе теперь надо к водке «Кристалл» привыкать. Ты теперь...

Дальнейшее произошло быстро. В руке бывшего гендиректора появился маленький пистолетик.

– Не смей, придурок! – закричал Духарев, понимая, что не успеет даже выбраться из-за стола.

Охранник обернулся на крик... не раздумывая, метнул бутылку...

Бывший гендиректор пригнулся, бутылка разнесла напольную вазу, и тут гендиректор начал стрелять. Первый раз он промазал. Потом охранник прыгнул, заслоняя собой хозяина, принял на себя две пули, но четвертая и пятая Духарева достали. Одна прошла мякоть предплечья, вторая – серьезнее, вошла под левую ключицу. Шестого выстрела не последовало: в распахнувшуюся дверь влетел еще один охранник, снес стрелка массой, выкрутил руку, приплюснул к столешнице...

– По-любому тебе не жить, Дух! – прохрипел бывший гендиректор. – По-любому...

– Задавлю, сука! – Сергей Иванович начал подниматься... И тут левая рука его внезапно онемела, холод потек от нее под грудину, и свет начал гаснуть...

Духарев еще успел услышать сквозь вату чей-то крик, а затем погрузился в тишину и темноту.

Прикосновение было очень нежное, очень теплое, но как бы издалека. Ни рук, ни ног Сергей не чувствовал. Только шеей и спиной – мягкое, живое, дышащее... И тоже как будто издалека: сначала – непонятный, неразборчивый шепот, потом – тихое, тихое пение...

Так было здесь, а там – иначе.

Там он был распластан на столе, и железный насос гнал через его легкие холодный мертвый кислород, чужая кровь струилась по жилам, и чужие руки в мертвой резине ковырялись у него внутри, выковыривая из-под сердца крохотную, меньше фаланги мизинца, в который раз оплошавшую смерть.

Туда – не хотелось...

Духарев очнулся, с трудом разлепил глаза. В глазах плавала муть, но он все-таки разглядел рядом на подушке светлую женскую головку. А чуть позже ощутил легкую руку на груди и более тяжелую, приятно горячую ногу поперек живота.

Сотни раз Духарев просыпался именно так: рядом с женщиной, даже во сне не желавшей его отпускать. Но сейчас всё было неправильно. Никогда после ночи любви, даже после самой жестокой попойки, Сергей не чувствовал себя так хреново.

«Я же чуть не помер там, – вспомнил он свой сон. – В меня стреляли...»

Духарев хотел протереть глаза, шевельнул рукой... Но рука была – словно снулая рыба. Сбоку раздался негромкий возглас. Духарев увидел лицо Артема.

– Батя! – проговорил сын с непривычной нежностью. – Батя! Слава Богу!

Женщина проснулась, убрала ногу с живота, привстала, приложила ладонь к его лбу...

– Ты...

Духарев хотел спросить: «Ты кто?», но тут сам вспомнил.

– Молчи... – сказала женщина, коснувшись рукой его губ. – Молчи, воевода...

– Сергей... Меня зовут Сергей... – прошептал он, с трудом шевеля пересохшим языком.

– Сергей. Молчи. – Влажная губка прижалась к губам.

– Дай ему сладкого молока, – сказал Артем. – Только немного. Я пойду, скажу всем, что батя очнулся.

– П-погоди... – прошептал Духарев.

– Молчи, батя, молчи! – Сын наклонился и тоже погладил его по щеке. – Ты не тревожься! Теперь всё будет хорошо!

Мягкая ладонь легла Духареву на затылок, приподняла голову. Внутри черепа толкнулась боль, но скоро ушла, словно втянулась в женскую ладошку. Край чаши коснулся губ. Теплая сладкая жидкость потекла в пересохшее горло... Через несколько мгновений глаза сами закрылись. Сергей уснул.

– В том вине был яд, – рассказывал Артем. – Я выпил совсем чуть, справился. Да и противоядие помогло. А ты был совсем плох. Захолодел весь. Грелки с горячим песком уже не помогали. Если бы не Людомила, ты бы, наверное, умер. Она два дня и три ночи лежала в твоей постели, согревала тебя, не давала уйти...

– Теперь по Правде ты должен взять ее в жены! – сказал Мыш.

Он улыбался, но Духарев видел: брат все еще тревожится. Не верит, что Сергей не уйдет за Кромку. Сам-то Духарев уже точно знал, что выкарабкался. К ногам вернулась чувствительность, руки окрепли достаточно, чтобы держать чашу с настоем, кусок льда в животе и груди растаял. Нутро, правда, болело, но это уже была нормальная, живая боль...

– Где она? – спросил Духарев.

– Уехала, – сказал Мышата. – Сразу, как только стало ясно, что ты выживешь. Не сердись на нее! Если Сурсувул узнает, что она все это время была с нами, худое может случиться.

– Надо было забрать ее с собой, – сказал Сергей.

– Мы ее звали, – сказал Мыш. – Она не захотела. Не беспокойся, я дал Пчелко довольно денег, чтобы они могли бежать, если возникнет нужда. У кесаря Петра в Булгарии мало по-настоящему верных людей. За золото можно купить всё: жизнь, свободу...

– Где мы сейчас? – спросил Духарев. – В Преславе?

– Шутишь? Оставаться в столице после того как Сурсувул пытался тебя отравить по поручению кесаря?

– Думаешь, это он? – усомнился Духарев. – Рог прошел через десяток рук. Любой мог сыпануть яд...

– Такова официальная версия, – по-ромейски произнес Мышата и усмехнулся. – Они даже отравителя нашли, какого-то боярина из Коровиц. Он уже признался. И причину указал: мол, брат его с хузарами торговал, а наш князь хузарского кесаря побил. Вот он за

Йосыпа и обиделся.

– Бред какой-то...

– Вот-вот... А ты говоришь: остаться в Преславе.

– А где мы сейчас?

– В Скопле. Тут тебя тишком никто не зарежет. И дом никто не подожжет. Но сразу, как управишься, двинем домой. Я сам с вами пойду. А то с вами воев маловато: натравит на вас кесарь каких-нибудь степняков...

– А ты, значит, нас защитишь, брат Мышата? – теперь уже Духарев усмехнулся, представив, как тучный братец храбро разгоняет врагов, перед которыми оплошала Серегина личная дружина.

– Ты не скалься, воевода, не скалься! – произнес Мыш. – Меня все небольшие ханы по имени знают. Я их золото в товары обращаю. Вот тех же угров взять: я не только к дьюле Такшоню вхож, как ты, а со всеми ихними князьями, включая Геза, лично знаком. Ежели какой подханок мою кровь возьмет, большой хан ему голову открутит. А захочет если тот же Сурсувул на тебя тишком какого-нибудь болярина натравить, так я, считай, в Булгарии каждого заметного господаря по имени зову. А ты хоть и посол великого князя киевского, да кто его здесь знает?

– Скоро узнают! – посулил Духарев. – Очень скоро! А сейчас, Артем, бери стило и бумагу, будем кесарю Петру письмо писать.

– Эй! – воскликнул Мыш. – Полегче, брат! Может, лучше из Киева ему написать? Оскорбится кесарь – даже я не смогу тебя уберечь!

– А с чего ты взял, что я хочу его оскорбить? – спросил Духарев. – Нет, брат, я намерен написать кесарю, что зла на него не держу и повезу в Киев не обиду, а исключительно его дары и заверения в дружбе, кои он мне дал и на личной аудиенции, и на открытом приеме.

– Так ты ему спустишь, что он пытался тебя отравить? – возмутился Артем. – Я не буду...

– Будешь, сынок, – спокойно произнес Духарев. – Напишешь всё, что я скажу. И не спорь! А должок мы с него возьмем... В свое время.

«Сторицей возьмем, – добавил он мысленно. – Но сначала нам надо вернуться домой, и дядька твой, как всегда, прав: дружина у нас для настоящей войны маловата. А война будет, это я обещаю. Я помню, сынок, что чаша эта была не мне преподнесена, а тебе. Себя я еще мог бы им простить, но тебя – навряд ли. А еще мне очень хотелось бы узнать, за каким хреном понадобилось тебя травить, причем так грубо и поспешно? Возможно, ответ на этот вопрос знает дьюла Такшонь... Но вряд ли скажет. Ладно, выясним в свое время и это. Сам Сурсувул и поведает, когда мои варяги его железом припекут...»

На следующий день из Преславы прискакал гонец. Вернее, целая компания гонцов, причем не мелкой шушеры, а солидных знатных мужей.

Привезли виру – два фунта золотом. Пять гривен по киевскому счету. И личное письмо от кесаря Петра, написанное по-византийски, то бишь – по-гречески. С извинениями и сообщением, что виновный наказан со всей строгостью – четвертован. Делегацию сопровождала тысяча латных конников. Для солидности. И для того, чтобы показать послу болгарскую тяжелую кавалерию, экипированную на манер византийских катафрактов. А может, на тот случай, если посла не устроит размер виру...

Посланцев кесаря заверили, что посол обиды не держит, вира его вполне устраивает... Словом, мир, дружба, жвачка, как говаривали во времена духаревской юности.

Катафрактов Духарев тоже оценил по достоинству. Этих запросто стрелами не закидаешь. И союзники такие против ромеев были бы очень кстати. А вот законы здешние определенно следует переработать. Пять гривен за попытку отравления княжьего посла на царском пиру... Да в Киеве за простого тиуна и то большую виру дают...

Глава восьмая

Киев

– Повод? Не нужен мне никакой повод! – князь встал и прошелся по горнице.

За последний год он еще больше раздался в плечах, заматерел и отяжелел, но ступал мягко, беззвучно. Даже половицы под ним не скрипели.

– Он хотел тебя отравить, – сказал Святослав, останавливаясь напротив воеводы. – Одного этого достаточно, чтобы я превратил его в падаль!

– Мы не можем быть уверены, что это он, – возразил Духарев. – Кесарь лично принес мне извинения и выплатил виру.

– Он выплатил виру тебе, – холодно произнес князь. – К тому же такую виру, что за простого гридня мало будет. Но ты – мой посол! И мне он ничего не заплатил!

– Хочешь, чтобы я с тобой поделился? – осведомился Сергей.

Глаза великого князя сверкнули. Но ответил он не сразу. Прошелся еще раз, потом уселся в свое «княжье» кресло и только тогда произнес негромко и недобро:

– Не шути так, воевода. Не забывай, с кем говоришь.

Духарев не ответил. Он молча смотрел на князя. Кресло, в котором сидел Святослав, стояло на возвышении, поэтому лица их были вровень.

«Ничего удивительного, – подумал Духарев. – Когда у тебя столько власти, хочется быть не князем над вольной дружиной, а полновластным кесарем».

– Ты можешь приказать мне сражаться, княже, – спокойно сказал Сергей. – Но запретить мне шутить не можешь. Я – варяг, а не холоп. Я говорю, что хочу. Если тебя это оскорбляет, верни мне мою клятву, и мы расстанемся.

– К мэрам твою гордость! – проворчал Святослав.

Гнев его остыл. Духарев был ему нужен. Возможно, не только как воевода, но и как друг. Это ромейский император не может позволить себе иметь друзей – у него могут быть только подданные.

– К мэрам твою гордость! Говори, что хочешь, – разрешил Святослав. И тут же скорректировал: – ... Но только когда мы вдвоем! И оставь себе эту виру. Свою я возьму сам. – И уже другим тоном добавил: – Я смогу, как думаешь?

– Думаю, нет, – сказал Духарев.

– Почему? – нахмурился князь. – Кесарь Петр стар и слаб. Бояре его не любят. Мне говорили, едва мои лодьи появятся на Дунае, Булгария восстанет.

– Глупости! – возразил Сергей. – Те, кто действительно хотел восстать, уже осуществили свое желание. И Петр разделал их под орех. Да, в Булгарии им недовольны, потому что он выжимает из своих подданных всё, что может. Еще и от ромеев получает, вернее, получал изрядную дань. И тратит эти деньги на войско. Я видел его тяжелую конницу. Она производит сильное впечатление.

– Если Петр так силен, то почему пропустил через свои земли угров? – спросил Святослав.

– А почему бы ему их не пропустить? – усмехнулся Сергей. – Тоттош отправился грабить. Не пропусти его Петр, он вполне мог бы обчистить окраины Булгарии. А так он выпотрошил ромейскую Фракию, да еще долю Петру отдал. Ромеи, конечно, остались недовольны, но это их проблемы. За своими перевалами Петр практически неуязвим.

– Но мы-то пойдем не через перевалы! – заявил Святослав. – Мы пойдем водой.

– Вот именно! Это значит, у нас почти не будет конницы.

– Как не будет? А угорская? Такшонь – наш союзник!

– Не совсем.

– То есть как не совсем? – возмутился Святослав. – Я женат на его дочери! Ты сам привез ее ко мне! Такшонь должен стать моим союзником! Его внук унаследует мою вотчину!

– Вот в этом дьюла и сомневается, – заметил Духарев.

– Почему? – нахмурился князь.

– Потому что ты, княже, – тут Духарев на всякий случай понизил голос, чтобы, не дай

Бог, не услышали отроки по ту сторону дверей. — ... Твой первенец Владимир живет в твоём тереме и воспитывается наравне с внуками дьюлы.

— Он — мой сын, — возразил Святослав, тоже вполголоса. — И он растёт настоящим воином. Не худшим, чем Ярополк и Олег!

— Вот этого-то дьюла и опасается.

— Чего он хочет? — напрямик спросил князь.

— Хочет, чтобы ты определил, кому из твоих сыновей где княжить.

— Что ещё?

— Ещё он опасается, что ты метишь в его наследники.

— Но его родной сын Тотош пока что жив!

— Вот именно, пока! Если Тотош пойдёт с тобой — и не вернётся...

— ... то я как муж дочери дьюлы наследую его земли. Так и будет, можешь не сомневаться! Это моё право, если Тотоша не станет.

— Вот именно. Ты заинтересован в том, чтобы Тотоша не стало.

— Ты думаешь, я убью брата своей жены, чтобы завладеть его землями? — воскликнул Святослав. — Что ты несёшь, воевода?

— Так думает дьюла. Я как раз думаю иначе. Потому поклялся Такшоню, что сделаю все, чтобы Тотош остался жив. И я это сделаю, княже! Потому что Тотош — твой брат и мой друг. Потому что Такшонь — не великий князь мадьярский, а всего лишь верховный вождь. И второй после него не Тотош, а мадьярский князь Геза. Тотош может унаследовать отцу — с твоей помощью. Но только он, а не ты. Если Тотош погибнет, мы потеряем союзников и будем вынуждены снова с ними драться, как это было во времена твоего отрочества. Я поклялся, и я сдержу клятву!

— Пусть будет так, — согласился Святослав. — А о том, какие земли я отдам в княжение Ярополку и Олегу, я объявлю весной.

— Ярополку, Олегу и Владимиру, — уточнил Духарев.

— Владимиру? Какое дело дьюле до Владимира?

— Дьюле — никакого. Но он — твой сын. Первенец. И обещает вырасти настоящим воином, ты сам сказал.

— Вот и будет биться в дружине Ярополка. Или свою соберёт...

— ... и пойдёт добывать свой удел у братьев, — закончил Сергей. — В нём твоя кровь, княже! Он не удовольствуется опивками. Дай ему свой стол, чтобы он не чувствовал себя обойденным... и отошли из Киева. Тогда Такшонь твой!

— Совет неплох, — согласился Святослав. — Но кто захочет взять в князья рабичича?

— А вот об этом надо подумать.

— Ладно, думай. А сейчас скажи: с уграми мы возьмём Булгарию?

— С уграми и печенегами — можем, — сказал Духарев. — Если не вмешаются ромеи. А они вмешаются наверняка.

Святослав задумался, подергал ус... И вдруг воскликнул:

— Калокир!

— Что — Калокир? — спросил Духарев.

Он слышал это имя, но сам с сыном херсонского протевона никогда не встречался.

— Калокир! Вот кто мне поможет!

— Уверен? — Духарев мало общался с ромеями, но твердо знал: верить им нельзя. — Я-то его не знаю...

— Узнаешь, — сказал князь, хитро прижмурившись. — Со временем. А теперь расскажи-ка мне, за что тебя все-таки пытались отравить в Преславе...

— За что? — Духарев дернул себя за ус, вздохнул. — И этого я не ведаю, княже. Но узнаю непременно.

Глава девятая Нежданные гости

Сладислава вышивала мужу рубаху. Сама вышивала. Отдай швеям – те вместо красивого узора своих языческих оберегов нашьют. А это – грех. Сережа ворчит, мол, полон дом челядинок, а ты сама с иглой сидишь. Но Слада знала: мужу приятней ту рубаху носить, которую она сама украсила. А руками Сладислава работать любила. Еще больше любила, когда муж рядом. Когда, к примеру, играют Сережа с Артемом в «фигуры», а она вышивает или корешки целебные перетирает в ступке. И разговор идет между ними простой и неспешный. Как бы ни о чем...

Сейчас мужа рядом не было. С утра друга своего встречать поехал, Устаха. И детей с собой взял, Артема и Данку. Он бы и младшего прихватил, но тот теперь в «детских» князя. Попроси Сережа, Асмуд бы мальчика отпустил, но муж не попросит. Никаких поблажек сыну воеводы – так он говорит. Сережа вообще хотел Славку в Белозеро отправить, но Сладислава вопреотивилась. В Киеве выучат не хуже, а тут она хоть видеть его будет... иногда.

Сережа тогда уступил. А сейчас, после Булгарии, может, и не послушал бы ее. Что-то переменялось в нем после возвращения. Как будто крысенок пробежал между ним и женой. Сладислава знала, что мужа в Булгарии пытались отравить. Кое-что ей поведали. Но не поведали, узнал ли муж ее тайну. Муж и сын о болгарских приключениях говорили неохотно, больше отмалчивались, а расспрашивать их настойчиво Слада сочла неправильным. Тревожно ей было. Может, следовало сразу рассказать Сереже обо всем? Но тогда пришлось бы и Момчилу все рассказать. А теперь поздно... Если же Сережа сам все узнал там, в Булгарии, можно притвориться, что Сладислава о том ведать не ведала. Только очень ей врать не хотелось. Никогда она мужу не врала. Но ведь это не только ее тайна...

Печальные мысли Слады нарушил Сычок:

– К вам гости, матушка!

– Кто?

– Не назвались. Но по всему видать, княжьи. Брони богатые. Батюшку воеводу спрашивают.

– Велим где? – спросила Слада.

– С батюшкой воеводой уехавши. Не пущать?

Слада задумалась.

Но не пускать в дом гостей, пусть и неожиданных, – нехорошо. С другой стороны, принимать самой мужниных гостей, воинов – тоже нехорошо. Рёреха позвать? Тоже не ладно.

– Скажи им, Сычок, что воеводы дома нет, – сказала Сладислава. – Вернется к закату. Ежели готовы ждать, пусть ждут во дворе.

– Ага, – Сычок кивнул лохматой головой, шагнул к двери, но остановился. – Хорошо ли во дворе, матушка? Гости важные...

Сладислава отложила шитье:

– Впускай гостей во двор. Я сама их на крыльце встречу.

Гостей Сладислава узнала сразу. И порадовалась, что не отослала их прочь, не взглянув.

Двое: мужчина и мальчик. На обоих брони. На мальчике – чужеземной работы, возможно, арабской, на взрослом – тоже добрый панцирь, но попроще, кованный здесь, в Киеве. Вблизи Сладислава даже могла бы определить, кто из трех киевских бронных мастеров его ковал. А вот лошадь лучше у старшего: широкий в крупе боевой хузарский жеребец-пятилетка. Мерин младшего косился на цепного мишку, сидевшего у забора, по-собачьи вывалив длинный язык, косился и всхрапывал. Конь старшего и ухом не вел. Вышколен. Для боя и для охоты.

В оружии и лошадях жена воеводы разбиралась не хуже мужа. Почти двадцать лет замужем за воином. Выучилась.

Гости спешили. Старший, кряжистый муж со светло-рыжей бородой, снял шлем,

поклонился:

– Здрава будь, хозяйка! Мир дому твоему!

– Мир и тебе, Добрыня, – наклонила голову Сладислава. – Мужа моего нет, но, думаю, скоро вернется. Подождешь?

– Подожду, – степенно ответил Добрыня. – Знаком ли тебе племянник мой и пестун Владимир?

Сладислава покачала головой. Конечно, она знала этого мальчика. Но решила не портить Добрыне игру.

– Мой отец – великий князь Святослав! – громко объявил мальчишка и покосился на дядьку: не рассердился ли?

– А я – Сладислава, жена воеводы Серегея.

– Воевода Серегей – великой славы муж! – с важностью, по-взрослому ответил мальчик. – Но мой отец – больше! Никого нет славнее его!

– Твой отец – великий князь, – сказала Слада. – Но, может, выросши, ты превзойдешь его!

Мальчишка гордо задрал подбородок.

– Пожалуйте в дом, – сказала Слада. – Не пристало таким, как вы, во дворе ждать. Лушкарь, Хмель, примите коней у сотника и княжича!

– Воеводу Серегея нам и во дворе ждать не зазорно, – степенно произнес Добрыня (племянник удивленно взглянул на него). – Но коли приглашаешь в дом, мы рады.

И, по-прежнему держа шлем в руке, шагнул к крыльцу.

Владимир, глядя на него, тоже снял шлем, пригладил светлые вихры. Но перед тем, как войти, быстро обернулся и показал медведю язык.

Первой в дом вбежала дочка.

– Мамка! Мамка! А мы... – она осеклась, увидев гостей, тут же опомнилась, вытянулась стрункой: – Здравствуйте!

– Здравствуйте, здравствуйте! – привычно наклонясь, чтобы не задеть шлемом притолоку, в дом вошел Духарев.

Добрыня встал, пихнул племянника, и тот тоже вскочил.

– Здрав будь, воевода! Прости, что незванными...

– Оставь! – Сергей снял шлем, сунул дочке. – Оботри его, Данка, и повесь, где всегда. Рад тебе, сотник! По делу пришел или так, проведать?

– Можно сказать, и по делу... Да ведь тебе, воевода, с дороги перекусить, горло промочить надо. Мы подождем.

– Говори уж! – потребовал Духарев.

– Ну ладно, – согласился Добрыня. – Хочу правду узнать. Знаю, воевода, ты врать не будешь. Слухи ходят: хочет великий князь моего племянника из Киева услать. Вроде бы отец княгини этого требует. Так ли это?

– И да и нет, – сказал Духарев. – Вранье, что дьюла мадьярский может у нашего князя что-то требовать. А правда то, что из Киева княжичу Владимиру придется уехать. Почему так, это, Добрыня, разговор долгий, а я и верно проголодался. Так что подавай, Сладушка, на стол. Поснедаем и поговорим.

– А где ж Устах? – негромко спросила Слада.

– К князю поехал бересту Роговолтову отдать. Может, там, в Детинце, и заночует. А утром – к нам.

Перед трапезой Духарев произнес краткую молитву. Скорее для Слады, чем для Бога. Гости отделили малую толику своим богам. Ели в молчании. Заинтересованный Владимир вертел круглой светловолосой головой, разглядывая убранство горницы. Посмотреть было на что. Свет масляных ламп отражался на множестве драгоценных вещей, добытых хозяином в бою, подаренных друзьями и союзниками, привезенных издалека родичами. Восточные ковры и западные гобелены соседствовали друг с другом и с охотничьими трофеями так же

естественно, как длиннорогая голова тура из приднепровских степей – со шкурой белого медведя, промысленного в полномочном краю. А две стены из четырех были увешаны оружием, да так плотно, что из-под него почти не было видно коврового ворса...

– ... посему придется твоему племяннику уехать, – поймал Владимир окончание фразы и сразу встопорщился.

– Никуда я не поеду! Я – княжич! Никто не вправе мне приказывать!

– Цыть! – прикрикнул на мальчика дядька. – Нишкни, отрок, когда мужи говорят!

Владимир закрыл рот и даже слегка втянул голову в плечи. Княжич-то он княжич, а рука у дядьки Добрыни тяжелая.

Духарев с улыбкой наблюдал за мальчишкой. Ему смутно помнилось, что пацана ждет великое будущее. И имя у него хорошее: Владимир.

– Уехать, – повторил он. – Но не сейчас, весной. Вопрос: кем он поедет? Приживалой или владыкой? Роговолт полоцкий будет против. Белозерский князь – тоже. Но новгородцев можно купить. Я попытаюсь все устроить, хотя это обойдется недешево.

– Не знаю, хватит ли моих гривен... – произнес Добрыня. – Я ведь уже давно не хожу в походы, а земли своей у нас совсем мало.

– Гривен хватит, – сказал Духарев. – Будет мало, я добавлю. Пустое! – отмел он попытку Добрыни запротестовать. – Когда-нибудь сочтемся. К примеру, дашь моему брату право десятилетней беспошлинной торговли на земле княжьего городка. Не о гривнах разговор, Добрыня, о будущем. Что еще тебя смущает?

– Сами новгородцы, – сказал Добрыня. – Скандальный народец. Нету в них верности.

– Это как поставишь, – возразил Духарев. – Привратника моего видел?

– Которого? С клыками или без?

Владимир хихикнул.

– Без. Так вот он – новгородец. Я его у тиуна одного забрал. У тиуна этого шесть стражников было. Пятеро, как моих варягов увидели, сразу наутек пустились, а этот в драку полез.

– И что? – заинтересовался Добрыня.

– Да ничего. Намяли ему бока. Правда, и он моему десятнику губу разбил.

– Варягу?

– Варягу. Так что думай. А надумаешь – дай мне знать.

– Думать тут нечего, воевода, – сказал Добрыня. – Дело делать надо.

– Добро. Делай. А я вот через две седмицы в Полоцк отправлюсь. Могу твоего княжича взять, если захочет. Что, Владимир, поедешь со мной в Полоцк?

– Я с батькой на полюдь поеду! – задрал княжич курносый полянский нос.

– Этой зимой батька твой на полюдь не поедет, – сказал Духарев. – Не до того ему. Но не хочешь – дело твое.

– Хочу! – быстро сказал княжич. Оглянулся на дядьку: как он, не против?

Добрыня кивнул, одобряя.

– Вот и хорошо, – сказал Духарев. – Поучу тебя бою варяжскому, обоеручному. Хочешь?

– Хочу. Чтобы как батька?

– Это уж как стараться будешь, – сказал Сергей.

– Я буду стараться! – воскликнул парнишка. – Я на мечях...

– Цыть, отрок! – добродушно перебил его Добрыня и встал: – Благодарствую, хозяйка, за угощение! А тебя, воевода, уж и не знаю, как благодарить!

– Живы будем – сочтемся! – сказал Духарев.

– ... Хочу, чтоб ты запомнил, Владимир, этим людям – воеводе и его жене – ты жизнью обязан! – внушал Добрыня племяннику, когда, распрощавшись с хозяином, они ехали в Детинец. – Кабы не они, не было б тебя на свете.

– Да слыхал я, слыхал уж, – недовольно бурчал мальчик. – Сколько можно одно и то же

толочь, дядька!

– Сколько нужно! – рявкнул Добрыня. – Замолкни и слушай! Внимательно слушай, ежели хочешь князем быть, а не ходить в gridнях у братьев!

– Тю! Да я их обоих запросто! Хоть на мечях, хоть...

Добрыня потянулся и треснул племянника по шлему.

– Помолчи, сказано! О том, что сегодня в доме воеводы слышал, – никому! Даже батьке! Сболтнешь – не быть тебе князем! А сделаем, как воевода сказал, может, и впрямь славой ты отца превзойдешь, как Сладислава тебе посулила.

Некоторое время дядька и племянник ехали молча, потом Владимир сказал:

– А она красивая, воеводина жена...

– Зачем ты ему помогаешь, Сергей? – спросила Сладислава. – Он же рабичич. Никто его здесь в Киеве не привечает, даже княгиня Ольга. Ярополк и Олег крещены, а этот – маленький язычник...

– В жизни всякое бывает, – сказал Духарев. – Бывает, язычник становится христианином, а бывают христиане хуже язычников. Хочу тебя спросить...

Но спросить он ничего не успел. В горницу, широко улыбаясь, вошел Устах.

Глава десятая

Старые друзья и новые планы

– Хозяюшка! – воскликнул Устах, раскрывая объятия. – Сладиславушка! – обнимая ее, прикладываясь щекой к щеке. – Здравствуй! Ах, как похорошела!

– Да ну тебя, Устах! – Слада самую малость порозовела. – Как твои?

– Здоровы, хвала богам! Тебе кланяются! А вы никак почивать собираетесь? Меня, что ли, не ждали?

– Не ждали, – Слада укоризненно поглядела на мужа. – Серегей сказал: ты у князя заночуешь.

– Намеревался, – ответил Устах. – Но князей много, вот и у меня ныне – свой, а вы у меня одни! Да и то сказать, разве есть здесь кто храбрее твоего мужа или краше тебя, Сладиславушка!

– Лыстец! – засмеялась Слада. – Кушать будешь?

– Сыт. У князя поужинал. А меда чарку выпью.

– Мед у себя в Полоцке пить будешь! – вмешался Духарев. – Вели, Сладушка, принести кувшинчик угорского, из тех, что мне дьяла Такшонь в позапрошлом году прислал.

Кувшин принесли, обтерли, распечатали. К этому времени к ним присоединился и Артем. Он же и разливал.

Первая чарка – гостю. Но, вопреки обычаю, Артем первой плеснул матери. Слада пригубила, поддержала вино во рту, затем кивнула: можно.

– Ну как, не скисло? – поинтересовался Устах, не без удивления наблюдавший за происходящим.

Слада покачала головой.

Артем наполнил чарку Устаха.

Духарев пристально поглядел на жену. Она спокойно выдержала его взгляд. Скиснуть вино не могло. И яда в нем, по мнению Сергея, тоже быть не могло: Духарев не зря велел принести позапрошлогднее. Что за демонстрации?

– За Правду! – произнес он, поднимая свою чарку.

– За Правду! – Устах плеснул толику в сторону очага, хотя знал, что домашних богов в этом доме не привечают.

– Что тебе Святослав говорил? – спросил Духарев. – Или это тайна?

– Не от вас, – ответил тысяцкий полоцкого князя. – Ваш князь, как ты помнишь, опять звал Роговолта присоединиться к его войску.

– И Роговолт опять отказался?

– Опять, – кивнул Устах. – Ты же знаешь Роговолта. Он старшинство Киева признает, но в своей вотчине он сам себе великий князь. Пойти в войско Святослава, стать князь-воеводой киевским, как ваш Свенельд, ему зазорно.

– Но рано или поздно это случится, – заметил Духарев.

– Как знать. Недавно к нам Ольбард белозерский приезжал. Хотел Рогнеду за Трувора сговорить.

– И что же?

Трувор хоть и был вторым сыном Ольбарда Красного, но давно уже обитал в Киеве и имел на Горе свое подворье, неподалеку от духаревского. Правда, жил в основном не там, а в воинском городке, вместе с гриднями. Теперь, когда Машег наместничал в Хузарии, а Понятко служил воеводой-тысяцким у великого князя, Трувор стал правой рукой Духарева и был в его дружине первым после батьки. И варягов под ним было вчетверо больше, чем в дружине отца. А над ним – только сам воевода да еще Святослав. И все-таки он – воевода, а не князь. Княжение в Белозерье отойдет к старшему брату. Нет, Трувор Рогнеде – не ровня.

– Роговолт отказал?

– Ответил: за старшего, за Стемида, отдам. Но только водимой²⁸ женой. А у Стемида, ты знаешь, жена есть, да не простая варяжка, а дочка самого ярла Харальда. И Роговолту это ведомо. Так что, по сути, отказал. А мне было велено намекнуть, что ежели захочет Святослав Рогнеду за Ярополка взять...

– Ярополк – мальчишка!

– Роговолт готов подождать.

– Роговолт – да. А Рогнеда?

– Подождет и она. Ей и в Полоцке неплохо. Хотя девка растет гордая. Князь, ты знаешь, в ней души не чаает. Потакает во всем. Зато красавица будет! Может, ее за твоего Артема посватать, коли Святослав откажет? Что скажешь? Я бы пособил...

– Я невесту у Трувора отбивать не стану! – решительно заявил Артем.

– Помолчи! – оборвал его Духарев. – А тебе, Устах, спасибо за предложение. Но пусть сначала Святослав откажет, тогда и говорить будем. Скажи лучше, понимает ли Роговолт, что Полоцку с Киевом не тягаться? Даже на пару с Белозерским князем. Это ведь не с новгородцами огнища делить. Да и новгородцы, коли начнет Роговолт спорить с Киевом, в стороне не останутся. У них к вам давняя нелюбовь. Ты знаешь, я Роговолта высоко ставлю, хорошего от него видел много и дурного ему не хочу. Если он отказался участвовать в будущем походе, Святослав ему не простит. Неужели Роговолт этого не понимает?

– Понимает, – кивнул Устах. – Сам он не пойдет. Но то – Роговолд. А вот мне, к примеру, воеводой у Святослава быть не зазорно, а почетно.

«Ну и ну, – подумал Духарев. – Неужто Устах хочет от Роговолта уйти?»

– Роговолт сам не пойдет, – сказал Устах. – Но дружину даст. И дружину эту поведу я.

В тот вечер Духарев так и не поговорил с женой о болгарских событиях. Отложил на следующий день. Вернее, на следующую ночь...

Глава одиннадцатая

В которой Духарев узнает кое-что весьма интересное о происхождении своей жены

– ... Глупый! – сказала Слада. – А то я не знаю о тех девках, что тебе постель греют в походах? А то я не помню, скольким молодухам ты в Торжке юбки задира! Ужель ты думаешь, что я стану тебя ревновать к девушке, которая тебя спасла?

– Так то девки... – промямлил Духарев. – А то... боярышня!

²⁸ Водимой, т. е. главной.

Они лежали в постели, в полумраке, разгоняемом лишь трепещущим огоньком изложницы. Сергей рассказал жене о случившемся в Преславе. Не утаил ничего...

Но оказалось, что жене и так известно практически все, включая и то, что некая болгарская боярышня три ночи провела в его постели. Нашлись рассказчики и без Духарева. Видно, кто-то из дружинников поделился информацией с женой, а та, в свою очередь...

Впрочем, не важно. Самой пикантной, с точки зрения Духарева, части этой истории Слада не придавала особого значения.

– То местечко, до которого вы, мужи, лакомы, что у боярыни, что у челядинки... – Слада засмеялась. – Да ты ведь даже и не приголубил ее, Сережа! Жалеешь небось?

– Слушай, неужели тебе все равно? – Сергей даже немного обиделся.

– Раньше было не все равно, – ответила Слада. – А теперь привыкла. Сколько лет живу среди язычников...

– Но ты-то терпишь...

– Так мне никто, кроме тебя, и не нужен, – просто сказала Слада. – И я благодарна тебе, Сережа, за то, что здесь, дома, ты только со мной.

– Так и мне не нужен никто, кроме тебя, Сладушка! – Сергей обнял ее, притянул поближе. – А сейчас я задам тебе вопрос, на который ты можешь не отвечать. Но я очень хотел бы, чтоб ты ответила. Я ведь не всю правду рассказал тебе о том, что было в Бугарии.

Духарев почувствовал, как она мгновенно напряглась.

– А что там было?

– Это ведь не меня хотели отравить на том пиру, Сладушка. Не меня, Артема.

Женщина тихонько ахнула.

– И я очень хочу, родная моя, знать, почему его хотели отравить. Ты знаешь?

Слада молчала. Прижалась головкой к груди мужа, дышала часто-часто... Но молчала.

«Она что-то знает, – подумал Сергей. – Что?»

– Расскажи мне, милая, – попросил он. – Что бы это ни было: позор, бесчестье, преступление – я все равно должен знать. Иначе я не смогу защитить нашего сына...

Сладислава отстранилась от него, приподнялась на локотке. Решилась.

– Хорошо, – сказала она. – Я расскажу. Но поклянись, что никому... Нет, не клянись! Выслушай, а потом сам решай, как тебе хранить эту тайну... Момчил и я... Мы не брат и сестра.

Ей требовалось немалое мужество, чтобы наконец сказать мужу то, что она скрывала так долго.

– Вернее, мы не родные брат и сестра. У нас разные матери. На матери Момчила отец женился уже здесь, в Киеве... А моя... Она болгарка. Ее имя Богуслава, и она...

Слада запнулась, но лишь на мгновение. Сколько лет она хранила эту тайну. От всех: от брата, от мужа...

– Богуслава, моя мама, – дочь кесаря Симеона! – на одном дыхании произнесла Слада.

Ну вот и все.

– Да... – только и мог сказать Духарев. – Да... Теперь мне кое-что понятно...

И рассказал жене о предупреждении Такшоня. И о словах Людомилы, что Артем, дескать, очень похож на кесаря Симеона.

Слада прикусила губу. Сколько лет она хранила эту тайну... И чуть не погубила собственного сына. Но откуда она могла знать об этом сходстве. Она ведь его не видела, своего деда Симеона...

Сергей угадал ее состояние, снова обнял, прижал к себе...

– Всё, милая, всё обошлось! Не казни себя!

– ... Они любили друг друга, мама и отец, – говорила Слада. – Но было им счастья – одиннадцать месяцев. Венчались они тайно, сразу после смерти Симеона. Дед, может, и разрешил бы дочери выйти замуж за любимого, своего ближника, но Петр – никогда. Венчались и покинули Бугарию. Петру в первые годы царствования было некогда их искать. После искали. Может, сам Петр, может, ромей... Но мама умерла через две седмицы

после моего рождения. Об этом в Киеве все знали. Отец распустил слух, что, мол, я тоже умерла. После женился на моей кормилице. Момчил – ее сын. Кормилицы... Она умерла уже в Полоцке, от поветрия. Отец нас отослал в Торжок, а сам остался с ней, заболел и тоже умер. Так вот мы с Мышом и осиротели. А потом появился ты...

– М-да... До чего ж замысловатая штука – жизнь, – пробормотал Духарев. – Выходит, я уже два десятка лет женат на болгарской кесаревне. Может, стоит потребовать себе болгарский престол?

– Тебе – нет, – очень серьезно ответила Слада. – А Артем – может. Если не станет Петра и его сыновей...

– ... или вместе с ним не придут пятьдесят тысяч гридней киевского князя, – продолжил Духарев. – Еще жив кое-кто из тех, кто воочию видел кесаря Симеона и подтвердит, что правнук – вылитый Симеон. Если я скажу князю...

– Пожалуйста, Сережа, не говори ничего Святославу! – взмолилась Слада.

– Но почему? Он действительно может добыть Артему престол!

– Сережа, если Святослав возьмет престол Булгарии, он сам его и займет. Но даже если и он решит сделать Артема соправителем, я все равно этого не хочу! Не хочу, чтобы Артем стал таким, как его дядя Петр. Не хочу, чтобы мои дети убивали друг друга ради кесарской мантии!

– Ну почему сразу – «убивали»! – возразил Духарев. – Можно же иначе. Мирно...

– Можно. Когда на землях мир, а не война.

– Ну не знаю...

Духареву, который мысленно уже видел своего сына в тронном зале преславского дворца, трудно было отказаться от этой мысли. Но Слада, конечно, права. Если бы Артем добыл власть сам – другое дело. Но получив ее от Святослава, он вряд ли сможет удержать ее без мечей русов. И будет он не наследником прадеда, а ставленником завоевателя.

– Хорошо, – кивнул Духарев. – Я ничего не скажу князю... Пока. Но если он сам узнает...

– От кого? От Такшоня? От кесаря Петра? Зачем им рассказывать? А другим Святослав попросту не поверит. Ты ведь его знаешь...

– Знаю, – кивнул Духарев.

Олег и Игорь даже и не помышляли о том, чтобы захватить столицу Византии. Они ходили на ромеев, чтобы взять добычу и выговорить своим купцам лучшие условия для торговли. Святослав же видел себя не у врат Царьграда, а внутри его стен.

Он ничего не сказал князю. И Артему тоже. Решил: скажет, когда они двинутся на Булгарию. Тогда скажет непременно, потому что ни он, ни Слада не имеют права решать за сына. Артем сам выберет свою судьбу. Пожелает сразиться за наследство – Сергей его поддержит. Нет – на «нет» и суда нет. Хотя какой это был бы козырь для Святослава – иметь под рукой кровного потомка Симеона-воителя!

Впрочем, чем больше Духарев об этом думал, тем более склонялся к мысли, что Слада все-таки права. В шахматной партии, которая называется «жизнь», стоит пешке внезапно превратиться в фигуру, как на нее тут же обрушивается лавина ударов. Взять хотя бы Машега. Казалось бы, вся Хузария должна радоваться, узнав, что вместо алчного и жестокого Йосыпа ею теперь управляет не просто наместник Святослава, а благородный и справедливый потомок древнего хузарского рода. Как бы не так! Несколько месяцев не прошло – и хаканат вскипел, словно перегретый котел. Половина родовитых хузар посчитала себя глубоко оскорбленной тем, что Хузария оказалась под властью язычника Святослава. Половина оставшихся решила, что ее вожди могут управлять ничуть не хуже равного им Машега. Так что кратковременная идиллия сменилась очередной усобицей. Знающие люди предполагали, что дровишки в костер, на котором бурлил хузарский котел, подбрасывают византийцы, арабы и все, кто желает откусить от такого лакомого куса, как Хузария.

Машега, конечно, слопать не так просто. Опираясь главным образом на своих родовичей, он прижал к ногтю наиболее опасных оппонентов. Но смута не утихла. Все шло к

тому, что в наиболее важных хузарских крепостях придется расположить гарнизоны русов... К чему это приведет, неизвестно. Известно лишь то, что лучший воин степи оказался весьма слабым политиком. Святославу уже не раз намекали, что его надо бы заменить кем-нибудь более подходящим... Но великий князь киевский смещать Машега пока не собирался. Отправил в Итиль Свенельда. Князя-воеводу бывший его дружинник, а ныне наместник Хузарии уважал. Вдвоем они кое-как урегулировали большую часть конфликтов. А тут, как нельзя кстати, набежали торки, которых Машег героически втоптал в степную пыль... Но все равно вопрос оставался открытым. Даже Духарев понимал: новым хаканом Хузарии Машегу не быть. Даже под патронатом Святослава. Не годится он на эту роль.

Точно так же и Артем, даже если все сложится для него отменно, может оказаться не пригоден для роли кесаря...

Две недели спустя Духарев, как и планировалось, отправился в Полоцк – вместе с Устахом и юным княжичем Владимиром. Предложение исходило от Духарева. Святослав не возражал: Сергей поделился с ним кое-какими планами. Разумеется, с Владимиром поехал и его дядька Добрыня.

В Полоцке юный княжич впервые увидел Рогнеду, тоже юную – лишь на несколько лет старше Владимира, – но уже красавицу. Увидел и запомнил. Княжна же лишь мельком взглянула на Святославова ублюдка от какой-то холопки. У ее отца (да и у братьев тоже) было немало детишек, рожденных от челяди. Но никто не считал их княжичами. Мальчики, рожденные от теремных девок, могли стать «детскими», будущими дружинниками. Таким полагала Рогнеда и этого мальчишку, которого зачем-то привез с собой дядька Серегей. Так думала Рогнеда. А какие мысли рождались в голове княжича Владимира, которому определили место в нижнем конце стола, вместе с гриднями, слева от дядьки Добрыни, сказать трудно. Но возможно, именно тогда было положено начало всем братоубийственным войнам, которые веками будут истощать Русь.

А вот в Новгороде, традиционном сопернике Полоцка, княжича с Добрыней приняли иначе – с почетом. В Новом Граде были иные обычаи. И принимали здесь не друзей князя полоцкого, а посланников великого князя киевского.

Новгородский наместник в последнее время часто болел, следовало подыскать ему замену, и Ольга уже нашла опытного боярина из своих ближников. Но тщеславные новгородцы воспротивились. Они не хотели наместника – они хотели князя! Не далекого – в Киеве, а собственного князя, как в прежние времена. Пусть этот князь будет под рукой Киева, но сидеть он будет в Новгороде. «А не то, – грозились новгородцы, – мы себе сами князя найдем! Хоть бы и нурмана, но своего! Чтоб отстаивал нас перед прочими!»

Под «прочими» подразумевался в первую очередь Роговолт.

Поскольку от этих новгородцев можно было ожидать всего, в том числе и приглашения «на стол» какого-нибудь нурманского ярла, к их просьбе-требованию в Киеве отнеслись со всей серьезностью. Но отправлять на север Ярополка и Олега киевский князь не собирался. Ярополк, наследник, должен сидеть подле отца, а Олег слишком мал. Его можно посадить где-нибудь поблизости, под присмотром княгини Ольги, но не в далеком Новгороде. Владимир тоже пока еще мальчишка, но меч в руке держит крепко. И при нем – Добрыня, муж опытный и надежный. Таким образом можно было убить сразу двух зайцев: удовлетворить спесь новгородцев и с почетом убрать из Киева сына ключницы, к которому Святослав был расположен не меньше, чем к сыновьям законной жены. Новгород – не Киев. Даже не Смоленск. Но зато будет там Владимир князем, а не бастардом.

«Ни Ярополк, ни Олег княжить к вам не пойдут, – сказано было новгородцам. – Хотите князя от семени Рюрикова – просите Владимира!»

На том и порешили: по весне приедет к Святославу посольство от новгородской старшины – просить на княжение Владимира. Великий князь не откажет, а сам Владимир уже согласен.

«Стану князем – возьму за себя Рогнедку!» – с ходу объявил он дядьке.

«Сначала подрасти, – посоветовал племяннику Добрыня. – Хорошо ли, когда жених невесте макушкой до подбородка еле достает?»

«Я подрасту, – пообещал княжич. – И Рогнедку возьму. И Полоцк – тоже. А князя полоцкого ниже тебя посажу! Вот!»

«Так и будет», – сказал Добрыня, потрепав племянника по светлому затылку.

Духарев при этом разговоре не присутствовал. Иначе непременно задумался бы...

Когда Сергей вернулся в Киев, князя в Киеве не было. Зато присутствовал старший сын херсонского протевона Калокир. Вернее, патрикий Калокир. Кесарь ромеев Никифор возвел молодого крымского политика в патрицианское достоинство и прислал в Киев. Послом к великому князю тавроскифов. С деловым предложением, сути которого никто не знал, даже княгиня, у которой Калокир бывал не единожды.

Прибыл посол империи на боевом корабле, размерами вдвое превосходящем духаревского «Морского коня». Надо полагать, ромеи немало попотели на волоках. Еще Сергей знал, что знаменитых машин «огненного боя» на корабле нет. Опасаются византийцы за свою монополию на производство огнеметов. И правильно опасаются. Попадись такая штукавина Духареву, он бы ее мигом развинтил и исследовал. В компании хорошего кузнеца и мудрого парса. Спец по местным технологиям (кузнец) плюс местная наука (Артак) плюс менталитет выходца из техногенной эпохи почти наверняка раскололи бы этот орешек. И византийскому морскому превосходству настал бы конец.

Жить на корабле ромей не стал. Перебрался со своими людьми на византийское подворье. А корабль вытащили на берег и «законсервировали». Вывод очевиден: ромей намеревался непременно дожидаться возвращения Святослава. Ну что ж, флаг ему в руки и свисток в зубы. Раньше середины марта-березня великий князь не вернется.

Глава двенадцатая

В которой Духарев лично знакомится с полномочным послом императора Византии патрикием Калокиром

Духарев сидел в Детинце «дежурным» воеводой. Обычно в отсутствие князя в Детинце заправлял Асмуд, но Асмуд уехал по каким-то личным делам, передав «дежурство» Духареву.

Вообще-то старший по Детинцу одновременно являлся и наместником великого князя, то есть высшей властью в Киеве. Но Духарев знал, что решать городские проблемы ему не придется. С такими вопросами киевляне обращаются в Вышгород, к Ольге. К князю идут только в критических случаях. Ну и, конечно, по воинским делам. Так что обязанности воеводы ограничивались опекой оставшейся в Детинце дружины, а это было нехлопотно, поскольку большая часть дружины тоже ушла вместе с князем. Остались в основном «детские» и отроки. У них – свои опекуны.

Одним из «детских» был младший сыночек Духарева Славка.

Сейчас он внизу, во дворе, тренировался вместе с другими будущими гриднями. А Духарев занимался домашними делами: изучал роспись товаров, прибывших с последним караваном из Тмутаракани. Роспись делал кто-то из Мышовых приказчиков, но в правом углу стояла печатка Слады, подтверждавшая: все указанное – в наличии. Сергею оставалось выбрать то, что потребно для нужд его дружины, а всем прочим распорядится жена.

Дверь скрипнула. Сергей поднял взгляд.

– Воевода, там этот, большой ромей пришел, – сказал потревоживший Духарева отрок.

«Большой» ромей – это наверняка Калокир.

– Ко мне? Ждет?

– Не-а... Так пришел, поглядеть, чего тут.

Поглядеть... М-да. Патрикий империи, который пришел в Детинец «поглядеть, чего тут», – это звучит забавно. Что ж, пускай поглядит. А Духарев поглядит на него.

Сергей встал и подошел к узкому окну горницы. Двор сверху был – как на ладони. И

патрикий был там.

До сегодняшнего дня у Сергея не было возможности пообщаться с ромейским патрикием Калокиром. В отсутствие сына посольство принимала княгиня у себя в Вышгороде. За Духаревым не посылала, сам же он инициативу не проявлял. Вокруг Ольги вечно терлись какие-то пришлые ромеи. Даже не столько вокруг Ольги, сколько вокруг ее духовника, ромейского попа, присланного из Константинополя просвещать язычников-русов. Духарев с ним пообщался (через толмача, ромей по-русски говорил плохо), на второй минуте разговора понял, что перед ним не столько проповедник Слова Божия, сколько ромейский шпион, и быстренько знакомство свернул. Помимо попа-шпиона в Киеве постоянно жили два православных священника-булгарина. Они-то в основном и окормляли немногочисленную киевскую общину. Ромей пытался перетянуть одеяло на себя, но тщетно. Даже поддержка княгини не помогала. Правда, именно он крестил княжичей Ярополка и Олега. Крестить-то крестил, но от их воспитания был Святославом отстранен. К самому факту крещения великий князь отнесся как истинный многобожец: лишний небесный покровитель детишкам не помешает. А вот насчет воспитания – это строго! Княжичи – будущие воины, и воспитывать их должны воины. А жрец пусть воспитывает жрецов.

В общем, агента влияния из константинопольского попа не получилось, но киевских ромеев он держал в строгости и периодически вызывал на исповедь, а поскольку жил в Вышгороде, то и ромеи туда таскались регулярно.

А в терем к великому князю до сей поры не хаживали.

И вот теперь ромейский посол ни с того ни с сего появился в Детинец, причем явился «без чинов», всего лишь с полудюжиной челядников.

Духарев поманил пальцем отрока:

– Что он привратнику сказал?

Княжий двор – не гридница, доступ не запрещен. Тем более что у патрикия официальное разрешение княгини гулять, где вздумается. Но спросить, что нужно гостю, привратник обязан.

– Сказал – поглядеть, – ответил отрок и нахмурился: привратник – из его десятка, а отроки из одного десятка, считай, родичи. – Зря пустил, воевода?

– Да нет, все путем.

Вообще-то Сергей мог бы Калокира и выставить. Мол, нечего ромею делать в княжьем дворе, тем более в отсутствие князя. Мог бы. Но не станет. Хитрый грек ничего не делает просто так.

Из окошка на втором этаже Духарев смотрел на Калокира. Тот был одет в подаренную княгиней соболью шубу. И шапка на нем тоже была соболья. Вырядился явно не по погоде: морозец от силы градусов пять, а то и меньше. Мерзнет южанин? Или насмотрелся в Вышгороде на Ольгиных ближников, что цепляют на себя шубы даже в жару – для пущего авторитета. Мытари, блин, государыни! Только и умеют, что считать добытое настоящими воинами добро, назначать оброки да приворовывать где только удастся.

Духарев смотрел на Калокира, а Калокир тоже смотрел. На упражняющихся отроков.

Серегин Славка стоял в паре с парнем года на два старше. Ростом он партнеру не уступал. В отличие от старшего брата пошел в отца: крупный, белобрысый, скуластый. Даже челюсть точно так же выпячивал, когда сердился.

Калокир наблюдал. Этот ромей знал, с какого конца братья за меч. Вот он что-то велел одному из своих, и тот подошел к гридню, школившему молодёжь. Слуга поговорил с гриднем (это был Гримми, из нурманов), тот кивнул. Ромей вернулся к своему начальнику, и тот одним движением скинул соболий прикид. Под соболями посланник императора ромеев оказался значительно компактнее: невысок, худощав. Выпуклый лоб с залысинами (на макушке тоже лысина, сверху она была отлично видна), горбатый нос, черная борода. Гримми сделал знак одному из отроков, тот шагнул вперед, остальные подались назад, образуя круг.

Патрикий вступил в круг, вытянул из ножен меч. Клинок меча был темного металла,

наверняка дорогой. Патрикий крутанул его «бабочкой», легко, словно танцуя, перешагнул влево-вправо. Одного взгляда Духареву было достаточно, чтобы признать в ромее мастера.

Сергей насторожился. У отрока меч деревянный, завернут в кожу, а острие вдобавок обмотано тряпкой, как и положено при потешных и учебных поединках. Неужели Гримми разрешил ромею биться боевым оружием? Это надо прекратить!

Духарев зря усомнился в дружиннике. Гримми было поручено опекать молодежь, а если уж Асмуд доверил такую работу нурману, а не варягу, значит, нурман свое дело знал.

Гримми крикнул, повелительно махнул рукой. Ромей вроде заартачился, но княжий гридень настаивал, и партикий, пожав плечами, протянул ему меч. При этом Калокир сказал что-то обидное, потому что его спутники издевательски захохотали. Но Гримми остался невозмутим. Меч ромея тщательно обмотали, защитив и лезвия, и острие.

Гримми махнул рукой – и отрок, не потеряв ни мгновения, ринулся на ромея. Патрикий скользнул навстречу, с уклоном, оказался за спиной отрока и довольно сильно шлепнул его мечом по задку.

Все, кроме отрока и Гримми, засмеялись. Отрок развернулся, снова бросился в атаку – с тем же результатом. Третьего раза Гримми ему не дал: схватил за руку.

Калокир опять что-то сказал. Гримми кивнул. На этот раз против патрикия выступили сразу трое. Но Духареву уже было все ясно. Он сдвинул грузило, и береста с описью свернулась в рулон.

Честь русов следовало защитить. Как назло, в Детинце никого, кроме младших. Да еще Гримми. Но Гримми против ромея не потянет. В технике ромея чувствовалась школа, причем школа византийская, пожалуй, лучшая из известных Духареву. Разумеется, качественному единоборству обучали не всех ромейских воинов, это ни к чему. Строевой бой совсем иной. Но аристократия византийская была весьма горазда помахать клинками. Тоже понятно: в стране, где редко какой владыка умирает своей смертью, знати всё время приходится собственноручно обороняться от подосланных убийц. Хочешь жить – умей вертеться. В данном случае – с боевым железом.

Асмуд, который, было дело, служил в гвардейцах императора Константина, рассказывал случай. Послали их брать какого-то патрикия, то ли не заплатившего кому надо, то ли, наоборот, заплатившего кому не следовало. Асмуд, еще один наемник, из данов, и десяток константинопольских «полицаев» с офицером во главе. Асмуда с даном придали группе захвата не в качестве средства усиления, а для императорского «пригляду». Чтобы, значит, преступник «полицаям» денежкой глаза не отвел. И точно: первым делом поднятый с постели патрикий попытался откупиться. А когда понял, что откупиться не удастся, схватил меч со стены и начал им орудовать. Да так ловко, что и в одной ночной рубашонке вмиг положил трех доспешных стражников, сильно попортил офицера, дану-наемнику просек десницу, Асмуда едва не убил (кольчуга спасла), а сам удрал.

Вот тогда-то будущий княжий пестун византийскими приемчиками заинтересовался всерьез. Он отыскал мастера и за немалое вознаграждение взял дюжины три уроков. Византийское фехтование весьма органично легло на варяжскую школу, и, вернувшись домой, Асмуд стал первым мечом княжьих русов. Правда, до воеводы и княжьего пестуна он поднялся не столько из-за своего фехтовального мастерства, сколько потому, что был природным варягом и ближником Игоря.

Так или иначе, а кое-что из византийских премудростей Асмуд преподавал не только юному князю, но и Духареву.

Духарев опоясался, спустился вниз и вышел из терема. Постоял, посмотрел, как Калокир гоняет по двору отроков. Ну-ну...

Духарев вложил персты в рот и оглушительно свистнул, приведя в панику ворон и взбудоражив византийских лошадок. Люди же замерли, включая и ловкого в рубке ромейского патрикия.

– Это кто ж тут моих детских забирает? – поинтересовался он с усмешкой, когда вороны перестали орать, а лошадки успокоились. – Ужель гостюшка наш почетный,

посланник самого императора Никифора, сын протевона херсонского, сам благородный патрикий Калокир?

Отроки расступились, пропуская Духарева. Ромей поклонился:

– Польщен, что славный воевода Серегей, бесстрашный посрамитель хузар и печенегов, знает обо мне!

По-русски патрикий говорил свободно, но с южным тмутараканским акцентом. Не мудрено. Вырос Калокир в крымском городе Херсоне.

– Не держи на меня обиды, что побил твоих воев, – он кивнул на пристыженных отроков. – Их командир позволил...

– Ты изрядно польстил мальчикам, благородный Калокир, назвав их воями, – с той же добродушной улыбкой промолвил Духарев. – Пока что они – всего лишь детские. Воями, гриднями им еще предстоит стать. Ты поучил их, патрикий, за то тебе спасибо. А не соблаговолишь ли поразмяться со мной, а то засиделся я...

– Почту за честь! – быстро ответил патрикий. Глаза его блеснули. Какое искушение: проверить на прочность славного воеводу! – Выбор оружия – за тобой! – благородно разрешил патрикий.

– Учебные мечи, пожалуй, – сказал Духарев. Не дай Бог попортить организм византийского посла!

– Брони принести? – спросил Гримми.

– Я не буду, – отказался патрикий.

Сергей тоже качнул головой. Ему подали пару деревянных мечей. Духарев прошелся легким шажком, разминая кисти и радуясь, что обут не в верховые сапожки с каблуками, а в удобные пешие.

Небольшой сюрприз для Калокира: тот небось не ожидал, что противник – обоерукий.

– Но ты можешь вооружиться по своему выбору, как принято у тебя на родине, – разрешил Духарев.

– Благодарю, воевода, – патрикий принял от Гримми учебный меч, взял у одного из своих небольшой, легкий, почти церемониальный щит. Вряд ли он выбрал бы такую фиговину, если бы они бились настоящими мечами, но ромей полагал, что удар деревяшки такая изукрашенная миска выдержит.

«Ну я тебя сейчас разочарую!» – подумал Духарев.

Он покосился на молодежь. Молодежь вела себя чинно, но глазенки так и горели. Духарев отыскал взглядом сына, подмигнул.

– Начнем? – спросил ромей.

– Пожалуй, – кивнул Духарев и, разогреваясь, завертел веерами оба меча.

Калокир разминаться не стал, Калокир прыгнул. То есть это потом Сергей понял, что Калокир прыгнул. В тот момент Духареву показалось, что ромей, стоявший шагах в семи-восьми, внезапно возник слева, перехватил щитком раскручивающийся Серёгин меч и всадил свой клинок Духареву между ребер. Окажись клинок настоящим, Духарев был бы мертв: удар был нацелен точно в сердце. Но меч был деревянный, а на Духареве – гладкая кожаная куртка, надетая поверх вязаной шерстяной рубахи. Так что он даже успел повернуться, отреагировав на контакт чутьем рукопашника, пустить удар вскользь и на развороте треснуть ромея правым мечом по затылку.

Калокир рухнул на колени и ткнулся бы лицом в мостовую, если бы Духарев не успел ухватить его за шиворот.

Черные курчавые волосы на затылке ромея окрасились алым.

«Не дай Бог я ему череп проломил!» – испугался Духарев.

– Воды! Быстро! Славка! За матерью бегом!

Придерживая беспамятного ромея, он очень осторожно ощупал его затылок. Черт! Кровь хлещет... Не понять...

Прибежал отрок с водой.

– Сюда лей! – скомандовал Духарев.

Блин, холодная! А может, и лучше, что холодная... Все равно ни хрена не разобрать. Волосы у ромея на затылке густющие, как баранья шерсть... Тут Духарев заметил, что руки у него дрожат, а сердце колотится вдвое быстрее, чем во время поединка. Он еще не понял, но уже предчувствовал, чем может обернуться убийство ромейского посла прямо в княжьем Детинце.

«Спокойно! – скомандовал он сам себе. – Может, все обойдется. И не хрен из себя лекаря изображать, подождем специалиста».

– А ну разойдись! – рывкнул он на столпившихся вокруг, перемешавшихся с ромеями отроков, поднял ромея на руки, лицом вниз. – Голову ему придержите! Аккуратно, бестолочь!

И понес патрикия в терем.

Опытный Гримми уже всё приготовил: сдвинул лавки около печи, постелил сверху медвежью шкуру. Духарев очень аккуратно опустил ромея животом на лавку так, чтобы голова оставалась за краем. Голову лучше придерживать руками. Гримми подал пузырь со льдом. Лед готовили заранее, на случай нередких в процессе обучения травм. Пузырь приложили к затылку ромея. Гримми принес еще одну шкуру, и Сергей накрыл ею Калокира. Всё. Теперь – ждать...

Ждать пришлось недолго. Загремели во дворе подкованные копыта, и в горницу вбежала Слада. Следом за ней, с лекарской сумкой в руках, важный, как жрец Перуна в канун солнцеворота, – Славка.

– Чем? – спросила Слада, опускаясь на колени около ромея.

Все, что она успела узнать от сына, – батяка зашиб ромейского посла, может, и до смерти...

– Учебным мечом.

Повинуясь ее жесту, Духарев снял с затылка пузырь. Вроде унимается кровь? Или кажется?

– Как тебя угораздило?

Тонкие умелые пальчики Слады погрузились в слипшуюся от крови шевелюру.

– Поединок у нас был... – пробормотал Духарев. – Потешный... Ну что там?

– Потешный... Потешились славно! Хоть бы шлемы надели, потешники! Славка, ножницы!

Получив требуемое, она быстро и ловко принялась выстригать кровавый колтун.

– Ну что? – снова спросил Духарев. – Кость цела, нет?

– Цела, – не прекращая работы, ответила Слада. – Кожу ты ему просек.

Духарев вздохнул с облегчением.

– Раньше срока не радуйся! – «обнадежила» его жена. – От твоего удара можно и с целым черепом помереть! Славка, нить!

Сын подал ей серебряный кувшинчик, в котором, загодя замоченная в специальном настое, хранилась игла с уже вдетой в нее ниткой из овечьего сухожилия.

– Сережа, держи ему голову, а вы – плечи, чтоб не дернулся...

Она уже почти зашила рану, когда в горнице появился весьма озабоченный лекарь с ромейского подворья. Увидев Сладу, вмешиваться не стал, присел на лавку. В Киеве, кроме Слады, было еще десятка два лекарей разной степени подготовленности. Из хирургов выше Сергиной жены почитались только двое волохов, но у этих методы лечения были скорее магические, чем медицинские. Если понадобится их помощь, Слада скажет.

Слада аккуратно подрезала нитки, смочила тряпицу темно-коричневой, остро пахнущей жидкостью, приложила её к затылку ромея. Раненый наконец подал признаки жизни: глухо застонал, шевельнулся.

– Терпи, терпи... – ласково проговорила Слада по-ромейски и добавила по-русски: – Приподнимите его! – и снова по-ромейски обратилась к Калокиру: – Видишь меня, патрикий?

– В-вижу... Спаси Бог... – глаза ромея слегка косили, но Духарева он разглядел: – Эк

ты меня... воевода... Крепко приложил...

– Прости, – покаянно произнес Духарев. – Не удержал руки...

– Помолчите оба! – строго приказала Слада. Она ощупывала шею Калокира. – Не больно так?

– Х-хорошо, крас-савиц-ца...

Ромейский лекарь встал и подошел поближе.

– Хребет цел, – сказала ему Слада. – Забирайте своего патрикия.

– Может, лучше его пока здесь оставить? – озаботился Духарев. – Пускай отлежится, а то не ровен час...

– Ничего ему не будет! – отрезала Слада. – Посадите его!

– Отп-пустите м-меня, я с-сам! – потребовал Калокир.

Раньше он не заикался.

Патрикия отпустили, он действительно сел сам.

– К-коня к к-крыльцу м-мне...

Но тут его вырвало.

– Не коня, а носилки, – сказала Слада. – И еще седмицу я тебе, патрикий, садиться в седло не рекомендую.

– П-пустое... – обтирая рот, пробормотал Калокир. – С-со м-мной так уже б-бывало!

– Тем более! – Слада многозначительно поглядела на ромейского лекаря.

Тот быстро закивал: мол, правильно русинка говорит!

– П-приходи ко мне, п-прекрасная целитель-ница... – пригласил Калокир, похоже, не слишком смущенный своим прискорбным положением. – Я т-тебя одарю!

– Непременно, – ответила Слада.

– Вместе придем, – уточнил Духарев, который полагал, что удар по затылку – недостаточный повод, чтобы позволить ромею приударить за Сладой.

Калокир обратил на него взгляд немного косящих глаз, видимо, что-то сообразил...

– Д-да, воевода. Вместе. Буду рад!

Он встал, зацепившись за плечо одного из своих слуг, и довольно бодро заковылял к выходу. Однако во дворе его все же уложили на носилки.

Глава тринадцатая Золото патрикия Калокира

Три дня спустя Сергей со Сладой навестили зашибленного посла. Впрочем, к этому времени Калокир уже вполне оправился и сейчас занимался бизнесом: выторговывал у новгородского купца оптовую скидку на куньи и собольи меха. Рядился патрикий империи профессионально, не хуже купца. Новгородец уже раза три намеревался покинуть подворье, но каждый раз Калокир набрасывал грошик, и торг возобновлялся.

При появлении воеводы патрикий с видимым огорчением торг прекратил, назвал приемлемую сумму и отсчитал, сколько положено. Новгородец, проходя мимо Духарева, скинул шапку и низко поклонился. Сергей небрежно кивнул. Купца он не помнил.

На ромейском подворье Сергея и Сладу знали: среди киевской элиты, даже после крещения Ольги, было не так уж много христиан. Старший тут же сунулся приветствовать воеводу и его супругу, но Калокир с ходу показал, кто тут главный: иди, мол, распорядись насчет стола, а с гостями я сам поздороваюсь.

Поздоровались. На сей раз без всякой игривости по отношению к Сладиславе.

Чинно зашли в дом, где расторопные ромейские рабы уже накрыли перекусить-выпить. Воеводе с супругой отвели почетное место – под иконостасом.

Духарев охотно отказался бы от угощения (не дай Бог опять отравят), но увидел, что вино ему и патрикию наливают из одной емкости, а рыбку печеную (пятница, пост) кладут из одного блюда, – и решил рискнуть. Вино у ромеев было хорошее, а повар – так себе.

Говорил в основном Калокир. Рассказывал византийские сплетни. Воспевал империю,

победоносные военные кампании императора Никифора, самого Никифора: дескать, такой могучий и храбрый муж, что самолично выходит на единоборство перед битвой, а однажды с такой силой ширнул копьем вражеского богатыря, что нанизал его на копье вместе с панцирем, словно повар – куренка на вертел. Еще говорил Калокир о громадных трофеях, несметных, непрерывно множась богатствах Византии. Мягко говоря, привирал. А вернее, врал, как сивый мерин. Из своих источников Духарев знал, что финансовые дела в Византии не ахти.

Император Никифор Фока, бесспорно, неплохой вояка. В прежние времена Никифор, тогда еще «простой» стратиг-автократор, на пару со своим братом Львом неплохо поратоборствовал в Малой Азии. Настолько неплохо, что, с точки зрения Константинополя, приобрёл слишком большой авторитет. Посему правящий в ту пору кесарь Роман пожелал избавиться от слишком удачливого полководца. Но в замысле своем не преуспел. Малоазийские военачальники Иоанн Цимисхий и Роман Куркуас, которым через евнуха было поручено убрать стратига-автократора Никифора в обмен на посты domestikов Востока и Запада, убивать своего старшего соратника не стали, а напротив, сообщили ему, что он «заказан». И тут (как нельзя кстати) правящий кесарь сам возьми да и помри. Причем весьма подозрительной смертью. А Никифор Фока, воин и герой, объявил себя императором, двинулся на Константинополь и без проблем взшел на трон в Золотой палате. Для соблюдения же династической преемственности взял в жены красавицу Феофано, жену покойного императора. Феофано, женщина потрясающей красоты и изощренного коварства, пробившаяся наверх именно благодаря этим качествам, была примерно таких же царских кровей, как духаревская кобыла. Ходили слухи, что именно она отравила своего предыдущего мужа. Еще говорили, что на этот брак Никифора подвигло не столько «императорское достоинство» Феофано, сколько ее изумительные внешние данные.

Став кесарем, Никифор тут же доказал, что хороший полководец может быть отвратительным правителем. Он повысил жалованье солдатам (не позаботившись об источниках финансирования), а когда закончились деньги, добытые удачными походами, испортил налоговую машину финансовыми экспериментами. Затем, чтобы собрать необходимую сумму, затеял военную кампанию (тут он был специалистом) и успешно повоевал на Крите. Тем не менее, как уже отмечено выше, финансовые дела империи оставляли желать лучшего.

Впрочем, дифирамбы Второму Риму Духарев выслушал молча. Все это были пустые слова. Сергей ждал, что патрикий выскажется по делу: не для того же Калокир притащился давеча в Детинец, чтобы по башке схлопотать.

Но Калокир так ничего конкретного и не сообщил. Разве что попытался вывести у Сергея, зачем тот посещал Булгарию.

Духарев ответил уклончиво. Он не знал, какую информацию слил ромеям Сурсувул. Калокир скрытность воеводы воспринял как должное. Подарил Сладе икону в золотом окладе, а Духарева осчастливил парсуной Никифора в подобающем обрамлении. Судя по этому портрету, кесарю Никифору было лет шестнадцать, а ручонки его были такие, что ими просто поднять боевое копье и то проблематично, не то что панцирь насквозь пробить.

Еще Калокир пригласил воеводу заходить в гости: и здесь, и в Херсоне, и в Константинополе, если славный воевода наведается туда. Намекнул, что у императора Никифора он, Калокир, в большом почете, а дом в столице у него такой, что княжий терем на Горе в сравнении с ним – просто сарай. Унизил русов, собака ромейская, но так ловко унизил, что за язык не притянешь. Политик, блин! Нет, мало ему Духарев врезал!

Вспомнив об этом, Духарев порадовался. Все-таки повезло ему изрядно. Не ожидал ромей, что «воткнувшийся» между ребер «клинок» может так легко соскользнуть. А от удара по затылку у патрикия и вовсе все перемешалось. Пусть гадает теперь, как воевода его «сделал».

Возвратись домой, Духарев не обнаружил при воротах Сычка. На въезде во двор отирался младший конюх. Маленький поганец, вместо того чтобы как положено нести

караульную службу, развлекался, дразня медведя: показывал ему тыкву с медом, а потом прятал тыкву под подол рубахи. Медведь урчал, танцевал, истекал слюнями, словом, всячески выражал готовность опохмелиться. «Шоу», с гоготом и комментариями, наблюдали трое балбесов-отроков из духаревской дружины. Эти, правда, заметили въезжавшего во двор воеводу и мгновенно ретировались. А сопляк-конюх так увлекся, что появление хозяина профуфунькал.

Хлоп! Серегина плетъ смачно перетянула юмориста по заднице.

Сопляк взвизгнул и выронил тыкву, покотившуюся, расплескивая мед, по булыжникам к уже не чаявшему такого счастья мишке.

– Сычок где? – рявкнул Духарев.

– Он, это, меня попросил... – испуганный конюх принял повод Сладиной кобылки.

– Сычок! – гаркнул Духарев. Привратник тут же появился из-за баньки и порысил к хозяину.

– Ты где болтаешься?!

– Да вот родич зашел, беседовали вот... – всем своим видом Сычок выражал покаяние.

Получалось плохо.

Обрадованный тем, что про него забыли, конюх, потирая задницу, увел хозяйкину лошадь в стойло. Духаревский Пепел двинулся к конюшне самостоятельно.

– Да разве ж кто чужой к тебе, воевода, войти посмеет? – оправдывался Сычок, закладывая ворота.

Из-за баньки появился еще один персонаж – купчина, встреченный Духаревым на ромейском подворье. С удивлением воззрился на матерого мишку, поднявшегося на задние лапы и присосавшегося к тыкке с медом. Морда у купца была красная. То ли от легкого морозца, то ли от «беседы».

– Что ж ты с ромеями торгуешь? – строго спросил Духарев. – Своих, что ли, нет? Или нравится мыто платить?

По заведенным Ольгой правилам на все товары, продаваемые в Киеве чужеземцам, был введен специальный налог, вроде выездной пошлыны. Мера неглупая, позволявшая киевским торговым гостям хоть как-то конкурировать с чужеземцами на зарубежных рынках, где подданных Святослава норовили задавить пошлынами. Киев был заинтересован в том, чтобы его купцы торговали за рубежом, и правила торговли оставались едва ли не главной темой международных договоров.

– Да вот, говорили, что ромей много золота привез... – пробормотал смущенный купец. – Думал, выгодней будет... Токо он жадный, ромей-то...

– Или про золото наврали, – предположил Духарев.

– Не-е-е! – замотал головой купец. – На Подоле сказывали, много золота ромей привез. Народ врать-то не станет...

Тезис был спорный, но вступать в дискуссию с пьяненьким купчиком воеводе было не по рангу. Тем более что ромей и впрямь мог привезти золотишко. Если это так, значит, у него к Святославу есть «конкретное предложение». Предложение военного характера, поскольку гражданские дела он давно решил бы с княгиней.

Хорошо ли это? Трудно сказать. Возможно, в Царьграде проведали, что Святослав намеревается поддержать империю за вымя, и решили упредить набег, бросив хищнику кусок мяса. Может, и так. Сравнивая Византийскую империю и Киевское княжество, Духарев не обольщался. Второй Рим был могучим государством, многократно превосходящим и Хузарский хаханат, и печенежские орды, и варяжскую Русь вместе взятые. Все эти народы, кружившие у границ великой империи, были подобны волкам, сопровождающим тысячное стадо туров. Иногда хищникам удавалось ухватить теленка или захромавшую корову, и тогда между ними начиналась свирепая грызня за лучший кусок. Но для стада это были восполнимые потери. Если же какой-нибудь слишком обнаглевший волчара позволял себе хапнуть лишнего, то в следующий момент он обнаруживал в опасной близости длинные туры рога и поспешно ретировался. Византия была таким стадом. Ее фермы-провинции

постоянно подвергались набегам варваров. И набег угров на Фракию для Константинополя был примерно тем же, чем какое-нибудь разграбленное село – для Киева.

И все-таки империя была уязвима, как было бы уязвимо стадо рыжих степных туров, если бы его вожаки, забыв обо всем, непрерывно дрались за власть. Будучи в сотни раз сильнее Киева, Царьград не мог сокрушить его. В этом не было смысла. Это для Киева война с империей была доходной операцией. Для империи же разгром мелкого княжества сулил большие расходы и никаких барышей. Торговать было выгодней. И Царьград торговал. Продавал и покупал все, включая безопасность своих окраин. Так что Калокир вполне мог привезти золото. И если золота будет достаточно, то Святослав может изменить свои планы.

В общем, вариантов много, и какой из них истинный, Духарев мог только догадываться.

С Калокиром он больше не общался. Ни к чему. Приедет Святослав – и Сергей все узнает.

Но вышло так, что кое-что Духарев узнал до возвращения князя.

Пришли вести от Мыша. Полученные с некоторым опозданием, они не стали менее интересными. Мыш сообщал, что тот самый сорокалетний мир между Булгарией и ромеями, которым хвастался кесарь Петр, нарушен. И нарушили его ромеи...

Глава четырнадцатая

Политические игры патрикия Калокира

– Открою великому князю: император Никифор очень недоволен мисянским кесарем Петром, – сказал Калокир.

– Думаю, кесарь Петр тоже недоволен императором, – заметил Святослав. – Ведь после смерти его жены ромеи перестали платить ему дань.

– Это была не дань! – быстро уточнил патрикий. – Это было содержание, ежегодно выплачиваемое багрянородной кесаревне Марии, внучке императора Романа.

– Пусть так, – согласился Святослав. – Но Петр Короткий мало похож на своего отца Симеона. Чем же он так досадил твоему кесарю? Неужели болгары... мисяне, как вы их называете, вновь нападают на ваши земли?

И Святослав, и его воевода знали: кесарь Никифор Фока сам нацелился напасть на Булгарию. Сначала нахамил болгарским послам²⁹, прибывшим за данью, потом двинул армию к горам, захватил несколько мелких пограничных крепостей и наглухо застрял перед Гимейскими горами³⁰, не решившись сунуться в ущелья, где бесполезна знаменитая ромейская кавалерия – катафракты, но зато очень удобно скатывать на головы пришельцам увесистые камни.

Разумеется, знал об этом фиаско и патрикий Калокир.

– Мисяне не ходят на наши земли, – сказал он. – Но они пропускают через свои земли угров, чтобы те грабили наши фемы, а потом делились с ними добычей. Кесарь Никифор потребовал от Петра, чтобы тот не позволял уграм ходить через перевалы, но кесарь болгар требованием пренебрег и должен быть наказан. Я привез тебе золото, пятнадцать кентинариев, в надежде, что ты, храбрый и непобедимый великий князь киевский, пойдешь и накажешь непослушных мисян!

«Этого и следовало ожидать, – подумал Духарев. – Ромеи пронюхали о наших переговорах с этим хлюпиком Петром и решили опередить события».

Но пятнадцать кентинариев – это слишком мало.

– Сколько? – прищурился князь. – Сколько, ты сказал?

²⁹ Если верить византийскому хронисту Льву Диакону, то речь василевса Никифора была следующей:

³⁰ Балканы

– Пятнадцать кентинариев, – спокойно ответил Калокир.

– Ты шутишь? – строго спросил Святослав. – За пятнадцать кентинариев³¹ ты хочешь нанять войско, способное завоевать Булгарию? Воевода, какое годовое жалование положено ромеями одному нашему наемнику?

– По уложению Константина Багрянородного – тридцать номисм, – мгновенно ответил Духарев. Он неплохо подготовился к разговору. – Пятнадцать кентинариев составят годовую плату трех тысяч шестисот наемников.

– Ты полагаешь, этого хватит? – тяжелый взгляд Святослава уперся в патрикия.

Три с половиной тысячи русов могут создать булгарам серьезные проблемы, но им не под силу завоевать Булгарию. Святослав схватится с Петром (разумеется, после этого о союзе русов и булгар можно забыть), оба увязнут в драке... А затем придут ромеи, прогонят русов и установят в Булгарии удобный Византии порядок. Типичная имперская политика. Они что, русов совсем за дураков держат?

– Мисяне нынче не очень сильны, – сказал посланец кесаря. – Но для того, чтобы твоя, великий князь, победа была легкой, я бы посоветовал тебе ополчить не три с половиной тысячи, а вдесятеро больше.

– На пятнадцать кентинариев?

– Великий князь, по уложению, составленному твоим отцом и нашим императором, великий князь киевский обязан помогать Константинополю военной силой, – напомнил патрикий. – Рим свою часть договора выполняет.

– К марам этот договор! – отрезал Святослав. – Я – не мой отец! Я не подписываю жалких договоров, чтобы избежать битвы! Я бьюсь и побеждаю!

– Императору Никифору известно, сколь велика слава киевского князя! – льстиво произнес патрикий. – Император Никифор прислал эти деньги не как плату наемникам, а как дружеский подарок!

– Отлично! – кивнул Святослав. – Подарок я принимаю. А где плата?

Калокир помедлил, внимательно осмотрел комнату, особо – закрытые двери.

– Позволь мне говорить начистоту, великий князь, – произнес он, понизив голос.

– Говори!

– Воевода Серегей, не сочти за труд: взгляни, не подслушивает ли кто под дверьми? – попросил Калокир.

– По ту сторону дверей – отроки князя, – сказал Духарев. – Не беспокойся, патрикий!

– То, что я скажу, может стоить мне жизни, если об этом узнают, – пробормотал Калокир.

– Говори, ромей! – велел Святослав. – В моем тереме чужих ушей нет!

– Хорошо, – патрикий еще более понизил голос. – Скажи мне, великий князь, победитель множества племен, доволен ли ты добытым? Не хочешь ли присоединить к своим владениям еще и земли мисян?

– Это предлагает мне кесарь Никифор? – прищурился Святослав.

– Нет, это предлагаю тебе я, – ответил патрикий. – Ты знаешь, как взошел на престол кесарь Никифор Фока?

– Слышал кое-что... – ответил князь.

В Киеве пристально следили за тем, что происходит у главного торгового партнера и вероятного противника номер один.

– Слышал кое-что... Кажется, вашего императора Романа отравили? Так же, как и его отца Константина? А нынешний кесарь был у них стратигом-воеводой, верно?

– У любого патрикия империи больше прав на престол, чем у него, – сказал Калокир.

– Когда ты приезжал в мой лагерь, ты, кажется, еще не был патрикием? – заметил князь.

³¹ В одном кентинарии порядка тридцати килограммов золота.

Калокир смутился, но князь махнул рукой: продолжай.

– В Константинополе многие недовольны Никифором, – сказал Калокир. – Такие, как Никифор, губят империю. Знаешь, по каким ценам его брат продает украденный из государственных житниц хлеб?

– Меня это не интересует, – отрезал Святослав. – Чего хочешь ты?

– Заключить с тобой сделку, – напрямик объявил Калокир. – Я помогу тебе овладеть Мисией, а ты поможешь мне получить трон империи. Пятнадцать кентинариев, которые я привез, песчинка в той горе золота, которую ты получишь, когда я надену порфиру. Но эти пятнадцать кентинариев – знак того, что ты нападаешь на мисян по желанию Константинополя, а не по собственному произволу.

– Хорошо, я возьму это золото, – кивнул Святослав. – Но, кроме золота, ты приведешь мне весной дружину ромейских всадников. Пусть не только Царьград, но и кесарь Петр знает, что я – союзник ромеев.

Калокир подумал немного, потом спросил:

– Если я приведу этих воинов, ты поможешь мне надеть порфиру?

– Приведи воинов, – сказал князь. – И мы поговорим об этом в Преславе. А теперь ступай.

Трудно сказать, насколько такой ответ удовлетворил Калокира. Патрикий был опытным царедворцем: ничего не отразилось на его лице. Поклонившись, он покинул горницу.

– Он лжет, – сказал Духарев, когда ромей вышел. – Он – человек Никифора. Никифор возвысил его. Калокир привез пятнадцать кентинариев, посулил тысячу и полагает, что купил тебя с потрохами. Я почти уверен: точно такой же ромейский пройдоха сейчас обрабатывает кесаря Петра, обещая ему поддержку империи против нас.

– Не ты ли говорил мне, что ромейский кесарь Никифор недавно ходил на болгар? – осведомился князь. – А сейчас говоришь о союзе Царьграда и Преславы...

– Ходил – это громко сказано! – фыркнул Духарев. – Велел отхлестать по щекам болгарских послов, явившихся за данью, а потом прошел вдоль границы да пожег несколько болгарских крепостей – вот и весь поход. Наказал за то, что пропустили во Фракию угров, показал силу, не более. В горы даже не сунулся. И не собирался, потому что в это время Калокир уже плыл к нам со своими пятнадцатью кентинариями. А байки патрикия о том, что он метит на трон кесарей, – пустая болтовня. Когда Никифор посягнул на трон, он был доместиком схол, главным воеводой на востоке империи. Прославленный полководец, за которым стояло победоносное войско. А кто такой Калокир? Сын херсонского старосты, полагающий, будто власть добывают хитрой болтовней!

– Он – ромей, – произнес князь. – Конечно, он лжив, как все ромеи. Если он посягает на место Никифора – это хорошо. Любая свара между ромеями нам на руку. Если же он лгал мне, то на сей раз ромейский кесарь перехитрил сам себя. Я возьму ромейское золото, ромейских воев, а поступлю так, как намеревался. Мне нужны болгары, чтобы воевать с ромеями. И я получу своих болгар. А раз Петр слишком труслив, чтобы стать моим союзником, значит, я сам стану болгарским кесарем!

«Я правильно сделал, что не стал рассказывать ему о происхождении Артема», – подумал Духарев. А Святослав между тем продолжал:

– ... А если моим союзником хочет стать ромей Калокир, пусть докажет, что он того достоин. Если докажет, я сделаю его своим наместником в Царьграде, как сделал наместником в Хузарии твоего друга Машега.

Духареву очень хотелось напомнить князю поговорку насчет шкуры неубитого мишки, но он воздержался. Святослав не шутил. Он действительно всерьез допускал, что может овладеть Византией. Духарев не мог не восхититься такой потрясающей самоуверенностью.

Глава пятнадцатая Игры патрикия Калокира (продолжение)

Через три дня Духарев и Калокир встретились у ворот Детинца. Спешились, поклонились друг другу. Обменялись вежливо-настороженными приветствиями. Патрикий, хоть и принадлежал к совсем другой культуре, чем варяги и прочие славяне, легко находил с ними общий язык. Сказывалась жизнь в Херсоне – по соседству с Тмутараканью. Калокир умел подстраиваться под обычаи русов, да так ловко, что, оставаясь ромеем, казался почти своим. Но с Духаревым эта игра не проходила, поскольку тот изначально был чужаком и до сих пор смотрел на лихое древнерусское общество чуток со стороны. Сергей видел игру Калокира, но чувствовал, что ромей не разделяет презрительного отношения своих соплеменников к «тавроскифам». Да, он считает славян варварами. Но видно, что его привлекает дикая красота «варварства». Не исключено, что патрикий предпочитает «примитивную» хитрость варягов утонченному интриганству «цивилизованных» византийских царедворцев. Духарев мог такое понять. Сам такой. Но не следовало забывать, что, симпатизируя «варварам», Калокир тем не менее оставался ромеем. Многие именитые киевляне успели побывать в Византии: Свенельд, Ольга... Ходили войной, возили товары, приезжали с дипломатическими миссиями или (как Асмуд) служили наемниками.

Духарев ни разу не был в Восточно-Римской империи, но тем не менее понимал ее лучше, чем кто бы то ни было из окружения Святослава. Он чуял сходство между собой и Калокиром. И Калокир, безусловно, тоже угадывал в варяге Сереге это сходство. И наверняка ломал голову, в чем тут прикол. Разумеется, патрикий слышал всякие фантастические истории о воеводе, вплоть до легенд о его родстве с Олегом Вещим. Правды ромей, конечно, не подозревал. Об истинном происхождении Духарева знали только Рёрах и парс, больше никто. Озадаченный патрикий, с одной стороны, пытался осторожно сблизиться с воеводой, с другой – опасался слишком сблизиться со столь загадочным человеком, как Духарев.

Вот и сейчас они вошли во двор Детинца вроде бы вместе, но строго соблюдая дистанцию.

А на подворье было весело.

Великий князь Святослав решил поразмяться. Без брони, в простой льняной рубахе, подпоясанной шнурком, с двумя учебными мечами он лихо «водил» пятерых гридней. Гридни (тоже не из последних рубак) со смешанным вооружением (копье, меч, щит – все учебное, разумеется), в легких кожаных доспехах умело и слаженно атаковали, но князь все равно был проворнее. Сухой стук, сопровождающий удар по дубленой коже, раздавался каждые две-три секунды. А вот гридням достать князя пока что не удавалось.

Святослав увидел Духарева, обрадовался:

– Здрав будь, воевода! Присоединяйся!

И тут же пырнул мечом в бок зазевавшегося гридня. Кольнул – и сразу «добавил» по шее. Легонько, почти нежно.

Духарев отрицательно покачал головой.

– А можно мне? – спросил Калокир.

Он наблюдал за Святославом не больше минуты, но (Духарев был в этом уверен) успел «измерить» и «взвесить» технику великого князя. И сделать соответствующие выводы.

– Можно! – охотно разрешил Святослав.

– Один на один!

– Зброю вниз! – скомандовал князь, останавливая поединок. – Ты что ж, единоборствовать со мной хочешь? – осведомился он у Калокира.

– Коли соблаговолишь снизойти до своего ничтожного слуги – буду счастлив! – патрикий поклонился так низко, что даже коснулся рукой земли.

– Снизойду! – «соблаговолил» Святослав, которого предложение ромея привело в прекрасное расположение духа.

Несомненно, он тоже слышал о фехтовальном мастерстве патрикия и был не прочь проверить эффективность ромейской школы.

Патрикий сбросил плащ на руки слуги, снял с пояса ножны, сам пояс слегка ослабил.

– Можно? – патрикий взял у одного из гридней шест-«копье», у другого – прямой буковый меч с обмотанной ремнем рукоятью.

Святослав ждал, опустив мечи, расслабленно-внимательный. Лоб князя был перехвачен платком, повлажневшим от пота, но Святослав не выглядел утомленным.

Калокир сделал шаг вперед. Еще один... Святослав не шевельнулся. Духарев ждал от ромея стремительного браска, но Калокир не торопился. Он подкрадывался по-кошачьи. Сократил дистанцию еще на ступню, еще на полступни...

Может, ромей переступил невидимую черту, может, князю просто надоело ждать...

Выпад Святослава был молниеносен и безупречен. Правый меч ударил снизу, на уровне колен, левый упал сверху, наискось...

Калокир отбил оба удара. Шестом. Его меч ударил вразрез... Не достал. Святослав отвел его обратным движением левого меча, и тут же выбросил деревянный клинок вперед, превратив защиту в атаку... Отраженную коротким вращением шеста.

Стук встречающихся клинков напоминал топот коня, рысющего по деревянной мостовой, только был раза в два чаще. И продолжал ускоряться. Невозможно было уследить за вязью молниеносных ударов. Духарев по собственному опыту знал, что зрение всегда запаздывает. Будущая атака предугадывается по повороту головы, движению бедра, а еще чаще – интуитивно, на инстинкте, животным чутьем тела. Но стилевые различия варяжской и византийской школ были заметны очень хорошо. Ромей двигался экономней, лаконичней, предпочитая силе гибкость. Он фехтовал.

Святослав рубился. Его удары были мощнее, размашистее, длиннее. Он двигался и шире, и активнее: то отступая, то прыжком сокращая дистанцию, сменяя противника...

Калокир уклонялся, уступал... но не отступал. Возможно, он ждал, что взятый темп атаки утомит киевского князя, строил на этом свой план поединка. В какой-то момент Духарев увидел: ромей проигрывает. Он устал. Шерстяная туника на его спине потемнела от влаги, пот заливал ему глаза... А Святослав был неутомим. Ромей явно уступал в выносливости киевскому князю, способному выдержать несколько часов настоящей сечи.

И Калокир тоже это осознал. Понимая, что отдает поединок, он решил выложиться в одной неистовой атаке... Святослав выдержал этот последний натиск... И легонько коснулся клинком шеи патрикия. Ну да, когда опыт и мастерство поединщиков примерно одинаковы, неизменно побеждает выносливость. Это факт столь же очевиден, как и то, что опыт и мастерство существенно экономят силы.

«Меня бы он сделал, – подумал о ромее Духарев. – В таком вот потешном поединке – наверняка. А в бою – не факт».

В тесноте битвы, в настоящих доспехах, которые можно вскрыть лишь по-настоящему мощным ударом, Калокиру с его техникой пришлось бы целиться исключительно в уязвимые места... А варяжский удар сплеча если и не просечет панцирь, все равно мало не покажется.

Хотя случись им с Калокиром схватиться в настоящей сече, скорее всего, биться они будут верхом. А сойдись они в чистом поле... Духарев достал бы ромея стрелой шагов за сто. Ну за пятьдесят, чтоб наверняка.

– Любо, патрикий! – воскликнул Святослав, отбрасывая меч и обнимая тяжело дышащего, разочарованного Калокира. – Славный ты поединщик! Ох, славный!

– Так уж и славный, – пробормотал патрикий. – Второй раз меня на твоём дворе побили. Сначала воевода твой, теперь ты. – И добавил с почти мальчишеской запальчивостью: – А ведь у нас, в Херсоне, равных мне нет!

– Ну так и у нас, в Киеве, равных тебе немного, – утешил ромея Святослав. – Давненько я так славно не единоборствовал! Пестуны мои, Серегей да Асмуд, биться со мной более не хотят. Должно, бояться, что я их побью!

Великий князь подмигнул Духареву.

– Боятся, как же... – проворчал Калокир. – Воевода Серегей меня с первого удара приложил. Тебе, должно быть, рассказывали.

Духарев скромно промолчал. Знал: своей победой он обязан полусекундной растерянности ромея от того, что отменно поставленный удар не достиг цели.

Коли по правде, случись такое в настоящем бою – тут бы недооценившему ромея Духареву и конец. Под мышкой панциря нет, только кольчуга. Тупое деревянное острие скользнуло по коже. Боевое жало не соскользнуло бы: прошло бы кольчужные кольца и вошло между ребер – прямо в сердце.

Но развеивать миф о собственном великом мастерстве и успокаивать ромея Духарев не стал.

Патрикий, впрочем, утешился сам. Увидел, что потешным поединком завоевал расположение князя, – и сразу повеселел.

С тех пор они со Святославом бились не единожды. В фехтовании неизменно побеждал великий князь. Но политически несомненно выигрывал Калокир. Хитрец-ромей влез-таки в доверие к Святославу, причем настолько, что перед отбытием патрикия в Таврику посол византийского кесаря и великий князь киевский побратались.

Неизвестно, что думал христианин патрикий, свершая сие языческое действо. Может, считал, что обретает таким образом власть над великим князем. Коли так, то его ждет сюрприз. Не шибко разбиравшийся в «варварских» ритуалах патрикий так и не узнал, что старшим из побратимов стал не он, а Святослав. Согласно же Правде, если старшему надлежит заботиться о младшем, то младшему положено подчиняться старшему. Впрочем, расстались они очень тепло. Калокир мог быть доволен. Поручение кесаря исполнено: киевский князь взял деньги и готов напасть на Булгарию. Более того, патрикий завязал личные отношения с великим князем, что наверняка многократно повышало его политический вес в дипломатических кругах Константинополя. Правда, вряд ли настолько, чтобы сделать Калокира реальным претендентом на верховную власть, но вполне достаточно, чтобы теперь он был уже не пешкой, а фигурой. Хитрый патрикий Калокир... Он ведь и впрямь может привести Святославу ромейских воинов. В херсонском доме тоже есть катафракты. Немного, сотни три-четыре, но тут Святослав прав: важен сам факт присутствия ромейских воинов в киевском войске. Никто не станет разбираться – из тагмов³² ли ромейская кавалерия, или из фемных войск³³.

Но с ромеями или без них, а болгарскому походу – быть. Со всех подвластных Святославу земель к Киеву стекались воины: опытные гридни из дружины Роговолта и молодые безусые вятичи, ополченцы-уличи и новгородские охотники. Шли привлеченные славой и будущей добычей хузары, ясы, касоги, гузы и прочие ныне подданные Киеву племена. Готовились присоединиться союзники: нурманы, печенеги и угры. Уже намечены были пути и назначены места сборов. Первым воеводой Святослав определил Свенельда. Духарев получит под начало тяжелую пехоту: варягов и скандинавов. Его личная дружина тоже переседет с седел на гребные скамьи драккаров и лодий, которые сначала поплывут по Днепру, потом по морю, а затем войдут в устье Дуная. А многотысячная конница двинет сушей... Весело будет! Булгарии нипочем не устоять!

Так говорили в Киеве. Но Сергей знал и другое. Кесарь Петр времени даром не терял, срочно наращивал численность конницы, обязал своих боляр воинской повинностью, спешно обновлял и обустривал римские крепости вдоль Дуная. У Петра был серьезный козырь. Он крепко стоял на своей земле, тогда как русам предстояло высаживаться на берег: с кораблей, вплавь или бродом форсируя многоводный Дунай. В любом случае им придется начинать из очень невыгодной позиции, когда даже троекратного превосходства может оказаться недостаточно. Но все равно походу – быть. Алчность и жажда славы сильнее осторожности и рассудительности.

³² Гвардия императора и столичные войска.

³³ Гарнизоны провинций.

Духарев, впрочем, не жаждал ни славы, ни добычи. Все это у него уже было. И власти ему тоже хватало. Но он соединил свою судьбу с судьбой Святослава, а великий князь киевский сейчас был более всего похож на изготовившегося к прыжку пардуса. Его не удержать. Да и не стал бы Сергей удерживать князя. Кое-кто в Булгарии Духареву изрядно задолжал. Надо взыскать. С процентами.

А кое-кому он сам должен... И мысли об этом долге волновали Сергея куда больше, чем перспектива высадки на враждебный берег.

Эпилог

Три месяца спустя

Ромейские корабли появились на второй день.

– Калокир? – полуутвердительно спросил Святослав, глядя на ползущих по синеве черных жучков с белыми крылышками. Самый меньший из кораблей был впятеро больше самой большой лодки русов. Но издали ромейские суда казались совсем крохотными. Их было четырнадцать.

– Он, батька, больше некому, – ответил Икмор. – Посылать к Свенельду?

– Посылай, – кивнул князь и оглянулся на свой лагерь.

Там уже возникло привычное шевеление: дружинники проворно, но без суеты седлали коней, надевали брони. И получаса не пройдет, как дружина будет готова выстроиться в боевой порядок позади своего князя. Можно и быстрее, намного быстрее, но – ни к чему.

Икмор знаком подозвал сотника, шепнул ему пару слов. Тот развернулся и поскакал к своей сотне. А через минуту двое отроков сорвались с места и помчались вдоль берега.

Святослав смотрел на море. Он был неподвижен, словно врос в седло. И конь его тоже застыл, словно изваянный из светлого камня. Только серебряные бубенцы на узде мелодично позвякивали на ветру.

Все ромейские корабли, включая дроммоны, шли под парусами. Но боевых дроммонов в приближающейся флотилии было только два. Остальные – транспортники. Ветер был попутный, но прошло, наверное, не меньше полутора часов, пока ромейская эскадра достигла лагеря русов. К этому времени походный лагерь русов был уже свернут, а дружина выстроилась в длинную линию шагах в ста от берега. Три тысячи всадников, отборное войско, лучшее: кони ячменём выкормлены, брони горят...

Ромейские корабли к берегу не подошли: мелко. Встали поодаль, примерно в полутора стрелищах. Святослав прикинул: на каждом может поместиться до сотни пеших или дюжины три катафрактов. А кораблей всего двенадцать. Не так уж много, но и эти сгодятся. Тем более что для первого удара лучше катафрактов не бывает.

С дроммона побольше спустили лодку. В ней – Калокир (кто же еще!) и десяток воинов.

– Приветствие тебе, великий князь! Как видишь, я свое слово сдержал! – еще издали закричал патрикий.

Нос лодки заскреб по камням, Калокир ловко соскочил на берег. Святослав тоже спешился, приказал коню: «Стой», и двинулся навстречу.

Обнялись.

– Четыреста копий! – патрикий показал на корабли. – Любо?

– Добро, – кивнул князь. – А мои витязи разве не хороши?

– Хороши, – согласился Калокир.

Губы его шевельнулись. Видно, считал, сколь велика дружина. Посчитал – и огорчился. Невелика.

– Ужель думаешь, с такой ратью мы одолеем Петра? – уже без улыбки спросил он.

– Ясно, одолеем! – усмехнулся Святослав. – Да ты не торопись, Калокир, постой немного, погляди, как просторна земля моя, как широк мой Днепр...

«Борисфен, – мысленно поправил его ромей. – И он еще не твой и, скорее всего, никогда не будет твоим, потому что ты не послушал меня и привел ровно столько воинов, сколько можно нанять за пятнадцать кентинариев...».

– Думаешь, зря привез мне золото, патрикий? – угадал его мысли Святослав. – Иль вид не нравится?

Калокир промолчал.

– А пойдем-ка на взгорок, – предложил великий князь. – Оттуда – красивей.

Они поднялись и встали рядом: молодой киевский князь, уже успевший стяжать великую славу и преумножить наследство, и не такой уж молодой ромей из Херсона, добившийся намного меньшего, но мечтавший даже не о великом – о величайшем.

Так стояли они, может, полчаса, может, чуть больше, а потом из-за острова, делившего широкое полотно днепровского устья, появилась первая лодья. Вернее – драккар. Знамя на мачте не разглядеть – далеко еще, но Святослав и так знал, что это «Морской конь» воеводы Серегея. А за воеводиным драккаром – варяжская снечка, и еще одна, и еще...

Патрикий прищурился. Он считал, считал... Несколько раз сбился со счета. А потом земля под ногами легонько задрожала, и Калокир увидел тысячеголовое чудовище печенежской конницы.

– Нравится? – спросил Святослав. – Мог ли твой император надеяться, что каких-то пятнадцать кентинариев поднимут такую рать? Знал бы, небось, дал бы побольше, а?

Калокир перестал считать, повернулся к киевскому князю.

– Если бы император Никифор мог предположить, какое войско пойдет на Мисию за эти пятнадцать кентинариев, я думаю, он не прислал бы тебе и солида, – ровным голосом произнес патрикий.

– И он был бы прав, – сказал великий князь.

А лодьи все шли и шли...